

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

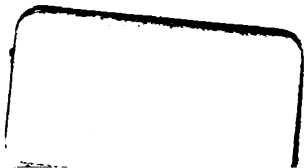
B 1,270,803

PROPERTY OF

*The
University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCI

А. В. СТОРОЖЕНКО.

Storozhenko, Andrii V.

DK
429.5 Storozhenko
.S88
1904a

Stefan Batoriï i
dnieprovskie kozaki

kozaki.

ІЙ

Из

ТКИ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Л. Фронцкевича, Анненковская ул., д. № 3.
1904.

D. T. FRANK

68

DK
429.5
.588
1907a

L15038-406

DK 429

5
S74

Доволено цензурою.
Кіевъ, 8 Ноября 1904 года.

AE Sep. 27
TF Aug. 28, 6

Предлагаемыя вниманію спеціалистовъ-историковъ изслѣдованія совершенно лишены притязаній на окончательное разрѣшеніе затронутыхъ въ нихъ вопросовъ. Въ нашихъ глазахъ это не болѣе, какъ кирпичи для будущаго зданія *достоверной* исторіи „Войска Запорожскаго,“ которое въ важнѣйшій моментъ своей жизни подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго положило основаніе козацкой Рѣчи-Посполитой (*reipublicae*)—малороссійской гетманщинѣ, просуществовавшей подъ могучимъ крыломъ Россіи 128 лѣтъ (1654—1782).

Просимъ благосклоннаго читателя прежде чтенія книги отмѣтить въ соответствующихъ мѣстахъ тѣ дополненія и поправки, которыя сдѣланы въ концѣ ея, и исправить замѣченныя нами опечатки.

Приложенный къ книгѣ портретъ короля Стефана Баторія считается знатоками лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ (см. *Zr. dz. t. XI, 1882, предисл. проф. Павинскаго, стр. 10, прим.*). О немъ писалъ извѣстный польскій художникъ Александръ Лессеръ въ ст. „*Wizerunki historyczne*“ (*Tygodnik Powszechny, R. 1884, str. 215*).

Въ заключеніе считаемъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность начальнику Варшавскаго главнаго архива древнихъ актовъ и профессору Варшавскаго университета Федору Францевичу Вержбовскому за то любезное содѣйствіе, которое онъ неизмѣнно оказываетъ намъ при нашихъ научныхъ разысканіяхъ.

Авторъ.

Содержаніе.

Стр.

I. Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки . 1—158.

Личность Баторія—1, книжка Красинскаго—5, свиданіе Баторія съ козацкими старшинами—8, характеръ степей—9, севрюки—10, степные шляхи—13, козаки татарскіе и изъ генуэзскихъ колоній Каффы, Солдаи и Чембало—16, составъ Днѣпровскаго козачества—18, зимовки козаковъ—24, возникновеніе среди козаковъ войсковыхъ учрежденій—25, статистическія данныя о козакахъ—30, Стефанъ Баторій и Высокая Порта—31, 1576 годъ—34, 1577 годъ—42, дѣло Подковы—45, 1578 годъ—52, пребываніе Стефана Баторія во Львовѣ—58, договоръ съ низовцами о вступленіи на королевскую службу—72, военныя силы Польши—75, набѣгъ Лукьяна Чернинскаго—81, Константинъ Лакуста—82, войны Стефана Баторія съ Москвой—83, 1582 годъ—93, сеймъ съ ⁵/₁₅ октября—97, лѣто 1583 года—100, письма Христофора Зборовскаго—103, казнь Янчи—108, 1584 годъ—111, убійство козаками Георгія Глембоцкаго—112, набѣгъ на Крымъ Орышовскаго—114, Орышовскій въ Кіевѣ—116, обзоръ отношеній Баторія къ козакамъ—117, Хроника Павла Пясецкаго—121, Исторія Самуила Грондскаго—125, „Война домова“ Твардовскаго—128, малороссійскія лѣтописи—131, „Исторія Русовъ“ лже-Конисскаго—142, заблужденія новѣйшихъ историковъ—148.

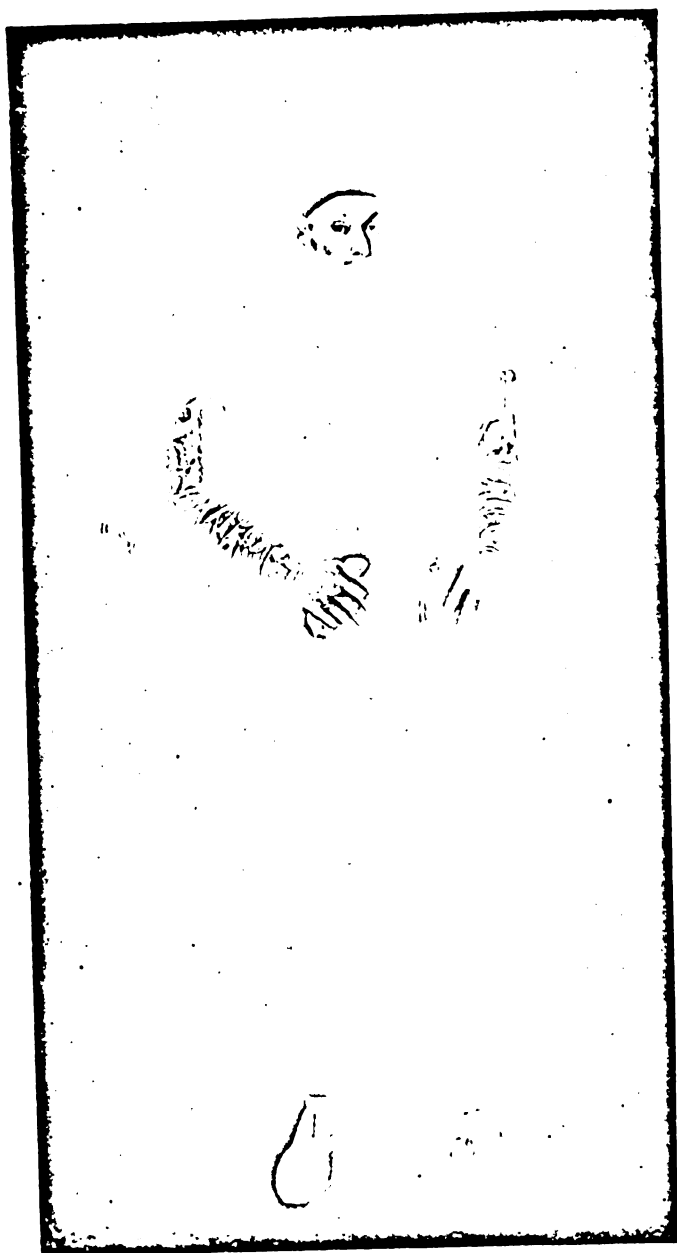
II. Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и стихотворный „Плачь“ о немъ неизвѣстнаго по имени автора 1585 года . . . . . 159—255

Epicedion—161, объясненіе рѣдкихъ словъ—221, послѣсловіе—235.

III. Янъ Орышовскій, запорожскій гетманъ	256—275.
IV. Экспедиція Самуила Зборовскаго въ Запорожье лѣтомъ 1581 года	276—306.
Текстъ Бартоша Папроцкаго—276, примѣчанія—292, послѣсловіе—299.	
V. Изъ старинной переписки	307—324.
Дѣло Косинскаго—309, Самуиль Кошка—321,	
VI. Дополненія и поправки	325—327.

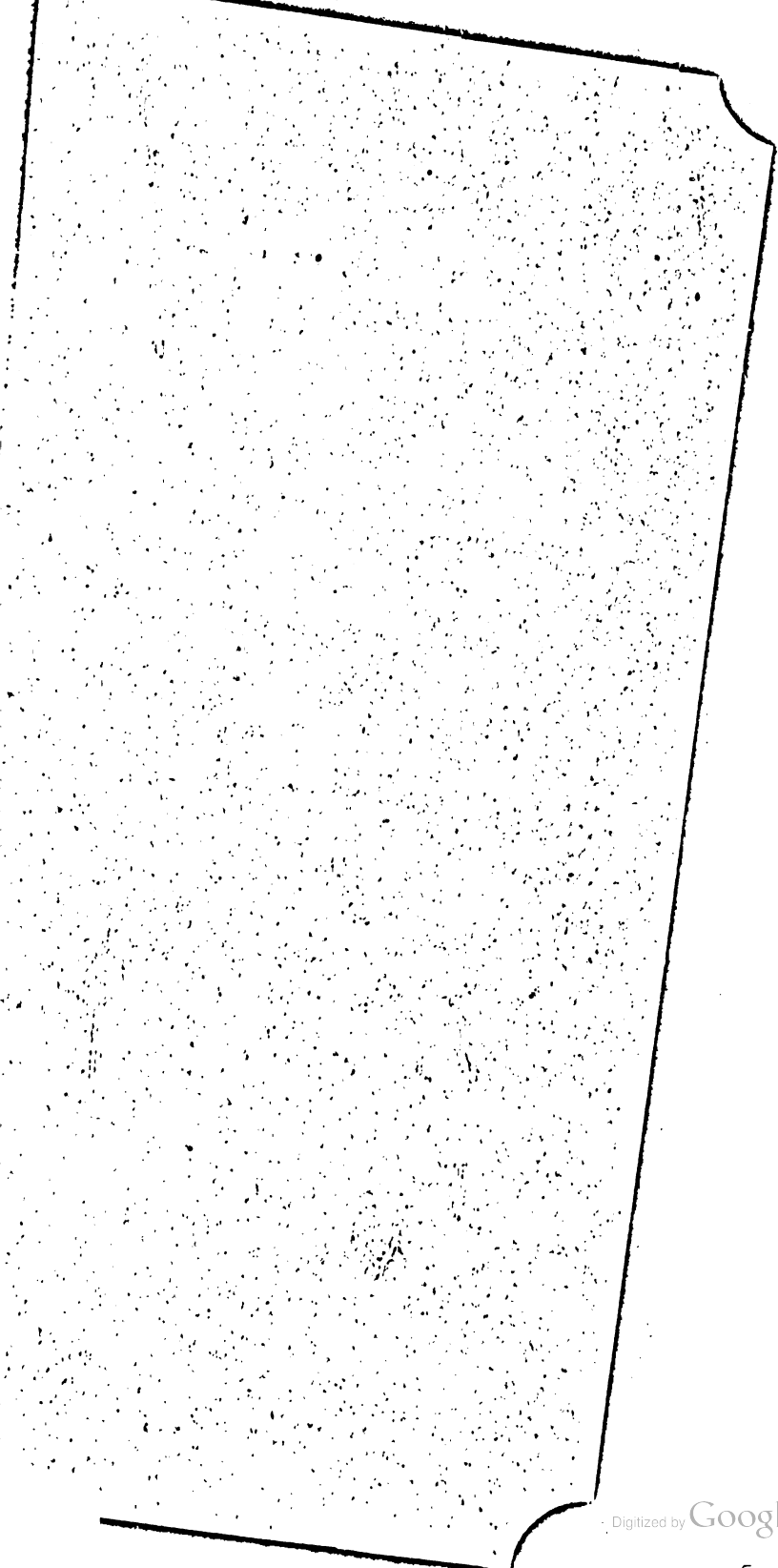

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ,
спечатанъ 2,12 декабря 1888 г.

Объ портрета въ послѣдъ братьевъ иностранцевъ на Странномъ въ г. Крестовъ,
снотого въ 1882 году.

Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козани.

Są to jak Sfinksy, te ubiegłe wieki,
Mówią zagadką dziś ciemną dla synów.
Słowacki. „Jan Bielecki“.

..... Янъ-Дмитрій Соликовскій (род. въ 1539 г., ум. въ 1603 г.) былъ горячимъ сторонникомъ Гейнриха Валуа. Когда въ ночь на 18 іюня 1574 года Гейнрихъ внезапно бѣжалъ изъ Кракова во Францію, Соликовскій, по настоянію кувяскаго бискупа Станислава Карнковскаго, поѣхалъ вслѣдъ за нимъ, чтобы уговорить его вернуться. Ничего не добившись отъ нерѣшительнаго короля, возвращается онъ на родину въ надеждѣ, что король одумается и опять явится въ Польшу. Везкорольеве было уже объявлено, начались хлопоты разныхъ партій о замѣщеніи опустѣвшаго престола, всѣ сторонники французскаго принца давно уже перешли въ другіе лагери, а Карнковскій съ Соликовскимъ все еще признавали Гейнриха Валуа своимъ законнымъ государемъ. Они были послѣдними, бросившими неудачную затѣю замѣщенія польскаго престола отпрыскомъ французскаго королевскаго дома. Причиною такой вѣрности Гейнриху была увѣренность, что онъ—добрый католикъ и что при немъ католическое духовенство вернетъ себѣ все прежнее значеніе, нѣсколько поколебленное распространеніемъ реформаціи.

Успѣхъ кандидатуры Стефана Баторія и окончательный выборъ его 14 декабря 1575 г., подъ давленіемъ Турціи и по настоянію Петра Зборовскаго и Яна Замойскаго,^{*1} смутили Карнковскаго

^{*1} См. Po ucieczce Henryka. Dzieje bezkrólewia 1574—1575 przez Wincentego Zakrzewskiego. W Krak. 1878, str. 402, 429.

съ Соликовскимъ. Ваторіи слылъ за человѣка, склоннаго къ реформаціи,²¹ и оба пріятели боялись, какъ-бы новыи король не привелъ Польши къ окончательному отпаденію отъ католической церкви. Въ такомъ смущеніи Кариковскій уговорилъ Соликовскаго тайно отъ всѣхъ поѣхать на встрѣчу ѣхавшему въ Польшу Ваторію и переговорить съ нимъ безъ свидѣтелей, дабы убѣдиться, что онъ за человѣкъ и чего намѣренъ держаться въ вопросахъ религіи и церкви. Соликовскій встрѣтилъ Ваторію въ субботу 31 марта 1576 г. въ г. Снятинѣ на границѣ Молдавіи. Несмотря на противодѣйствіе окружавшихъ Ваторію протестантовъ, тайная конференція Ваторію съ Соликовскимъ состоялась въ тотъ-же день субботній вечеромъ. Двери въ комнату, гдѣ они уединились, были заперты и ихъ охранялъ нѣкій Іеронимъ Филипповскій, польскій шляхтичъ герба Побогъ, почему-о зашедшій въ Седмиградію и долго служившій тамъ у Ваторіи еще до избранія его въ король.²² Впечатлѣніе о личности Ваторіи, вынесенное Соликовскимъ послѣ интимной бесѣды съ нимъ,—было самое благопріятное. Оказалось, что, несмотря на широкое распространеніе реформаціи въ Трансильваніи, самъ Ваторіи оставался католикомъ, что онъ подъ предлогомъ охоты ѣздилъ даже къ одному старому монаху для исповѣди и принятія святаго причастія, что онъ выражалъ склонность слѣдовать совѣтамъ Кариковскаго въ вопросахъ спасенія души и въ дѣлахъ охраны и усиленія католической церкви. Изъ предложенныхъ Ваторіемъ вопросовъ объ устройствѣ правительства въ Польшѣ, объ обычаяхъ покойнаго Сигизмунда-Августа и бѣжавшаго Гейнриха, объ установленныхъ въ государствѣ должностяхъ и вообще о политическомъ строеѣ Рѣчи-Посполитой, Соликовскій

²¹ „Der Batorius der Romischen religion sey, doch dergestalt, das er der augspurgischer confession nicht ungeneigt.“ Изъ отзыва современника. См. *Materiały do dziejów piśmiennictwa Polskiego*. Zebrał T. Wierzbowski. T. I, Warsz. 1900, str. 210.

²² О Филипповскомъ—см. *Kronika Polska Marcina Bielskiego*. Изд. 1832 г. въ серіи *Zbiór pisarkow polskich*, св. 6, т. XVIII, str. 214. Нужно имѣть въ виду, что хроника эта написана силою Мартина Бѣльскаго, Іоаннимъ Бѣльскимъ, современникомъ Стевана Ваторіи (род. въ 1540 г., ум. 8 января 1599) и личнымъ свидѣтелемъ многихъ событій его государственнаго. Имя отца „Мартина“ служить Іоанну какъ-бы псевдонимомъ. Мы вездѣ эту хроникку будемъ называть хроникой Іоанна Бѣльскаго.—См. также *Barczka Paprockiego Herby gwiazdwa polskiego*. Wyd. Turcowskiego, Krak. 1858, str. 232—238.

убѣдился, что Ваторій—человѣкъ высокихъ умственныхъ способностей, быстро соображающій, зрѣлый въ сужденіяхъ, опытный въ дѣлахъ и чрезвычайно краснорѣчивый. Мнѣніе Соликовского, какъ политическаго дѣятеля, относившагося къ Ваторію съ предубѣжденіемъ, особенно важно для оцѣнки личности короля, и показываетъ, что, несомнѣнно, онъ былъ человѣкомъ выдающагося ума и пригоднымъ къ правленію государствомъ.*¹

Не менѣе обаятельное впечатлѣніе произвелъ Ваторій при первомъ свиданіи и на другого политическаго противника, на литовскаго вельможу Ивана Ивановича Глѣбовича, каштеляна Мѣнскаго. Въ письмѣ къ каштеляну Виленскому Ивану Ходкевичу отъ 8 мая 1576 года онъ откровенно признается: „Король такъ сильно мнѣ понравился, что мнѣ показалось, будто я давно уже не разговаривалъ съ человѣкомъ, столь мудрымъ. Особенно онъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ. О чемъ-бы ни начался разговоръ, онъ сводилъ его постоянно на военные вопросы. И вижу, что ему не нравятся польскіе члены Рады. Король при мнѣ замѣтилъ:— „Они живутъ только сегодняшнимъ днемъ и не думаютъ о завтрашнемъ, испытаннаго же зла никогда не держатъ въ памяти; они очень чванятся, а между тѣмъ я не вижу въ нихъ необходимыхъ въ ихъ положеніи качествъ; въ ихъ костюмѣ много такого, что хорошо для маскарада, но не годится для военной службы.“**

Всѣ разговоры съ Соликовскимъ и съ Глѣбовичемъ происходили на латинскомъ языкѣ, которымъ Ваторій владѣлъ въ совершенствѣ*³ и которымъ всегда пользовался при отправленіи своихъ королевскихъ обязанностей. На этомъ языкѣ онъ бесѣдовалъ съ сотрудниками по управленію государствомъ и произносилъ рѣчи на сеймахъ. Слова предскавившихся королю, но не владѣвшихъ латинскимъ языкомъ, переводилъ обыкновенно над-

*¹ См. Jana Dymitra Solikowskiego Krótki pamiętnik rzeszy polskich. Przełożył z łacińskiego... Władysław Syrokomla. Pet. i Moh. 1855, str. 25—30.

**² См. Acta historica. T. XI. Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Zebrał i wydał X. Ignacy Polkowski. Kraków 1887, str. 83.

*³ Святославъ Оржельскій говоритъ о Ваторіи: „Онъ такъ хорошо владѣлъ латинскимъ языкомъ, что развѣ только древніе ораторы могли-бы съ нимъ сравняться.“ См. Bezkrólewia ksiąg ósmioro przez Świątosiława Orzelskiego. Przełożył Wł. Szasowicz. T. III, Pet. i Moh. 1856, str. 195.

ворный маршалъ, или другой придворный чинъ, отвѣты же король давалъ только по-латыни; затѣмъ они передавались по назначенію переводчикомъ.*¹ Даже съ своей супругой королевой Анной, не владѣвшей латинскимъ языкомъ, Баторій разговаривалъ черезъ переводчика. Это обстоятельство отмѣчено составителемъ дневника сейма 1585 года: „*powiedział trochę król u królowej rozmawiając z nią interprete ochmistra* (=переводчикомъ былъ гофмейстеръ).”² Только въ опочивальнѣ, въ походахъ, да на охотѣ могъ онъ употреблять въ обращеніи съ домохадцами и слугами изъ вонгровъ родной мадыарскій языкъ. По-польски Баторій никогда не выучился говорить, хотя, быть можетъ, и понималъ къ концу государственнаго отдѣльнаго фразы и слова. Тѣмъ болѣе, конечно, не стремился онъ овладѣть тѣмъ западно-русскимъ языкомъ, на которомъ тогда говорили и писали въ предѣлахъ бывшаго великаго княжества Литовскаго и на которомъ работала королевская канцелярія по литовскимъ дѣламъ. Политическій врагъ Баторія и Замойскаго Бартошъ Папроцкій сохранилъ намъ ту фразу, которою король Стефанъ оправдывалъ свое неумѣнье говорить по-польски: „*non docet regem reitacum esse*“ т. е. не подобаетъ королю быть попугаемъ;³ иными словами Баторій говорилъ: „Поляки знали, выбирая меня, что получаютъ въ король пріоземца, не владѣющаго нѣ рѣчью; къ чему же на литомъ десяткѣ лѣтъ, будучи уже королемъ, стану я, какъ попугай, съ чужого голоса затверживать звуки труднаго мнѣ языка?”⁴

* * *

Человѣкъ такого широкаго ума, какимъ обладалъ Баторій, не могъ, конечно, съ первыхъ же дней государственнаго не обратить вниманія на столь любопытное явленіе народной жизни, какимъ былъ козацкій промыселъ—„козацтво“ въ юго-восточныхъ погра-

¹ Напр., когда Баторій держалъ рѣчь къ Полоцкой шляхтѣ, перевелъ ее литовскій писарь Агриппа, причемъ случилось, что онъ придалъ словамъ короля иной смыслъ. См. Jan Plotrowski. *Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków*. Wyd. A. Czuczynski. W Krak. 1894, str. 24.

² См. *Dyaryusz sejmowe z roku 1585*. Wyd. A. Czuczynski. W Krak. 1901, str. 2.

³ См. *Bartosza Paprockiego. Dwie broszury polityczne z lat 1597 i 1588*. Wyd. Jan Czubok. Krak. 1900, str. 10.

ничныхъ областяхъ Рѣчи-Посполитой. Въ литовскомъ архивѣ были уже нѣкоторые официальные данныя для знакомства съ этимъ явленіемъ, какъ, напримѣръ, уставная грамота великаго князя Александра отъ 14 мая 1499 г. Кіевскому войту и мѣщанамъ о воеводскихъ доходахъ, какъ люстраціи замковъ Кіевского, Каневского, Черкаскаго и Винницкаго 1552 г. и т. д.; но архивъ этотъ на первыхъ порахъ былъ не доступенъ Баторію по отдаленности Вильны, да кромѣ того какъ человекъ жпзни, а не науки, какъ воинъ, а не кабинетный правитель, онъ и не былъ подготовленъ къ наведенію архивныхъ справокъ.*¹ Къ тому же ему все равно непонятны были-бы бумаги, написанныя по западно-русски. Тѣмъ же по моему первому свидѣнію о козакахъ Баторіи по всей вѣроятности почерпнулъ не изъ устъ своихъ совѣтниковъ, а изъ книги, составленной съ цѣлью ознакомленія съ Польшею его предшественника Генриха Валуа и написанной на доступномъ ему латинскомъ языкѣ. Мы имѣемъ въ виду сочиненіе Яна Краснскаго:² „*Ioannis Crassinii Polonia. Ad Serenissimum et Potentissimum Henricum Primum Valesium, Dei gratia utriusque Poloniae regem. Bononiae apud Peregrinum Bonardum; venia ab superioribus concessa. 1574.*“³ Книжочка эта, очень маленькаго формата (12°), изящно надана на прекрасной бѣлой бумагѣ и имѣетъ 147 нумерованныхъ лпстковъ, заключающихъ въ себѣ по двѣ страницы; такимъ обра-

*¹ Въ государствствованіе Баторіи бывали случаи, когда обращались къ архивнымъ документамъ. Когда королевскаго коморника Бернарда Шидловскаго послали въ 1579 г. осмотрѣть Кіевъ, то въ инструкціи, выданной въ Гроднѣ 20 февраля, ему поручалось провѣрить въ присутствіи Кіевского воеводы, ротмистра и хорунжаго наличность огнестрѣльнаго оружія, пороха и боевыхъ припасовъ, сданныхъ Кіевскому городничему и мѣщанамъ „*przez komisarzy króla Jmóści nieboższczyka Zygmunta Augusta świętej pamięci, według inwentarza uczynionego, którego kupię z skarbu koronnego za szczęśliwą skarbną mieć będzie.*“ См. *Acta historica, t. XI, Sprawy wojenne etc., str. 155.*

*² Авторъ—Краснскій, при Баторіи королевскій секретарь, род. въ 1550 г., ум. въ 1612 г.

*³ Одинъ изъ пяти сохранившихся экземпляровъ этой книжечки принадлежитъ библиотекѣ Университета св. Владимира въ Кіевѣ. Имъ мы и пользовались. См. *Theodorus Wierzbowski. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. Vol. II, Var. 1891, pag. 134, № 1496.*—Что Баторіи любилъ читать книги географическаго содержанія, видно изъ расходной статьи 1576 г.: „*Bibliopolae Cracov. Zachoe Krásner, pro duobus libris, in quibus civitates depictae sunt, ad cameram S. Mis. R. per manus Piekarski percepti, dati tal. 26, per gr. 84 facit tal. 29—14 (= 39 р. 49 коп.).*“ См. *Žr. dz. t. IX, A, str. 90.*

вомъ въ цѣлой книжкѣ 294 страницы. Не существовало въ то время лучшаго руководства для бѣлаго знакомства съ Польшею и не будетъ, кажется, ошибкою думать, что Ваторій пречелъ его, принимаясь за дѣло правленія польскимъ государствомъ. Раскрывъ книжку на оборотѣ 78 листка, Ваторій могъ найти у Краснопкаго слѣдующія строки: „Послѣднїй родъ конницы составляютъ козаки, которые легко переносятъ холодъ, голодъ и тягости всякаго рода. Вооружены они очень легко, совершенно такъ, какъ татары. Коня у нихъ очень подвижныя и пригодныя для мелкихъ стычекъ. Садла устроены такъ, что на нихъ легко поворачиваться на всѣ стороны и стрѣлять изъ лука. Въ сраженїяхъ они пользуются больше всего лукомъ, поражая неприятельскихъ всадниковъ и ихъ коней дождемъ стрѣлъ. Они снабжены также саблями восточнаго образца и короткими копьями. Въ неприятельской странѣ они двигаются чрезвычайно быстро, уничтожая все огнемъ и мечомъ. Быстротою движенїя обезпечиваются безопасность воина и побѣда надъ врагомъ. Постоянно пребывая въ обширныхъ подольскихъ степяхъ, гдѣ они ведутъ непрерывную войну съ Крымскими татарами, козаки возятъ съ собою въ сѣдельныхъ вьюкахъ всѣ любимыя съѣстные припасы, какъ-то: хлѣбъ, соленую свинину и соль, смѣшанную съ перцемъ. Каждый кромѣ того имѣетъ при себѣ топоръ и труть, дабы въ случаѣ удачной охоты на звѣря, котораго множество водится въ посѣщаемыхъ козаками безлюдныхъ пустыняхъ, имѣть возможность тотчасъ развести огонь и сжарить добычу, приправивъ ее солью и перцемъ.“ *1

*1 „Postremum equestris militiae genus, Cosachorum vulgo appellatum, frigoris, inediae, laborisque patientissimum est. Cosaci ad instar fere Tartarorum levissime omnium armantur. Equos perniciosissimos habent, et exercendis minutis praeliis aptissimos. Ehippia equorum in eum usum accomodata, ut se in omnes partes nullo negotio vortere, arcumque stringere queant. Arcubus potissimum pagnam ineunt, et frequentissimo sagittarum imbreviros, et equos simul conficiunt. Acinacibus Seythiolois accinguntur. Hastas quoque breves habent. Magna istorum inimicas aggrediuntur regiones, ferro, et flamma omnia miscentes, itinera faciunt. In celeritate, et salus exercitus, et vincendi tota spes collocatur. Deferunt secum in vastis Podoliae solitudinibus, in quibus cum Tauricantis Tartaris continenter bellum gerunt, in sacculis quibusdam panem, carnosam suillam salsam, sal mixtam pipere. Praeterea unusquisque habet securim, fomitein; ut si quando feram, quarum in illis destitutis habitatoribus campis ingens est copia, conficere contigerit; tum ignem excutiant, et conditam sale, pipereque, praedam coquant.“

Воинственный дух Баторія долженъ былъ лизовать, узнавая, что въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой живутъ такіе закаленные воины и при чтеніи онъ, вѣроятно, мечталъ уже воспользоваться ими для своихъ военныхъ цѣлей. Въ самомъ Баторіи было много козацкаго: онъ не боялся спать на голой землѣ, въ походахъ не имѣлъ при себѣ кухни, а довольствовался какимъ-нибудь жаренымъ каплуномъ или кускомъ ветчины, которые находилъ въ дорожной сумкѣ, да и тѣмъ дѣлился съ лицами свиты, самъ отрѣзывая имъ ломти изъ своего запаса.*¹ А вотъ картинка изъ похода Баторія подъ Псковъ въ 1581 г. со словъ очевидца: „Король быстро двигается въ коляскѣ, съ нимъ только нѣсколько придворныхъ, да обозный и подскарбій; на ночь ему только палатка, а въ ней ни лавки, ни столика; въ полдень подкрѣпляется онъ ѣдою въ шалашѣ изъ вѣтокъ; сидѣнье ему дѣлають, вбивая въ землю нѣсколько разохватахъ колокъ и укладывая на нихъ перекладинки; такимъ же способомъ устраивають и столикъ. О постелѣ или пологѣ и не спрашивай. Если король съ дороги захочетъ поспѣе обѣда заснуть или отдохнуть, то насѣкутъ мелко березовыхъ вѣтокъ съ листьемъ, разстелють по землѣ вмѣсто матраца и вотъ на эти вѣтки ложится король и спитъ, какъ въ самой лучшей опочпвальнѣ....“²

Въ скоромъ времени по приѣздѣ въ Польшу Баторіи и лично увидѣлъ представителей Днѣпровскаго козачества.

Пасха въ 1576 году, и католическая, и православная, — праздновалась въ Польшѣ 22 апрѣля, такъ какъ новый стиль не былъ еще введенъ. Въѣздъ Баторія въ Краковъ назначенъ былъ на 18 апрѣля, въ страстную среду, но желаніе отдаться въ страстные дни всецѣло исполненію религіозныхъ обязанностей задержало его въ Могильскомъ клишторѣ подъ Краковомъ и только на второй день Пасхи, 23 апрѣля, онъ торжественно вступилъ въ столицу. Во вторникъ на Юминной недѣлѣ, 1-го мая, состоялся коронація и бракосочетаніе короля съ престарѣлой королевною Анной (род. въ 1522 г.)³. Весь май длился коронаціонный сеймъ (conventus co-

*¹ См. *Pisma polityczne ks. Józefa Wereszczyńskiego*. Wyd. Turowskiego. Krak. 1854, str. 115.

**² См. X. Jan Piotrowski. *Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków*. Wydał A. Skuczyński. W Krak. 1894, str. 36.

**³ См. *Acta historica. T. XI. Sprawy wojenne etc.* № XXI, str. 80—81.—*Bezkrolewia ksiąg ośmitoro... Świętosława Orzelskiego*. Przełożył z rękopismów... Włodz. Spasowicz. T. III, Pet. i Moh. 1856, str. 192 i nast.

nationis) и король оставался въ Краковѣ для устройства государственныхъ дѣлъ. Здѣсь въ концѣ мая представлялись ему старшины Днѣпровскихъ козаковъ Иванъ Стервний, Федоръ Захвостый, Деметръ Пехосеній и Маркъ Винницкій. Содержаніе рѣчей, какія могли произносить казаки, нигдѣ не записано, равно не знаемъ мы и отвѣтовъ Баторія. Конечно, разговоръ велся черезъ переводчика. Отиуская козацкихъ старшинъ, король приказалъ выдать каждому по 15 флориновъ (=20 рублей) деньгами и по 6 аршинъ ліонскаго сукна, стоимостью по 24 гроша за аршинъ (24 гроша=1 р. 8 коп.)^{*1}.

Въ моментъ пріѣзда Стефана Баторія въ Польшу пограничными городами Рѣчи-Посполитої на юго-востокѣ со стороны стовой были: Остеръ, Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Вѣлан-Церковь, Брацлавъ и Винница.^{*2} При немъ построены были укрѣпленные замки на старыхъ городищахъ въ Васильковѣ,^{*3} Корсуни^{*4} и Переславѣ.^{*5} Во второй линіи отъ границы лежали городки: Баръ и Хмельникъ.

*1 См. *Źródła dziejowe* (Иаввискаго), t. IX, A, str. 80; t. VIII, str. 457.

*2 Въ 1576 г. посланъ былъ иѣккіи Вароломеиі *Запаціилі ad castra finiti- ma Kіow, Czorkasku, Bialocerkiow, Kanlow, Bracław, Winnicza et ad Boristenos* (=днѣпровскіе козаки). См. *Źr. dz.* t. IX, A, str. 63. По-польски пограничные города назывались *miasta* или *zamki ukraińskie*: „*Margo omnium polonice Kray; inde Ukraina, quasi Provincia ad fines Regni posita, antiquitus quidem inhabitata, sed postmodum multis Civitatibus ac pagis aucta*“ (объясненіе писателя XVII вѣка Грондскаго). См. *Historia belli cosaco-polonici, authore Samuele Grondycki-Pest.* 1789, p. 19.

*3 См. грамоту короля Стефана, разрѣшающую Кієво-Печерскому архимандриту Мелетію Хребтовичу построить замокъ и основать городъ на старомъ городищѣ Василевѣ на р. Стугнѣ, отъ 28 марта 1586 г. Сборн. матер. для истор. топогр. Кієва, 1874, отд. III, ст. 49—50, № 28; плл Акты, относ. къ ист. Зап. Р. т. III, стр. 309.

*4 „*Korszon—civitas noviter locata a Stephano primo, Rege Poloniae, cum munitione firma ad flumen Ros in ipso transitu Scytharum (= татаръ) seu Szlak Czarny. Et pollicentur Regi praesides illius loci, quod non amplius Scythae possunt transire impune per Czarny Szlak. Fuisse etiam olim ibi arcem nobilium tentantur muri vetustate neglecti.*“ См. *Descriptio veteris et novae Poloniae*, 1585, вождъ словомъ *Korszon*.

*5 См. грамоту Стефана Баторія кп. Острожскому на право возобновленія Переслава отъ 6 марта 1585 г. въ Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. III (невыпущенный въ свѣтъ), прилож. № XVI, стр. 285.

Далѣ за этими линіями укрѣпленій тянулось до самаго Чернаго моря безлюдныя степныя пространства, такъ называемыя Дикія Поля, захватывавшія собою нынѣшнія губерніи Полтавскую, Екатеринославскую и Херсонскую съ южными частями Черниговской, Кіевской и Подольской. Ихъ прорѣзывали многочисленныя степныя балки и рѣчки, сливавшія потомъ свои воды съ водами Буга, Ингула и Днѣпра, или впадавшія непосредственно въ море, какъ Куяльницкѣ или Тилигуль. Всѣ эти воды были немовѣрно богаты рыбою.

Глухо и мертво было въ этихъ пустынныхъ степяхъ зимою. Свободно гулялъ тамъ вѣтеръ, принося иногда съ собою страшныя мотолы и вьюги. Степные медвѣди (*ursi campestris*) мирно спали въ своихъ берлогахъ. Бобры, заготовивъ съ лѣта съѣстные припасы на зиму, отдыхали въ искусно построенныхъ хижинахъ, называвшихся „гонами,“ и группировавшихся въ дѣльныя поселенія, которыя на тогдашнемъ языкѣ именовались „жеремьями.“¹ Уныло бродили по степямъ въ поносахъ корма стада зубровъ (*bisontes*), лосей (*alces*), оленей (*cervi*), антилопъ, дикихъ—козъ (*capri*), овецъ (*ovis sylvestris*), свиной (*apri*) и лошадей (*equi sylvestris*). Иногда зимы бывали такъ суровы, что эти животныя во множествѣ погибали въ глубокихъ снѣгахъ отъ голода и жажды и тогда въ степяхъ находили огромныя груды ихъ костей.² Только хитрыя волки да лисы рады были безъ труда находить легкую добычу въ ослабѣвшихъ отъ безкорыпцы животныихъ и ихъ трупахъ.

¹ См. о бобровыхъ гонахъ по Днѣпру, Роси. Удаю и другимъ рѣчкамъ въ описаніяхъ замковъ 1552 г. Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. I, стр. 86, 112—113.

² „Ille tempus quinquaginta vel amplius milliaribus bene emensis, sex vel septem dierum vel dietarum, ut illi computant, expedito viatori iter acceleranti Bratislavia Oczakoviam usque constat. Feras, *bisontes*, *alces*, *equos*, *cerros*, *arictes*, qui unicum tantum cornu habent, *capros*, *apros*, *ursos campestris* habet. Et si a decennio, vel paulo amplius, hiemis asperitate, niviumque magnitudine, fame ac siti plurimae admodum evocatae fuisse dicuntur, earumque in campis ingentes omnium aceris reperiuntur.“
Описаніе очевидца изъ книги Мартина Броневскаго: „Martini Broniowii de Biezska-folca, bis in Tartariam nomine Stophani Primi Poloniae regis legati, Tartariae descriptio.“ Coloniae Aгриппинае 1595. Стр. 2. Мы пользовались экземпляромъ этого рѣдчайшаго изданія, принадлежащамъ библиотекѣ Варшавскаго Университета. Русскій переводъ сочиненія Броневскаго напечатанъ въ „Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей,“ т. VI, Од. 1867, стр. 333—367.

гдѣ не курился дымокъ человѣческаго жилья.⁴¹ Исключеніе навѣла только мѣстность бывшей Переяславской волости; тамъ нисѣ кое-гдѣ по лѣснымъ полянамъ и затерявшимся среди ютъ островамъ рѣдкіе остатки стараго сѣверянскаго и торкскаго княженія подъ именемъ северяевъ (севрюкъ—сѣверукъ, сѣверя-ръ).⁴² Упомянутія о нихъ въ источникахъ очень скудны.

Въ апрѣлѣ 1498 г. Менгли-Герай послалъ къ Іоанну III мовскому слугу своего татарина Яныша. Ханъ приказалъ ему провождать войско ханскаго сына Ахмедъ-Герая, отправлявша-и въ Литовскую землю, чтобы опъ, лично увидѣвши, какъ лево Ахмедъ-Герая грабитъ и разоряетъ Литовскую землю, могъ в этомъ рассказать великому князю Московскому. Затѣмъ опъ назвалъ Янышу, отдѣлившись отъ Ахмедъ-Герая, не входить Русскую землю, которою, какъ видно изъ словоупотребленія князя-Гераявыхъ грамотъ, называлась мѣстность бывшаго Переяславскаго княженія—Днѣпровское Лѣвобережье, а отклониться бо- в къ востоку и идти „полямъ“ т. е. совершенно уже безлюдною степною. Мотивъ этого приказанія изложенъ такъ: „Коли въ ескую землю войдутъ, къ тобѣ къ брату моему не дойдутъ отъ

⁴¹ „Reperiuntur in vastis Podoliae solitudinibus, *Dimones, Alces, et equi syl-
væ, quorum frequentissimi greges, cum noctu ad aquas potandi causa conve-
nent, vel maximos exeretis, quos ibi Rex adversus continuas Tauricanorum Tar-
torum prædationes alit, falsa hostilium copiarum imagine decipiunt. Sunt et circa
rithanem oves sylvestres, capreolorum staturam non excedentes, curtioribus
na peditibus, perniciosissimi cursus et altissimorum saltuum. Cornua in altum
recta, quibusdam circulis notata conspiciuntur: ex quibus Roxolani transparen-
cultellorum manubria elaborant. Universa hæc Podoliae provincia, multis no-
bus irrigatur fluminibus; lacus piscosissimos habet; ubertate agrorum omnes to-
s Europæ regiones superat; nemoribus sparsim ornatus anaevulissimis. Qua tamen
rthiam respicit, magna ex parte habitatoribus caret; ita ut accusanda sit nostrorum
mizum negligentia, qui eos sinunt immanibus feris patere campos, ex quibus ho-
mes ingenio, ac industria præditi, magnos, et uberos fructus percipere possent.“
Crassini Polonia f. 112—118. Дикія овны (oves sylvestres)—видъ анти-
къ; мѣстные жители называли ихъ сайгаками или стгаками; отсюда и уче-
е названіе ихъ *antilope nigua*. Описаніе сайгаковъ у Красинскаго почти до-
вно повторяетъ описаніе Герберштейна: „In desertis campis circa Borysthe-
æ, Tanaim et Rha, est ovis sylvestris, quam Poloni Solhac, Mosci Seigack
pehac, magnitudinis capreolæ, brevioribus tamen pedibus; cornua in altum
recta, quibusdam circulis notata, ex quibus Mosci manubria cultellorum transparen-
tentia faciunt: velocissimi cursus, et altissimorum saltuum.“ См. *Rerum Mo-
viticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein. Basileæ 1556,*
g. 113, A. По вопросу о животномъ царствѣ восточно-европейской равнины
XV и XVI в. см. соч. Замысловскаго: Герберштейнъ и его историко-геогра-
фическія извѣстія о Россіи. Спб. 1884, стр. 254—310.*

⁴² См. напр: Очерки Переяславской старины, Киевъ 1900, стр. 48 и 197.

севрюковъ.⁶¹ Затѣмъ объясняется, что, по словамъ знатоковъ края, севрюки—люди кожные („ѣжжалые“) т. е. способные догнать и захватить въ плѣнъ ханскихъ посланцовъ.⁶²

Въ январѣ 1518 г. посланцы великаго князя Василія Ивановича Московскаго Девлетъ-Калдей, Кудояръ и Неболса Кобиковъ писали своему государю изъ Путивля: „По грѣхомъ... по нашимъ ложнымъ и нымѣ въ Путивль, а итти... не мощно: какъ есмь... прѣхали въ Путивль, и мы... ѣздили дороги отвѣдывать; и мы... день ѣхали, а пяти версть... не могли перебитися; снѣгъ... доброму коню по тебенекъ;⁶³ сверху серень,⁶⁴ а на исподи ледъ толща перста. И мы... послѣ того недѣлю лежали, а ждали есмь... севрюковъ съ поля, чтобы... намъ тою дорогою итти; и севрюки... съ поля пришли на нартахъ,⁶⁵ а кони... и съ санми пометали на полѣ съ своимъ вощинахъ, а итти... было имъ, сказываютъ, на конехъ не мощно.“⁶⁶ Мѣстность, откуда прибыли севрюки,—берега р. Сулы. Другіе послы великаго князя бояринъ Иванъ Григорьевичъ Мамоновъ и середній человекъ Илья Челищевъ въ

⁶¹ См. Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ. т. 41. Спб. 1884. Памятники дипломатическихъ сношеній Моск. гос. съ Крым. и Ногай. орданами и съ Турціей, т. I, стр. 189.

⁶² *Тебенекъ*—четыреугольный отрѣзокъ кожи, привѣшенный у сѣдла, для защиты ноги отъ тренія о стремениной ремень. См. Саввантоуз. Описание старинныхъ русскихъ утварей и проч. Спб. 1896, стр. 144.

⁶³ *Серень*—тонкій, рыхлый снѣгъ, въ который грузнуть ноги людей и лошадей.

⁶⁴ Въ настоящее время *нартою* (им. нарта) называются сибирскія сани, въ которыхъ ѣздятъ на собакахъ или на оленяхъ. Нарты, возимыя собаками, длиннѣе возимыхъ оленями, но послѣднія ниже. Въ нашемъ текстѣ *нартами*, вѣроятно, называются *лыжи*. *Пришли на нартахъ*—пришли на лыжахъ. Въ описаніи Остерскаго замка 1552 года (Архивъ Юго-Запади. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 592—598) есть такой пунктъ: „*Порошизна*. Коли *серень*, тогда тежъ повинни [бояре, мещане и волощане] ходитъ старосте на звѣрь день одинъ (на) *нартахъ*. Кгда нейдуть у лова, откупаючися отъ того, даютъ старосте порошизна в кони грошей, складаючи вси.“ Охота вѣроятно была къ тому дню, когда снѣгъ былъ топкимъ, рыхлымъ (*серень*), вѣроятно, на томъ основаніи, что крупныя звѣри, на которыхъ тогда охотились, напр. зубры, лоси и олени, не могли въ такую пору быстро убѣгать отъ охотниковъ и легко дѣлались ихъ добычею. *На нартахъ*, какъ видно, и здѣсь—на лыжахъ. См. Z. Gloger, Encyklopedja staro-polska. T. III, 1902, str. 255, a v. *narty—łyżwy drewniane*.

⁶⁵ См. Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ. т. 95, Спб. 1895. Памятники дипломатическ. Моск. гос. съ Крым., Ногаями и Турціей. т. II, стр. 89.

нихъ доносеніяхъ подробнѣе обозначаютъ дорогу, по которой основскіе послы и гонцы ѣздили въ Крымъ, пользуясь указаніями врюжковъ, какъ мѣстныхъ жителей.

Мамоновъ въ январѣ 1516 года писалъ:

„Какъ вышолъ изъ Путивля, да Сулу перешодъ, пошли по сузью межъ Сулы и Псла къ устью ко Пселскому, а захотѣли... [дѣбрь лѣзти на усть Псла"... *1

Илья Челнщевъ въ январѣ слѣдующаго 1517 года писалъ:

„Пришолъ есмн... въ Путивль въ первое воскресенье по Крещеньѣ Христовѣ, изъ Путимля... есмн пошелъ на поле въ недѣлю а Ошонасьевъ день (18 января), а подъячаго есмн, государь, твоего Коростку Оноерьева отпустилъ къ тебѣ ко государю параньо Юонасьева дня въ понедѣльникъ съ пераго стану съ Рышова, а амъ есмн... пошелъ пробродомъ до Сулы, что севрюки шли въ Дѣверы. А отъ Сулы... сказывають, до Псла снѣги волпки, а за Псломъ... снѣги, сказывають, малы. А Сула мнѣ.. лѣзть, ожъ дастъ Богъ, во Лепетцкіе волости, а отъ Лепетцкіе волости... ожъ дастъ Богъ, итти мнѣ къ усть-Пслу, къ Нѣпру.“*2

Изъ этихъ извѣстій ясно, что „вотчинн“ севрюковъ ложили въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской губерніи въ бассейнахъ рѣкъ Сулы и Псла...

Но возвратимся къ нашему сюжету.

Вотъ дохнуло весною... Степи оживали и покрывались обильною растительностью. Травоядные звѣри быстро оправлялись на обильныхъ кормахъ. Лѣса, перелѣска и заросли, которыхъ по мало разбросано было въ степяхъ вдоль рѣчекъ и балокъ, звучали голосами вѣзвращавшихся съ юга порнатыхъ. Стопы облокались той красотѣй, которую такъ вдохновенно воспѣлъ Гоголь въ знаменитомъ лирическомъ отступленіи козацкой эпопеи о Тарасѣ Бульбѣ: „Стопы, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе“....

Съ весною появлялись въ степяхъ и люди. Въ эпоху Стефана Баторія они принадлежали къ тремъ группамъ.

Первую группу составляли татары скотоводы, которые съ наступленіемъ весны въ апрѣлѣ мѣсяцѣ забирали съ собою на арбы женъ, дѣтей, рабовъ и весь свой домашній скарбъ, и гнали

*1 См. тамъ-же, т. II, стр. 225.

*2 См. тамъ-же, т. II, стр. 425—426.

въ своихъ Крымскихъ улусовъ въ степи на хѣтнія пастбища огромныя стада верблюдовъ, лошадей, овецъ и рогатаго скота *1.

Второй группой были „сольники,“ *2 а затѣмъ—отчасти турецкіе и татарскіе, но преимущественно армянскіе купцы, которые составляли караваны (сагабанос) и передвигали восточные товары въ предѣлы Польши, Литвы и Москвы, чтобы запастись тамъ товарами сѣверными, главнымъ образомъ—мѣхами. Двигались они по вѣковѣчнымъ дорогамъ, прологавшимъ въ степяхъ и называвшимся по-татарски: „шляхами.“ Южнорусскіе степные шляхи были впервые измѣрены и описаны, по порученію Стефана Баторія, каштеляномъ Львовскимъ Яномъ Сѣнинскимъ и современники воздавали ему за это большія похвалы, считая его трудъ не только полезнымъ, но и благочестивымъ, *3 такъ какъ, благодаря знаком-

*1 См. рус. пер. М. Броневского, стр. 337—338.

*2 „Сольниками“ называли людей, которые ѣздили въ Крымъ за солью. Бартошъ Папроцкій говоритъ объ одномъ степномъ урочищѣ („подъ дорогами гайи“), что здѣсь „zapadają Tatarowie, strzegąc na solniki z wozach strom. i naszy także, kto kogo ubieży.“ См. Herby eta. Wyd. Turowskiego, 1854, str. 221.

*3 „Et certe si quid laude dignum praestitit Magnificus vir Joannes Stenlenius in hac lustratione, istud sane, quod hęc itinera accurate descripsit et depinxit numero miliarium adjecto, non modo utile, sed etiam valde pius opus perfact.“ См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1586, подъ словомъ *Szlak*. Цитата по экземпляру Варшавской унив. библиотеки. Матеріалъ для этого сочиненія собранъ Львовскимъ каштеляномъ Яномъ Сѣнинскимъ, литературная обработка дана ему Станиславомъ Сарницкимъ. Изъ предисловія, написаннаго Сѣнинскимъ, видно, что онъ обстоятельно изучилъ южно-русскія степи. Приводимъ здѣсь это предисловіе, обращенное къ королю Стефану Баторію, цѣлкомъ:

„Sacra ac serenissima Regia M. D. domine clementissime! Quemadmodum à M. vestra Regia delectus ac destinatus fui, ut *nitum inferioris Rusinae eiusque circum-pentria desolata perlustrarem et reciderem, id selulò praestiti et feci. De qua re complura cum Maiestate vestra et verbis et scriptis egi, monstravique omnia quae videbantur ad hoc propositum pertinere. Nunc verò ut magis promererer novis obsequiis, gratiam M. vestrae Regiae, curavi (sumptibus non parcens) ut haec in pleniore forma luculentius artificiosiusque traderentur, adhibita arte Geographica, et praecipitis, quae à literatis hac in parte observari solent, ut etiam ab eruditis in aliis Regnis cum celebritate et laude Maiestatis vestrae legi possint. Cumque ipse occupatus essem alijs negocijs arduis, usus sum ea in re opera eruditi et docti literis bene meriti viri generosi domini Stanislai Sarnicij, amici mei non vulgaris, qui etiam notus est M. vestrae. Nam cum aliquot vicibus, libris in lucem editis, nomen et victorias M. vestrae ut par erat celebrasset, M. vestra Regia eum pro cliente suo accepit, ei que se benignissimum fore patronum declaravit, promissa ei gratia Regia, ut ex diplomate ei tradito liquet. Hic ergo, lustrations*

ству съ его описаніемъ, многимъ удавалось найти надлежащую дорогу въ отечество въ случаѣ удачнаго побѣга изъ татарскаго плѣна. Важнѣйшихъ шляховъ было четыре: одинъ шляхъ шелъ вдоль берега Чернаго моря изъ Вѣлгорода (Анкермана) въ Очаковъ; другой шляхъ назывался Кучманскимъ и шелъ отъ Очакова на Саврань, а затѣмъ по водораздѣлу Вуга и Днѣстра черезъ Брацлавъ и Шаравку къ Львову; третій шляхъ, Черный, шелъ отъ Перекопа черезъ устье Днѣпра къ верховьямъ Ингула и оттуда мимо Черкасъ и Канева черезъ Вѣлую-Церковь къ Кіеву; четвертый шляхъ, Муравскій, начинался также отъ Перекопа и шелъ параллельно Днѣпру до Самарской переправы, а затѣмъ далѣе по водораздѣлу Дона и Днѣпра къ Тулѣ и Москвѣ. Эти главные шляхи имѣли развѣтвленія. Такъ, напримѣръ, отъ Чернаго шляха въ верховьяхъ Ингула отдѣлился шляхъ, который велъ къ переправѣ черезъ Днѣпръ противъ устья Псла, затѣмъ по водораздѣлу Сулы и Хорола въ предѣлы Московскаго государства къ Путивлю (позднѣйшій Ромоданъ). Съ теченіемъ времени пути эти становились все болѣе опасными отъ разбойничавшихъ на нихъ русскихъ и татарскихъ козаковъ, а вслѣдствіе этого торговли съ Востокомъ сохраняла все менѣе и менѣе оживленія.*¹

Послѣдней, третьей, группой людей, появлявшихся въ степяхъ съ наступленіемъ весны, были промышленники, называвшіеся по-татарски: „козаками“. Они въ свою очередь распадались на двѣ подгруппы: къ первой принадлежали козаки татарскіе, ко второй—

---

meae tyro accepto effecit, ut non modo Russiae, sed etiam totius regni Maiestatis vestrae situs, hoc est Poloniae, Lituaniae, Prussiae, Livoniae, et quae paucis ante annis de Moscho M. vestra recuperavit, exactè describeretur: ut uno quasi intuitu veluti in tabella à legentibus cerni possit: quam operam spero gratam futuram M. vestrae, et Reipub. non inutilem, praesertim cum à nemine hactenus istud argumentum hoc pacto tractatum sit. Certè praecipuos olim Reges et Imperatores eius modi studijs mirificè delectatos fuisse, ac sumptus ad ea promovenda liberalissimè suppeditasse ex historlis constat. Cumque Regia M. tua, haud postremum inter laudatos Reges locum obtineat, non dubium est, eam quoque pro sua ingenita clementia declaraturam, sibi hunc honestum conatum non displicere, neque in liberalibus studiis promovendis sumptibus parcere. Datum Warsaviae primo Kalendas Mar. 1585. Sacrae ac Serenissimae Regiae M. vestrae Fideiis subditus Joannes Sienicinus C. L.

*¹ См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словами *Dialogrol a Szlak*. О караванахъ—см. Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. 1, стр. 82-83, 96, 112, 595.

казаки изъ разныхъ областей Рѣчи-Посполитой. Въ зависимости отъ того, гдѣ промышляли послѣдніе, они назывались днѣпровскими, запорожскими, нивовыми, рѣчными;¹ иногда ихъ называли по укрѣпленію, служившему имъ центромъ,—сѣчевыми, или, по именамъ ближайшихъ городовъ, въ которые они укрывались на зиму, —Кіевскими, Каневскими, Черкасскими, Винническими, Брацлавскими и т. д.²

* * *

Козацкій промыселъ, возникшій первоначально у приволжскихъ татаръ, особенно развился среди татаръ, поселившихся въ Крыму. Если ордынецъ порывалъ связь съ ордою, бросалъ мирную пастушескую жизнь, одинъ или въ сообществѣ подобныхъ ему удалцовъ углублялся въ степи, ловилъ тамъ рыбу, охотился на звѣрей, грабилъ купеческіе караваны, пробирался въ Русь и Польшу для захвата плѣнныхъ, которые потомъ или служили ему рабами, или выгодно продавались на невольничьихъ рынкахъ, то такой вольный, независимый человѣкъ, покатель приключеній, бродяга и раз-

¹ Наиболѣе употребительно въ латинскихъ документахъ названіе: *Boristhenes*, *Boristhenis kozaki*, *Milites Boristhenis*. Иногда въ названіи Днѣпра послѣ *t* пишется *h*: *Boristhenes*, *Boristhenis*. Очень употребительно названіе *Nisovii*. Стефанъ Баторій адресуетъ свои письма отъ 27 іюля 1578 г. и отъ 6 апрѣля 1579 г.: „Molojcom Zaporożnym.“ Въ документѣ 1581 г. написано: „Registr Kozaków niżowych, zaporożkich i gzesznych“.... Значеніе термина *рѣчки*—*гзесзкі* лучше всего выясняется изъ письма бискупа Іосифа Верещинскаго къ Станиславу Жолкѣвскому отъ 7 апрѣля 1594 г. Верещинскому было поручено со стороны Жолкѣвскаго набрать козацкій отрядъ въ 500 человекъ для службы королю и Рѣчи-Посполитой. Онъ требуетъ отъ Жолкѣвскаго нѣкоторыхъ разъясненій и проситъ отыѣчать ему какъ можно скорѣе, чтобы подходящіе для службы люди не ушли *въ рѣчки і въ запорожы*—на рѣчки и за пороги. Рѣчки, очевидно, тѣ степныя рѣчки, по которымъ промышляли лѣтомъ казаки. Въ концѣ письма Верещинскій еще разъ проситъ о скорѣйшемъ отыѣтѣ, чтобы договоренные люди не разошлись по рѣчкамъ и запорожскимъ мѣстамъ—*въ рѣчки і до запорожій*. См. *Materyaly... Wержбовскаго*, Варш. 1900, стр. 305—307, № 444.

² Сѣчевыми названы казаки въ одномъ изъ списковъ дневника сѣйма 1585 г.; „*Externa od Tatar od Turków niebezpieczeństwo... k'temu wojska zbiera, przegrzaa a najwięcej się obraża Siczoowych Kozaków najazdy, lupiestwy.*“ См. *Dynaryzse sejtmowe z roku 1585*. Wyd. Al. Czuczyski. W Krak. 1901, str. 9.

Бойшикъ—назывался по-татарски: **козакъмъ**.²¹ Это тотъ-же типъ пограничнаго добычника, который теперь въ Манчжуріи и на берегахъ Амура называется хунхузомъ. Въ событіяхъ послѣдней китайской смуты и въ дѣятельности хунхузовъ можно найти много параллелей для выясненія нѣкоторыхъ эпизодовъ въ исторіи пограничнаго козачества Рѣчи-Посполитой. Очевидно, что знаменитый Янь Длугошъ (род. въ 1415, ум. въ 1480 г.) превосходно понималъ значеніе татарскаго названія „козакъ“, если онъ говорилъ о татарскомъ войскѣ, ворвавшемся въ предѣлы Волыни въ 1469 году, что оно (*frequens Tartarorum exercitus*) „*ex fugitivis, praedonibus et exulibus, quos sua lingua Kozakos appellant, collectus*“ (=составлено изъ бѣглецовъ, добычниковъ и изгнанниковъ, которыхъ они на своемъ языкѣ называютъ козаками).²² Несомнѣнно, татарскіе козаки закололи того юношу Альмальчу, сына Самака, о которомъ говоритъ Сугдѣйская приписка въ греческомъ Синаксарѣ, относящаяся къ 17 мая 1308 года: τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐτελέσθη ὁ θάνατος τοῦ τοῦ ἀλμαλτζοῦ υἱοῦ τοῦ σακαῦ, φεῖ ὁ νεὸς εἶφη στρατῶς ὑπὸ καζακῶν. ἰνδ ε τοῦ σωῆς ἐτ + —въ тотъ же день (17 мая) скончался рабъ Божій Альмальчу, сынъ Самака, увъ, молодой человекъ, заколотый козаками. Инд. 6, 6816 года.²³

Занятіе козацкимъ промысломъ переняли отъ татаръ генуэзцы. Генуэзскіе козаки также промышленяли въ степяхъ разбоемъ и охотой, въ виду чего въ Уставы генуэзскихъ колоній въ Крыму внесены параграфы, вообще подтверждающіе право на „добычу“ (*praeda*) за тѣми лицами, которыя ее захватили, хотя въ Уставахъ Солдаи и Чембалю съ значительнымъ ограниченіемъ. Въ Уставѣ для города Каффы, изданномъ въ Генуѣ въ послѣдній день февраля 1449 года, такъ говорится „о добычѣ, которая будетъ взята на сушѣ“ (гл. 66, § 1): „Если случится, что будетъ взята какаи-

²¹ См. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, Вып. 8, 1896, стр. 364—365; ст. Миклошича „Ueber Fremdwörter“ въ Archiv für slavische Philologie, B. XI, s. 111.

²² См. Joannis Dlugossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae liber XIII et ultimus in mscetis codicibus tantum non omnibus desideratus, nunc tandem in lucem publicam productus ex bibliotheca Henrici L. B. ab Huysen etc. Lipsiae etc. Anno 1712, pag. 449 подъ 1469-мъ годомъ.

²³ См. Записки Одесскаго общ. чт. и дрени. т. V. Од. 1863, стр. 613, № 116.

нибудь добыча на оупѣ козаками, или оргузіями,⁴¹ или каффскими людьми, состоящая въ вещахъ, скотинѣ и волахъ, принадлежащихъ татарамъ или кому-нибудь другому, то мы постановляемъ и повелѣваемъ, чтобы ни каффскій консулъ, ни сторожа городскихнихъ воротъ, ни каффскіе чиновники, ни кто-либо другой, какого бы онъ ни былъ званія,—не могли, не смѣли и не думали отнимать часть этой добычи или скота; напротивъ, таковая добыча должна быть и считаться неприкосновенною, и съ полнымъ правомъ должна принадлежать тѣмъ, которые ее взяли или перехватили. Г. консулъ Каффы долженъ таковыхъ козаковъ, оргузіевъ и добычниковъ поддерживать и оказывать имъ помощь и благоволеніе.

Если же какой-нибудь консулъ Каффы, или чиновники, или иное какое-либо лицо—отнимутъ или отберутъ что-либо отъ выше-сказанныхъ добычниковъ, то подвергаются штрафу въ размѣрѣ двойной стоимости взятаго или отнятаго.⁴²

Въ Солдаѣ и въ Чембало козаки обязаны были дѣлиться добычею съ мѣстными консулами и городскими сбщинами, какъ объ этомъ гласятъ § 16 Устава Солдаи и § 19 Устава Чембало, выраженные почти одними и тѣми-же словами: „Наконецъ, поелику могутъ быть случаи, что въ упомянутомъ городѣ взята или перехвачена будетъ добыча (людьми того города), то постановляемъ и повелѣваемъ, чтобы четвертая часть добычи, какова бы она ни была, и кѣмъ бы ни была взята, у враговъ ли, или у сопротивляющихся рѣшеніямъ Каффы, отдавалась консулу упомянутаго

---

⁴¹ „Per casachos, orguzios seu homines Caphe.“ Оргузіями назывались въ г. Каффѣ конные полицейскіе стражники, служившіе при каффскомъ консулѣ. Проф. Смирновъ въ книгѣ „Крымское Ханство подъ верховенствомъ Османской порты“ (Сиб. 1887) на стр. 43-44 обращается къ разсмотрѣнію этого слова и приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) *horguzios* или *orguzios* есть терминъ монголо-тюркскій и значитъ буквально *разбираетелъ споровъ* или *судья*; происходитъ онъ отъ монгольскаго слова *dzaru*, значащаго: *распря, тяжба*; 2) въ русскомъ языкѣ память объ этомъ чиновникѣ осталась въ словѣ *армя*, *армяка*, что значило: низшій полицейскій чинъ; 3) въ Уставѣ Каффы названіе полицейскихъ стражниковъ оргузіями не соотвѣтствуетъ первоначальному значенію этого термина у того народа, отъ котораго онъ заимствованъ; оно принято лишь, какъ терминъ вульгарный.

города (т. е. Солдан или Чембало), остальные же три четверти раздѣлялись между общиною и козаками пополамъ.⁴¹

Козаки польско-литовскаго государства промышленяли такимъ же способомъ, какъ ихъ татарскіе и генуэзскіе братья. Самая цѣнная добыча (грабежа, здобуся, добытокъ) получалась путемъ разбоа.⁴² Но если не представлялось случая разбойничать и грабить, то козаки довольствовались болѣе мирными занятіями, дававшими средства пропитанія: ловили рыбу, охотились на звѣрей, добывали медь дикихъ пчель, заводили и собственные пасѣки, разумѣется - въ бортихъ. Люстрація Каневскаго замка 1552 г. съ записью говорить о козакахъ, промышленявшихъ по сѣверскимъ рѣчкамъ т. е. въ нынѣшней Полтавской губерніи, что они постоянно ѣдятъ мясо, рыбу, и медь, изъ котораго приготавлиють чудный напитокъ, очень любимый, какъ извѣстно, въ тѣ времена.⁴³ Звѣринныя шкуры и рыба, вяленая и соленая,⁴⁴ служили предметамъ сбыта и обмѣнивались на деньги, которыя нужны были козакамъ для покупки предметовъ, необходимыхъ въ ихъ ежедневномъ быту.

Откуда же пробирались козаки въ придиѣпровскія и прибужскія степи съ наступленіемъ весны?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ до нѣкоторой степени списокъ 530 козаковъ съ обозначеніемъ мѣста ихъ родины, составленный въ Черкасахъ 30 марта 1581 года. Преобладающее большинство козаковъ, записанныхъ въ этотъ реестръ, происходило изъ городовъ и мѣстечекъ, расположенныхъ по Днѣпру и его притокамъ: изъ Черкасъ (26 чел.), изъ Канова (14 чел.), изъ Виллоі

⁴¹ См. Записки Одесскаго общ. ист. и древн., т. V, Од. 1868, стр. 757-758, 783 и 789.

⁴² Грабежъ добычи при нападеніяхъ на сосѣднія страны Паливайко называлъ козацкимъ хлѣбомъ: „Bawiało się z młodych lat moich za wielu hetmanów kosaćskich na wielu miejscach w ziemiach nieprzyjacelskich *chlebem kosaćskim*“ . . . Изъ письма Паливайка къ королю Сигизмунду III изъ Рачицы отъ января 1566. См. Zbiór pamiętników do dziejów polskich. Wydał Wł. hr. de Broel-Plater. T. 2. Warsz. 1858. Str. 214.

⁴³ См. Архивъ юго-запади. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 103.

⁴⁴ Королевскому коморнику Бернару Шидловскому, ѣхавшему въ Кіевъ 20 февраля 1579 г., поручалось установить тамъ пошлину „od ryb słonych i miśnych, których smac̄ bardzo wiele stamtąd wywożą i tam przywożą a nie od nich nie dają.“ См. Acta historica, t. XI, Sprawy wojenne etc., str. 157.

Церкви (8 чел.), изъ Кіева (18 чел.), изъ Любеча (7 чел.), изъ Остра (4 чел.), изъ Рогачева (2 чел.), изъ Выхова (8 чел.), изъ Могилева (11 чел.), изъ Тетеряча (1 чел.), изъ Дубровной (2 чел.), изъ Друцка (1 чел.), изъ Горокъ (1 чел.), изъ Гомеля (7 чел.), изъ Черска (1 чел.), изъ Кричова (2 чел.), изъ Мстиславля (10 чел.), изъ Брагина (10 чел.), изъ Чернобыля (3 чел.), изъ Мозыря (17 чел.) изъ Любоня (1 чел.), изъ Озерянь (2 чел.), изъ Петрикова (1 чел.) изъ Турова (13 чел.), изъ Давидова-Городка (6 чел.), изъ Пинск (2 чел.), изъ Хвойни (1 чел.), изъ Слуцка (4 чел.),^{*1} изъ Минск (3 чел.), изъ Кайданова (1 чел.), изъ Ворисова (1 чел.), изъ Тризюнки (1 чел.), изъ Вобруйска (9 чел.); затѣмъ значительный контингентъ данали города и мѣстечки Волини: Вишневецъ (4 чел.) Дубно (11 чел.), Кременецъ (6 чел.), Константиновъ (7 чел.), Крашиловъ (2 чел.), Ровно (2 чел.), Тучинъ (1 чел.), Олыка (1 чел.), Звигель (1 чел.), Луцкъ (4 чел.), Торчинъ (1 чел.), Острополь (2 чел.), Владимиръ (3 чел.), Литовижъ (1 чел.), Острогъ (5 чел.), Ковели (1 чел.), Корецъ (4 чел.), Ворестечко (1 чел.), Дермань (1 чел.) и Чудновъ (1 чел.); сравнительно немного своихъ сыновъ дали подольскіе города и мѣстечки: Каменецъ (5 чел.), Вянища (3 чел.), Брацлавъ (1 чел.), Хмельникъ (2 чел.), Пиковъ (2 чел.), Ямполь (2 чел.); были представители и далекой отъ Днѣпра и Черкасъ Червоной Руси: изъ Коломыи (2 чел.), изъ Вучача (1 чел.), изъ Галича (1 чел.), изъ Золочова (1 чел.), изъ Збаража (1 чел.), изъ-подъ Львова (1 чел.), изъ Ярославля (2 чел.); наконецъ, попадаютъ и уроженцы такихъ отдаленныхъ городовъ, какъ Вильно (4 чел.), Новогрудокъ (2 чел.), Ковно (2 чел.), Городокъ-Витебскій (5 чел.), Полоцкъ (6 чел.), Смоленскъ (1 чел.), Коричинъ (1 чел.), Слонимъ (2 чел.). Кромѣ жителей литовско-русскихъ, волинскихъ, подольскихъ и галицкихъ — отмѣчены въ спискѣ и иностранцы: Москви-

^{*1} Происхождение многихъ козаковъ изъ такъ называемаго Кошыльско-Слуцкаго княжества (часть воеводства Новогрудскаго) подтверждаетъ Наливайко слѣдующими словами своей жалобы королю Сигизмунду III на Литовскихъ пановъ: „Potóm się w *Korulin* i naszymi kilkudziesięt, którzy tam na leży byli rozstawiali, chłopiąt, pacholków i kilku towarzyszków naszym na przykrywawach, a niektórych do rodziców judących napali (= на некоторыхъ напали въ то время, когда они ѣхали къ родителямъ), a jakom wziął wiadomość, niektórych pościnali, niektórych zaśie rozmaicie zamordowali.“ См. Zbiór etc. Wydał hr. do Broel-Plater, str. 217.

ше (20 чел.), Петръ изъ Рязани, Кондрать и Иванъ съ Волги, Юндавано (4 чел.), Марко изъ сербской земли, Андрей изъ Нѣм-
ецъ, Куланъ-Мурза изъ Крыма, Семенъ изъ Каффы. Польскій
географическій элементъ былъ представленъ козаками изъ Пола-
ви, Кракова, Лукова, Глуска, Стенжицы, Сандомбра и Грубошо-
а, и шляхтичами, занимавшими командныя мѣста. По всей вѣро-
ятности къ польской народности принадлежали и тѣ три сподиа-
роста, которые названы въ реестрѣ: Матисъ фольдшоръ (balwiers),
Ишко портной (krawiec) и Денисъ, баккаларъ какихъ-то наукъ
(sacalarius).^{*1}

Люблинскій воевода Янъ Тарло, ѣздившій въ степи, по пору-
ченію Стефана Ваторія, лѣтомъ 1578 г. для разслѣдованія козац-
кихъ пограничныхъ разбоевъ (о чемъ рѣчь ниже), по возвращеніи
въ сентябрѣ докладывалъ королю, что болѣе всего козаковъ вы-
ѣдетъ на Низъ изъ имѣній воеводы кievскаго князя Константина
Константиновича Острожскаго, а также изъ имѣнія воеводы бра-
цлавскаго князя Януша Николаевича Збаражскаго—г. Номпрова.^{*2}

Іоакимъ Вѣльскій упоминаетъ еще объ имѣніи Филона Кми-
ы Пяковъ, какъ о мѣстѣ, куда, по словамъ турецкаго чауша,
крывались козаки послѣ разбойничьихъ набѣговъ на турецкія
задѣнія.^{*3}

Всѣми этими свидѣніями вполне подтверждается характер-
ника Днѣпровскихъ козаковъ, сдѣланная довѣреннымъ секретар-
емъ Стефана Ваторія и другомъ его министра Яна Замойскаго
Фейнгольдомъ Гейденштейномъ: „Огромное пространство полей и
погія нивы остаются тамъ (въ пограничныхъ степяхъ) не воздѣ-
ванными и не заселенными по причинѣ разбоевъ или вслѣдствіе
страха. Всякій, кто былъ въ тяжелой нуждѣ или былъ осужденъ
за уголовныя преступленія, и всѣ тѣ, которымъ или обстоятель-
ства или законы не позволяли жить въ отечествѣ, какъ изъ дру-
гихъ народовъ, такъ и изъ поляковъ и литовцевъ,^{*4} собирались сю-

^{*1} См. Źródła dziejowe (Яблоновскаго), t. XX, 1894, стр. 154—164 и Gór-
kiego, Historia piechoty polskiej, Krak. 1893, стр. 243-244.

^{*2} См. Acta historica, t. XI, Sprawy wojenne etc., стр. 143.

^{*3} См. хрон. Іоакима Вѣльскаго, т. XIX, стр. 75.

^{*4} Конечно, здѣсь подразумѣвается не этнографическая принадлежность
къ польскому или литовскому племени, а подданство или Польской Коронѣ,
или Великому Княжеству Литовскому.

да, чтобы промыслять грабежомъ и добычею. Въ прежнія же времена, при общемъ мирѣ между народами, даже нѣкоторые знатные юноши стремились въ эти мѣста, ненавидя спокойную жизнь и жаждая не бездѣлствія и досуга, а возможности выказать доблесть. Вольшую частью они питались рыбною ловлею по озерамъ и по рѣкѣ Днѣпру, а также разбои, считая врагомъ всякаго, съ кого надѣлились поболѣе награть добычи. Но такъ какъ среди нихъ преобладали числомъ христіане, то болѣе всего враждебны были они варварамъ, особенно — татарамъ, королямъ же польскимъ зачастую приносили пользу. Занимая нижнюю часть Польши, прилегающую къ рѣкѣ Днѣпру, они отъ своего мѣстожителства называются Низовцами. Среди остальныхъ козаковъ (=имя, которымъ обыкновенно называются какъ конные, такъ и пѣшіе воины, собирающіеся по частному почину и по своей доброй волѣ на границахъ, чтобы производить разбой и опустошать набѣгами неприцельскія страны) они наиболѣе отличаются и численностью, и доблестью.⁴¹

Что касается сословнаго происхожденія отходившихъ въ „козацтво“, то болышею частью это были люди, стоявшіе невысоко на общественной лѣстницѣ: мѣщане, бояре, бѣглецы „подданные“ разныхъ владѣльцовъ.⁴²

Въ болѣе древнее время литовско-русскіе козаки очень часто смѣшивались въ своихъ предиріятіяхъ съ татарскими. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что татары оставались въ составѣ козацкихъ купъ навсегда и что, напримѣръ, среди козаковъ, служившихъ у кievскаго воеводы (1492-1505) князя Дмитрія Ивановича Путича, являютсѣ несомнѣнными татаринъ Душбекеничъ.⁴³ Въ эпоху Баторія въ Черкасахъ проживало такъ много татар-

⁴¹ См. Reinoldi Heldensteni secr. regii de bello Moscovitico, quod Stephanus rex Poloniæ gessit, Commentariorum libri VI. Basileæ 1588, pag. 11 Записки Гейдштейна о Московскои войнѣ въ русскомъ переводѣ изданы С.-Петербургскою Археографическою Коммиссіею въ 1889 г.

⁴² На сѣмъ 1585 г. въ засѣданіи 18 февраля „Instigator contra receptores et patronos Nizovienses agebat judicialiter, quod eos comectu, sale nitro, pulvere tormentario, subvectionibus juverint et famulos subditosque suos eis spe praedae adjunxerint.“ См. Dyaryusz sejmowe z roku 1585. Wyd. Al. Czuczynski. W Krak. 1901, str. 240.

⁴³ См. Архивъ юго-зап. Рос., ч. III, т. I, К. 1863, стр. 1, N I.

къ козаковъ, что посланный Ваторіемъ для изученія и описанно-русскихъ областей львовскій каштелянъ Янъ Свѣиницкій мо говоритъ о жителяхъ г. Черкасъ, что „религія ихъ болѣе частью магометанская“ (religio apud eos magna ex parte Machometana).⁹¹

Но всетакъ въ общемъ съ теченіемъ XVI вѣка татарскій элементъ среди козачества слабѣлъ, зато усиливался элементъ шляхскій. Это явленіе отмѣчаютъ два современныхъ писателя: Верескскій (1532—1598) и Лубенецкій (1550—1622).

Іосифъ Верещинскій въ своемъ правоучительномъ трактатѣ 15 года: „Gościniec pewny nieromiernymъ moczugebomъ, а omierzałymъ dmikufłomъ świata tego“ писалъ: „Что отецъ съ матерью собралъ грошу, наживая съ большимъ трудомъ за много лѣтъ имущество, то безразсудный сынокъ пропуститъ черезъ горло въ одинъ день, а потомъ, когда ужъ не откуда взять, боясь околѣть съ голоду, выищъ о немъ)—или очутился на Низу и грабитъ чабановъ турецкихъ, или въ Слезинскомъ бору вытряхиваетъ фуры (купческія)“⁹² Андрей Лубенецкій въ сочиненіи „Poloneutichia,“ изданномъ по рукописи Александромъ Батовскимъ только въ 1843 г., передаетъ этотъ эпизодъ гораздо обстоятельнѣе: „Наши чаще ходили въ татарскія мѣста на козацкіи промыслы, нежели татары къ намъ. За короля мугла въ русскихъ областяхъ было достаточно предприимчивой и смелой молодежи, съ которою татарамъ много было возни, такъ имъ приходилось отъ нея отбиваться. Среди нея находились Селевскіе, Струсп, Гербурты, Претвичъ, Станиславъ Замойскій, Поддубскій, Влодекъ, князья Вишневцкіе, Эбаражскіе, Заславскіе, Козубскіе, Ружинскіе и иная знать, а также не мало шляхты; они рѣдко сходили съ Полесіи. Они считали своего рода охотничьею заба-

⁹¹ См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Czerkasy*.

⁹² См. Pisma treści moralnej Ks. Józefa Wereszczyńskiego. Wyd. Turonogo. W Krak. 1800, str. 14.—*Ślesin* или *Ślezyn*—озеро и посадъ въ нынѣшнемъ вѣвскомъ уѣздѣ Калишской губ. Западный берегъ озера и теперь называется „*Wysepъ zbojeckie*“ (См. Słownik geograficzny, t. X, str. 762) и по преданію въ большихъ лѣсахъ этой мѣстности гнѣздились въ былое время раяны, которые грабили купцовъ, путешествовавшихъ изъ Гнѣзна или Познаня въ Варшаву, Радомъ или Сандомиръ.

вой — ходить въ Поля лично или снаряжать туда своихъ подданныхъ.^{4*}

Всѣ козацкія предпріятія были такого рода, что они требова- ли дѣйствія скопомъ, образованія промысловыхъ кулъ или това- риществъ; члены ихъ такъ и назывались „товарищами.“ Въ подоб- ныхъ скопищахъ, конечно, являлись вожаки, болѣе предпримчи- вые и сильные духомъ, которые подчиняли своему авторитету остальныхъ. Такъ какъ рыболовство являлось одною изъ важныхъ отраслей козацкаго промысла, то этимъ объясняется, почему на- чальникамъ козацкимъ усвоилось названіе, искони свойственное руководителямъ рыболовныхъ предпріятій;—они стали называться „атаманами.“ Это названіе извѣстно въ русскомъ языкѣ съ 1294 г., когда оно упоминается въ грамотѣ новгородскаго князя Андрея Александровича о правѣ его посылать три ватаги на море для рыб- ноѣ допли, „а ватаманъ Ондреи Критцини.“^{4*} Позднѣе слово „атаманъ“ стало служить для обозначенія начальниковъ младшихъ, второстепенныхъ, главнѣйшіе же вожди присвоили себѣ употре- бительный въ Польшѣ титулъ „гетмана,“ заимствованный у Че- ховъ и составляющій искаженіе нѣмецкаго слова „Hauptmann“= начальниій человекъ, голова. Такъ какъ козаки были разсѣяны на

* См. Poloneutichia, albo królestwa polskiego szczęście, a przytem i w. ka. litewskiego, Andrzeja Lublenskiego. Wydanie zakładu naukowego imienia Oswo- tńskich. We Lwowie 1843. Str. 80—81.

* См. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка Срезневскаго, т. I, Спб. 1893, стол. 291. Въ настоящее время это же самое названіе присваивает- ся руководителямъ рыболовныхъ артелей или товариществъ, отправляющихся изъ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губ. ловить рыбу въ г. Маріуполь и на косу Бѣдосарайку, а также въ другія мѣстности Херсонской, Екатерино- славской и Таврической губерній. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ промыслѣ Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. т. VI, Золотонош- ской уѣздъ, стр. 131: „Уходъ на рыбную долю весьма распространенъ въ м. Кропивной. Собирается товарищество въ нѣсколько десятковъ человекъ (ме- нѣе 30 не бываетъ); выбираютъ изъ своей среды атамана и, придя на мѣсто, постунають къ хозяину, который отводитъ имъ избу, даетъ снасть, лодку, напимаетъ на свой счетъ озера, а они уже покупаютъ на общій счетъ па- тентъ на право торговли и провизію. Цѣлое лѣто ловятъ рыбу и топятъ жиръ, атаманъ распоряжается продажей рыбы, работами, а въ концѣ лѣта производятся дѣлежъ; хозяинъ получаетъ половину барыша со всего улова, а остальная половина раздѣляется на равныя части по числу товарищей, ис- ключая атамана, получающаго въ три раза болѣе простаго работника.“

рокомъ пространствѣ юго-восточныхъ границъ Рѣчи-Поспо-
гой отъ вышней южной Черниговщины до Вессарабіи, то въ
нихъ мѣстахъ козацкими скопищами предводительствовали раз-
нѣ лица и такимъ образомъ одновременно могло появляться по
несколько гетмановъ. Такъ, напримѣръ, въ эпоху Ваторія мы
имѣемъ фактъ, что въ 1577 г. въ Немировѣ былъ гетманомъ Шахъ,
въ Кіевѣ—Арковскій.*¹

Зима была порой, когда козацкія предпріятія приостанавлива-
лись. Въ ноябрѣ 1504 года Менгли-Герай писалъ Іоанну III Мо-
сковскому, чтобы тотъ отпустилъ его посланца Асанчюкъ Авыза
въ „на зиму“—зимую, „коли казаки не ѣздятъ и дорога чиста.“*²
Въ степяхъ негдѣ было укрываться отъ стужи и метелей, и коза-
ки должны были искать на зиму пріюта или на родинѣ, если со-
ставляли связи съ нею, или въ ближайшихъ пограничныхъ со-
седнихъ городахъ. Вотъ, напримѣръ, что сообщалъ Менгли-Герай
какому-то князю Ивану Васильовичу въ апрѣлѣ 1503 года: „Сего
лѣта отъ Шигзады отъ его величества (Магометь-Шихзода—сул-
танъ каффинскій, сынъ турецкаго султана Балзета) каффинскіе гости
(кунды) отъ Кіева Нѣпромѣ рѣкою со многими кунами*³ поѣха-
ли были сюды; и кіевскіе и черкасскіе казаки, соединивши, тѣхъ
гостей всѣхъ побили и куны всѣ взяли; и сего лѣта въ Кіевѣ и въ Чер-
каскахъ тѣ люди не были, бѣжали. И какъ близко зима, и они въ Кіевѣ при-
шли и оманкою тѣхъ поняли, и тѣ куны всѣ собравъ, поставили пол-
торьятцать сотъ тысячъ алтынъ,*⁴ розчетъ учинивъ, поставили.“*⁵
Въ г. Черкасы на зиму съ 1551 на 1552 г. собралось 250 козаковъ:
кромя ослыхъ бояръ и мещанъ бываютъ у нихъ при-
рѣчные козаки; все зимы было ихъ разомъ о полторьятцѣста.*⁶ Съ

* См. Biblioteka ordynacyi Krasniskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego.
Том. V і VI, Warsz. 1881, str. 83.

* См. Сборн. Имп. Рус. истор. общ. т. 41, Памяти. днл. спом. Моск.
с. съ Крыи. и Нагай. орд. п съ Турц. т. I, стр. 550.

* Куна — шкурка куны (куницы), имѣвшая значеніе денегъ; куны—день-
ги вообще. Со многими кунами—съ большою суммою денегъ. Матеріалы и
р. Срезневскаго т. I, стол. 1305—66.

* Алтынъ—денежная единица въ 6 денегъ—3 коп. Отъ татар. алти-
ны. См. тамъ-же стол. 18. Полторьятцѣ сотъ тысячъ—2.500.000.

* См. Сборн. Имп. Рус. ист. общ., т. 41, Памяти. и пр. т. I, стр. 407.

* См. Арханъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 91.

наступленіемъ весны эти казаки опять отправлялись или, по тогдашнему выраженію, отходили „у козацтво на поле“ или „рекою у низъ;“ лѣтомъ, по выраженію одной изъ грамотъ Іоанна III, „отъ казака страхъ на поля.“^{*1}

Были-ли при казакахъ женщины во время ихъ лѣтнихъ промысловъ? Несомнѣнно, что нѣкоторыхъ казаковъ въ ихъ кочевой, наполненной опасностями жизни сопровождали и жѣны. На это указываетъ тотъ-же упоминавшійся раньше Янъ Сѣвинскій, когда онъ говоритъ о жителяхъ г. Черкасъ: „Mulieres fere ac viri belli turpia arud eos obeunt“ (=женщины у нихъ наравнѣ съ мужчинами участвуютъ въ военныхъ дѣйствіяхъ).^{*2} Извѣстіе Сѣвинскаго служитъ комментариемъ къ тому мѣсту позднѣйшаго письма Станислава Жолкѣвскаго къ Яну Замойскому отъ 16 апрѣля 1596 г. изъ Вѣлой Церкви, гдѣ Жолкѣвскій говоритъ о презравившихся за Днѣпръ казакахъ: „głod ziam zwojuie ich tham (т. е. на лѣвой сторонѣ Днѣпра), bo takowej wielkosci z zoneni z dziecni Przasław (=Переяславъ) a Alexandrów (=Лубны) niemoze dlugo wytrzymac.“^{*3} Съ другой стороны забубенныя головы, о которыхъ говорятъ Верещинскіи, конечно, не имѣли при себѣ жѣнъ и все лѣто проводили въ вынужденномъ цѣломудрїи; за то зимою, когда стужи и непогоды загоняли ихъ въ города, они находили утѣшеніе въ объятіяхъ случайныхъ красавицъ, „зъ бѣлыми головами непочестныи рѣчи дѣлаючи.“^{*4}

* * *

Каждое явленіе народнои жизни съ теченіемъ времени преобразуется и теряетъ свой первоначальнѣйшій характеръ. Тоже случилось и съ „козацтвомъ.“ По мѣрѣ того, какъ учащались татарскіе набѣги изъ Крыма и степные промыслы становились чѣмъ далѣе, тѣмъ опаснѣе, казаки изъ рыболововъ и охотниковъ, склонныхъ только при случаѣ пограбить и поразбойничать, все болѣе

^{*1} См. Сборн. Имп. Рус. ист. общ. т. 41, Памятн. и пр. т. I, стр. 554.

^{*2} См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Czerkasy*.

^{*3} См. Listy Stanisława Żółkiewskiego. W Krak. 1898, str. 81—82.

^{*4} См. Акты, отн. къ ист. Западнои Россїи, т. I, Спб. 1846, стр. 194, № 170.

сформировывались въ настоящихъ добычниковъ, которые тогда шь считали себя занятыми, когда имъ удавалось собираться въ ны и предпринимать нападенія въ цѣляхъ грабежа на татары и турецкіе юрты и улусы.*¹ Изъ ряда промышленныхъ гонимъ и разбойничьихъ шаекъ козачество все болѣе преобразуется въ своеобразный военно-разбойничій орденъ съ центромъ одномъ изъ острововъ днѣпровскихъ ниже Пороговъ.*² Вѣсьма рожно предположеніе одного изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ Маріана Дубецкаго, что инициаторами и основателями воеводскихъ учреждений, напоминающихъ во многомъ западно-европейскіе рыцарскіе порядки, являлись приставшіе къ козачеству польскіе шляхтичи, которые приносили съ собою на днѣпровскій Низъ польскія рыцарскія понятія, выработанныя въ вѣковъ подъ вліяніемъ идей западно-европейскаго рыцарства.*³ Правъ отчасти и Кулишъ, говоря: „Какъ и когда устрою свои войсковые и полковые порядки запорожское войско, намъ извѣстно, потому что казаки не любили письменности.“*⁴ Тѣмъ менѣе исторически можно доказать, что сильные толчки развитію военныхъ инстинктовъ среди литовско-русскаго козачества шли съ одной стороны—киевскіе воеводы и старосты пограничныхъ городовъ Черкасъ, Канева, Брацлава и Винницы, съ другой стороны—такіе авантюристы, какъ князь Дмитрій Ивановичъ Шиневецкій или князь Богданъ Евстафійевичъ Ружинскій, съ третьихъ, наконецъ,—непрерывно смѣнявшіеся претенденты на Молдавскій господарскій столъ.

Кіевскій воевода князь Дмитрій Ивановичъ Путятичъ (1492—1505), справца кіевского воеводства князь Андрей Михайловичъ Сан-

*¹ См. рус. пер. Мартина Броневскаго, стр. 338.

*² Напр. въ Descr. vet. et novae Pol. 1585 г. говорится о Томаковѣ: *Tomakowka—insula est in Borysthene, inter Tesmien flumen et Fessinum, quod nigra sylva demanat, ubi Nisovii Kozaki tanquam in arce fortissimi habitant confidit.*

*³ См. *Obrazy i studia historyczne akreślone przez Maryana Dubieckiego, Serya Waga.* 1899, стр. 97—102. Общежительное устройство куреней, безпрекословное послушаніе старшимъ, безженность и культъ Покрова Пресв. Богородицы—вотъ черты быта, заимствованныя, по мнѣнію Маріана Дубецкаго, у восточныхъ рыцарско-монашескихъ орденовъ.

*⁴ См. П. А. Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоед. Руси, М. 1877, стр. 11.

гушко-Коширскій (1541), кievскій воевода князь Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій (1546—1554), справца кievскаго воеводства князь Николай Андреевичъ Збаражскій (1559), кievскій воевода князь Константинъ Константиновичъ Острожскій (1559—1608); староста каневскій Никифоръ Васильевичъ Вободъ (1541), староста черкасскій князь Андрей Глѣбовичъ Пронскій (1541); бывшіе старостами въ Каневѣ и Черкасахъ въ то время, когда эти староства замѣщались однимъ лицомъ: Евстафій Ивановичъ Дашковичъ (1528), Василий Тихоновичъ Тышкевичъ (1536—1537), Иванъ Петровичъ Пенько (1539), Овкій Горностаевичъ, второй сынъ Горностаея Романовича (1544), Иванъ Хрщоновичъ (1550—1552) и князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій (1559—1580); старосты брацлавскіе и винницкіе, которыми также обыкновенно бывали одни и тѣже лица: князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1498—1500, 1507—1517, 1518—1530), князь Илья Константиновичъ Острожскій (1530—1539), князь Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій (1540—1541), князь Ѳедоръ Андреевичъ Сангушко (1546), князь Богушъ Ѳедоровичъ Корецкій (1548—1576)—всѣ эти представители государственной власти на границѣ снабжали козаковъ лошадьми, боевыми снарядами (съ распространіемъ огнестрѣльнаго оружія—порохомъ [sale nitro, pulvere tormentario] и оловомъ) и съѣстными припасами (comestui) и покровительствовали козацкимъ окопищамъ въ ихъ разбойничьихъ нападеніяхъ на сосѣднія страны на томъ основаніи, что львиная доля заграбленной добычи (praedae) доставалась имъ: „Кгда козаки, в земли неприятельскомъ здобывшись, приходятъ, а добытку того старосте одно што лепшее.“^{*1}

Другимъ обстоятельствомъ, укрѣпившимъ связи между воеводами, старостами и козаками, была служба козаковъ въ конвойныхъ командахъ, вербуемыхъ для охраны воеводской или старостинской особы во время поѣздокъ и походовъ, и для отраженія неприятельскихъ нападеній на тотъ замокъ, въ которомъ эта особа имѣла свое пребываніе. Козаки воеводы князя Дмитрія Ивано-

^{*1} См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 83. Ср. выше, примѣч. 2 на стр. 21, гдѣ выписано заявленіе пистигатора (прокурора) въ засѣданіи сейма 18 февраля 1585 г.

и Путатича или какого-либо пограничнаго старосты, конечно, не имъ близки, какъ ихъ тѣлохранители.⁶¹

Что касается авантюристовъ въ родѣ основателя запорожскій сѣчи (=укрѣпленія, срубленнаго изъ древесныхъ колодъ)⁶² островѣ Хортицѣ князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго⁶³ и князя Богдана Евстафійевича Ружинскаго, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они увлекали козаковъ въ военныя экспедиціи противъ татаръ и турокъ; вѣдь для такихъ людей модельнѣйшій набѣгъ—вся цѣль и вся отрада жизни, но чтобы почувствовать сладостный трепетъ, охватывающій война при выступленіи въ походъ, они должны были знать, что за ними слѣдуетъ и удалцовъ, готовыхъ раздѣлить съ ними всѣ труды и опасности войны; такихъ соратниковъ они могли находить только среди козаковъ. Обращаясь мыслью къ этимъ сорвиголовамъ, невольна вспоминаемъ образъ Лермонтова:

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей....
Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье—
Все дышитъ буйствомъ и войной.

Обратимся, наконецъ, къ искателямъ Молдавскаго престола. В 1541 года Молдавія почти лишилась своей политической самостоятельности и попала въ самую тѣсную зависимость отъ Высо-

⁶¹ Самый лучший указатель актоваго матеріала, характеризующаго дѣятельность пограничныхъ старостъ по отношенію къ козакамъ, составляетъ Н. Изюваискииъ. См. Исторія Россіи, т. III (1890), стр. 705—709, прим. 98.

⁶² Сѣча, сѣчь=silva caedua. Переходъ значенія таковъ: 1) площадка въ ту, на которой только-что срублены деревья, нигуда еще не употребленныя тутъ-же лежація; 2) укрѣпленіе, построенное на той-же площадкѣ изъ срубленныхъ колодъ (нѣм. Blockhaus).

⁶³ Въ Descr. vet. et novae Polon. 1595 г. подъ словомъ *Chortycza* сообщаетъ: „Insula est in alveo Borystenis, clara Wisniorecii herois oeconomia militari. In eadem sedem et firmamentum sui roboris stabiliverat. Sita est à Kiovia 44 milibus, pauló infra ostia fluminis Tismienca.“

кой Порты. Виновицекомъ такого печальнаго оборота дѣлъ явился молдавскій господарь Петръ Рарешъ, который, желая возвратить утраченный имъ ранѣе престолъ, не постѣнился обратиться за содѣйствіемъ къ Турецкому падишаху и дорогою цѣною заплатитъ туркамъ за возвращеніе ему власти. Онъ обязался платитъ ежегодно Портѣ 12.000 дукатовъ вмѣсто 3.000, назначенныхъ при господарѣ Богданѣ III, и притомъ не въ формѣ подарка, а прямо въ видѣ дани; онъ обязался содержать при себѣ отрядъ турецкой кавалеріи въ 500 человекъ, будто-бы для защиты отъ домашнихъ враговъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы его поведеніе было подѣ постояннымъ контролемъ со стороны турокъ; наконецъ, онъ обязался оставить заложникомъ въ Константинополь роднаго сына. Съ этихъ поръ турецкое правительство начало открыто торговать Молдавскимъ престоломъ, отдавая его тому, кто предлагалъ вышую цѣну.*¹

Важнымъ обстоятельствомъ, плодившимъ многочисленныхъ претендентовъ на Молдавскій престолъ, было странно и неблагоразумное воззрѣніе мѣстныхъ жителей, по которому законные и незаконные сыновья бывшихъ господарей считались одинаково правоспособными для занятія опустѣвшаго престола. И вотъ если господарь имѣлъ совершенно случайную и мимолетную связь съ какой-нибудь жепщиной, то этого было уже достаточно, чтобы сынъ сей женщины выдавалъ себя за потомка господаря Богдана или Стефана и т. д., и стремился къ захвату господарскаго престола.*² Соперничество и взаимныя козни бояръ вели къ тому, что любой претендентъ находилъ въ ихъ средѣ охотниковъ содѣйствовать осуществленію его честолюбивыхъ замысловъ. Если претенденту, какъ напр. Ивану Грозному (Ивоніи), не удавалось составить партіи среди бояръ, то онъ принимался истреблять ихъ и искалъ опоры у крестьянъ, которые, по обыкновенію всѣхъ странъ и народовъ, ненавидѣли бояръ, какъ сословіе, стѣсняющее ихъ свободу и надъ ними властвующее, и рады были ослабленію того значенія, какимъ бояре пользовались въ Молдавіи.

*¹ См. Histoire des Roumains de la Dacie Trajane par A.—D. Xénopol. Paris 1896, I vol., p. 308—309.

*² См. ibid. p. 318.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ неустойчивомъ мѣкѣ замѣщенія Молдавскаго престола, къ увеличенію народнаго бѣдствія, начали появляться еще и самозванцы, въ родѣ знаитаго грека Якова Василика Гераклида, которые безъ дальнѣйшихъ околичностей измышляли прямо свои мнимыя права на истолю и своими домогательствами вносили въ жизнь страны ны смуты и тревоженія.

Кто бы ни былъ претендентъ, онъ не могъ обойтись при пытѣ осуществить свои мнимыя или дѣйствительныя права на мдавскій престолъ безъ помощи военной силы, которая могла заставить противниковъ признать эти права и убѣдить ихъ, о въ большинствѣ случаевъ сила есть право. Готовый контингнтъ вооруженныхъ людей претенденты находили среди козачока, промышлявшаго на юго-восточныхъ границахъ Рѣчи-Посполтой. Сюда они обращались за содѣйствіемъ, казаки охотно принимали предложенія, чужа богатую добычу, и чѣмъ болѣе практиковались они въ военномъ ремеслѣ, тѣмъ становились въ немъ итѣе, тѣмъ болѣе развивали у себя войсковые порядки, тѣмъ итѣе превращались изъ рыбопромышленныхъ ватагъ и разннчнхъ скопищъ въ своеобразный рыцарскій орденъ.*¹

* * *

Профессоръ Любоничъ въ своей брошюрѣ „Статистическій отодъ въ приложеніи къ исторіи“ (Варш. 1901) на нѣкоторыхъ рнѣрахъ, взятыхъ изъ исторіи Германіи XIV—XVI вѣка, объясняетъ, „какъ изученіе нѣкоторыхъ историческихъ явленій, опирающееся на точныя цифровыя данныя, помогаетъ составить себѣ опредѣленное, вѣрное представленіе о нихъ, а также норѣдио сразу раскрываетъ прежнія часто сильно укоренившіяся въ наукѣ ложныя мнѣнія и сужденія.“ Источники позволяютъ намъ привести

¹ Самое лучшее описаніе козацкаго быта въ эпоху Баторія принадлежитъ Бартошу Павроцкому (составлено по рассказамъ Самуила Эборовскаго) — *Narby gusarstwa polskiego. Wyd. Turowskiego 1858, str. 156—167.*

нѣскольکو цифръ, показывающихъ численность козаковъ, ютившихся въ приднѣпровскихъ и прибужскихъ пустыняхъ въ эпоху Баторія.

Осенью 1576 г. Девлетъ-Герай въ письмѣ къ королю опредѣлялъ численность козаковъ, нападавшихъ на его владѣнія, цифрою 3.000 человекъ.

Въ маѣ 1578 г. въ канцеляріи Баторія имѣлись свѣдѣнія, что козаковъ собралось на Днѣпрѣ около 3.000 человекъ. Воевода кievскіи князь Константинъ Константиновичъ Острожскій долженъ былъ сгнать ихъ съ Днѣпра, а царь Перекопскій имѣлъ смотрѣть на эти дѣйствія съ татарскаго т. е. лѣваго берега рѣки.

Подкову сопровождалъ въ Молдавію отрядъ въ 600 человекъ. Число козаковъ, водившихъ въ Молдавію самозванца Александра, Турецкіи падишахъ въ письмѣ къ Баторію опредѣляетъ цифрою 2.000. Янчи Бегеръ наворбовалъ въ 1578 г. на королевскую службу 500 козаковъ. Въ 1581 г. ихъ служило 530. Оржельскому въ 1583 г. поручено было наворбовать въ г. Черкасахъ 600 человекъ....

Эти цифры даютъ нѣкоторое понятіе о томъ численномъ составѣ козачества, съ которымъ приходилось считаться Баторію.

Какъ воинъ, Баторіи, конечно, цѣнили необыкновенныя воинныя качества козаковъ, но, какъ правитель государства, онъ не могъ относиться къ нимъ иначе, какъ съ глубочайшею ненавистью, такъ какъ они въ теченіе всего его государствованія служили важною помѣхою въ осуществленіи предначертанной имъ полптической программы. Если Баторіи поручалъ послу своему Мартину Вроненскому сказать отъ его имени царю Перекопскому о козакахъ: „мы не пытаемъ любви къ нимъ и намѣрены не охранять ихъ, а, напротивъ, истреблять,“¹ то это было вполне искреннее признаніе съ его стороны.

Изучая отношеніе Стефана Баторія къ Днѣпровскимъ козакамъ, нужно твердо помнить, что Баторіи былъ выбранъ подъ давленіемъ Турціи, какъ человекъ удобный тогдашнему султану

¹ См. Bibl. Ord. Kras. Mus. Świdz. t. V i VI, str. 96.

ниту. Къ прожимнѣ доказательствамъ этого обстоятельства⁴¹ можно присоединить новое свидѣтельство современника, обнаруженное недавно проф. Вержбовскимъ. Извѣстный историкъ и востоковѣдъ Янъ Ласидкій, посланный въ Германію краковскимъ воеводою Петромъ Зборовскимъ, такъ говорилъ въ г. Касселѣ 30 мая 1576 г. гессенскому ландграфу Вильгельму:

„Что поляки предпочли Ваторія Его Императорскому Величеству, то они сдѣлали это не изъ нѣкотораго пренебреженія къ Его Имп. Вел., но ради того, что по поступку они такъ, то безъ всякаго сомнѣнія они имѣли бы турокъ у себя на шеѣ, такъ какъ турецкій падишахъ очень грозно написалъ, что въ случаѣ, если поляки изберутъ въ короли Его Имп. Вел., то онъ будетъ предводитель ихъ мечомъ и огнемъ, и двинетъ противъ нихъ татаръ.

Далѣе имъ, полякамъ, нуженъ былъ такой король, который во всякое время проживалъ бы среди нихъ, вершилъ бы правосудіе, имѣлъ бы достаточно тѣлесныхъ силъ, чтобы защищать и охранять ихъ отъ варваровъ, понималъ бы способы веденія войнъ противъ турокъ, москвитянъ и татаръ, вступилъ бы, наконецъ, въ бракъ съ королевной Анной.

Его Имп. Вел. не могъ бы выполнить воиъхъ этихъ условій не только по недостатку тѣлесныхъ силъ, но и потому, какъ хорошо понималъ поляки, что Его Имп. Вел. не согласился бы покинуть Священную Имперію и свое королевство.

Были кромѣ того и другія причины, которыя подвинули поляковъ къ выбору Ваторія.

Избранный ими въ короли Ваторій по тѣлеснымъ силамъ и во разуму какъ бы созданъ для того, чтобы быть самымъ лучшимъ военачальникомъ противъ турокъ. Онъ самъ предлагалъ за это свои услуги въ собственноручномъ письмѣ къ Его Имп. Вел. и это письмо, неизвѣстно, какимъ образомъ, попало, наконецъ, и въ руки Турецкаго падишаха.

Если бы Его Имп. Вел. былъ избранъ и признанъ королемъ, то жители Подолія и Русси сейчасъ объявили бы, что они

⁴¹ См. Nehring, O życiu i pismach Jана Dymitra Solikowskiego. Poznań 1880, str. 41, примѣчаніе.

поддаются туркамъ, такъ какъ они не могли бы ожидать отъ Его Имп. Велич. достаточной для себя защиты отъ турокъ.

Что касается тѣхъ клеветъ противъ Баторія, которыя повсюду распространяются, будто онъ—турецкой религіи, будто онъ поступилъ въ рабство къ туркамъ и позволилъ туркамъ свободно проходить черезъ Польшу, то во всемъ этомъ нѣтъ правды; Баторій исповѣдуетъ римскую религію, но такимъ образомъ, что онъ склоненъ также и къ аугсбургскому исповѣданію.⁴¹

Извѣстно, что послѣ битвы при Могачѣ (26 августа 1526 г.) и послѣдующихъ походовъ Салимана пынѣшняя Венгерія была раздѣлена на три части: западная часть осталась во владѣніи Австріи; средняя сдѣлалась турецкою провинціею, которая была раздѣлена на четыре вилаета съ центрами въ Будѣ, Эгерѣ, Канпжѣ и Темошварѣ, и на 25 санджаковъ; и, наконецъ, восточная часть, Седмиградія или Трансильванія, образовала самостоятельное княжество подъ властью Яна-Сигизмунда Заполя, внука польскаго короля Сигизмунда I по дочери его Изабеллѣ. Когда этотъ князь умеръ 14 марта 1571 г., преемникомъ ему избранъ былъ на трансильванскомъ сеймѣ 25 мая того-же года Стефанъ Баторій.⁴² Отличаясь большими дипломатическими талантами, онъ умѣлъ искусно лавировать между Вѣною и Константинополемъ и этимъ умѣніемъ заслужилъ себѣ расположеніе властвовавшего тогда султана Салима. Кромѣ того Баторій взялъ на себя, какъ увидимъ ниже, нѣкоторыя обязательства по отношенію къ Турціи.

Занявши польскій престолъ, Стефанъ Баторій не забывалъ, кому онъ обязанъ королевскимъ сапомъ, и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не вызывать раздраженія въ правителяхъ Высокой Порты. Кромѣ того прочный миръ съ Турціею нуженъ былъ ему и по тому, что всѣ планы его политики были направлены на сѣверъ: покореніе Гданска, возвращеніе Инфлянтъ и Сѣверщины, ослабленіе Московскаго государства, распространеніе католицизма въ литовско-русскихъ областяхъ и въ самой Москвѣ—вотъ важнѣйшія государственныя задачи, увлекавшія Баторія. Спокойно за-

⁴¹ См. *Materyaly do dziejów piśmiennictwa polskiego zebrał T. Wierzbowski*. T. I, Warsz. 1900, str. 209—210. Последняя фраза выписана выше на стр. 2, прим. 1.

⁴² См. *Histoire de l'Autriche-Hongrie par Louis Léger*, Paris 1879, p. 311—312. *Dzieje Węgier w zarysie skreślił J. F. Gajser*. T. III, Warsz. 1902, str. 43—44.

гься имъ онъ могъ только при условіи, что на южныхъ границъ все будетъ покойно и что Турція не выйдетъ изъ своего Итралигета. Днѣпровскіе козаки своими нападеніями на татары и турецкія владѣнія и вмѣшательствомъ въ молдавскія дѣла постоянно вызывали татарскіе набѣги и грозили вывести самого днѣшаха изъ его мирнаго, спокойнаго положенія. Могъ-ли Баторій возненавидѣть ихъ?

* * *

Въ ту же веспу 1576 года, когда Баторій прибылъ въ Польшу, козаки сожгли Тягинь и опустошили Хасланъ-Городокъ.^{*1} Подávalи жалобы турецкихъ и татарскихъ властей. Для послѣдованія этихъ происшествій посланы были: по вопросу о Тягинѣ — въ Добецкій (30 іюня),^{*2} по вопросу о Хасланъ-Городкѣ - Варшомей Завацкій.^{*3} Донесенія ихъ королю пока не извлечены изъ писемъ, но чувства Баторія по поводу совершившихся событій разосходно описываетъ политическій врагъ короля Стефана абптъ Севастіанъ Грабовецкій въ письмѣ къ императору Максимилиану II отъ 5 сентября 1576 года: „Татары, ходившіе походомъ в Москву, вернулись“ — пшетъ между прочимъ Грабовецкій; „они шли въ числѣ 40.000; пятнадцать тысячъ изъ нихъ легли подъ дарамъ московскихъ воиновъ, остальные обратилсъ въ бѣгство; 600 изъ потонуло въ рѣкѣ Окѣ, столько же было убито воинами нашего Священнаго Величества, такъ называемыми козаками; только 700 остались цѣлыми и увидѣли свои дома; но козаки по повѣсти къ нимъ тотчасъ и этихъ сожгли вмѣстѣ съ ихъ хижинами. Когда козаки варывали (disiicientes) какое-то татарское укрѣ-

^{*1} Тягинь — татарское укрѣпленіе, „коего развалины,“ по словамъ Ф. Бруна, „нынѣ еще видны между Херсономъ и Берисланомъ при деревнѣ Тягинѣ на берегу Днѣпра.“ См. Черноморье. Сборникъ послѣдованій Ф. Бруна. Часть Од. 1879. Стр. 179—180. Замокъ Хасланъ-Городокъ былъ построенъ на островѣ близъ дѣваго берега Днѣпра, противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки. См. Варшавскій Запорожье въ остаткахъ старины. Часть II, Спб. 1888, стр. 129—130.

^{*2} См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IX, A, str. 68.

^{*3} См. Ibid., str. 63.

пление, то обломки его задавили почти 500 козаковъ, при чемъ погибъ и вождь ихъ Богданъ Ружинскій;^{*1} тамошніа край и землі проливали о немъ обильныя слезы.

Послѣ побѣды, одержанной надъ татарами, козаки прислали двѣнадцать главныхъ плѣнниковъ Баторію; сопровождалъ ихъ Иванъ Старжинскій; увидѣвъ плѣнниковъ, Баторій удрученъ былъ печалью и почти слезно оплакивалъ понесенное татарами поражение; когда ему поставили на видъ неуѣдомость тяжкихъ вѣдоховъ и объяснили, что татары являются какъ-бы наслѣдственными врагами польскаго королевства, то голосъ застылъ у него въ устахъ, но видно было, что томительное горе пронизываетъ насквозь его сердце. Упомянутому Старжинскому, который привелъ плѣнниковъ, онъ подарилъ имѣніе, богатое полями и жителями, а плѣнныхъ татаръ наградилъ одѣянiями, одарилъ лошадьми и отпустилъ на свободу, снабдивъ на дорогу деньгами^{*2}. . . .

Чаушъ прибылъ отъ Амурата.^{*3} Напомнивъ, во-первыхъ, о благодѣяніяхъ своего повелителя, онъ настаиваетъ, чтобы Баторій возобновилъ клятву, данную имъ въ городѣ Мегешѣ, какъ онъ общалъ это тамъ пашамъ Будинскому и Темешварскому. Во-вторыхъ, чаушъ требуетъ, чтобы тѣ козаки, которые причинили такіа обиды татарамъ, были обузданы и чтобы надъ ними учинено было правосудіе. Если король не въ силахъ самъ расправиться съ ними вслѣдствіе ихъ непослушанiя, то пусть предоставитъ сдѣлать это туркамъ. Если они не будутъ обузданы, то случится то, что въ скоромъ времени они вызовутъ враждебныя отношенiя къ

^{*1} Князь Богданъ, кажется, Евстафiевичъ Ружинскій. Бартошъ Папроцкiй описываетъ гибель князя Ружинскаго слѣдующими словами: „Kniaź Rożoński przed kilku laty, starając się o on zamek (Hasłonhorodok), aby go mógł być zburzyć, jakożby był tego już dokazał, tylko przez nieopatrzość, gdy podsadził pod zamek prochy, na złem miejscu stanął, potem niźernie zginął.“ См. Herby etc. str. 163. О мѣстѣ князя Богдана въ генеалогіи рода Ружинскихъ см. Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy. Warsz. 1895, str. 417.

^{*2} Въ расходной книгѣ записана выдача 10 флориновъ только одному отпущенному на свободу татарину: „Tartaro vineto, quem Mtas R. libere dimisit f. 10.“ См. Ыг. dz. t. IX, A, str. 85. Не преувеличиваетъ-ли Грабовецкiй щедрости Баторіа къ враждамъ къ нему?

^{*3} Султанъ Мюрадъ III (1574—1595) былъ знаменитъ, по выраженію проф. Смирнова, своимъ женолюбіемъ, многочадіемъ и жадностью. См. Крым. ханство. Сиб. 1887, стр. 437.

королевству польскому и къ королю со стороны падишаха турецкаго. Въ третыхъ, чаушъ приказываетъ, чтобы безъ согласія падишаха король польскій ни съ кѣмъ не вступалъ въ перемирія и не заключалъ союзовъ. Наконецъ, чаушъ напоминаетъ, чтобы Баторій не боялся Вашего Священнаго Величества, такъ какъ со стороны падишаха повелѣно де Вашему Величеству (Васъ онъ называетъ королемъ Германіи), чтобы Ваше Священное Величество не мѣли чѣмъ-либо досаждать Баторію. Прежде чѣмъ ѣхать изъ Кракова въ Варшаву [послѣ коронаціи], Баторіи послалъ къ Амурату нѣкоего благороднаго русскаго пана по фамиліи Дзѣржка; послѣдній возвратился теперь почти по слѣдамъ чауша и допелъ, что государство Амурата обезсилено крайне стѣсненными обстоятельствами, такъ какъ шахъ персидскій взялъ Вавилонъ и имѣетъ альпійшіе планы. Говорятъ, будто кто-то изъ родственниковъ Амурата отправился къ великому хану и, выпросивъ у него помощь противъ преступнаго падишаха, идетъ теперь съ многочисленнымъ и сильнымъ войскомъ, вслѣдствіе чего и Русь дрожитъ отъ страха; судя по слѣдамъ отъ ногъ и копытъ, много народа собралось подъ Гирцинскимъ лѣсомъ [Трансильванскія Альпы], а потому русскіе, боясь, какъ-бы не молотили бобовъ на нашей спицѣ, совѣтуютъ собирать войско. Тотъ же Дзѣржокъ говорилъ, что Доузъ-Жуанъ Австрійскій нанесъ новое пораженіе падишаху, но такъ какъ это должно быть лучше извѣстно Вашему Священному Величеству, то я не распространяюсь. Онъ говорилъ, что татары были у Амурата и просили, чтобы имъ было вольно съ его разрѣшенія идти противъ насъ и отомстить за испытанную обиду, но что падишахъ не склонился на ихъ просьбы, во-первыхъ, потому, что теперешній польскій король—его вассалъ, во-вторыхъ, чтобы татары не осрамили его, если они потерпятъ пораженіе, то можетъ случиться, такъ какъ они безоружны и почти голы. Хорошо извѣстно, какую клятву давалъ Баторіи нашимъ въ Мемшскомъ кляшторѣ. Онъ присягалъ: 1) что полученное имъ право на Польшу онъ не можетъ передать никому, кромѣ падишаха; 2) что онъ никогда не подыметъ руки противъ Амурата; 3) что онъ долженъ пропускать турецкое войско черезъ свои владѣнія, куда бы оно ни направилось; 4) что съ Трансильваніи онъ будетъ платить денежную дань, а изъ Польши будетъ доставлять

ежегодно 60 мальчиковъ на пополненіе явлычаровъ. Остальные пункты—меньшаго значенія, а посему я счелъ возможнымъ пройти ихъ молчаніемъ.⁴¹

Лѣто 1576 года прошло для Баторія въ непрерывныхъ поѣздкахъ. Необходимость лично уладить отношенія къ примасу Ухалскому и къ литовскимъ вельможамъ, и желаніе поскорѣе овладѣть казной и сокровищами, оставленными въ Тыкоцинѣ покойнымъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, заставили короля проѣхать въ Варшаву, а оттуда въ Тыкоцинъ и Кнышинъ, и только къ 4-му сентября могъ онъ прибыть въ Мальборгъ для веденія переговоровъ съ непокорными Гданчанами.⁴² Здѣсь король оставался до самого сейма, открытаго въ Торнѣ 18 октября. Во время пребыванія Баторія въ Торнѣ явился къ нему посольскій Перекопскаго царя Джанъ-Темиръ-ага, оставался здѣсь, начиная съ 8-го ноября, девять недѣль, выполнялъ свой Рамазанъ,⁴³ праздновалъ Байрамъ, 20 ноября получилъ аудіенцію у короля⁴⁴ и передалъ ему слѣдующее письмо Девлетъ-Герая:

„Великой орды вольнаго царя перекопскаго слово. Множества христіанъ государю, королю, брату нашему Стефану Баторію отъ насъ поклонъ и братская пріязнь и милость. Съ давнихъ временъ цари перекопскіе съ королями польскими жили въ милости, пріязни и братскомъ согласіи; отъ насъ имъ, а отъ нихъ намъ не дѣлалось никакихъ неприяностей и никакого вреда; справедливость и пріязнь между двумя государствами были настолько сильны, что если-бы какая-нибудь женщина съ сокровищами ѣхала изъ одного государства въ другое, то никто не причинилъ бы ей неприяности или вреда, а если-бы кто и покусился на нее, то такового преступника, если-бы онъ былъ уличенъ и пойманъ, немилосердно наказала бы та или другая сторона. Но теперь, въ настоящее время, *козаки* изъ вашего королевства переѣзжаютъ Днѣпръ и въ предѣлахъ нашего государства захватываютъ коней, скотъ и имущество нашихъ подданныхъ, а жнецовъ, пахарей и работни-

⁴¹ См. Materiały etc. Вержбовскаго, стр. 214—215.

⁴² См. Źródła dziejowe (Павлицкаго), t. IX, A, str. 56—59.

⁴³ Рамазанъ—магометанскій постъ.

⁴⁴ См. Źr. dz. t. IX, A, str. 94—96.

въ ихъ—беруть въ плѣнъ. Мы съ своей стороны, собравши всѣхъ князей нашихъ (т. е. татарскихъ), строго приказали имъ, а такъ дѣтямъ нашимъ, царевичамъ, чтобы они не причиняли урона грабамъ областямъ королевства польскаго до тѣхъ поръ, пока, гдѣ Богъ, не будетъ короля въ этомъ государствѣ: тогда де мы кородемъ по добру поладимъ. Но ваши *козаки*, не обращая вниманія на нашу доброту, день за днемъ причиняли намъ неприютности и убытки; они грабили имущество у подданныхъ турецко падишаха, многихъ изъ нихъ побили, и надѣлали имъ не по ала; а между тѣмъ наше государство входитъ въ составъ періи Его Турецкаго Величества и имперія Его Турецкаго Величества все равно, что наше государства; вредъ, причиненный Его турецкому Величеству, все равно, что намъ причиненный вредъ, по общему. Точно также въ то время, когда сынъ нашъ Махметъ-Герай на обратномъ пути изъ Багдада (з Bukdata) переправлялся черезъ гѣбрь, пришли ваши *козаки*, и ударили на него сзади, и убили юныхъ изъ бывшихъ при немъ людей. Тогда сынъ нашъ Адиль-рай не могъ стерпѣть такихъ великихъ кривдъ и убытковъ, итъ безъ вѣдома нашего часть войска, поѣхалъ во владѣнія королевства польскаго и во многихъ мѣстахъ причинялъ не мало устошеній и убытковъ; и все это случилось по винѣ нашихъ князей. Когда мы услышали, что литовскіе паны не хотѣли имѣть бы королемъ, но хотѣли набрать себѣ королемъ сына князя Московскаго, то мы отпавились съ своимъ войскомъ къ предѣламъ литовскаго государства и уже дошли до р. Саги (не Сагайдакъ, а притокъ Ингула?), но въ это время Ваше Величество прислало къ намъ своего гонца *Яна Бадовскаго* *1 съ любезнымъ письмомъ и увѣдомили насъ, что волею Божіею Вы уже признаны королемъ и Литовскихъ владѣній; Вы выражали желаніе, чтобы мы жили съ Вами въ ласкѣ и любви братской, чтобы между нашими двумя государствами хранились неизмѣнно пріязнь и любезность. Мы, услышавши, что Вы признаны уже королемъ, очень этому обрадовались и возвеселились, и просили Господа Бога, чтобы Вы

*1 Янъ Бадовскій, житель Бѣлой-Церкви, раньше, въ 1572 г., былъ назначенъ судьей для разбирательства недоразумѣній и споровъ между осѣдлыми пограничными жителями и прихожими изъ степей козаками.

счастливо государствовали на своемъ престолѣ. Мы уже обѣщали Вашему гопцу, что отправимся съ войскомъ противъ непріятеля нашего, проклятаго Москвитянина. Но въ это время до насъ дошла вѣсть, что *козаки ваши, которые пребывали надъ Днѣпромъ, а также другіе козаки, прибывшіе къ нимъ на помощь, числомъ всего три тысячи, съ пушками, — начали подтягиваться къ нашему замку.* Вслѣдствіе этого мы вернулись въ добромъ здоровіи въ предѣлы нашего государства. Между тѣмъ ваши козаки подошли къ Хасланъ-Городку и тамъ около Хасланъ-Городка все пожгли, опустошили, а въ самомъ городкѣ одну башню разрушили.*¹ Богъ помогъ моеѣ сторонѣ и мои люди не мало тѣхъ козаковъ побили и пострѣляли. Тогда шестьсотъ козаковъ, собравшись въ полночь, ворвались въ замокъ, но тамъ, по милости Господа Бога, наши люди на голову ихъ разбили и многихъ изъ нихъ поранили. Види, что съ того края нѣтъ намъ никакой пользы, а только приходится терпѣть отъ вашихъ козаковъ великіе убытки и притѣсненія, мы, по вину вашихъ козаковъ, должны были убрать изъ того замка всѣ наши принадлежности и должны были оставить тотъ замокъ. А развѣ годится, чтобы своевольные люди нарушали братскую пріязнь и любовь между государями? Если Ваше Величество, мой братъ, желали жить со мною въ братской пріязни и любви, то почему Вы не повелѣли наказать этихъ людей, своевольныхъ козаковъ? Если теперь Вы хотите жить со мною въ любви, согласіи и братской пріязни, то въ такомъ случаѣ *озаботьтесь послать своего слугу на Днѣпръ, собрать тамъ тѣхъ своевольныхъ козаковъ и казнить ихъ передъ стрѣнными слугою и почетнымъ человекомъ, посломъ моимъ Джанъ-Темиромъ, который понесъ отъ насъ къ Вамъ наше любезное письмо, нашъ поклонъ и нашъ подарокъ; кромѣ того позаботьтесь уплатить всю дань.* При этихъ условіяхъ Вы будете намъ братомъ и пріателемъ. Какъ при Вашихъ предкахъ, короляхъ, была справедливость, любовь и братская доброта между нашими двумя государствами, такъ и теперь пусть существуютъ между нами — величайшая любовь, и братская пріязнь, и справедливость, и да будемъ мы по

*¹ Вѣроятно, указаніе на варявъ подпопа, при которомъ погибъ князь Богданъ Ружицкій.

иной присягѣ крѣпко держаться другъ за друга; и да будемъ
непріятелями для нашего непріятеля и пріятелями для нашего
иголя; и да будемъ мы помощниками другъ другу. Но если
Ваше Величество не прикажете, какъ я сказалъ выше, казнить
къ своимъ козаковъ, пославши для этого на Днѣпръ слугу
его, и совершить эту казнь передъ моимъ посломъ и передъ
ими людьми; и если не прикажете выдать намъ дань; то
будетъ между нами согласія, пріязни и любви братской.
Гдѣмъ уже что кому Господь Богъ захочетъ послать, то и бу-
детъ. Имѣйте также въ виду, что дани не давали намъ восемь лѣтъ,
что намъ слѣдуетъ ее прислать. Кромѣ того при предшествующихъ
розахъ такъ дѣлалось, что намъ давали на походъ, если мы
правлялись противъ непріятеля. Вотъ и теперь мы хотимъ ве-
рю, если дастъ Богъ, отправляться противъ непріятеля Вашего и
иголя, противъ великаго князя Московскаго. Поэтому соберитесь,
аше Величество, братъ мой, двадцать тысячъ золотыхъ червон-
ныхъ и пришлите намъ черезъ нашего слугу, давши ему конвой
въ своихъ людей. Теперь одинъ нашъ человѣкъ находится въ
Юскѣ и Москвитянинъ постоянно насъ проситъ, чтобы мы съ
нимъ помирялись и жили бы въ доброй пріязни. Но мое согла-
шеніе съ нимъ было бы очень невыгодно для Васъ. Вашъ пред-
ставитель всегда кромѣ дани присылалъ намъ еще на походъ, а
ны, отправившись въ походъ, всегда нападали на Вашего непріятеля.
Изоботьтесь, Ваше Величество, мой братъ, сообщить мнѣ и о
иныхъ непріятеляхъ, которыхъ Вы имѣете въ своихъ владѣніяхъ.
Всѣ эти слова и вопросы мы поручили нашему вѣрному слугѣ
Джанъ-Темиру; я прошу Ваше Величество, моего брата, хорошень-
ко переговорить съ нимъ о всѣхъ этихъ предметахъ, а затѣмъ
сообщить намъ; кромѣ того прошу Ваше Величество передать мнѣ
черезъ того-же слугу, въ нынѣшнюю еще зиму, двадцать тысячъ
золотыхъ, потому-что, если Господь Богъ поможетъ, то перваго
марта мы выступимъ противъ нашего и Вашего непріятеля, про-
тивъ Москвитянина; будьте увѣрены въ этомъ, Ваше Величество.
Мы поручили нашему послу изустно передать Вамъ наши слова.
Вы, Ваше Величество, распросите у него обо всемъ, хорошенько
съ нимъ переговорите и о послѣдующемъ насъ увѣдомьте. Слова
нашего посла будутъ какъ-бы наши собственныя слова. Мы посла-

ли его съ нашимъ пошломъ, съ челобитіемъ, съ поздравленіемъ, съ подаркомъ и съ конемъ-походцемъ, и просимъ, чтобы Вы приняли его любезно.⁴⁰¹

На посольствѣ хана Ваторій отвѣчалъ посольствомъ съ своей стороны. Посломъ отправленъ былъ Андрей Тарановскій, знаменитый дипломатъ, знатокъ восточныхъ народовъ, ихъ страль, языковъ, обычаевъ и порядковъ.⁴⁰² 31 декабря 1576 г. написана была ему въ руководство обширная инструкція относительно веденія переговоровъ съ ханскимъ правительствомъ. Она извлечена изъ Литовской метрики (Ex libris Metr. Lit. 215 fol. 907) и напечатана покойнымъ профессоромъ Павлинскимъ (Źródła dziejowe, t. I, № XXXVIII, str. 73—77), и мы не будемъ здѣсь подробно излагать ея, а приведемъ изъ нея только пункты, относящіеся къ Дѣлѣ-провскимъ козакамъ.

„Царямъ дозволяется,⁴⁰³“ говорится въ инструкціи, „ловить за рѣкою Дѣлѣ-проми низовыхъ козаковъ и казнить ихъ смертью; а съ той стороны Дѣлѣ-пра, гдѣ наши замки, мы не должны допускать, чтобы ихъ принимали; если-бы какіе-либо изъ нихъ пришли, то по нашему приказу старосты наши должны ихъ хватать и казнить.

Если Ханъ будетъ требовать относительно Низовцевъ чего-нибудь еще сверхъ того, что мы выше написали, то отвѣчать ему такъ: объ этомъ вопросѣ было много переговоровъ въ то время, когда заключалось перемиріе съ прежними польскими королями, а между тѣмъ нельзя было помочь этому злу. Вѣдь Ханъ хорошо знаетъ, что это скопище людей не имѣетъ надъ собою никакой власти; оно составилось изъ москвитянъ, волоховъ и тѣхъ изъ нашихъ подданныхъ, которые, будучи приговорены къ смерти, отравились въ козаки; ихъ прибавилось послѣ вторженія, которыя каждый годъ производилъ сынъ Хана съ своимъ войскомъ въ русскія земли, потому-что къ козакамъ присоединились многіе такіе люди, которые, лишившись имущества, не имѣли орудствъ къ пропитанію; къ тому же они хотѣли отмстить за убійство и плененіе татарами ихъ родителей, женъ, братьевъ и дѣтей. Мы за Дѣлѣ-проми не имѣемъ никакихъ замковъ, и не можемъ воспротивить

⁴⁰¹ См. Źródła dziejowe (Павлинскаго), t. IV, str. 67—70, № XXXV.

⁴⁰² См. Bartosza Paprockiego Herby rycerstwa polskiego. Wyd. Turowskiego. Krak. 1858. Str. 427—28 и 826—27.

вакамъ, чтобы они не ютились въ Московскихъ и иныхъ пусты-
хъ; однако по ою сторону Днѣпра, гдѣ находятся наши замки,
аресты наши не только не будутъ ихъ терять, но по нашему
миазу будутъ ихъ хватать и карать.“⁸¹

Въ началѣ января (4 или 5 числа) 1577 года Джанъ-Темиръ-
а и Андрей Тарановскій тронулись въ путь.⁸²

Но пока татарскій посолъ гостилъ въ Торнѣ, а затѣмъ мед-
ленно двигался вмѣстѣ съ Тарановскимъ по пути къ Крыму, въ
послѣхъ произошло слѣдующее:

Изъ Москвы ѣхалъ татарскій посолъ. Онъ везъ съ собою
значительную сумму денегъ и двухъ соколовъ-бѣлозоровъ,⁸³ со-
павившихъ, вѣроятно, подарокъ государя Московскаго царю По-
повскому. По дорогѣ на него напали низовые козаки подъ на-
альствомъ гетмана Шаха и ограбили его, будто-бы по приказа-
ю или, по крайней мѣрѣ, съ дозволенія кievскаго воеводы князя
Юсантина Константиновича Острожскаго. Проѣзжая далѣе та-
тарскій посолъ встрѣтилъ отрядъ своихъ соотечественниковъ подъ
предводительствомъ перекопскаго царевича Махметъ-Герай-султа-
на, направлявшійся для грабежа въ Московскія владѣнія. Посолъ
жаловался царевичу на Шаха и царевичъ рѣшилъ оставить за-
гнанный набѣгъ на Московскія земли и во что бы то ни стало
юмать по свѣжимъ слѣдамъ Шаха, скрывшагося тѣмъ време-
немъ въ имѣнїяхъ князя Константина Константиновича Острожскаго.
Для этого Махметъ-Герай-султанъ, ворвавшись въ предѣлы Рѣчи-
Посполитой между Киевомъ и Бѣлою Церковью, повелъ свой отрядъ
на Волинь. „Мы побывали подъ 40 замками,“ рассказываетъ онъ
въ письмѣ къ молдавскому господарю Петру Хрому, „и не
могли найти его; потомъ расположились мы подъ Дубномъ и при-
казали своимъ всадникамъ ѣздить попарно и искать его вездѣ по
лѣсвямъ“.....⁸⁴ Живую картину этого набѣга набросалъ воспо-

⁸¹ См. Źródła dziejowe (Павлицкаго), t. IV, str. 76—77.

⁸² „Царь Перекопскій убезпечилъ насъ черезъ посла своего, которого
ювасъ на соймъ Торунскій послать и отпракленъ онъ насъ з нашими послами“
—въ письмѣ Стефана Баторїа къ Николаю Радзивиллу изъ Влоцлавка отъ
7 апрѣля 1577 г.—См. Acta historica, t. XI, Sprawy etc., str. 73.

⁸³ Соколы-бѣлозоры—faucons rouaux. См. предисловіе проф. Павли-
скаго къ XI тому изданія Źródła dziejowe, стр. 33.

⁸⁴ См. Źródła dziejowe (Павлицкаго), t. IV, № LV1, str. 109—110.

да брацласскій князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій въ письмѣ къ вице-канцлеру Яну Замойскому: „Вы писали ко мнѣ, мой милостивый государь, чтобы я объяснилъ Вашей милости, гдѣ и въ какихъ краяхъ татары подѣлали опустошенія. Такъ вотъ узнайте, мой милостивый государь, что они ворвались въ землю нашу между Кіевомъ и Бѣлою Церковью, прошли мимо Гончархи, мимо Острополя, мимо Копстантинова, между Заслаплемъ и Жоховцами, далѣе между Кременцомъ и Острогомъ подъ Дубно, подъ Рсвию; однакоже нигдѣ не доходили до Стиря; до Луцка не дошли нѣсколькихъ миль, за то были у Перемышля; рассказываютъ, что сто всадниковъ прорвались было за Стирь, но возвратились назадъ; плѣнныхъ они вели на села Кременецкія, не слѣдуя по прежнему своему пути; шли они мимо Збаража; вотъ что они при этомъ сожгли и опустошили: всѣ Кременецкія села Его Королевскаго Величества, села воеводы Кіевского въ Дубенской волости около Базалия, Шульжинцовъ, Красилова, Кузьмина и Константинова, села князей Вишневецкихъ; также мои села около Збаража, всѣ села монаховъ дядей около Аричова, Чоховскія села старосты Луцкаго и другихъ монаховъ дядей, князи Владислава и князи Юрія; произвели они также опустошенія въ селахъ князей Заславскихъ; у князей Вишневецкихъ они всё сожгли; въ этотъ походъ татары имѣли не какое-нибудь особенное оружіе, а свое обыкновенное, стародавнее; благодаря многолюдству войска, они шли смѣло, на проломъ, захватывали людей, стада скота и всякое иное имущество; какого имущества они не могли захватить, то—сожгли вмѣстѣ съ домами и гумнами; до тла опустошили они землю, ничего не оставивъ въ ней нетронутымъ. Извольте узнать это, милостивый государь мой; около Горыни они также кое-что захватили, а около Ямполья сожгли.“^{*1} Набѣгъ этотъ обстоятельно описанъ и въ „Хроникѣ“ Іоанима Бѣльскаго (изд. 1833 года, том XIX, стр. 29—32), но мы не будемъ долѣе на немъ останавливаться, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу. Для насъ важно только, что всѣ попытки татаръ поймать Шаха оказались тщетными, Шахъ не попался имъ въ руки и они вынуждены были возвратиться по-свои.

^{*1} См. *Źr. dz.*, t. IV, str. 138—139, № LXXX.

исполонившись въ началѣ апрѣля лагеремъ у Тапликовъ (вѣроятно, у рѣчекъ этого имени, существующихъ и нынѣ въ Балтскомъ Ямпольскомъ уѣздахъ Подольской губ.), Махметъ-Герай-султанъ послалъ своего младшаго брата Дершъ-Махметъ-мурзу, по прозванію Эминей, съ порученіемъ разыскать князя Константина Копалтиновича Острожскаго, гдѣ бы опъ въ ту пору ни находился, извести ему о поступкѣ Шаха и бывшихъ съ нимъ извовахъ кошовъ и потребовать отъ него вознагражденія за ограбленіе татарскаго посла и уплаты обычной дани. Чѣмъ кончилась миссія Дершъ-Махметъ-мурзы, въ точности неизвѣстно. Повидимому, князь Острожскій обѣщалъ разогнать козаковъ на Дибровъ и казнить тѣхъ изъ нихъ, которыхъ удастся захватить въ плѣнъ.

Между тѣмъ Стефанъ Баторій, узнавши о вторженіи татаръ, испорядился догнать уѣхавшихъ совмѣстно Джанъ-Темпръ-агу и Андрея Тарановскаго и передать Тарановскому приказъ остановиться и задержать Джанъ-Темпръ-агу въ виду нарушенія мира татарами. Королевскій приказъ былъ исполненъ и великій татарскій посолъ заарестованъ былъ въ Каменцѣ-Подольскомъ до вытѣненія дѣла.*1

Тѣмъ не менѣе степь не успокаивалась. Во второй половинѣ мая 1577 г. перекопскій царевичъ Алпъ-Герай, соединившись съ Бѣгородскими царевичами Сихозою и Бакемъ, собралъ вокругъ себя болѣе 20 тысячъ человекъ и устроилъ вторичный въ 1577-мъ году набѣгъ. Татары двинулись на этотъ разъ по Кучманскому шаху, опустошили окрестности Бара, Меджибожья и Жукова, а затѣмъ прошли въ Червоную Русь и, раздѣлившись на два отряда, достигли въ одну сторону до Олеска и Подгайцовъ, а въ другую—до Бережанъ; по своему обыкновению, они захватывали въ плѣнъ жителей, грабили ихъ имущество и сжигали жилища строенія и гумна. Только послѣ удаленія татарскихъ отрядовъ во-сво-

*1 „То какъ еще его посолъ з нашимъ посломъ з паньства нашего не вышл. того посла Татарского розказали есьмо *здержати а з паньства нашего не вышлети*“—изъ письма Стефана Баторія къ Николаю Радзивилу. См. Acta historica, t. XI, Sprawy etc. str. 78. „Posła tego, który do nich był poslan, odprawiono było dobrze i z podarki, ale *jest zatrzyman w Kamieńcu i onadzon*“—изъ письма господаря молдавскаго къ Махметъ-Герай-султану отъ 11 мая 1577 г. См. Źr. dz. t. IV, str. 137.

яск Джагъ-Темиръ-ага и Тараповскій двинулись въ Крымъ. Это случилось въ первыхъ числахъ юля 1577 г.*1

* * *

Вся вторая половина 1577 года въ рамкахъ нашего повѣствованія наполнена третьимъ въ этомъ году вторженіемъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой татаръ и эпизодомъ козацкаго похода въ Молдавію подъ предводительствомъ нѣкоего самозванца Ивана, по прозвищу Подковара или Подковы.

Татары вторглись на этотъ разъ въ октябрѣ. Стефанъ Баторій былъ особенно обижень тѣмъ обстоятельствомъ, что „nad zwyczaj polspolity wszzech narodów i nad wszelaką przystojność, szar sam głową swą w Ziemię naszą wtargnął i onę nieromału uszkodził“ (=вопреки общепринятому у всѣхъ народовъ обычаю и противъ всякаго приличія ханъ самъ, собственною особою, вторгнулся въ нашу землю и причинилъ ей по мало вреда).*1 Отпоръ татарамъ далъ князь Янушъ Збаржскій, воевода брацлавскій. Вступивши съ ними въ битву подъ Заславлемъ, онъ наголову разбилъ ихъ и заставилъ вернуться домой.*3

Иванъ Подкова—будто-бы сынъ господаря Стефана Молодого отъ нѣкоей армянки, родившей отъ него-же Ивана Грознаго (Ивонию), овладѣвшаго на время молдавскимъ престоломъ съ помощью козаковъ въ 1572 г., и Александра, продолжавшаго предпріятіи Ивана въ 1578 г. Они носили фамилію „Серпяга“, такъ какъ мать ихъ, находившаяся въ прелюбодѣйной связи якобы съ Стефаномъ Молодымъ, пмѣла мужа—армянина съ этой фамиліей.*4 Эпизодъ похода Ивана Подковы съ козаками въ Молдавію для захвата тамошняго господарскаго стола мы изло-

---

*1 Деньги на путевые расходы вручены были Андрею Тараповскому 27 юня: „per Koszowski ruemum remissi die 27 Junii in taleris antiquis n. 242 per gr. 35 et moneta f. 117—20, totius facit tl. 400“. . . См. *Źr. dz. t. IX, B, str. 173.*

*2 См. *Bibl. ord. Kras. Muz. Świdz. t. V i IV, str. 34*, слова изъ инструкции Баторія послу Мартину Брошевскому отъ 4 апрѣля 1578 г.

*3 См. Хроника Іоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 60.

*4 См. *Histoire des Roumains par A.—D. Xéropol, v. I, pag. 380.*

нимъ, придерживаясь разсказа современника, Іоакима Вѣльскаго. Извѣствованіе Вѣльскаго производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто оно составлено со словъ непосредственныхъ очевидцевъ и частичковъ событій похода. Оно подтверждается и всѣми официальными актами, доселѣ намъ извѣстными. Предводителемъ и гетманомъ у козаковъ является въ эту пору тотъ-же Шахъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ ограбилъ ѣхавшаго въ Москву татарскаго посла.

Между запорожскими козаками проживалъ нѣкій Иванъ Подкова,—разсказываетъ Іоакимъ Вѣльскій;*1 нѣкоторые были увѣрены, что онъ—родной братъ покойнаго Ивана, господаря молдавскаго; его называли Подковою, потому-что онъ былъ такъ силенъ, что ломалъ подковы. Узнавши о его существованіи, молдаване тайно послали къ нему, прося его, чтобы онъ, какъ наслѣдственный ихъ государь, пріѣхалъ къ нимъ и не допустилъ никого изъ нихъ обладать своимъ отечествомъ, которое принадлежитъ ему по наслѣдству отъ брата Ивана. При этомъ они жаловались, что терпѣли множество невыносимыхъ обидъ отъ своего господаря Петра Хромаго, а также отъ турокъ, которыхъ Петръ очень любилъ и держалъ при своемъ дворѣ. Подкова былъ очень признателенъ имъ за ихъ расположеніе и благодарилъ ихъ. Однако совѣтовался съ ними, какъ-бы устроить, чтобы они выдали ему удостовѣреніе о его правахъ, котораго онъ не имѣлъ. И вотъ они въ скоромъ времени прислали ему два письма, адресованныхъ: одно—князю Константину Константиновичу Острожскому, воеводѣ кievскому, а другое—старостѣ барскому Николаю изъ Бучача Творовскому, къ которымъ было приложено болѣе десяти печатей самыхъ знатнѣйшихъ молдавскихъ вельможъ. Въ этихъ письмахъ они усердно просили обонхъ оказать содѣйствіе Подковѣ только до Днѣстра, а за Днѣстромъ они сами до будутъ ожидать его съ войскомъ въ назначенный день. Получивши эти письма, Подкова тайно пріѣхалъ съ ними въ Баръ и отдалъ ихъ старостѣ, съ которымъ имѣлъ и дальнѣйшій секретный разговоръ. Староста отвѣчалъ ему на это, что онъ съ радостью помогъ бы ему и что ему легко было бы это устроить, но что ему не подо-

*1 См. Хроника Іоакима Вѣльскаго, т. XIX, стр. 60—68.

багать ничего предпринимать безъ согласія и указаній со стороны короля, такъ какъ онъ помнитъ о перемиріи, заключенномъ королемъ съ падишахомъ Турецкимъ. Поэтому онъ обѣщаль не забыть написать объ этомъ королю, когда будетъ писать по другимъ вопросамъ. Онъ не отказывался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, если только послѣдуетъ на него королевское соизволеніе. Но пока что онъ приказаль Подковѣ проживать гдѣ-либо внѣ Бара, такъ какъ, проживая въ Барѣ, онъ могъ бы сдѣлаться извѣстнымъ и въслѣдствіе этого могла бы подняться тревога въ Молдавской землѣ. Поблагодаривъ за совѣты, Подкова уѣхаль прочь. Станиславъ Копыцкій, который только-что прибыль въ Барѣ изъ степей, узнавши объ этомъ, поѣхаль къ Подковѣ, радовался его счастью и обѣщаль по возможности помогать ему. Подкова сердечно благодарилъ его за это и просиль, чтобы онъ на дѣлѣ доказаль то, о чемъ говорилъ. Онъ обѣщаль щедро вознаградить его, если только Господь Богъ утѣшитъ его и поможетъ ему утвердиться въ отечествѣ, въ которое призываютъ его подданные. Послѣ этого Конныцкій, пользовавшійся любовью козаковъ, среди которыхъ провель до двадцати лѣтъ, поѣхаль къ нимъ и роздалъ имъ небольшую сумму денегъ, которую собралъ на службѣ. Къ этому дѣлу присталь еще одинъ молдаванинъ, по имени Чапа, который женился въ этомъ краѣ и проживаль въ окрестностяхъ Бѣацлава. Страніемъ этихъ двухъ лицъ собрано было 330 козиковъ. Народъ все былъ отборный, а гетманомъ надъ ними былъ Шахъ. Они явились къ Подковѣ и вторгнулись вмѣстѣ съ нимъ въ Молдавію. Но когда они услышали, что молдавскій господарь Петръ Хромой двинулся противъ нихъ съ большимъ войскомъ и что онъ имѣль у себя не мало пушекъ, то они сообразили, что не могутъ мѣряться съ нимъ силами, а потому набрали съѣстныхъ припасовъ и отступили назадъ, думая въ другое время попытать счастья. Господарь молдавскій Петръ Хромой, узнавши объ этомъ, послаль состоявшаго при немъ чауша Турецкаго падишаха къ каштеляну галицкому Яну Свининскому, который какъ разъ въ то время ѣхаль отъ падишаха, заключивъ съ нимъ перемиріе. Онъ жаловался каштеляну, что вопреки договорамъ и перемирію козаки опустошаютъ падишахову землю и во что бы то ни стало хотять посадить Подкову на молдавскій столъ. Поэтому пусть каштелянъ

писать королю, чтобы король как можно скорее прекратил это, чтобы захватил Подкову и наказал его по условиям договора, и чтобы учинил правосудие надъ всеми козаками. Если удетъ иначе, то Турецкій падишахъ не будетъ соблюдать перерія съ королемъ. Обо всемъ этомъ галицкій каштелянъ Янъ Чинисискій състоятельно написалъ королю. Король былъ очень безпокоенъ этимъ извѣстіями и тотчасъ же послалъ своего коморника съ письмами къ гетману Николаю Сенявскому, а также къ нѣкоторымъ русскимъ панамъ, въ которыхъ приказывалъ имъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы поймать Подкову и иныхъ унтовщиковъ. Послѣ этого гетманъ двинулъ три роты, начальство надъ которыми ввѣрилъ слугѣ своему Воболецкому. Ожидая застать Подкову въ Немировѣ, такъ какъ онъ тутъ незадолго до того проживалъ, Воболецкій прямо двинулся туда. Онъ бы его тамъ и засталъ, но Подкова вовремя догадался и выѣхалъ изъ города, имѣя при себѣ 50 пѣхотинцевъ съ ружьями. Онъ подѣхалъ къ одному броду, вбрѣлъ въ воду по брюхо коню, а впереди себя поставилъ стрѣлковъ въ боевомъ порядкѣ для отпора. Когда Воболецкій также подѣхалъ къ этому броду, то, увидѣвъ, что люди стоятъ въ боевомъ порядкѣ и занимаютъ мѣсто удобное и труднительное для стычки,—повернулъ назадъ. Подкова вслѣдъ за Воболецкимъ также вѣхалъ въ Немировъ; Воболецкій остановился въ замкѣ, а Подкова на предмѣстьи. Воболецкій потребовалъ отъ городского урядника, чтобы онъ выдалъ ему Подкову. Урядникъ отвѣчалъ: „Выдать тебѣ его я не могу, но и не защищаю его; возьми его, если можешь.“ Воболецкій уѣхалъ прочь, ничего не добившись. Послѣ этого гетманъ Николай Сенявскій далъ знать королю, что онъ настигъ Подкову въ Немировѣ, по что наѣстникъ воеводы брацлавскаго, князя Януша Николаевича Збаржскаго, въ Немировѣ—не захотѣлъ его выдать. Король написалъ воеводѣ, чтобы онъ приказалъ выдать Подкову. Но прежде чѣмъ коморникъ пріѣхалъ, Подкова снова лучше прежняго изготовился и вторгнулся въ Молдавію. На помощь ему прибылъ гетманъ Шахъ съ *шестьюстами козаковъ*, а четыреста человекъ оставилъ на Пулу. Онъ вышелъ на шляхъ, который зовутъ Пробитымъ, и здѣсь провозгласилъ Подкову господаремъ молдавскимъ, при чемъ приказалъ бить въ кожаные бубны. Такимъ образомъ козаки про-

вожали Подкову до Сороки. Когда продаинулось далѣе за Сороку, то чернь прежде всего признала его господаремъ. Услышавъ объ этомъ, Петръ сталъ готовиться противъ Подковы. Когда подошли казаки съ Подковой къ Ясамъ, то навстрѣчу выступилъ Петръ съ войскомъ, котораго у него было не мало. Впереди двигались турки, въ числѣ пятисотъ; они составляли голову отряда и вмѣли при себѣ пушки. Казаки тотчасъ замѣтили это и устроились такъ, чтобы пушки не могли причинить имъ вреда. Нѣкоторые объясняли, будто-бы одинъ изъ козаковъ могъ заговаривать пушки, по гораздо вѣрнѣе, что они, увидѣвши дымки въ тотъ моментъ, когда поджигали порохъ въ пушкахъ, всѣ прилегли къ землѣ и такимъ образомъ пушки не причинили имъ вреда. Турки же, думая, что казаки пали убитыми, бросились къ нимъ; тогда казаки вскочили и выстрѣлили въ турокъ изъ ружей; оразу триста лошадей у нихъ было подстрѣлено, а остальные всадники поскакали въ разныя стороны. Петръ, увидѣвши свое нечастіе на первомъ же шагу, вмѣсто того, чтобы приказать остальнымъ людямъ вступить въ битву, повелѣлъ имъ отступать, а вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Яссы, двинулся въ Валахію къ своему брату, тамошнему господарю. Оттуда уже онъ отправилъ посольство къ турецкому падишаху съ жалобой на козаковъ, подданныхъ польскаго короля, за то, что они выгнали его изъ страны и отдали ее во владѣніе иному лицу. Онъ просилъ падишаха оказать ему помощь. Падишахъ отвѣчалъ ему такъ: „Я называлъ тебя своимъ подданнымъ и далъ тебѣ тамошнее господарство для того, чтобы ты служилъ мнѣ тамъ, куда я тебя пошлю, а ты вмѣсто этого меня заставляешь служить себѣ. И вотъ я приказываю тебѣ, чтобы ты этого разбойничка выгналъ, а если ты этого не сдѣлаешь, то я отрублю тебѣ голову и пошлю кого-либо иного на тамошній столъ.“ Тымъ временемъ Шахъ съ казаками счастливо и безъ всякихъ потерь возвели Подкову на господарство. Они вступили въ Яссы въ канунъ св. Андрея (т. е. 29 ноября) 1577 года и тотчасъ отпустили на выкупъ всѣхъ невольниковъ, которые только тамъ были. Между ними былъ волынской шляхтичъ Воки; онъ былъ проданъ туркамъ татарамъ. . . . Потомъ Подкова началъ раздавать должности; Шаха онъ сдѣлалъ какъ-бы первымъ министромъ, поручивъ ему въ управленіе весь молдавскій народъ, Чапу назначилъ

ришалою, а Копыцкаго — буркулабомъ Хотинскимъ. Къ турецкому падишаху онъ послалъ за знаменемъ, но его посла перехватили на дорогѣ, такъ что до падишаха онъ не доѣхалъ. Прежній сподаръ Петръ Хромой снова собралъ не мало войска. Когда казаки услышали, что онъ двгается къ Яссамъ, то совѣтовали одковъ, чтобы онъ не ожидалъ непріятеля въ замкѣ, но чтобы ятушилъ ему на встрѣчу. Когда Петръ былъ уже невдалекѣ отъ Яссъ, то Подкова двинулся впередъ съ козаками и съ молдавскимъ войскомъ. Онъ началъ было молдавское войско строить въ головахъ, желая, чтобы оно открыло битву, но козаки не допустили до этого, такъ какъ не полагались на молдаванъ. Между тѣмъ Пахъ послалъ нѣсколькихъ козаковъ въ передовую стражу. Они увидѣли, что непріятель гонитъ впереди себя стада лошадей и иного скота, желая раздавить скотомъ пѣшее войско, а впереди пахъ гарцуютъ турецкіе наѣздники.*¹ Они гарцовали такъ долго, что козакамъ не въ мочь уже было долѣе терпѣть. Тѣмъ не менѣе Пахъ удерживалъ своихъ, чтобы допустить непріятеля поближе къ войску, когда враги наткнулись на нихъ, онъ приказалъ выпустить въ нихъ изъ ручнаго оружія. Одни были убиты, а другіе оказали тылъ. Тогда козаки начали стрѣлять въ скотъ, который ювернулъ назадъ и сталъ давить войско Петра. Видя это, Подкова, стоявшій на правомъ флангѣ, и Шахъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ, ударили на непріятелей и стали бить и сѣчь приведенный въ замѣшательство народъ. Многіе легли на мѣстѣ, а Петръ съ остаткомъ войска едва успѣлъ убѣжать. Хотя Подкова одержалъ побѣду, но онъ сомнѣвался, чтобы ему удалось успѣть на господарскомъ столѣ, въ особенности въ виду того, что, по слухамъ, въ помощь Петру двгалось значительное войско отъ воеводы седмиградскаго съ Стефаномъ Андреевичемъ Баторіемъ, племянникомъ короля, со златомъ. Дѣлалось это по письму короля, который желалъ господарскаго стола для Петра и былъ ему добрымъ пріателемъ. Поэтому Подкова выѣхалъ заранѣе изъ Яссъ. Онъ увозъ оттуда 14 пушекъ, захватилъ съ собою наилучшія вещи и хорошо снабдилъ себя съѣзными припасами. Прежній Хотинскій буркулабъ, кото-

*¹ Такой способъ войны примѣняли южно-африканскіе буры во время послѣдней войны съ англичанами.

раго Копыцкій выгналъ изъ Хотина, жилъ на польской сторонѣ р. Днѣстра въ имѣніи Якова Струса.*¹ Когда онъ узналъ, что новый господарь, Иванъ Подкова, двинулся изъ Яссы, то выѣхалъ тайно изъ своего убѣжища, подстерегъ Копыцкаго и ваялъ его въ плѣнъ. Когда онъ ѣхалъ съ нимъ къ своему старому господарю Петру, то наткнулся на козаковъ, посланныхъ Подковою на встрѣчу Копыцкому, чтобы послѣдній могъ безопасно выѣхать изъ Хотина. Козаки сейчасъ же отбили Копыцкаго, зарубили самого буркулаба и никого изъ его свиты не оставили въ живыхъ. Когда Подкова приближался къ Сорокѣ, то онъ все раздумывалъ, какъ бы ему пробраться на Нпзъ т. е. за днѣпровскіе пороги. Двигаться степями—страшны глубокіе снѣга; ѣхать мимо Немирова—опасны гетманъ Николай Сенявскій и брацлавскій воевода князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій. Получивши относительно Подковы приказы короля, они прилагали всѣ усилія, чтобы его поймать. Однакожъ когда гетманъ со своимъ отрядомъ встрѣтился съ Подковою, то, видя, что тотъ хорошо снабженъ оружіемъ и имѣетъ достаточно войска, не рѣшился вступить съ нимъ въ битву, отлично понимая, что онъ можетъ получить его въ плѣнъ и безъ пролитія крови. И вотъ брацлавскій воевода, будучи въ Немировѣ, пригласилъ нѣсколькихъ козаковъ къ себѣ во дворъ. Среди нихъ находился и ихній гетманъ Шахъ. Тамъ князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій рассказалъ имъ, какъ король недоволенъ имъ, хотя онъ ни въ чемъ не виноватъ, изъ-за того Подковы котораго они водили на господарскій столъ; этимъ походомъ они дали туроцкому падишаху поводъ нарушить перемиріе. Онъ совѣтовалъ козакамъ, чтобы они не относились къ такимъ дѣламъ легкомысленно и чтобы не раздражали противъ себя короля. С Подковѣ онъ говорилъ, чтобы тотъ ѣхалъ къ королю и далъ королю о себѣ отчетъ; такъ какъ онъ человекъ, занимающійся военнымъ ремесломъ (по тогдашнему выраженію: „człek guserski),“ то король пріиметь его ласково. Онъ самъ обѣщалъ провести его къ гетману Николаю Сенявскому, а гетманъ поѣдетъ де съ нимъ къ

* „Chmielnik. Propugnaculum contra Scythas Bohum versus. Administra nunc praefecturam illam summa cum laude *Jacobus Strus*, robore animi et corporis cunctis jamdudum conspicuus, patrisque et avorum memoria celebris.“ Descr. vet. et nov. Polon., 1585, подъ словомъ *Chmielnik*.

ролю. Козаки передали Подкову слова князя Эбаражскаго и Подкова охотно съ нимъ согласился.^{*1} Онъ поѣхалъ съ княземъ къ гетману. Князю-воеводѣ брацлавскому онъ подарилъ 12 изъ своихъ шубъ, а гетману 2. Гетманъ отослалъ его къ королю въ Варшву..... Это произошло въ январѣ мѣсяцѣ 1578 года.

* * *

Далѣе начало 1578 года протекало при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Съ 8-го января Стофанъ Ваториѣ былъ уже въ Варшавѣ и явился къ сейму, который долженъ былъ собраться тамъ въ апрѣлѣ, чтобы установить налогъ для покрытiя расходовъ по предстоящей войнѣ съ Москвою. Сюда доставили арестованнаго вана Подкову. Король принялъ его крайне немилостиво, сейчасъ же приказалъ посадить его въ тюрьму, надѣть на ноги кандалы держать подъ строгимъ карауломъ.^{*2}

Между тѣмъ козаки подыскивали себѣ новаго самозванца, нѣкого Александра, который выдавалъ себя за брата Ивоци и Подковы, и, пользуясь отсутствiемъ арестованнаго Подковы, продолжалъ свои права на Молдавскiй столъ. Подъ его предводительствомъ козаки снова ходили подъ Яссы, но неудачно: они были въ голову разбиты войсками королевскаго брата Христофора Бария, явившимися на содѣйствiе туркамъ; Александра турки посадили на колъ, а козаковъ, попавшихся въ плѣнъ, отправили въ константинополь, — конечно, для обращенiя въ рабство.^{*3}

Тѣмъ временемъ явился въ Варшаву посланникъ молдавскаго господара Петра хлопотать о казни Подковы.^{*4} Еще до закрытiя сейма король приказалъ бы казнить Подкову, озлобленнiй

---

^{*1} Передъ казнью Подкова проклиналъ за этотъ совѣтъ князя Януша южанаевича Эбаражскаго, называя его предательскимъ псомъ. См. *Listy Anni-ale z Karai, pancerusza w Polsce etc.* Wyd. Al. Przewalskiego. War. 1852, str. 255.

^{*2} См. Хрон. Иоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 68.

^{*3} См. *ibid.* т. XIX, стр. 74.

^{*4} „*Provisio nuntii palatini Moldaviae nomine...., qui Varschaviam ad S. tam B. venerat diebus Februarii in legatione*“... См. *Zr. dz. t. IX, B.*, str. 192.

противъ него за бездоговорность, причиненныя имъ господарю Петру жившему съ королемъ въ доброй пріязни; но его останавливавшіе опасеніе задѣть сеймующую шляхту, которая относилась къ Подковъ съ сожалѣніемъ, считая его человѣкомъ добрымъ.*1

10 марта 1578 г. пріѣхалъ къ королю въ Варшаву посланникъ царя перекопскаго Мухаммедъ-Герай-хана *Хоромала* съ цѣлымъ рядомъ жалобъ на низовыхъ козаковъ.*2 Ходъ переговоровъ съ *Хоромалой* нѣкъмъ не записанъ. Какъ результатъ сношеній съ молдавскимъ посланникомъ и съ *Хоромалой*, вышли изъ королевской канцеляріи четыре документа, имѣющихъ важное значеніе для исторіи *Днѣпровскаго* козачества. Всѣ они помѣчены 4-мъ апрѣля 1578 года.

Первымъ изъ этихъ документовъ является королевскій универсалъ, обращенный ко всѣмъ воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ, подстаростамъ, шляхтичамъ, бурмистрамъ, райцамъ, войтамъ и вообще ко всѣмъ королевскимъ подданнымъ, до которыхъ только онъ можетъ дойти. Въ немъ король объясняетъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ многіе подданные польскаго королевства, а также уроженцы сосѣднихъ странъ дошли до такой дерзости, что организуютъ военно-партизанскіе отряды, нападаютъ на Молдавію и Валахію, производятъ тамъ ужасныя безчинства, вводятъ туда разныхъ бунтовщиковъ, стремящихся къ переворотамъ и къ захвату власти надъ этими государствами, и всѣми этими дѣйствіями нарушаютъ договоры, заключенные ранѣе между Рѣчью-Посполитою и правителями Молдавіи и Валахіи; что поэтому, испросивши согласіе только-что закрытаго сейма, онъ рѣшилъ послать для открытія въ русскіхъ, подольскіхъ и другихъ сосѣднихъ областяхъ зачинщиковъ и пособниковъ этихъ предпріятій—*Яна Тарла* изъ *Щекаржовицъ*, воеводу люблинскаго, старосту пильзенскаго. Въ заключеніе король объявляетъ, что *Янъ Тарло* получилъ особыя полномочія производить слѣдствія и подвергать виновныхъ суду и наказанію и что, только если виновнымъ окажется кто-либо изъ богатыхъ шляхтичей, то дѣло его

*1 См. Хрошакъ Іоаннъ Бѣльскаго, т. XIX, стр. 74.

*2 „Provisio nuntii magni Tartarorum caesaris Przekopscensium Machmeth-glerel Cham, nomine *Choromala*, qui Varschaviam ad S. Mtem R. in legatione venerat die 10 Martii 1578“.... См. *Zr. dz. t. IX, B, str. 192.*

иметь бытъ, по усмотрѣнію Тарла, представлено королю, равно какъ Тарло самъ имѣетъ право обращаться къ королю въ затруднительныхъ случаяхъ за совѣтами и указаніями. Всѣмъ, къ кому бращенъ универсалъ, вмѣняется въ обязанность оказывать Тарлу личное содѣйствіе.

Второй универсалъ адресованъ кievскому воєводѣ князю Константину Константиновичу Острожскому. Въ немъ король напоминаетъ князю Острожскому, чтобы послѣдній исполнилъ свое обѣщаніе, данное царю Перекопскому (вѣроятно, черезъ царевича Мишея), а именно, чтобы немедленно двинулся на Днѣпръ, согнавъ оттуда разбойниковъ-Низовцевъ, а какихъ захватитъ въ плѣнъ, тобы казнилъ. Далѣе король приказываетъ князю Острожскому извѣстить царя Перекопскаго о срокѣ, на какой онъ назначитъ вой походъ къ Днѣпру. Въ концѣ универсала выражается радость, что отборная часть (сзою) Низовцевъ погибла во время похода въ Молдавію съ Александромъ.

Во второмъ универсалѣ Стефанъ Баторій упоминаетъ и о третьемъ, въ которомъ онъ обращается къ украиннымъ т. е. пограничнымъ старостамъ вообще, а въ частности къ старостамъ Хмельницкому, Барскому, Брацлавскому, Винницкому, Бялоцерковскому, Бисскому, Черкасскому и Камевскому*¹ съ приказаніемъ содѣйствовать всѣми способами воєводѣ кievскому князю Константину Константиновичу Острожскому, когда онъ будетъ сгонять Низовцевъ съ Днѣпра, ловить и казнить ихъ, такъ какъ Низовцы своими нападеніями на земли царя Перекопскаго вызываютъ отмѣстку со стороны татаръ. Король требуетъ отъ старостъ, чтобы они не защищали Низовцевъ, чтобы не скрывали этихъ опасныхъ разбойниковъ въ управляемыхъ ими городахъ и въ принадлежащихъ имъ имѣніяхъ, чтобы не снабжали ихъ селитрой, порохомъ, оловомъ и съѣстными припасами и чтобы не снаряжали ихъ для нападеній на подвластные царю Перекопскому земли. О подобныхъ дѣйствіяхъ пограничныхъ старостъ, говоритъ король, мы узнали отъ посла царя перекопскаго Хоромалы, который подавно у насъ былъ и который назвалъ намъ по именамъ низовскихъ вождей Шаха

*¹ „Wzajem wobec i kazdemu z osobna z starost naszych ukrainnych, a swiazacza“ i t. d.

и Арковского, зимовавшихъ съ 1577 на 78 годъ: первый—въ Неплюровѣ, а второй—въ Кіевѣ. Если Низовцы не прекратятъ своихъ нападений на татарскія поселенія, то никакія подарки (prominki) татарамъ не предотвратятъ ихъ отвѣтныхъ набѣговъ.

Наконецъ, четвертый документъ представляетъ собою инструкцію, данную хавшему въ Крымъ посломъ королевскому секретарю и придворному Мартину Броневскому для руководства при веденіи переговоровъ съ перекопскимъ царемъ Мухаммедъ-Герасмъ. Такъ какъ посланный въ Крымъ въ предыдущемъ году Андрей Тарановскій продолжалъ еще оставаться тамъ, то Мартину Броневскому вмѣняется прежде всего въ обязанность столкнуться съ Тарановскимъ и дальнѣйшіе переговоры съ ханскимъ правительствомъ вести сообща. Затѣмъ предписывается поставить на видъ хану, что онъ поступилъ недобросовѣстно, когда осенью 1577 года, не ожидая окончанія мирныхъ переговоровъ, самъ лично вторгся въ предѣлы Рѣчи-Посполитой и надѣлалъ въ нихъ много опустошеній. Тѣмъ не менѣе король предлагаетъ миръ и дружбу при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) пусть ханъ вернетъ всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ во время послѣднихъ набѣговъ; 2) пусть не требуетъ увеличенія той дани (prominki госпе), которая была установлена при Сигизмундѣ-Августѣ; 3) пусть ханъ поидетъ походомъ противъ Московскаго государя. По этому пункту вмѣняется обоимъ посламъ (Тарановскому и Броневскому) въ обязанность особенно настаивать, чтобы ханъ шелъ на Москву непременно собственною особою и непременно въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1578 года и вообще, чтобы онъ ежегодно ходилъ на Москву въ августѣ мѣсяцѣ. Когда онъ, двигаясь на Москву, поровняется съ Черкасами (предполагается, что татары идутъ лѣвымъ берегомъ р. Днѣпра), то пусть пошлетъ своего чиновника въ Черкасы и тамъ 7 августа королевскій посланецъ отдастъ ему дань, при чемъ не будетъ промедленія ни на одинъ часъ. Послы могутъ прибавить какъ-бы отъ себя, что сверхъ дани король по своей щедрости дастъ царю еще что-нибудь, если онъ окажетъ дѣйствительныя услуги Рѣчи-Посполитой. На требованіе царя, чтобы Рѣчь-Посполитая пропускала Вѣлгородскихъ (Аккерманскихъ) татаръ черезъ свои владѣнія, когда они будутъ двигаться на Москву, послы должны отвѣчать, что такое дозволеніе можетъ быть

во вѣдѣ условіемъ, чтобы эти татары промыслили заблаговременно за проводникомъ, который указывалъ бы имъ путь и который дѣлалъ объявлять королевскимъ подданнымъ, что татары идутъ въ разрѣшеніе короля; при этомъ они обязаны не причинять никому никакого вреда.

„Далѣе послы должны озаботиться,“ продолжаетъ король, чтобы царь далъ обязательство, что земли и подданные наши не сдѣлаютъ, а на дѣлѣ будутъ оставлены въ покоѣ татарами, какъ врановскими, такъ и Вѣлгородскими, Ногайскими, Очаковскими войсками иными, на томъ самомъ основаніи, на какомъ онъ ищетъ это намъ черезъ своего посла Хоромалу и черезъ воеводу кіевскаго князя Острожскаго.

Что же касается Низовцевъ, то мы приказали господину воеводѣ кіевскому согласно договору, заключенному съ нимъ царемъ врановскимъ, чтобы онъ двинулся на р. Днѣпръ и разогналъ тамъ этихъ разбойниковъ (те lotry). Поэтому пусть и царь одновременно гоняетъ ихъ на берегахъ Днѣпра по уговору съ воеводою кіевскимъ. Однако невѣроятно, чтобы потомъ, когда воевода кіевскій и царь перекопскій уйдутъ во-сволю, не собрались бы тамъ снова эти разбойничьи шайки (lotrowstwo); устеречь этого возможно въ тамошнихъ пустынныхъ мѣстахъ; къ тому же они могутъ найти себѣ пріютъ и въ Московской землѣ, такъ какъ они ходятъ въ соглашеніи съ Московскимъ государемъ, который учреждаетъ даже должность какого-то Днѣпровскаго воеводы, имѣющаго надъ ними начальствовать, и который подстрекнулъ ихъ къ походу въ Молдавію, какъ это выяснилось изъ показаній языконъ, юманныхъ въ Молдавіи. За это мы не ручаемся, да и имѣть мысли, чтобы наша дружба разстроилась изъ-за того, что потомъ появится тамъ на Днѣпрѣ нѣсколько Низовцевъ. Если они тамъ и будутъ, то навѣрное будутъ безъ вѣдома нашего, такъ какъ мы ихъ не любимъ и не желаемъ сохранять ихъ, а напротивъ стремимся истребить, но въ тоже время не можемъ держать постоянно тамъ такого большого войска, чтобы оно было въ силахъ когда имъ противодѣйствовать.

Что касается тѣхъ способовъ, которые указывалъ намъ царскій посолъ Хоромала, какъ наиболѣе подходящіе для скорѣйшаго истребленія Низовцевъ, а именно, чтобы мы запретили на-

шимъ пограничнымъ старостамъ снабжать ихъ селитрой, порохомъ, оловомъ и съѣстными припасами, и дозволить имъ проживательство въ селахъ, мѣстечкахъ и замкахъ, а также чтобы мы самыхъ отборныхъ изъ нихъ приняли на нашу службу, то мы съ своей стороны приказали уже всемъ пограничнымъ старостамъ подъ страхомъ строгой кары, чтобы они не давали этимъ разбойникамъ пріюта, но чтобы немедленно казнили, какъ только поймаютъ котораго-нибудь изъ нихъ. Мы также попробуемъ, нельзя-ли будетъ приласить ихъ на службу, хотя и не ручаемся за то, чтобы часть ихъ не ушла въ Московскіе предѣлы. Тѣмъ не менѣе положено уже доброе начало постребленія Извозцовъ, потому-что въ послѣднее время они наголову были разбиты въ Молдавіи людьми нашего брата*¹ и самая отборная часть ихъ тамъ полегла.²

Въ заключеніе король поручаетъ своимъ посламъ заключить перемиріе съ царемъ Переконскимъ даже въ томъ случаѣ, если онъ не согласится послать отвѣтныхъ послонъ, какъ не согласился при переговорахъ о перемиріи, заключенномъ при Сигизмундѣ-Августѣ.³

Снабженный такою инструкціею, Мартинъ Броневскій 10 апрѣля 1578 г. выѣхалъ въ Крымъ.⁴ Выѣстѣ съ нимъ выѣхалъ во svoю и татарскіи посоль Хоромала со своей свитою, получивъ отъ короля въ подарокъ одежду изъ золотой парчи („*cui data vestis auro intexta*“). Подарковъ и денегъ на путевые расходы Хоромалѣ и его спутникамъ выдано было на значительную по тому времени сумму 1322 флор. 24 гронн.—1772 р. 48 к.⁵

Мы должны быть очень благодарны Стефану Баторію за двукратный выборъ посланникомъ въ Крымъ Мартина Броневскаго.⁶ Чоловѣкъ это былъ образованный и наблюдательный; онъ

* Подразумѣвается: Христофора Баторія.

¹ См. Biblioteka ordynacyi Krasniskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. T. V, VI. Warsz. 1881. Str. 31—37, №№ 23, 24, 25 и 26.

² „*Expeditio nuntii S. Mts R. ad caesarem Præobryconsensem cum eodem nuntio die 10 Aprilis gnosit Martini Broniewski S. Mts R. secretarii.*“ См. Źr. dz. IX, B, str. 192.

³ См. тамъ-же.

⁴ Первый разъ Броневскій поѣхалъ въ Крымъ, какъ сказано выше, 10 апрѣля 1578 г., второй разъ 12 сентября того-же года. Въ Крыму онъ провѣлъ зиму съ 1578 на 1579 г. и возвратился домой только весной.

использовался теми досугами, какие онъ имѣлъ во время пребывания при ханскомъ дворѣ, чтобы написать на латинскомъ языкѣ подробный отчетъ королю обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Юскѣ въ некоторой литературной обработкѣ этотъ отчетъ составилъ превосходное географическое сочиненіе, изданное въ 1695 г. въ Вильнѣ на счетъ Арнольда Мылія подѣ такимъ заглавіемъ: *Magni Broniovii de Biezdzedca¹ bia in Tartariam nomine Stephani Primi Poloniae regis legati, Tartariae descriptio, ante hac in lucem nunc primum edita, cum tabula geographica eiusdem Chersonesus Tauricae. Poloniae Agrippinae, in Officina Birckmannica, sumptibus Arnoldi Mylij. Anno MDCCXCV. Cum gratia et Privilegio S. Caesareae Maiestatis.*

* * *

Пасха 1578 г. приходилась рано, 30-го марта. Отпраздновавъ ее въ Варшавѣ, и отпустивъ въ Орду 10-го апрѣля, какъ упомянуто выше, татарскаго посла Хоромалу и Мартина Броневскаго, Стефанъ Баторій 13 апрѣля самъ тоже покинулъ Варшаву, держа путь на Львовъ. Іоакимъ Вѣльскій объявляетъ, будто-бы король поѣхалъ во Львовъ наиболѣе ради тѣхъ неурядиць (*rozruchów*), поводъ къ которымъ подалъ Подкова. Самого Подкову король отправилъ въ г. Раву для содержанія его подѣ стражей въ тамошнемъ замкѣ. Путь короля лежалъ черезъ Черокъ, Варку, Гловачевъ, Едльню, Радомъ, Ильжу, Куновъ и Ошатовъ на Сандомиръ. Здѣсь король задержался съ 20-го апрѣля до 2-го мая, а затѣмъ двинувшись далѣе, черезъ Лежайскъ и Ярославъ, 13-го мая онъ прибылъ въ столицу Червоной Руси.²

Вскорѣ по прибытіи короля во Львовъ явились къ нему посланцы господаря Молдавскаго *Балика* и *Стромша* и пригнали

---

¹ Правильное названіе этой деревни *Biezdzedzy*. Броневскіе герба Тарнава писались *de Biezdzedzy*. См. *Herbarz Polski. Ułożył i wydał Adam Boniecki. Tom II, 1800, str. 189.*

² См. *Źródła dziejowe (Павлицкаго), t. IX, A, str. 188—189, b) iter S. Mts B. ex Warschawa Leopltm.*

въ подарокъ королю отъ господара пять быковъ. Оба были при-
сланы для переговоровъ по дѣлу Подковы.*¹

Волѣдъ за ними явился ѣздившій посломъ Баторія къ ту-
рецкому падишаху Христофоръ Дзѣржекъ и привезъ письмо отъ
падишаха, составленное въ началѣ марта 1678 г. Въ этомъ пись-
мѣ, изукрашенномъ цвѣтами восточнаго краснорѣчія и преиспол-
неннымъ любезностей, падишахъ рассказываетъ, что уже послѣ
ареста Подковы гетманомъ Николаемъ Сенявскимъ (Nikolá), когда
онъ, падишахъ, только собирался писать письмо къ королю Сте-
фану Баторію (Batury Jsztywan) о выдачѣ или казни Подковы,
бѣи силистрійскаго санджака Даудъ вмѣстѣ съ Молдавскимъ го-
сподаремъ донесли Высокой Портѣ, что какой-то негодяй,^{**} выда-
ющій себя за брата разбойника Подковы, во главѣ *болѣе двухъ*
тысячъ пѣшихъ и конныхъ козаковъ изъ-подъ Кіева, Канева, Чер-
касѣ и Брацлава, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, вор-
вался въ Молдавію, наполнилъ край пожаромъ и войной и, нако-
нецъ, расположившись въ прилегающихъ къ Яосамъ мѣстности
(Jasztrazagu), опоясалъ городъ цѣпью отрядовъ и подвергъ его тѣс-
ной блокадѣ; далѣе падишахъ, ссылаясь на то, что турецкому пра-
вительству Стефанъ Баторіи обязанъ своимъ престоломъ и что
онъ обѣщалъ охранить границы турецкаго государства отъ вся-
кихъ вторженій со стороны подданныхъ Рѣчи-Посполитой,—тре-
буетъ отъ Баторія, чтобы онъ или выдалъ Подкову, или казнилъ
его, а также, чтобы самъ двинулся съ войскомъ противъ
виновниковъ вторичнаго нападенія на Молдавскую землю, захва-

* См. Żr. dz. t. IX, B, str. 192: „Nuntius palatini Moldaviae Balika et Stro-
mas Leopolim ad S. Mtis R. venientibus in causa Podkocae, quibus per Christo-
pherum Dzierzack de mandato S. Mtis R. in provisionem dat. tal. 100 f. 118—10....
Expediit eorum.... Servitori illorum senlori, qui habebat curam bonum a pala-
tino Moldaviae S. Mtis R. donatorum, panni....

Pastoribus quinque bonum ex Moldavia sive Walachia boves pellentibus us-
que Leopolim dat. tal. 8 fac. fl. 7—15....

По словамъ Тосканскаго агента Филиппа Тальдуччи, подарки Молдав-
скаго господара королю были болѣе богатые: сизъ прислать де 50 воловъ, 4
бочки мускатнаго вина, 2 бочки маленькихъ соленыхъ лимоновъ и красиваго
верховаго коня. См. Listy Annibala z Karpi, nuncjusza w Polsce etc. Wyd.
Al. Przewdziecki. Warsz. 1852, str. 253—254.

** Рѣчь идетъ объ Александрѣ, мнимомъ братѣ Ивони и Подковы.

нѣтъ нѣтъ и примѣрно наказалъ; если король почему-либо не въ состояніи этого исполнить, то долженъ подробно донести объ томъ падишаху, который самъ распорядится изгнать этихъ разбойниковъ изъ Молдавской земли; но Подкова долженъ быть казненъ безъ отговорокъ, а также долженъ быть схваченъ и казненъ или выданъ — тотъ другой негодяй, если онъ послѣ пораженія его войски турецкими войсками пріютится въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой. Всякая снисходительность короля къ Подковѣ и къ этому другому негодяю будетъ служить доказательствомъ, что король не цѣнитъ мира съ падишахомъ и желаетъ вызвать его на враждебныя дѣйствія.^{*1}

Еще до полученія письма отъ падишаха Стефану Баторію удалось оказать свое содѣйствіе туркамъ въ поимкѣ Александра. Въ явленной выше инструкціи Мартину Вроневскому упомянуто, что посланное по распоряженію короля войско брата его Христофора Баторія, воеводы Седмиградскаго, разбило на голову козацкій отрядъ, водившій Александра въ Молдавію, при чемъ участію Александра, какъ мы знаемъ, былъ колъ, а плѣненныхъ козаковъ — турецкое рабство.

Почти по слѣдамъ Дзържка прибылъ 23 мая во Львовъ чаушъ турецкаго падишаха Мехметъ для личныхъ переговоровъ.^{*2} Въ письмѣ изъ Львова отъ 27 мая 1578 г. свидѣтель этихъ переговоровъ ксендзъ Янъ Піотровскій^{*3} такъ сообщаетъ о нихъ коронному маршалу Андрею Опалинскому:

„На дняхъ пріѣхалъ турецкій чаушъ и на завтра же имѣлъ аудіенцію, бранится, грозитъ; падишахъ пишетъ, чтобы мы прислали въ Константинополь или Подкову съ Константиномъ“^{*4} жи-

^{*1} См. Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej slużących, z dodatkiem objaśnień potrzebnych i krytycznych uwag, przez J. J. S. Skotowskiego. T. II, w Warsz. 1825, str. 302—308.

^{*2} См. Żr. dz. t. IX, B, str. 191: „Provisio nuntii caesaris Turcarum nomine Methmeth schaus, qui Leopolim ad S. Mtem R. venit die 23 Maii“....

^{*3} Письма ксендза Яна Піотровскаго къ вел. кор. марш. Андрею Опалинскому — одинъ изъ надежнѣйшихъ источниковъ для изученія эпохи Баторія. Отдѣлку ихъ и подробности объ авторѣ Піотровскомъ (род. 1550, ум. 1591) см. въ предисловіи Чучицкаго къ книгѣ: Dziennik wyprawy Stefana Batorogo pod Raków. W Krak. 1894. Str. VIII—XII.

^{*4} Константинъ Лакуста (Саранча) — молдаванецъ, сообщникъ Подковы.

всѣмъ, или ихъ головы; поэтому тутъ Подкова уже конецъ.⁴¹

10-го іюня тотъ же корреспондентъ пишетъ Андрею Опалинскому:

„Чаушъ на этой недѣлѣ будетъ отпущенъ. Вѣднѣя Подкова долженъ быть казненъ и, навѣрное, или еще въ бытность чауша, или тотчасъ послѣ его отъѣзда, будетъ ему отрублена голова. Константина король выгораживаетъ; настаиваетъ, будто бы онъ не виновенъ.“⁴²

Дѣйствительно, смерть Подковы была уже рѣшена и королевскій коморникъ Андрей Лозевницкій, ѣздившій за нимъ въ г. Рава,⁴³ доставилъ его во Львовъ для исполненія надъ нимъ казни, которая и состоялась 16 іюня на той каменной плахѣ передъ Львовской городской ратушей, на которой послѣдовательно сложили головы три молдавскихъ претендента: Томша (1563), Подкова и Янкула (1582).⁴⁴ Эта казнь была картинно описана очевидцемъ ея Тоскавскимъ дипломатическимъ агентомъ Филиппомъ Тальдуччи въ письмѣ во Флоренцію къ кавалеру Кончини графу делла-Пенна, но мы не будемъ пересказывать здѣсь всѣхъ ея подробностей.⁴⁵ Приведемъ только отзывъ извѣстнаго ксєндза Яна Піотровскаго о произведенномъ ею впечатлѣніи изъ письма его къ Андрею Опалинскому отъ 3 іюля:

„Ваша Милость, вѣроятно, уже знаете, что Подкова обезглавлена. Удивительное дѣло, какъ вся здѣшняя чернь сожалѣетъ о немъ; печатаютъ о немъ книги, пѣсни.“⁴⁶ Живописцы нарисовали

⁴¹ См. Acta histor. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 107.

⁴² См. ibid. str. 110.

⁴³ См. Żr. dz. t. IX, A, str. 108: „Andreae Łozewiczki *Ravam* propter deducendum *Pulkuka captivum* ad Mtem R. Leopoldi expedito, dat. tal. 50, facit pl. 58—10.“

⁴⁴ См. Heck. *Życie i dzieła Zimorowiczów*. W Krak. 1894, str. 25.

⁴⁵ См. Listy Annibala z Kapui, arcybiskupa Neapolitańskiego, nuncyusza w Polsce o bezkrólewiu po Stefanie Batorym etc. Wydał Alexander Przędzicki. Warsz. 1852, str. 253—258.

⁴⁶ Имѣется, вѣроятно, въ виду между прочимъ недодешняя до насъ стихотворная брошюра Бартоша Папроцкаго: *Krótki a prawdziwy opis wjechania do Wołoch Iwana wojewody, którego Podkową zową*. W Krakowie 1578, w 8-сс, wierszem. Объ авторахъ и заглавіяхъ другихъ подобныхъ брошюръ мы не нашли никакихъ свѣдѣній. На почвѣ сочувствія къ Подковѣ вокругъ его личности сложилась цѣлая легенда, которая превратила молдавскаго претендента

го обезглавленное тѣло. Не знаю, можетъ ли Александръ показывать болѣе мужества, нежели имѣлъ его Подкова, когда шелъ на смерть и обращался съ рѣчами къ народу. При этомъ присутствовали Молдавскіе послы (т. е. Балпа и Стронштъ), а чаушъ Мохотъ за три дня передъ тѣмъ уѣхалъ.⁴⁰¹

Въ другомъ письмѣ отъ 10-го іюля къ тому же корреспонденту всѣгдазъ Піотровскій замѣчаетъ: „Сауджакъ Вѣлгородскій новидному очень обрадованъ смертью Подковы, рады и въ Константинополь.“⁴⁰²

* * *

Лѣто 1578 г. Стефанъ Баторій проводилъ во Львовѣ. Къ этому онъ былъ вынужденъ обстоятельствами, которыя сложились такъ, что Львовъ являлся для него наиболѣе удобнымъ пунктомъ, чтобы дожидаться возвращенія агентовъ, посланныхъ имъ съ разными порученіями на югъ и востокъ. Къ Львову, какъ къ центру, сходились дороги и съ береговъ Днѣпра, и изъ далекаго Крыма, и изъ сосѣдней Молдавіи. Дождаться же приходилось вотъ кого:

во-первыхъ, пословъ, отправленныхъ въ Крымъ для переговоровъ о заключеніи мира съ царемъ Перекопскимъ въ виду предстоящей войны съ Москвою,—Андрея Тарановскаго, уѣхавшаго въ январѣ 1577 г., и Мартина Броневскаго, уѣхавшаго въ апрѣлѣ 1578 г.; съ ними должны были вернуться и гонимы, вздвиншію въ Орду съ письмами въ 1576 и 1577 г.г. и арестованные тамъ: переводчики съ татарскаго языка Шельмиза и Ахметъ, секретарь по арабской перепискѣ Илья и Николай Платовскій;

та въ южнорусскаго народнаго героя („ta Podkowa, ta rycerska calcy Kossy-
skiej ouciżuzy podroga“) и вдохновляла еще въ 1693—1694 гг. одного изъ педагоговъ Кіевского коллегіума на составленіе подробной рѣчи, посвященной восславленію Подковы: *Praxis in funera Herois dieti nomine Podcowa*. См. Уте-
ня въ Историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца, книга XIV, 1900, отдѣлъ
III, статья В. Перетца: „Къ исторіи Кіево-Могилинской коллегіи,“ стр. 23—
25, № 4.

⁴⁰¹ См. Acta histor. t. XI. Spr. wojen. etc. str. 115.

⁴⁰² См. ibid. str. 118.

во-вторыхъ, Яна Тарла, люблинскаго воеводу, который поѣхалъ въ Брацлавъ, Винницу и Немпровъ съ обширными полномочіями, чтобы произвеста разслѣдованіе о нападеніяхъ низовыхъ козаковъ на турецкія и татарскія поселенія, захватить виновныхъ въ разбояхъ и подвергнуть ихъ казни;^{*1}

въ-третьихъ, венгерца изъ королевской свиты Янчи Вегера, который согласно обѣщанію короля царю Перекопскому, выраженному въ инструкціи Броневскому отъ 4 апрѣля 1578 г., поѣхалъ вербовать запорожскихъ и низовыхъ козаковъ на королевскую службу.

Первыми явились послы. 22-го іюля прибыл въ-своихъ Андрей Тарановскій и Мартинъ Броневскій вмѣстѣ съ освобожденными гонцами Шельмизой, Ахметомъ, Ильею и Николаемъ Платовскимъ^{*2} Ихъ сопровождали турецкій чаушъ Солиманъ и ханскій посолъ Ибрагимъ Вѣлецкій, отатаренный полякъ.^{*3} Ходъ переговоровъ съ послѣдними съ обычною безыскусственностью передаетъ всѣмъдъшъ Піотровскій въ письмахъ своихъ къ Андрею Опалинскому.

Изъ письма отъ 3 августа 1578 г. „Тарановскій съ чаушемъ и татарскимъ посломъ пріѣхали. Татаринъ хочетъ что-нибудь выторговать и заключить перемиріе не по старымъ договорамъ, но на основаніи новыхъ условій, а именно, чтобы „упоминки“ (подарки) получать ежегодно, не впрямъ на то, служить ли онъ намъ, или не служить. Съ Московскимъ государствомъ да будетъ ему позволено заключать дружбу когда и на какихъ угодно условіяхъ, брать отъ него „упоминки“, служить ему когда заблагоразсудится; это будто бы не будетъ мѣшать нашему перемирію. На Низу чтобы не было ни одного козака, а если появится хоть одинъ, то перемирію—конецъ. Оба берега Днѣпра должны быть его и даже на нашей сторонѣ онъ нѣкоторыя урочища включилъ въ число своихъ. Таковыя нелѣпости и подобныя имъ онъ рассказываетъ. Этотъ посолъ—природный полякъ, изъ хлопковъ, Вѣлецкій; кажется, будучи семи лѣтъ,

^{*1} Въ секретари ему былъ опредѣленъ Леонъ Ростковскій: „Leonі Rostkowski magoi dni castellani Trocen. notario cum magoo dno palatino Lublinen. in terras Podoliae ad faciendam executionem contra violatores foederis regni misso, fl. 35.“

^{*2} См. *Зр. dz.* т. IX, В, str. 189.

^{*3} См. *ibid.* str. 191.

нѣ былъ отсюда захваченъ въ плѣнъ; цѣлѣ лица у него не татарскіи. Чаушъ съ своей стороны привезъ письмо падишаха турецкаго, въ которомъ то утѣшительно, что предлагается заключеніе перемирія по старымъ договорамъ. Никто другой не можетъ насъ примирить, кромѣ какъ этотъ чаушъ, и на него вся надежда. Въ противномъ случаѣ придется ихъ немного задержать, а къ Портѣ еще кого нибудь послать; пусть оттуда напомнятъ царю Перекопскому, чтобы онъ не вымалгалъ ничего болѣе того, что установлено давнимъ обычаемъ. Тарановскій однако шепчетъ на ухо то тому, то другому, что нѣтъ вѣрности въ этомъ шагѣ (т. е. въ чаушѣ) и что если мы не отдѣлаемся отъ него, то напрасно будемъ умолять или откупаться.⁴⁰¹

Изъ письма отъ 11 августа 1578 г. „Татары ничего не дѣлаютъ, только торгуются. Хотятъ многое вытянуть у насъ сверхъ старыхъ договоровъ. Они привезли готовую перемирную грамоту, написанную согласно ихъ тайнымъ желаніямъ. Однако они сдаются и придется, кажется, къ тому, что они должны будутъ удовольствоваться старыми договорами. Его Королевской Милости придется послать въ Орду за новою перемирною грамотою, забросивъ ту, которую они привезли. „Упоминки“ уже готовы. Для этихъ камней нашили массу парчевыхъ подбитыхъ соболями одѣяній. Если бы не периодская война, на которую царь Перекопскій долженъ былъ послать Галгу съ 80.000 войска, то была бы намъ работа съ этимъ перемиріемъ. Хлопы эти держатъ себя гордо; такъ бранится, что страхъ, да и чаушъ не очень то тянетъ въ нашу сторону.⁴⁰²

Изъ письма отъ 19 августа 1578 г. „Что тутъ новаго? Съ татарами и гурками на этой недѣлѣ хотѣли бы мы уже раздѣлаться. Каканъ раздѣлка? Самъ Господь Богъ вѣдаетъ, каканъ, и къ чему приведетъ, Такого перемирнаго договора, какой предлагалъ посоль царскіи (собака полякъ Вѣлецкій, который побасурманился), мы не захотѣли принять, потому что въ немъ прибавлено много новыхъ условій сверхъ старыхъ, многія же старыя — пропущены; не заключивъ перемирія, мы не хотѣли выдать и „упоминокъ.“ Что же было дѣлать? Чаушъ по-

⁴⁰¹ См. Acta histor. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 123—124.

⁴⁰² См. ibid. str. 120.

мирить, „упоминки“ принять подъ свою отвѣтственность. Онъ выдалъ письменное удостовѣреніе, въ которомъ даетъ слово и обѣщаетъ, что убѣдить царя Перекопскаго прислать намъ перемирную грамоту, написанную на старыхъ условіяхъ; онъ тогда только отдастъ ему „упоминки“, когда это осуществится, и обезпечиваетъ насъ, что за эти же „упоминки“ царь будетъ воевать съ Московскимъ государемъ. Нашъ посланникъ вмѣстѣ съ чаушемъ долженъ ѣхать за этою перемирною грамотою къ царю, а другой посланникъ поѣдетъ къ турецкому падишаху и донесетъ, что не по нашей винѣ мы такъ долго не заключили съ царемъ перемирія, потому что въдѣ въ договорѣ съ Турціей ясно написано, что мирная сдѣлка должна быть учтена по давнему обычаю. Слѣдовательно царь виноватъ, а не мы, и пусть падишахъ внушитъ ему это. Сами разсудите, Ваша Милость, будетъ ли этотъ миръ надежнымъ. Воевода кievскій будетъ присутствовать здѣсь при отпускѣ посланниковъ.*1

Изъ письма отъ 30 августа 1582 г. „Еще ни татаръ, ни чауша не отпавили. Отпускъ состоялся бы, да ожидаютъ воеводы кievскаго, котораго требуютъ татары. Со дня на день долженъ быть. Какъ только онъ прибудетъ, такъ этихъ иоганцевъ и вышриводятъ. Я писалъ уже Вашей Милости, каковъ этотъ отпускъ пословъ и каково положеніе дѣлъ. Нѣсколько дней назадъ (25 августа) пріѣхалъ другой чаушъ Ахметъ, что былъ когда-то для заключенія перемирія въ Мальборгъ,—пріѣхалъ по дѣлу того турецкаго купца, который жилъ недавно въ Варшавѣ,—такой высокій съ сѣдою бородою; такъ вотъ падишахъ повѣсилъ его хозяина, а этотъ, узнавши здѣсь о печальномъ событіи не хотѣлъ ѣхать въ Турцію съ Московскими товарами, которыхъ по видимому онъ имѣетъ на большія суммы; чаушъ добивается, чтобы его принудительно доставили до границы; жалуется также на козаковъ. Удивительно, какъ дерзко заводитъ онъ объ этомъ рѣчь грозить, бранить насъ, совсѣмъ какъ будто своихъ подданныхъ. Здѣсь такъ это объясняютъ, будто это признакъ, что онъ насъ боится; кажется, тамъ у падишаха чаще всего онъ ѣздитъ къ персамъ. Жаждетъ видѣться съ подольскимъ воеводою и проситъ короля чтобы далъ ему позволеніе съѣздить къ воеводѣ. Объ этомъ данъ

*1 См. *ibid.* str. 130.

ну знать и, кажется, ради чауша онъ самъ поспѣшить сюда... Чаушъ добивается, чтобы вмѣстѣ съ купцомъ былъ ему выданъ и издававшій Контантинъ, сидѣвшій узникомъ въ Мальборгѣ.⁴⁰¹

Изъ письма отъ 10 сентября 1578 г. „Съ турками и татарами и уже покончили. Сегодня или завтра они должны уже выѣхать. Упоминки⁴⁰² мы посылаемъ черезъ одного изъ чаушевъ. Съ ними идетъ и нашъ посоль—Вроневскій. Мы вошли съ этими поганцами въ добрую дружбу и часто съ ними выпиваемъ. Были они у пана севоды подольскаго, другой разъ — у пана канцлера, вчера — у пана севоды кievскаго; вездѣ ихъ принимали пышно. Дай Богъ, чтобы та дружба принесла добрые плоды.... Отъ старосты черкаскаго князя Михаила Вишневецкаго) пришли письма; Вакай съ Сигозою прислали къ нему посоль, требуя, чтобы онъ позволилъ имъ поѣхать черезъ Днѣпръ, такъ какъ они хотятъ идти на Москву. Онъ поступилъ такъ, что разрѣшилъ имъ переправу; 24 августа ихъ переправилось 3,000 и теперь они уже на пути къ Москвѣ. Его Милость король похвалилъ за это старосту, считая его попухокъ дѣльнымъ, и приказалъ на будущее время, что если и будетъ значительное число ихъ захочетъ еще переправиться, то чтобы староста дозволилъ имъ это и обошелся бы съ ними гуманно. Господа ордынцы хотятъ, кажется, брататься съ нами, но искренно нѣтъ, Богъ знаетъ.“⁴⁰³

Изъ письма отъ 17 сентября 1578 г. „Съ чѣмъ отиравленны турки и татары, — объ этомъ я достаточно писалъ уже Вашей Милости, мой милостивый государь, черезъ Юзефовича. Вмѣстѣ съ чаушемъ выѣхалъ въ Орду при „упоминкахъ“ слуга Вашей Милости Вроневскій. Инструкцію, данную ему, я отослалъ Вашей Милости. Чаушъ принялъ на свою отвѣтственность, что перемирная грамота съ царемъ будетъ написана по старымъ договорамъ и что на слѣдующее лѣто царь поможетъ намъ воевать съ Московскимъ государемъ.“⁴⁰⁴

„Упоминки,“ которые повезъ въ Орду Вроневскій въ сентябрь 1578 г., были очень богаты. До насъ дошелъ ихъ списокъ:

⁴⁰¹ См. *ibid.* str. 133.

⁴⁰² См. *ibid.* str. 136, 137.

⁴⁰³ См. *ibid.* str. 144.

1) наличными деньгами 13.800 старыхъ талеровъ по 35 грошей въ каждомъ, что равнялось 9.200 червонцевъ, иначе 16.100 злотыхъ или флоринновъ (на наши деньги—21.550 рублей);

2) серебряная чаша;

3) 304 куска Ліонскаго сукна стоимостью въ 11.889 флоринновъ (=15.261 р. 26 к.);

4) по нѣскольکو кусковъ суконъ: Швободзинскаго^{*1} и Ландбергскаго,^{*2} фіорета,^{*3} адамашка^{*4} и армезина;^{*5}

5) собольи и бобровые мѣха.

Всѣ „упоминки“ оцѣнивались въ круглую сумму 34.448 фл. 24 гр. (=46.161 р. 40 к.)

Самъ Броневскій на путевые расходы получилъ 1.000 флоринновъ (=1.340 р.)^{*6} Въ инструкціи Броновокому отъ 12 сентября 1578 г. сказано было, что если татары вспомнятъ о козакахъ, то чтобы онъ отвѣчалъ: „Знаю де, что Его Милость король принимаетъ мѣры къ ихъ обузданію и послалъ на Украину пана вооуду люблинскаго, но онъ не поручалъ мнѣ вести о нихъ переговоры.“...^{*7}

* * *

Прежде чѣмъ рассказать о результатахъ миссій Яна Тарна и Янчи Бегера, мы сообщимъ о томъ набѣгѣ на Молдавію, который произвели козаки лѣтомъ 1578 г., въ то самое время, когда Стефанъ Ваторіи велъ переговоры съ турецкимъ чаушемъ и с

---

^{*1} *Swieboldzin*, въ настоящее время *Schwiebia*, городъ въ Бранденбургѣ знаменитый и теперь своими суконными фабриками.

^{*2} *Landsberg*—городъ также въ Бранденбургѣ на р. Вартѣ.

^{*3} Фіоретъ—какая-то шерстяная матерія; вѣроятно, въ рисунокъ ее входили цвѣты и она называлась такъ отъ итальянскаго слова *fioretto*—меленькій цвѣтокъ.

^{*4} Адамашекъ—шелковая матерія, украшенная вытканными по ней узорами; первоначально изготовлялась въ г. Дамаскѣ, отсюда и ее названіе (франц. *dama*.)

^{*5} Армезинъ или кармезинъ (итал. *carmesino*)—гладкая шелковая матерія; употреблялась для изготовленія знамени: „*Armesini rubei emptae ulnae 34 s. per vexillum per gr. 10. Armesini albi, ex quo vexillum erat paratum cum una cauda oblonga, emptae uln. 24 per gr. 10, serici unctae 2.*“ См. *Žr. dz. t. IX, A, str. 21*

^{*6} См. *Žr. dz. t. IX, B, str. 193—194.*

^{*7} См. *Acta hist. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 148.*

арскимъ посломъ, и стремился внушить имъ убѣжденіе, что и козацкихъ грабежей и нападений на турецкія и татарскія посяія не слѣдуетъ ихъ государямъ становиться во враждебныя отношенія къ Польшѣ.

Первое извѣстіе объ этомъ набѣгѣ подалъ подольскій воевода Николай Мелецкій въ письмѣ отъ 2 іюля 1578 г. къ корону маршалу Андрею Опалинскому: „Въ Молдавіи подворился ю уже повсемѣстный миръ, но вотъ вдругъ сегодня пришла пѣть отъ слугъ моихъ съ границы, что будто какая-то сволочь какимъ-то новымъ господаремъ во главѣ опять тамъ воюютъ.“⁴¹

Предводителемъ на этотъ разъ явился новый самозванецъ Петръ, который выдавалъ себя за сына посаженнаго на колъ Александра. Въ письмѣ отъ 27 іюля, адресованномъ Низовцамъ,⁴² кою объясняетъ имъ, что молдаванинъ Петръ, поддерживаемый имъ, — вовсе не сынъ Александра, а наглый самозванецъ, что дѣйствительный Петръ не находится въ живыхъ: трупъ его лично былъ при провѣдѣ черезъ Молдавію Христофоръ Дзѣржекъ и которые другіе королевскіе слуги; король уговариваетъ козаковъ ходить въ Молдавію и не нарушать мира съ этой страной и сею созереномъ — падишахомъ турецкимъ, обѣщаетъ отправить на войну противъ Москвы, грозитъ за ослушаніе его волю своимъ наказаніемъ.⁴³

Въ письмахъ къ Молдавскому господарю Петру Хрому отъ 27 іюля и отъ 2 августа Баторіи объясняютъ, что козаки, явившись въ Молдавію съ Петромъ, собрались не въ Каневѣ и не въ Ряскахъ, а за Днѣпромъ, въ Московскихъ предѣлахъ, что они шли незамѣченными мимо королевскихъ замковъ, тайно перешли черезъ р. Вугъ и направляются къ г. Сорокѣ.⁴⁴

⁴¹ См. *ibid.* стр. 118.

⁴² Это письмо вмѣстѣ съ другими письмами повезъ къ днѣпровскимъ козакамъ или низовцамъ Андрей Пытовскій: „*Andreae Pythowski ad capitaneos scyriens., Winnicensemque; item ad Boristenes sive Nizovios et ad omnes capitaneos fuitimos, ut Petrum dictum Walwodam (чтобы Петра, самозваннаго господаря....) a sinibus Moldaviae arceant et post retrocedant, misso, fl. 17.*“ *Зр. dz. IX, A, 198.*

⁴³ См. *Biblioteka ordynacyi Krasnińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskie- go. T. V i VI. Warsz. 1881. Str. 130—131, № 82; Кулишъ, Матеріалы для ист. возсоед. Руси, М. 1877, стр. 4—5.*

⁴⁴ См. *Муз. К. Św. t. V i VI, str. 133 i 138, №№ 86 и 88.*

Отефанъ Ваторій считъ нужнымъ оказать помощь Петру Хромому въ дѣлѣ отраженія козацкаго набѣга. Пожевому гетману Николаю Сенявскому съ его войскомъ предписано было двинуться къ г. Бакотѣ, Каспаръ Векешъ съ венгерскою пѣхотою посланъ былъ къ г. Каменцу. Брацлавскому старостѣ Юрію Струсю и Виницкому подстаростѣ велѣно было собрать мѣстных ополченій итти на подкрѣпленіе Сенявскаго къ Бакотѣ.*¹

Армянинъ Вартерезъ отправленъ былъ въ Константинополь объясниться по поводу происшедшаго съ Высокою Портою.*²

Самый надежный свидѣтель событій этого времени коюнда Янъ Піотровскій такъ пишетъ о королевскихъ распоряженіяхъ съ ему корреспонденту коронному маршалу Опалинскому отъ 3 августа

„Внезапно пришло извѣстіе, что Низовцы съ какимъ-то го подарникомъ Петромъ, который называетъ себя сыномъ Александра, идутъ съ трескомъ въ Молдавію. Король приказалъ гетману съ подольскими жолнерами двинуться на спасеніе господаря Молдавскаго. Векешъ также отправился туда съ венграми и гайдуками. Въ послѣдніе три дня вѣсти эти какъ-то охладѣвають; предполагаютъ, что наши въ скоромъ времени вернутся съ дороги; я ужъ не знаю, какъ объясняютъ посылку Векеша въ Молдавію.“*³

Отъ 11 августа Піотровскій извѣщаетъ Опалинскаго:

„Позавчера спѣшило пріѣхалъ посланецъ господаря Молдавскаго съ письмомъ; пишетъ господарь, что онъ поймалъ этого Петра и приказалъ зарубить, что козаки удрали за Днѣстръ, причемъ по пути разорили городокъ Сорочу и сожгли прилегающіе къ его замку предмѣстья. Короля онъ искренне благодаритъ за помощь, которую послѣдній ему оказалъ. Написали уже къ Бекешу и къ гетману, чтобы они возвратились.“*⁴

* * *

Возвратимся теперь къ миссіямъ Яна Тарла и Янчи Богора. О пріѣздѣ Яна Тарла коюндазъ Піотровскій сообщаетъ Опалинскому въ письмѣ отъ 17 сентября 1578 г.:

*¹ См. *ibid.* str. 130—140, №№ 81, 83, 84, 85, 87, 89, 90, 91, 92, 94.

*² См. *ibid.* str. 135, № 88.

*³ См. *Acta histor. t. XI, Spr. wojenne etc.* str. 124.

*⁴ См. *ibid.* str. 129.

На дняхъ панъ воевода люблинскій Янъ Тарло вернулся своей командировки. Онъ представилъ отчетъ обо всемъ. Больше всего онъ обвинялъ воеводу кievскаго, такъ какъ большинство козаковъ выходило на Янъ изъ его двора и изъ его вѣнъ, а также изъ Немирова, имѣнiя пана воеводы брацлавскаго. Однако судить тамъ онъ никого не могъ, потому что никто не хотѣлъ явиться на его позвы; не явился и панъ воевода кievскiй вѣю по тому, что будто-бы въ позвѣ не былъ выписанъ полнью его титулъ. Тарло поймалъ тамъ одного какого-то бѣднягу потъ несчастливцевъ поплатится, каметса, за другихъ.⁴¹ Часто вѣетъ такъ и въ наше время, если громоздкая судебная машина выдвигается тамъ, гдѣ нужна только вооруженная сила.

Миссия Янчи Вегера была болѣе удачною. Въ понедѣльникъ 10 сентября прибылъ онъ во Львовъ и привезъ съ собою пять шапцовъ отъ Низовыхъ козаковъ. Имена ихъ были слѣдующiя:

*По расходной книгѣ короля казначейства:*⁴²

Андрей Лиханскiй, старшина,
Янъ Подолянинъ,
Матфей Дидъ,
Иванъ Клюкъ,
Филиппъ Кольруша.

По договорному универсалу

короля:

Андрей Лиханскiй,
Иванъ Подолянинъ,
Федоръ Дѣдъ,
Иванъ Клинокъ,
Филиппъ Коза.

Они предлагали королю свои услуги и обѣщали идти туда, куда ихъ пошлютъ. Приняты они были ласково, получили въ подарокъ отъ короля сначала по 15 флориновъ (=20 рублей), а потомъ еще по 8 локтей Лионскаго сукна, на 2 армяка каждому. Съ ними немедленно заключенъ былъ договоръ, по которому принято было на королевскую службу 600 „товарищей“ съ платою по

⁴¹ См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc., str. 145.

⁴² См. Żr. dz. t. IX, A, str. 216: „Nizovis personis quinque ad S. Mtem R. Leopolum venientibus, nomine videlicet: Andrea Lichanski seniori eorundem, Iwan Podolainia, Matffey Dyd, Iwan Kluk, Phillip Kolrusza, istorum cuilibet ex commissis ac de gratia S. Mtis R. per f. 15, omnibus f. 75.

Eisdem cuilibet panni Lundinen. super vestes 2 per uln. 8, facit uln. 40 per 11-18, dati f. 64.

Janczemu Begler, qui cum Nizovis Leopolum venerat, de gratia S. Mtis R. 11 Maras Mtis ejusdem dati f. 25.“

в копъ литовскихъ или, что тоже, по 15 флориновъ (=20 рублей) и по одному армяку въ годъ каждому. Староста черкасскій князь Микхапль Александровичъ Вишневецкій былъ назначенъ надъ ими гетманомъ, помощникомъ его опредѣленъ Янъ Орышовскій, а писаремъ — Янчи Вогеръ. Въ предстоящій день св. Николая т. о. 6 декабря 1578 г. всѣ „товарищи“ должны были принести присягу на вѣрность знамени и въ тотъ же день получить жалованье за четверть года. Они обязывались постоянно быть въ послушаніи и въ командѣ у короля и не дѣлать набѣговъ ни на Молдавію, ни на Турцію.*1 Договоръ съ Низовцами такъ важенъ для пониманія

*1 Ксёндзь Янъ Шотровский такъ передаетъ содержаніе заключеннаго съ Низовцами договора въ письмѣ къ Опалинскому отъ 17 сентября: „Onegdaj w poniedzialek przyjechalo do K. J. M. pięciu posłańców od kozaków Nizowych, służby swe ofiarując, i tam się obiecując gdzieby kazano. Wdzięczne to poselstwo ich było, odprawieni zarazem z tem. Za usługi ich przyjęto, za 600 Towarzystwa tamtego, przyrowadziano służbę po 6 kóp. Litewskich i po sukni na rok. Starosta Czorkaski Hetmanem nad nimi będzie, któremu na przyszły S. Mikolaj przysięgać wszyscy mają i na tenże czas ten zold wziąć. Być zawsze pod posłuszeństwem i zwierzchnością królewską, do Wołoch ani do Turek, Boże uchwaj, chodź nie mają.“ См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 144—145.

Militibus Boristhenis Nizovii dictis. . . tam ad custodiendum fines Regni ab IncurSIONIBUS Tartarorum, quam ad bellum contra duces Moschorum susceptis; quorum *dux supremus* per S. R. M. *datus generosus Michael Wisniowiecki*, castellanus Bracławiensis et capitaneus Circasiensis, sub cuius regimine servitia sua prostare S. R. M. et regno juramento astriti esse tenentur.

Servitium eisdem indictum est per S. R. M. a festo sancti Nicolai 1578 in personis 500, in quolibet pro anno integro per 15 flor. et panni Lundinensis cullibet per ars. litv. 4.

Solutis eisdem pro anno dimidio remissa est Czercassiam, ibidemque ad quietationem *Janczi Bagier, notarii eorundem*, dati sunt 3.750 fl., eisdem pannum Lundinense, juxta littera S. R. M. stamina 57 per 37—5, fac. flor. 2.118—15. [3500 флор.—5025 р., 2118 ф. 15 гр.—2318 р. 80 к.] Pro quatuor staminibus simplicibus panni ad. . . hoc alem pannum stam. 1, fac. 24 flor. Totius facit flor. 2.142—15. [2142 фл. 15 гр.—2370 р. 95 к.]. *Janczi Bagier, notario eorundem Nizoviorum* ratione stipendii illius super officium notariati, ad litteras S. M. R. data Cracoviae 29 Octobris 1578, flor. 50 [50 флор.—67 р.].

Ioanni Oriszowski superintendenti eorundem Nizoviorum in personis № 30, cullibet pro anno dimidio per flor. 7—15 et pannum Lundinense.

См. *Historya piechoty polskiej* przez Konstantego Górskiego. Kraków 1893, str. 242—243, nota 37.—*Źr. dz. t. IX, B*, str. 209—210.

Подъ документомъ 1581 года Янъ Орышовскій подписался такъ: „Jan Oryszowski z Oryszowa, porucznik kozaków zaporożskich ręką własną.“ Лшнде въ словарѣ издашіи 1811 г. опредѣляютъ значеніе слова *porucznik* для XVI вѣка

звоненія ихъ въ Рѣчи-Посполитой въ эпоху Баторія, что мы придемаъ здѣсь его въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ въ временной ему рукописи.*2

Postanowienie z Niżowcy.

(De conditionibus, quibus Nisovii fidem suam Regi et pblcae obstringunt, litterae universales).

Stefan etc. Wszem wobec i kaźdemu z osobna komu o wiedziѣć naleźy oznajmujemy: Jā gdy tu do nas do wowa Mołojcy Zaporozcy z pośrodka siebie przysłali posy swe, na imię: Jędrzeja Lichańskiego, Iwana Klinka, wana Podolanina, Fiedora Dzieda, Filipa Kozę, z ofiarowaniem, że nam są gotowi służyć, my będąc wdzięczni akowego ich ofiarowania, które przez omienione posły swe nam uczynili, przyjęliśmy je na służbę naszą za temi konlcyami, wedle których nam mają służyć. Naprzód że nam wierni mają być i służyć pod władzą urodzonego kniaia Michała Wiśniowieckiego, starosty naszego Czerkaskiego i Kaniowskiego, którego im najwyższego sprawcę daemy, na miejsce nieboszczyka wielmożnego Jorzego Jazowieckiego, wojewody Ruskiego, hetmana, i Śniatyńskie-

---

акъ: „Ктѣрѣмъ со рогисцѣно, намлестникъ сѣили заступца старszych.“ Лучше всего мисляется значеніе слова *рогисцѣник* въ эту эпоху изъ слѣдующаго мѣста Дневника жєндза Плотровскаго, описывающаго походъ Стефана Баторія подъ Псковъ (wyd. Szuczynskiego str. 67—68): „Toż iż sam (Янъ Жамойскій) wszętkiemu sprostać nie może i na kaźdemъ мѣjscу zawsze być, кѣды przy oblęganіu w znańcach бѣдзіе bywał, tedy umyślil na мѣjscу swem hetmańskimъ mieć zawsze P. Wojewodę брацлавскаго (князя Ивана Николаевича Збаражскаго) w sѣdzie dla nagłychъ przygódъ i potrzeb, ктѣребы przyпадаć mogly na obѣmъ, także i dla dodawania posiłków, гдзіебу jakiśъ гвалтъ бул, iż туъ im go odtądъ *głównymъ рогисцѣникомъ swoimъ казѣткого кожака мianował.*“ Князь Збаражскій явился такимъ образомъ помощникомъ Жамойскаго, вступающимъ его мѣсто по управленію каждающей арміей.

*2 Напечатанъ впервые въ Bibl. ord. Krasin. Muzeum Konstantego Widyzińskiego. T. V i VI, str. 396—398, № 160. Въ предисловіи сказано о рукописи: „Cechy zewnętrzne, jak charakter pisma, papier, oprawa skórzana z wyśakami, świadczą, niezaprzeczenie o współczesności rękopismu z datą aktów w nim zawartych“.

go, Lubaczowskiego i Czerwonogrodzkiego starosty, któremu hetman ich i inni sprawcy, także wszyscy Mołojcy, w tém co im rozkaże przerweczony starosta nasz Czerkaski, mają być posłuszni, i tam ku potrzebie naszej i koronnój wojować, gdzie gim ukaże.

Przed tymże panem starostą mają uczynić przysięgę na wierność, a iż go będą posłuszni, jako się opisało, a że i inszym niżej opisanym kondycjom dosyć uczynią, to jest, że nie mają wojować ziemie Wołoskiej, ani szkód w niej żadnych, ani rozruchów czynić, i owszem te wszystkie, o którychby wiedzieli, żeby to chcieli czynić, powinni będą hamować, łapać i jako nieprzyjacioly nasze i koronne bić. Także się też mają zachować z strony Białogrodu, Oczaków, Tehini, wsiej i pól ich, aby tam żadnej szkody nie czynili, ani czynić dopuścili; czarowi Krymskiemu, jego państwow, ludziom, włusom, polom, w czeladzi, w bydło, ani żadnej rzeczy szkody nie mają czynić, gdyż czar z Tatarów obowiązał się służyć nam na nieprzyjacioly koronne, wszyscy jednak o czarskich ludziach dawać nam mają znać. In summa, wedle rozkazania naszego, które im będzie oznajmiono, pod przysięgą swą zachować się będą powinni, a my za te ich służby będziemy im płacić z skarbu naszego na rok, pięciset ludziom, po sześci kóp litowskich i suknie na giermak na każdą osobę; a to ma trwać dokąd wojnę będziemy wieść z Moskiewskim, a potem to mają mieć, co mieli za świętej pamięci Zygmunta Augusta, króla i przodka naszego, tym kształtem i z tą wolnością jako w ten czas było. Mimo to, którzyby się mężnie na służbie naszej i koronnój zachowali, i znaczną nam i rzplitej naszej posługę uczynili, będą takowi u nas na takim baczeniu z strony opatrzenia, na jakim ludzie zasłużone mieć mamy. Pieniądze te będą im dane na pierwszą ćwierć lata z suknem w Czerkasiach, na dzień ś. Mikołaja

лизко przyszły; także potem na każdą ówierć lata tamże m oddawane będą przez pisarza naszego, którego im oznaczymy. Inne artykuły, jako około więźniów, i drugie, które były przez nieboszczyka wielmożnego Gierzego Jazowieckiego, wojewodę Ruskiego i hetmana, wymówione, mają być przez nie pełnione. A na wiarę tego wшытkiego en list podpisalichmy i pieczęcią koronną zapieczętować ztalichmy.

Datum we Lwowie dnia 16 miesiąca Września, r. Pańskiego 1578, a panowania naszego roku trzeciego.

. . . . .

Принятием Низовцевъ на королевскую службу закончилось кѣтъ чѣмъ четырехмѣсячное (съ 13 мая по 17 сентября) пребываніе Стефана Баторія во Львовѣ и на другой же день послѣ подписанія приведеннаго универсала онъ отбылъ въ Краковъ. Въ заключеніе упомянемъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ послано было королемъ изъ Кракова вновь организованному козацкому отряду большое знамя (vexillum). Изготовлялъ его нѣкій Зибальдъ,^{*1} а отвезъ коморникъ Христофоръ Палуцкій.^{*2}

Устраивая козацкій отрядъ, не забылъ Баторій и военно-санитарной части: для раненыхъ и больныхъ козаковъ предположено было устроить госпиталь (reclinatorium) въ королевскомъ имѣніи Трахтемировѣ надъ Днѣпромъ.^{*3} Вообще нужно замѣтить, что Баторій первый изъ польскихъ королей сталъ заботиться о судьбѣ раненыхъ. При немъ впервые появились при войскахъ хирурги:

^{*1} „Zibaldo aucupiatori a labore vexilli magni Nizovis missio et pro serico facti § 18.“ См. *Žr. dz. t. IX, A, str. 217.* Aucupiator (рисовальщикъ птицъ) потребовался при изготовленіи знамени, вѣроятно, для того, чтобы изобразить на немъ польскаго бѣлаго орла.

^{*2} См. *Žr. dz. t. IX, A, str. 208.* Современникъ Стефана Баторія полднѣйшій епискупъ кievскій Іосифъ Верещинскій въ одномъ изъ ненаданныхъ писемъ его къ Яну Замойскому (см. ниже) упоминаетъ, что король Стефанъ повелѣвалъ козакамъ „Królewaska chorągiew.“

^{*3} См. Путевыя записки Эриха Лассоты. Переводъ Бруна. Од. 1878.

Бартошъ Мейеръ, Генрикъ Галлеръ, Михаиль Венгеръ и, знаменитѣйшій изъ нихъ, Вильгельмъ Луценбергеръ.^{*1} Содержались при войскахъ и фельдшера (barwierze).^{*2}

* * *

Стефанъ Баторіи, полагая своимъ универсаломъ начало козацкому войску, съ одной стороны исполнялъ свое обѣщаніе, данное царю Перекопскому, относительно привлеченія разбойничавшихъ козацкихъ купъ и товариществъ на королевскую службу, съ другой стороны увеличивалъ свою постоянную армію новымъ отрядомъ, составленнымъ изъ людей, очень опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, о которыхъ, какъ о войнахъ, онъ получилъ самое высокое мнѣніе еще со времени прочтенія книжки Красинскаго „Polonia“, гдѣ, какъ мы видѣли, козаки восхвалялись за ихъ выносливость и храбрость.

Увеличеніе постоянной арміи составляло насущную заботу Стефана Баторія. Война съ Москвою, которую задумывалъ воинственный король въ 1578 г. и которая затянулась потомъ на три года, требовала значительныхъ военныхъ силъ и для веденія ея нельзя было ограничиться стариннымъ способомъ „посполитаго рушенія“ т. е. созванія ополченій изъ жителей отдѣльныхъ воеводствъ—тѣмъ болѣе, что эти старосвѣтскія ополченія ни по своему вооруженію, ни по приемамъ боевыхъ дѣйствій не соответствовали требованіямъ военного искусства времени Баторія. Мы имѣемъ одно краснорѣчивое свидѣтельство современника о томъ, въ какомъ состояніи засталъ Баторіи военныя силы Польши. „Цвѣ-

^{*1} См. Górski. Hist. piech. pol. 1893, str. 23. Луценбергеръ получилъ по 2 флорина (=2 р. 68 к.) въ недѣлю. См. Żr. dz. t. IX, A, str. 60.

^{*2} Положеніе раненыхъ въ ту эпоху было плачевное. Ксѣндзъ Шотровскій, напримѣръ, отмѣчаетъ: „Barwierzow tak wiele nie masz, coby opatrowaniu wydolali“ (wyd. Szucz. str. 81); въ другомъ мѣстѣ: „Rannych bardzo wiele umiera. Przy namiestcach barwierskich, jak na smyntarzach, pełno grobów stoi“ (ibid. str. 92).

лучше люди и добрые кони», говоритъ Андрей Лубенецкій*, «составляли польское войско, но на этихъ молодцахъ и на ихъ вышнихъ коняхъ Ваторій засталъ такое военное снаряженіе, какое гдѣ-когда пригодно было полякамъ и литвинамъ противъ самострѣловъ и луковъ, но безусловно не годилось противъ огнестрѣльнаго оружія. Во-первыхъ, они сѣдлали коней такими высокими сѣдлами, что сѣдло закрывало половину всадника; при этомъ оно бывало оковано желѣзомъ или къ нему привязывалось особое сѣдланье, такъ что оно вѣсило столько, сколько вѣсятъ три топерешнихъ сѣдла вмѣстѣ. На всадника надѣвался панцырь т. е. такое грузное вооруженіе, въ которомъ несчастнаго рыцаря можно было свалить съ коня не только палкой, но даже нагайкой. Кромѣ того принадлежностями вооруженія были: *наижъ* или тяжелая тарча (два рода щитовъ); обыкновенно къ нимъ придѣлывались какія нибудь крылья или китицы изъ павлиньихъ перьевъ; *шмиакъ* (шлемъ), высокій и широкій, какъ какой-нибудь ящикъ, увѣчаный скуфіей, китицей изъ перьевъ или форкетомъ (вилками); все это было очень грузно и при малѣйшемъ вѣтрѣ рыцаря измучивало, а коня ослабляло; дальнѣйшая принадлежность — деревянный *копья* были такими огромными и тяжелыми, что каждое вѣсило за два нынѣшнихъ копья; къ копью подъ самое яблоко, заканчивающееся пикой, подвязывался прапоръ (маленькій флагъ или значекъ). Иныхъ шутовскихъ вещей, составлявшихъ принадлежность вооруженія, я не хочу перечислять», продолжаетъ Лубенецкій. «Тѣмъ не менѣе польскіе рыцари сохраняли ихъ изъ любви ко всему *старосѣтскому*, — какъ при выступленіи въ поле, такъ и во время мира. Польское вооруженіе очень не нравилось французамъ, нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ. Польскіе пѣхотинцы болѣе похожи были на шутовъ, нежели на рыцарей. Ихъ одѣвали въ клѣтчатыя платья, сшитыя изъ кусковъ сукна разныхъ цвѣтовъ. Каждая куртка и каждыя шаравары соединяли въ себѣ нѣсколько разныхъ цвѣтовъ сукна. Оружіемъ пѣхотинца были: мечъ и алебарда, очень рѣдко — ружье. Пѣхотинцы не знали, какъ дѣлались шанцы или туры;

* См. Poloneutichia Andrzeja Lubienieckiego. Z rękopismów zakładu naukowego imienia Ossolińskich. Wiadomość o tem rękopismie i życiu Lubienieckiego zebrał Alex. Batowski. Wydanie zakładu naukowego imienia Ossolińskich. We Lwowie 1848, str. 110—111.

фортификаціонныя работы они увидѣли въ первый разъ, когда мы осаждали Ланцкорону,⁸¹ а потомъ — подъ Гданскомъ.⁸² Прибавимъ къ этому, что старосвѣтскія польскія ополченія изъ шляхты собирались медленно, отличались неповоротливостью и полнымъ отсутствіемъ дисциплины и по своему громадному вооруженію и снаряженію не годились для далекихъ и быстрыхъ походовъ. Вотъ какое войско засталъ Ваторій въ Польшѣ.

Между тѣмъ ему нужны были постоянныя, приученныя къ военной дисциплинѣ войска, которыя были бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля и могли бы свыкнуться съ новымъ болѣе легкимъ вооруженіемъ и съ требованіями тогдашней военной тактики. Ваторій повсюду искалъ матеріала для такихъ войскъ: онъ заохачивалъ богатыхъ пановъ на свой счетъ вооружать и предоставлять въ распоряженіе короля блестящія, пышно разодѣтыя роты гусаръ и конныхъ стрѣлковъ;⁸³ онъ обращался за границу и нанималъ тамъ венгерскихъ гайдуковъ,⁸³ нѣмецкихъ райтаровъ и

⁸¹ Ланцкорона—городокъ въ Галиціи къ югу отъ Кракова. Событіе, по данишее поведъ къ осадѣ Ланцкороны въ первые дни государственованія Стефана Ваторія, заключалось, по словамъ Райнольда Гейденштейна, въ слѣдующемъ: „Тѣмъ временемъ много подозрѣній и боязни будила Ланцкорона, расположенная недалеко отъ Кракова; ея владѣлъ Войцехъ Ласкій, воевода сѣрадзскій, нѣвшій посоль у императора. Пожизненное право на нее имѣла вдова Сигизмунда Вольскаго, каштеляна черскаго и старости ланцкоронскаго, но Ласкій силою завладѣлъ ею во время бѣгства Генриха. Призванный къ суду въ эпоху безкоролья, онъ нѣсколько разъ былъ признанъ виновнымъ и приговоръ объ его удаленіи изъ Ланцкороны былъ постановленъ, но никогда не былъ приведенъ въ исполненіе. Король, чтобы избавить Краковъ отъ этой угрозы и дать силу праву, послалъ Гурку и Цилюнскаго, назначенныхъ въ Андреевѣ воедами вооруженной силы, съ приказомъ взять Ланцкорону силою. Онъ далъ имъ венгерское войско подъ начальствомъ Вамфи. Тамъ находился гарнизонъ, составленный изъ итальянцевъ и нѣмцевъ, а начальствовалъ имъ, по уполномочію Ласкаго, Захарій Горещій. Изнеможенный пушечной стрѣльбой и штурмомъ гарнизонъ сдался, тѣмъ болѣе, что стѣны кое-гдѣ была уже проломлены. Горещій потомъ былъ пойманъ Ласкимъ въ Ополе (въ Силезіи) и казненъ. Думали срыть замокъ, но послы отъ шляхты выпросили ему пощаду; старство было отдано вдовѣ Вольскаго подъ условіемъ, чтобы она поручила его охрану какому нибудь своему родственнику, занимающемуся военнымъ ремесломъ. См. Reinholdi Heidensteini secretarii regis Regum Polonicarum ab excessu Stigismundi Augusti Libri XII Francofurti ad Moenum MDCLXXII. Pag. 98.

⁸² См. *Źródła dziejowe*, t. IV, 1877, стр. 165; № 90; t. VIII, стр. 232.

⁸³ См. напр. *Źr. dz. t. IX, B*, стр. 156, статья расхода 1576 г.: *in conductionem militum Hungarorum in finibus Hungariae; in solutionem equitibus et peditibus Ungaris; emptio panni peditibus Ungaris.*

ландсквектовъ,⁹¹ шотландскихъ пѣхотинцевъ;⁹² онъ набиралъ пѣхотные отряды изъ польскихъ хлоповъ, которые назывались выбрандами или лановой пѣхотой.⁹³ Когда Крымскій ханъ напомнилъ черезъ своего посла Стефану Ваторію, что для отвлеченія козаковъ отъ пограничныхъ разбоевъ полезно было бы завербовать ихъ на службу въ королевскихъ войскахъ, то король съ жадностью ухватился за эту мысль, тѣмъ болѣе, что для польскаго королевскаго двора она не была новою.

Еще при Сигизмундѣ Старомъ въ 1524 г. державца рѣчницкій Сенько Полозовичъ и державца чернибыльскій Криштофъ Кмитчъ собрали небольшой отрядъ („малый почотъ“) козаковъ, отправившись съ ними внизъ по Днѣпру къ Киеву и далѣе къ Таване, перехватили на переправѣ черезъ Днѣпръ татаръ, возвращавшихся съ набѣга на литовско-русскія области, сражались съ ними цѣлую недѣлю и многихъ изъ нихъ убили и потопили. Это предпріятіе очень понравилось королю и великому князю Сигизмунду. Онъ обращается къ своимъ панамъ-радамъ: „Кгдажъ они съ тымъ малымъ почтомъ людей таковыи послуги намъ, господарю, чыняли, мы на то бачымы, кгда бы тамъ тысяча або двѣ людей нашихъ козаковъ на Днѣпрѣ мѣшкали, спать бы и овшемъ была отъ нихъ большая и знаменитая послуга и оборона панствомъ нашимъ. А такъ и о то жедамы ваше милости, радъ нашихъ, рачте о томъ радети и мыслити. И видѣлося бы ваше милости тамъ по Днѣпру козаковъ мѣти на пришлое лѣто для осторожности и обороны панствомъ нашимъ, и ваша милость рачте обрати зъ дворянъ нашихъ которого годного и доброго чловѣка и казала бы ему скоро по Велицѣдни до Киева ѣхати и козаковъ збирати, и казала бы ваша милость къ тому часу суконъ и пѣназей на нихъ колко сотъ копъ послати, а тыи козаки по Днѣпру на перевозѣхъ разложити, абы намъ и Рѣчи-посполитое земскои служили и тыхъ перевозовъ стерегли и боронили, колко имъ Богъ милый помо-

⁹¹ См. тамъ же, стр. 155, статьи расхода: *peditibus Germanis Lanczknechtis; peditibus diotis Knechty*, стр. 156—in *equites Germanos 50 raitary dictos*.

⁹² См. тамъ же, стр. 294: „*Szkocka piechota z mniejszym kosztem zbierana*“.

⁹³ См. *Górski, Historia piechoty polskiej*, Kraków 1898, стр. 23, § 8.

жеть.²¹ Кажется, проект Сигизмунда I не получилъ практическаго осуществленія.

При Сигизмундѣ-Августѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ и универсалъ Баторіа, гетманъ Юрій Язловецкій, воевода русскій, староста снятинскій, любачевскій и червоногородскій, по порученію короля, наwerbоваль среди козаковъ отрядъ, служившій королю и Рѣчи-Посполитой подъ его командою — *„несный почестъ тмъ козаковъ ку службѣ нашей, которымъ юрелмъ зъ скарбу нашего ити маеть, обралъ,“* по словамъ королевской грамоты отъ 5 іюня 1572 г. Юрій Язловецкій — герой той знаменитой рекогносцировки вдоль всей границы отъ Бара до Кіева и далѣе отъ Кіева внизъ по Днѣпру до Хортицы, которая была предпринята лѣтомъ 1571 г. (отъ 16 мая до 22 іюля) для очищенія степей отъ татарскихъ загоновъ и дневникъ которой занесенъ Бартошемъ Папроцкимъ въ его сочиненіе о Гербахъ (Herby etc. wyd. Turowskiego, 1858, str. 221—222).²² Такъ какъ казаки жаловались, будто бы они терпѣли „великое утисненіе и кривды“ — „отъ воеводъ, старостъ украинныхъ и вравовъ,“ но въ тоже время, очевидно, и сами позволяли себѣ „своленства,“ то Юрій Язловецкій освободилъ ихъ отъ „владзы и присуду всякихъ вравовъ“ и „шляхетнаго Яна Бадовскаго... старшимъ и судьею надъ всеми козаки низовыми поставилъ тмъ обычаемъ, ижъ онъ каждому, хто бы якое дѣло до козаковъ, иды до замковъ и мьстъ нашихъ знизу придуть, мѣль, справедливости зъ нихъ чинити маеть.“ Янъ Бадовскій²³ былъ жителемъ Бѣлої Церкви, гдѣ имѣлъ „два дома... зъ огороды, кгрунты и зо всеми ихъ належитостями.“ Король и великій князь утвердилъ распоряженіе Язловецкаго: „Маеть Янъ Бадовскій не отступуючи ни въ чомъ постановеня пана воеводы Руского зо *всмихъ козаковъ низовыхъ каждому справедливость неодолючную водлузъ права посполитого чинити* и въ томъ слушне и пристойне справовати, не буду-

²¹ См. Чтенія въ Истор. общ. Нестора-лѣтописца. Кн. VIII, 1894, ст. И. М. Каманина „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго,“ стр. 81, примѣчаніе.

²² См. Куляшъ, Исторія возсоед. Руси, т. I, Спб. 1874, стр. 40—41, примѣчаніе.

²³ По мнѣнію Бонещнаго, этотъ Янъ Бадовскій принадлежалъ къ гербу *Оаса*. См. Herbarz Polski. T. I, W. 1899, str. 78.

ни повиляютъ съ того владу судейского и въ домовъ Вѣлоцерков-
никъ передъ воеводами, старостами и владями нашими и ни
передъ кимъ иными (окромъ квалту и речей кравыхъ) успра-
вдливати, толко передъ нами господаремъ, або передъ паномъ
воеводою Рускимъ и по немъ будущими гетманы иными до са-
го живста.⁸¹ За несеніе возлагаемой на него должности Янъ Ба-
довскій освобождался отъ всякихъ „капщанъ, платовъ и повин-
ностей“ и получалъ право имѣть „шинкъ вольный“ для продажи
меда, пива и горѣлки.⁸²

Такимъ образомъ мысль о наймѣ низовыхъ козаковъ на ко-
ролевскую службу на Баторію впервые пришла въ голову. Крымскій
канъ совѣтовалъ также то самое, что было уже испробовано поль-
ско-литовскимъ правительствомъ. Но есть и разница между распо-
ряженіями Баторія съ одной стороны и его предшественниковъ
съ другой. Послѣдніе платили козакамъ по 10 флориновъ въ годъ
тѣмъ армяку,⁸³ довольствовались такимъ численнымъ составомъ
взимаемыхъ козацкихъ купъ, какой случайно подбирался, и не
стремились придать этимъ отрядамъ спеціальной организаціи вой-
сковыхъ тактическихъ единицъ. Баторій повысилъ жалованье съ
10 до 15 флориновъ въ годъ (хотя было оговорено, что это дѣ-
лается только на время войны съ Москвою), опредѣлилъ числен-
ность рядовыхъ козацкаго полка,⁸⁴ какъ тактической единицы, по
венгерскому образцу, въ 500 человекъ, стропившихся въ 50 рядовъ
по 10 человекъ въ ряду, во главѣ полка поставилъ начальника (su-
perintendenten), являвшагося представителемъ (rogacznikiem) выс-
шей войскової команды,⁸⁵ организовалъ полкової штабъ съ пи-

⁸¹ Подробнѣе значеніе этой должности будетъ разъяснено ниже въ
одномъ изъ примѣчаній къ издаваемымъ письмамъ епискупа Верещинскаго.

⁸² См. Акты южной и западной Россіи, т. II, Сиб. 1885, стр. 175—176, №
149. Капщина—питейная пошлина

⁸³ „in arce Raveni 1575. Percepta pecuniarum quartae partis ex proven-
tibus Regni anno 1574 et distributa earundem pecuniarum. . . Item super *Kozacy*
Nidzcy № 300, excerpto panno per 2°/₃ fl. facit 750 fl.“ См. Hist. picch. polskiej
przez K. Górskiego, Krak 1883, str. 242, nota 36.

⁸⁴ Слово *манъ*, *полек* (*pulk*) употребляетъ Іоаннъ Вѣльскій для обо-
значенія известной тактической единицы. См. т. XIX, стр. 90.

⁸⁵ Іоаннъ Вѣльскій называетъ командира этого полка прямо *земляномъ*:
„*Kotaków trochę powściągnąwszy, nad którym Oryszowskiemu Prawdzica naszego*

саремъ (notarius) во главѣ и корпусъ офицеровъ полка, наконецъ, далъ полку знамя (vexillum, choragiew). Личный составъ полка достигалъ при этомъ цифры 530 человекъ.

* * *

Уѣзжая изъ Львова 17 сентября 1578 г., Стефанъ Баторіи полагалъ, что принятіе Низовцевъ на королевскую службу отвлечетъ ихъ отъ вторженій въ Молдавію и отъ нападений на татарскія и турецкія юрты и улусы. Но при этомъ онъ упускалъ изъ виду, что по финансовымъ соображеніямъ ихъ было принято на службу только 500 товарищей, а между тѣмъ собиралось ихъ въ степяхъ каждое лѣто не менѣе 3000 человекъ, какъ объ этомъ неоднократно сообщалъ и Крымскій ханъ. Такимъ образомъ оставалось довольно еще свободнаго народа, чтобы для желающихъ являлась возможность устранивать съ помощью козаковъ тѣ разбойническія набѣги на сосѣднія области, которые такъ раздражали Стефана Баторіи.

Надежды короля оказались обманутыми на первыхъ же порахъ. Уже въ ноябрѣ какой-то козакъ Лукьянъ со своей шайкой ходилъ грабить въ Молдавію, а затѣмъ прошелъ подъ Очаковъ и тамъ захватилъ 180 татарскихъ лошадей.*¹ Вскорѣ явился возбуждать козаковъ новый молдавскій претендентъ Константинъ Лакуста (Саранча).

Hetmanst uszupili.“ Такимъ образомъ званіе Оришоевскаго опредѣлялось тремя терминами: *superintendentens*, *porucznik*, *hetman*. Очевидно, значеніе слова *hetman* къ этому времени еще не установилось; имъ обозначали какъ главнокомандующаго (*dux imperialis*), такъ и начальника отдѣльнаго, хотя бы и немногочисленнаго, военнаго отряда; напр. въ Дневникѣ гнѣзненскаго каштеляна Яна Зборонскаго о взятіи крѣпостей Велжа, Усвяти и Великихъ Лукъ подъ 21 августа есть такое мѣсто: „W Inflanciech, iz tam jest wojsko Króla Jmcié za pieniekdze okolo 3000 wszystkiego. Nad tom wojskiem pan Dębliński, którego szora zowón z paluk, *Hetmanst* na ten czas albo namiestnikiem Pana Wojewody Wileńskiego.“ Такимъ образомъ званіе *hetman* считается ранносильнымъ званіемъ *namiestnik*. Szora z paluk (сирѣи изъ палокъ) — насмѣшливое прозвище Дембиенскаго. См. *Zbiór etc.* t. XIX, str. 76, и *Acta histor.* t. XI, Spr. wojen. etc. str. 195.

*¹ См. *Acta hist.* t. XI, *Sprawy wojenne etc.*, str. 150.

Онъ былъ necessarily сыномъ Стефана Лакусты, занимавшаго вѣрное время господарскій столъ въ 1539—1540 гг. и прозваннаго Лакустою (Саранчей) вслѣдствіе того, что въ его правленіе массы влетѣвшей саранчи потребовали въ Молдавію всѣхъ хлѣбныхъ посян.⁸¹ Въ актахъ онъ называется „*palatinides Moldaviae*“ (т. е. сынъ молдавскаго господара), но нигдѣ нѣтъ указанія, какъ именно звали его отца. Онъ сталъ сообщникомъ Подковы, вмѣстѣ съ которымъ прибылъ въ январѣ 1578 г. въ Варшаву. Стефанъ Баторіи явился къ нему почему-то мпловствѣ, чѣмъ къ Подковѣ. Когда Константину понадобились деньги, то, по распоряженію короля, ему выдано было 5 февраля 1578 г. 40 флоринновъ (=53 р. 60 к.).⁸² Когда турки требовали, чтобы Константинъ былъ казненъ одновременно съ Подковою, король настаивалъ, что онъ не виновенъ, и, дѣйствительно, не предалъ его казни, взявши только съ него слово, что онъ будетъ оставаться при особѣ короля во Львовѣ и не станетъ предпринимать набѣговъ на Молдавію. Тѣмъ не менѣе вскоре Константинъ Лакуста тайкомъ отъ короля бѣжалъ изъ Львова въ степи, собралъ тамъ около себя много всякихъ праздныхъ грабителей (*hultajstwa i lotrowstwa*) и въ декабрѣ 1578 г. произвелъ набѣгъ на Молдавію, но былъ отраженъ силами одного молдавскаго господара Петра. Послѣ этого онъ ушелъ въ предѣлы Московскаго государства и Стефанъ Баторіи полагалъ, что онъ не воротится уже болѣе къ козакамъ. Но случилось иначе. Весною 1579 г. пришли вѣсти, что Константинъ Лакуста опять появился въ степяхъ, собралъ въ окрестностяхъ Капова и Черкасъ значительный отрядъ козачковъ и готовится къ походу въ Молдавію. Король находился въ это время въ Вильнѣ, занятый приготовленіями къ войнѣ съ Москвою. Войскъ какъ-бы Константинъ Лакуста въ самую критическую минуту, когда всѣ войска стянуты были для военныхъ дѣйствій противъ московскихъ крѣпостей и южная граница государства оставалась почти открытою, но возбудилъ недоразумѣніи съ татарами и турками, король написалъ 6 и 11

⁸¹ См. Xénopol, Histoire des Roumains etc., I vol., 1896, p. 306—308.

⁸² „Constantino palatinidi Moldaviae juxta cedulam ejusdem, de gratia suae Mts die 5 Februarii dati f. 30. Eidem ad cedulam dni vicecancellarii de gratia Mts R. dati fl. 10.“ См. Źr. dz. t. IX, A, str. 208.

апрѣля 1579 г. цѣлый рядъ универсаловъ къ пограничнымъ (украиннымъ) старостамъ, державцамъ, подстаростамъ, и ихъ замѣстителямъ, къ ротмистрамъ и рядовымъ пограничныхъ гарнизонамъ и вообще ко всѣмъ военнымъ людямъ, а также къ Низовцамъ, въ которыхъ онъ объясняетъ, что для поимки Константина Лакусты посланъ имъ коморникъ Андрей Лозевицкій и проситъ, чтобы всѣ, къ кому обращены универсалы, оказали всяческое содѣйствіе Лозевицкому въ возложенномъ на него порученіи. Козакамъ за поддержку Константина онъ грозитъ жестокимъ наказаніемъ. Какого результата имѣла миссія Андрея Лозевицкаго, намъ неизвѣстно, какъ неизвѣстна и дальнѣйшая судьба Константина Лакусты.*1....

Съ теченіемъ времени еще болѣе выяснилось, что служба в королевскомъ войскѣ можетъ занять только небольшую часть козаковъ, собиравшихся лѣтомъ въ степяхъ для промысловъ и разбоевъ.

* . *

Война Польши съ Москвою при Баторіи распадается собственно на три лѣтнихъ похода: 1579 г.—къ Полоцку, 1580 г.—къ Волыкимъ Лукамъ и 1581 г.—къ Пскову. Только послѣдній походъ затонулъ въ глубокую зиму и закончился Запольскимъ миромъ. Параллельно этимъ походамъ корсря староста черкасскій и кановскій князь Михайлъ Александровичъ Вишневецкій ожогомъ предпринималъ набѣги на юго-западные области Московскаго государства: въ 1579 г. онъ осаждалъ Черниговъ, хотя безуспѣшно, а затѣмъ опустошилъ всю страну до самого Стародуба; въ томъ же году онъ сжегъ города: Черниговъ, Радогощъ (Погарь), Почепъ, Брянскъ, Карачевъ, Орелъ, Рыльскъ и Путивль; въ 1580 г. опять были разорены имъ города Рыльскъ, Брянскъ, Карачевъ и Орелъ и окрестности ихъ опустошены; въ 1581 г. походъ былъ направленъ противъ г. Трубчевска и кончился взятіемъ этого укрѣпленнаго замка и разгромомъ трехтысячнаго московскаго отряда и

*1 См. Bibl. ord. Kraslii. Muzeum Konstantego Świdzińskiego, tt. V i VI str. 391—401, №№ 187—195.—Acta hist. t. XI, Sprawy wojenne etc. str. 151.

взростахъ р. Судости.⁶¹ Организованный въ 1578 г. козацкій полкъ, вѣдется, не участвовалъ въ походахъ 1579 г. къ Полоцку и Стародубу, а оставался въ Черкасахъ и наблюдалъ, чтобы татары не измѣнили своимъ общаніямъ и не вторглись въ предѣлы Рѣчи-Посполитой въ то время, когда всѣ военныя силы ея были заняты московскою войной. Но козаки, остававшіеся свободными, пользовались случаемъ, чтобы принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя, по обычаю тѣхъ временъ, всегда сопровождались грабежами и могли сулить имъ значительную добычу. Есть извѣстіе, что въ лагерь короля подъ Полоцкомъ прибыли на службу пѣшіе Днѣпровскіе козаки подъ начальствомъ *Матвѣя Шамомяча* и какого-то *Николая*.⁶² Въ войскахъ князя Вишневецкаго также служили въ 1579 г. Днѣпровскіе козаки (тежні Поднієргзаніє).

Въ 1580 г., послѣ того, какъ въ декабрѣ 1579 г. Михайлъ Гарабурда отвезъ въ Орду богатѣйшіе „упоминки“,⁶³ безопасность со стороны татаръ казалась гарантированою⁶⁴ и козацкій полкъ подъ начальствомъ Яна Орышовскаго двинуть былъ на войну съ Москвою. Рейнгольдъ Гейденштейнъ такъ описываетъ его дѣйствіи: „Между тѣмъ низовые козаки подъ предводительствомъ Яна Орышовскаго вторглись съ другой стороны“⁶⁵ въ московскія владѣнія, пробрались до Стародуба, опустошая все вдоль и впоперекъ, сожгли его предмѣстья и нѣкоторыя крайнія укрѣпленія замка. Повернули они потомъ къ Почепу, но отбитые отъ этого замка, съ *большою добычею*⁶⁶ вернулись домой.⁶⁷ Много козаковъ участво-

⁶¹ См. Epicedion to iest zálobny wiersz o zasnym á wieżney pamięci godnym Książęciu Michale Wisniewieckim, kasztholanie Kijewskim etc. 1585, z Drukarznie Mścielá Wirzbięty, str. 35—42.

⁶² См. Żr. dz. t. IX, B, str. 204.

⁶³ См. Żr. dz. t. IX, B, str. 206.

⁶⁴ „Mikolaj Sieniawski Hetman Polny, który iż pokoju był z Tatury żołnierza szedł z pola, у tam (къ Усвиту) przyjechał.“ См. Хрон. I. Бѣльскаго, т. XIX, str. 113.

⁶⁵ Т. е. въ то время, когда главныя силы двинулись къ Великимъ Лукамъ.

⁶⁶ Добыча (praeda)—всегда на первомъ планѣ во всѣхъ козацкихъ предпріятіяхъ.

⁶⁷ См. Rainoldi Heidenstani secr. regii de bello Moscovitico quod Stephanus rex Poloniae gessit Commentariorum Libri VI. Basileae 1588, pag. 100—101; прописка Іоакима Бѣльскаго, изд. Галензовскаго т. XIX, str. 128.

вало въ Московскои войнѣ 1580 г. въ отрядахъ князя Константина Константиновича Острожскаго и его сына Януша, князя Михаила Александровича Вишневецкаго, князя Януша Николаевича Эбаражскаго, Филона Семеновича Кмыты и остерскаго старосты Лавриана Ратомскаго, жившихъ на пограничьи въ близкомъ сосѣдствѣ съ промышлявшими въ степяхъ козаками, которые къ нимъ въ имѣнія укрывались преимущественно на зимовку. Было, наконецъ, нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ мелкихъ ватажковъ: Иванъ Польскій имѣлъ 100 пѣшихъ козаковъ, Корнилій Перевальскій — 100, Гаврило Вируля — 500, Хведоръ Кпшвичъ — 100, Григорій Чѣлуна — 100, Константинъ Величко — 100, Борися Жоба — 300.* Всего было занято на войнѣ съ Москвою около 4000 низовыхъ козаковъ т. е. сполна все то количество ихъ, которое промышляло въ степяхъ въ лѣтнее время въ эпоху Баторія. Неудивительно поэтому, что въ лѣто 1580 г. ничего не было слышно о козацкихъ набѣгахъ на татарь или въ Молдавію. Универсалы Баторія, разосланные въ январѣ 1580 г. „Wszystkim w obec i kazdemu z osobna, starostom, podstarościem, dzierzawcom, książętom, panom i rycerstwu na ukrainie ruskiej, kijowskiiej, wołyńskiiej, podolskiej i bractawskiiej mieszkajacem“** о поимкѣ козаковъ, нарушающихъ пограничный миръ, оказались на этотъ разъ излишними.... 31 марта 1581 года Совастіанъ Нѣдзвѣдкій, слуга каштеляна перемышлянскаго и казначей русскихъ земель Станислава Дроговскаго рощадалъ въ Чоркасахъ ходившиму на Москву подъ начальствомъ Яна Орышовскаго козакамъ деньги и сукна за послѣднюю выслуженную ими четверть года и составленный имъ списокъ козаковъ служить топорь лучшимъ источникомъ для опредѣленія состава низоваго козачества въ эпоху Баторія.

* * *

Ни сформированный въ 1578 г. козацкій полкъ, ни командиры его князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и Янъ Орышовскій не участвовали въ богатырскомъ походѣ Стефана Бато-

* См. Зг. дз. т. IX, В, str. 216.

** См. Зг. дз. т. XI, 1882, str. 120—122.

и вѣдъ Псковъ. Лѣтомъ 1581 г. козацкій полкъ служилъ въ Подолѣ, на границѣ со стороны татаръ, какъ прямо указываетъ это казначейская книга 1581 г., гдѣ записано: „*Nitowcom. In ano 1581 piechoty 580 od porisu za półroku kazdemu po zł. 7—15. a starszego zł. 200. Sukien na ten czas nie brali, ale i do Moskwy nie chodzili, jedno z drugim wojskiem na Podolu na służbie byli.*“¹ Въ Орышовскій стоялъ во главѣ полка, а князь М. А. Вишневецкій проживалъ въ это время въ Черкасахъ, готовя новыи выѣзды на юго-западные области московскаго государства, кончившися потомъ взятіемъ Трубчевска и разгромомъ трехтысячнаго московскаго отряда на берегахъ р. Судости.²

Между тѣмъ въ осажденномъ Псковѣ храбро сражались и Московскаго государя донскіе козаки подъ начальствомъ Червокаго козака, королевскаго подданнаго, Миська или Николая,³ второй и палъ геройскою смертію на стѣнахъ Пскова.⁴ Гейнрихштейнъ рассказываетъ: „Козаки въ нѣкоторомъ количествѣ (по вѣстию Плотровскаго—500) прибыли туда (во Псковъ) подъ начальствомъ Николая, родившагося въ королевской области, въ г. Черкасахъ, но давно уже служившаго Московскому государю. Намереніе ихъ было то, чтобы по своему воинскому обычаю устраивать засады для захвата въ плѣнъ бродившихъ по полямъ и на грабежа добычи. Привыкнувъ на практикѣ къ такому роду военной службы, не имѣя на себѣ почти никакого оружія, едва только прикрывшись одеждою для защиты противъ непогодъ, они

¹ См. *Źródła dziejowe*, tom IX (Павлицкаго), В, str. 294—295.

² См. *Epicedion etc.* 1585, str. 41.

³ „*Dońskich kozaków 100, nad którymi starszy Misko jakis, Czerkasianin, mianu królewski.*“ См. X. Jan Piotrowski. *Dziennik etc.* Wyd. A. Szukczyński. Krak. 1894, str. 58. Объ отношеніяхъ Днѣпровскихъ козаковъ къ Донскимъ князь Бѣльскій говоритъ такъ: „*Są też kozacy Moskiewscy co to zwiemy biskiem, na Donie abo Tanais rzecze mieszkają. . . Schodzą się też niokiedy na ry Nizowi z nimi, ale zleniłą muszą do siebie, bo wodą nie mogą. У на ten czasъ tych Stephan Krol chciał koniecznie wygubić brali się do Moskwie do tych biskich kozaków.* . . . См. т. XVIII, стр. 194—195.

⁴ „*Magnum hostes quoque detrimentum acceperunt: caesi complures: in quibus primarii peditem ductores, Nicodemusque Cirkusianus praefectus kozakorum: pluri vulnerati.*“ См. Rein. *Heidenstein secr. regii de bello Moscovitico etc.* Basilae 1684, pag. 128.

сражаются вооруженные саблею и однимъ копьемъ, очень часто влады, впрочемъ, и ружьемъ; какъ по легкости оружія, по способности переносить жажду, голодъ и труды, такъ по привычкѣ и сноровкѣ своей, они въ особенности годятся для того, чтобы окружать и захватывать одиночныхъ, для разслѣдованія дорогъ мѣстностей, силъ непріятельскихъ; они могутъ на челнокахъ и бревнахъ переплывать рѣки, проходить по самымъ дремучимъ лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ,—въ этомъ они превосходятъ почти всѣхъ прочихъ военныхъ людей.*14

Служба козаковъ Орышовскаго въ лѣто 1581 года ознаменовалась эпизодомъ поимки ими двухъ бѣглыхъ крымскихъ царевичей. Дѣло было такъ: Бывшій у Стефана Баторія въ Вильнѣ около 20 іюня татарскій посолъ жаловался на козаковъ Орышовскаго, будто они причинили татарамъ какія-то обиды. Король отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ это произошло не по его распоряженію. Татарскому послу приказано было ѣхать въ Черкасы, гдѣ находился въ то время королевскій коморникъ Флоріанъ Косъ, съ тѣмъ, что если козаки, дѣйствительно, въ чемъ либо виновны, то Косъ привлечетъ ихъ къ отвѣтственности.*15 Но Косъ, живя въ Черкасахъ, прекрасно зналъ, что козаки Орышовскаго никакихъ обидъ татарамъ въ послѣднее время не чинили, а что ханское правительство недовольно на нихъ за то, что они захватили въ плѣнъ двухъ бѣжавшихъ изъ Крыма татарскихъ царевичей. Дѣло царевичей возникло на почвѣ обычаевъ татарскаго престолонаслѣдія. Оно было началомъ тѣхъ междоусобій среди рода Гераевъ, которыя кончились сверженіемъ и задушеніемъ хана Мухаммедъ-Герая II. Раздоры въ ханской семьѣ произошли изъ-за того, что Мухаммедъ-Герай хотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ престола (калгой) сына своего Сьядетъ-Герая, между тѣмъ какъ по татарскому порядку престолонаслѣдія тронъ долженъ былъ перейти къ старшему изъ братьевъ царствующаго хана Алиъ-Герая.*16 Законный калга Алъ-Герай и слѣдующіи за нимъ братъ Селиметъ-Герай, боясь, какъ

*14 См. Rein. Heldensteni etc. Bas. 1888, pag. 122—123. Рус. перевода. изъ изд. Археограф. Комм. стр. 201.

*15 См. X. Jan Piotrowski. Dzlennik etc. Wyd. A. Схаскуński, 1894, str. 3.

*16 См. Смирновъ, Крым. хаство подъ верховенствомъ Отом. Порты, СПб. 1887, стр. 136—144.

и ханъ не подвергъ ихъ казни, бѣжали изъ Крыма на берега
Кібра. Пойманные козаками Орышовскаго, которымъ они случайно
опали въ руки, царевичи доставлены были въ Черкасы къ ста-
ростѣ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому, который
ключилъ ихъ подъ стражу. Не зная точно, въ чьихъ рукахъ
находятся царевичи, Мухаммедъ-Герай II стремился какъ-ни-
будь добиться выдачи ихъ польскимъ правительствомъ или ко-
заками для преданія ихъ, по обычаю предковъ, смертной каз-
ни. Въ виду этого съ одной стороны онъ отправилъ посла
къ Стефану Баторію съ жалобами на козаковъ, которые будто-бы
разбойнически захватили царевичей въ плѣнъ, и съ предательской
просьбой освободить царевичей, съ другой стороны онъ послалъ
нѣсколькихъ мурзъ къ Низовцамъ предложить имъ за выдачу
царевичей 70,000 червонцевъ и 400 атласныхъ кафтановъ. Въ
случаѣ успѣха мурзамъ приказано было отрубить царевичамъ
головы немедленно послѣ принятія ихъ отъ козаковъ. Упомянутый
выше королевскій коморникъ Флоріанъ Косъ собирался въ это
время въ обратный путь. Командиръ козацкаго полка Янъ Орышов-
скій, также бывшій королевскій коморникъ, въ особомъ письмѣ
описалъ королю ходъ событій, а царевичи съ своей стороны на-
писали королю письмо, въ которомъ усердно его просили отпра-
вить ихъ къ турецкому падишаху, у котораго находился третій
ихъ братъ Исламъ-Герай. Черезъ Коса они передали еще устную
просьбу королю, чтобы онъ или съ помощію оружія водворилъ
ихъ въ ханствѣ, или отпустилъ ихъ къ туркамъ, обѣщая, что за
это они до смерти будутъ вѣрны королю, будутъ его слушаться
и охранять миръ татаръ съ Польшею и соглашаясь подкрѣпить
свои обѣщанія самыми крѣпкими присягами. 19 іюля 1581 года
Флоріанъ Косъ пріѣхалъ въ Полоцкъ, гдѣ въ то время пребывалъ
Стефанъ Баторій, передалъ ему письма и сдѣлалъ изустный до-
кладъ. Король послалъ приказаніе черкасскому и каповскому ста-
ростѣ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому, чтобы
тотъ тщательно стерегъ царевичей и не дозволилъ имъ бѣжать, пока
не волучитъ окончательнаго о нихъ распоряженія, но чтобы обращалъ-
ся съ ними человѣчно и не причинилъ имъ никакихъ обидъ.
Ксѣндъ Піотровскій, рассказавъ всѣ эти подробности, добавляетъ:

„Пользуясь этими обстоятельствами, король могъ бы заключить съ татарами трактаты, направленные къ нашей пользѣ“.¹

Между тѣмъ 31-го августа явился турецкій чаушъ для переговоровъ по дѣлу царевичей. Ваторій выходилъ уже подъ Пескомъ. Повидимому чаушъ настаивалъ на отсылкѣ царевичей въ Константинополь. Было подозрѣніе, что онъ явился не столько для переговоровъ, сколько въ качествѣ шпіона, для ознакомленія съ ходомъ военныхъ дѣйствій противъ осажденнаго Пскова. Вѣрный свидѣтель событій того времени Піотровскій такъ характеризуетъ отъ чауша: „Мужикъ старый, сѣдой и, кажется, хитрый; все это устроено для подсматриванія того, что у насъ дѣлается.“ Принятые были мѣры, чтобы польская армія показалась чаушу внушительною, и постарались скорѣе его выпроводить. Въ отвѣтномъ письмѣ падишаху король написалъ, что въ принципѣ онъ согласенъ на отсылку царевичей въ Константинополь, но что въ настоящую минуту еще не можетъ этого исполнить, такъ какъ находится вдали отъ границы государства, на тяжкой войнѣ, и не знаетъ въ подробностяхъ относительно царевичей, что съ ними дѣлается, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ они бѣжали изъ Крыма. Король обѣщалъ по возвращеніи домой и разсмотрѣніи ихъ дѣлъ поступить по желанію падишаха, но съ своей стороны просилъ падишаха посадить старшаго царевича на ханскій тронъ, а младшаго оставить заложникомъ въ рукахъ короля для обезпеченія мира съ татарами.² Еще въ 1582 г. командированъ былъ въ Черкасскіе стольникъ (darıfer) Станиславъ Бѣгановскій для производства слѣдствія о захваченныхъ въ плѣнъ братьяхъ царя Перекопскаго,³ и подробностей о томъ, какъ развязалось съ этимъ дѣломъ польское правительство, мы не знаемъ.

Что касается главной массы Днѣпровскаго козачества, то въ 1581 г. она провела въ занятіяхъ обычными промыслами и не предпринимала никакихъ разбойничьихъ нападений на сосѣдніе страны. Есть основаніе думать, что къ этому именно лѣту относится пребываніе среди козаковъ Самуила Зборонскаго. Описаніи

¹ X. Jan Piotrowski, Dziennik etc. str. 31—32.

² См. ibid. str. 69, 70, 71, 72, 74, 75.—Рейн. Гейденштейна Зап. о Моск. войнѣ. Изд. Археогр. Комм. стр. 179—180.

³ См. Żr. dz. t. IX, B, str. 84.

экспедиціи Зборовскаго, составленное несомнѣнно съ его словъ жителемъ дома Зборовскихъ Вартошемъ Папроцкимъ, было являемо послѣднимъ въ его книгу *Herby Rycerstwa Polskiego*,⁴¹ заданную въ Краковѣ въ 1584 году, и является первымъ по имени обстоятельнымъ и картиннымъ изображеніемъ жизни и ста Днѣпровскаго козачества, на 18 лѣтъ предшествующимъ явнику Эриха Лассоты.

Ключомъ къ разрѣшенію вопроса о времени экспедиціи Самуила Зборовскаго является, по нашему мнѣнію, та фраза Папроцкого, которою онъ объясняетъ цѣль предпринятой экспедиціи: *szuślił (Самуилъ Зборовскій) inną stronę do Moskwy z nimi (съ казаками) wtargnął.* Изъ этой фразы ясно, что тогда, когда сошлась экспедиція, война Польши съ Москвою еще длилась и то Зборовскій задумалъ вторгнуться въ Московскіе предѣлы не съ той западной стороны, съ которой велись военныя дѣйствія Стефаномъ Ваторіемъ, а съ иной—южной или юго-западной. Такъ мы знаемъ, что миръ Польши съ Москвою былъ заключенъ въ дер. Киверовой Горѣ 6 января 1582 г., то, слѣдовательно, экспедиція Зборовскаго могла относиться только къ годамъ предшествующимъ— 1579, 1580 или 1581, когда Стефаномъ Ваторіемъ предпринимались походы къ Полоцку, Великимъ Лукамъ и Пскову. Изъ біографіи Самуила Зборовскаго мы знаемъ, что въ 1579 г. онъ вторгнулся съ отрядомъ слугъ своихъ въ Молдавію, думая опередить въ притязаніяхъ на молдавскій столъ съ Янкулою, но неудачно; затѣмъ онъ занялся борьбою съ своею тещею Анною Иорданъ, вдовой краковскаго каштеляна Спытка Иордана, у которой онъ силою отнялъ перешедшія къ ней отъ мужа имѣнія: въ Галицкомъ повѣтѣ—мѣстечко Заволовъ и села Наславцы, Заторинъ и Срединне; въ Теробовльскомъ повѣтѣ—села Микулинцы, Владышъ, Луку, Скомрошь и Козовку. Анна Иорданъ жаловалась на самоуправство зятя королю Стефану Ваторію и 18 декабря 1579 г. исльдвали универсалы короля старостѣ Галицкому и Коломнѣ-скому Иерониму Сенявскому и старостѣ Теробовльскому Іакову Претвичу, а также шляхтѣ обоихъ повѣтовъ о выдвореніи Самуила Зборовскаго изъ захваченныхъ имъ имѣній и о возвращеніи

⁴¹ Изд. 1853 г. стр. 156—167.

таковых ихъ законной владѣлицѣ Аннѣ Йорданъ.⁸¹ Такимъ образомъ въ 1579 г. Самуиль Зборовскій не имѣлъ времени находиться среди Днѣпровскихъ козаковъ.

Въ 1580 г. Самуиль Зборовскій участвовалъ въ походѣ Стефана Баторія къ Великимъ Лукамъ. Въ Дневникѣ Луки Дзялынскаго подѣ 4-мъ сентября записано слѣдующее: „Въ этотъ день Самуиль Зборовскій просилъ Его Милость короля, чтобы король освободилъ его отъ банниціи,⁸² дабы онъ могъ проживать въ Польшѣ. На это король повелѣлъ отвѣтить ему, что такъ просто онъ ничего не можетъ для него сдѣлать, но что если Зборовскій хочетъ заслужить то, о чемъ просить, то пусть теперь при осадѣ замка (Великихъ Лукъ) совершитъ какой-нибудь подвигъ.“ Дзялынскій отмѣчаетъ далѣе, что въ виду словъ короля Зборовскій рѣшился идти впереди всѣхъ на штурмъ и, сидя въ шанцахъ, ожидалъ, пока поданъ будетъ сигналъ; вмѣстѣ съ нимъ изготовились къ штурму нѣсколько „панятъ“ и около ста „товарищей“ изъ шляхты. Но штурмъ не состоялся: въ ночь съ 4 на 5 сентября деревянные крѣпостныя стѣны замка загорѣлись отъ выстрѣловъ и замокъ сдался; „городъ вашъ, ради Бога не стрѣляйте,“ кричали москвитяне передъ сдачей.⁸³ Не добившись отличій здѣсь, Самуиль Зборовскій съ своими стрѣлками (arkabizygu)⁸⁴ отправился подѣ начальствомъ князи Януша Николаевича Збаражскаго въ экспедицію къ г. Торопцу. Въ этомъ походѣ, подробно описанномъ Дзялынскимъ и Папроцкимъ,⁸⁵ Самуиль Зборовскій проявилъ за-

⁸¹ См. *Źr. dz. t. XI* (1882), str. 82—85, *M&M XLVII, XLVIII* и *XLIX*.

⁸² *Bannicija*—наказаніе, въ силу котораго обыватель лишается изъ общества и лишается въ немъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Банниція была разнаго рода: 1) временная и вѣчная; 2) главная и меньшая. См. Горбачевскій, *Словарь древняго актованаго языка*, Вильна 1874, и *Zygmunt Gloger Encyklopedja staropolska*, T. I, W. 1900, подѣ словомъ: *bannitio*, *bannicija*. Самуиль Зборовскій былъ присужденъ къ банниціи за убійство въ пылу ссоры во время коронаціи Гейнрихъ Валуа наместника перемышльскаго Андрея Ваповскаго.

⁸³ См. *Acta histor. T. XI, Spr. wojenne etc.* str. 233—234.

⁸⁴ *Arkabiz* съ итальян. *arcobugio*, *archibuzo*—самый древній видъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія. См. *Gloger. Encyklopedja staropolska*. T. I (1900), str. 70—71.

⁸⁵ См. *Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc.* str. 257—259, *Herby etc.* str. 832 885. .

и вѣтательную храбрость; въ одной стычкѣ подъ нимъ раненъ былъ
воинъ, а при окончательномъ пораженіи московской арміи во втор-
никъ 20 сентября 1580 г. онъ и четыре товарища убили пяте-
ромъ изъ отбѣжавшихся на мосту москвитянъ около семидесяти;
доблесть Зборовскаго понижаетъ только замѣтка очевидца: „убивали
ихъ какъ скоть, потому что они не оборонались.“ Тѣмъ же монѣ
всѣ подвиги Самуила Зборовскаго оказались напрасными и онъ
не получилъ отъ короля желаннаго прощенія. Вотъ почему въ
1581 г. онъ уже не присоединился къ королевской арміи, двинув-
шейся подъ Псковъ, а отправился съ отрядомъ товарищей и слугъ
къ берегамъ Днѣпра въ Каневъ, а оттуда за Пороги, чтобы вмѣ-
стѣ съ Днѣпровскими козаками вторгнуться въ Московскія вла-
дѣнія со стороны Путивля, т. е. задумалъ экспедицію, какъ-бы
параллельную походу Стефана Баторія подъ Псковъ. Онъ пред-
полагалъ сформировать войско изъ Днѣпровскихъ козаковъ, при-
соединить къ нимъ наемныхъ татаръ, получить еще помощь въ
500 всадниковъ отъ бывшаго молдавскаго господаря Петра Хро-
мого за отказъ отъ соперничества съ нимъ на полученіе молдав-
скаго стола и такимъ образомъ въ большихъ сплахъ двинуться
отъ устья р. Псла къ Путивлю, чтобы обратить на свои предпрі-
ятія вниманіе короля и такимъ образомъ вынудить у него амни-
стію. Онъ надѣялся еще на присоединеніе къ себѣ „одного украин-
скаго старосты,“ какъ таинственно выражается Бартошъ Палпроц-
кій, т. е. князя Михаила Александровича Вишневецкаго, который
также готовился къ походу на юго-западныя окраины Московска-
го государства, но дѣльный князь уклонился отъ сообщества са-
моувадѣяннаго, дерзкаго и легкомысленнаго банипта, а предпочелъ
соединиться для предстоящаго похода съ сосѣдними старостами
княземъ Ярошемъ*¹ Жижемскимъ и Авраомъ Мышкой да съ хра-
рымъ Кириаломъ Лятошинскимъ, сыномъ знаменитаго рыцаря Гро-
ба Господня (*miles dominici sepulchri*) также Кириана Лятошинска-
го, — какъ объ этомъ повѣствуется въ Надгробной Поэмѣ, сочинен-
ной въ честь князя Михаила Александровича тотчасъ послѣ его
смерти (15 октября новаго стила 1584 г.):

Przybył mu w towarzystwo mąż wielkiej dzielności,
Domu starożytnego y wielkiej zasności,

* Ярошъ = Іеронимъ.

Książę János Zyzemski, starosta Reczyki,
 K nim zacny Abrám Myszká, starosta Owrucki,
 Sławny domem przodków swych, Rycerskiey działalności,
 Wzbudzając męską dzielność, lat młodych czystości.
 Kiryan Látoczyński, mąż serca wielkiego,
 S pocztom swoim też przybył do wojska onego.
 By Rzeczypospolitey znacznie posłużyli,
 Przeto k książęcym pocztom swoje przyłączyli.
 Y táńże społecznymi zgodnie namowámi
 Ruszyli się w Boży czas s swoimi pocztámi
 Jako przeciw Tyrannu ksiáziu Moskiewskiemu,
 Umysłili ku zámku prosto Trubeckiemu.*1

Думалъ еще Зборовскій отправиться съ крымскимъ ханомъ на помощь туркамъ въ Персію; тянуло его и въ Молдавію поправить счастья въ добываніи при помощи козаковъ молдавскаго стола; но все эти затѣи кончились ничѣмъ. Пошатавшись долго среди козаковъ, натерпѣвшись голода и всякой нужды, Самуилъ Зборовскій пробрался, наконецъ, къ Саврани и оттуда ушелъ въ предѣлы Польши. Разказомъ Панпроцкаго, какъ памятникомъ выдѣляющимся быть Днѣпровскаго козачества въ эпоху Баторіа мы займемся ниже въ особомъ экскурсѣ.

* * *

Нападенія козаковъ на татарскихъ скотоводовъ съ цѣлью захвата ихъ стадъ, набѣги за Днѣстръ на молдавскія и турецкія области, мелкіе пограничные грабежи и разбои — все эти обычные проявленія дѣятельности козаковъ въ лѣтнее время, стихшія был въ періодъ воины Стофана Баторіа съ Москвою, возобновились съ снѣжкой силою съ весны 1582 года. Это и попятно. Пока тяну

*1 См. Episcidion etc. str. 39—40. Самуилъ Зборовскій, по словамъ Панпроцкаго, торочилъ Петра Хромого прислать ему обещающую помощь, „tęż już druzzy starostowie ukraiinni wujżdżać mieli.“ Эта фраза еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе, что экспедиція Зборовскаго за Пороги должна быть отнесена къ лѣту 1581 года, такъ какъ именно трое пограничныхъ (украинныхъ) старостъ: кн. Жижемскій, Мышка и кн. Вишневецкій — собрались въ походъ въ эту пору.

всь война съ Москвою, найбільше безпокойные оломенты Днѣпровскаго козацтва находили себя припмѣненію въ рѣдахъ войскъ, ражавшихся противъ Москвы, а въ 1580 г. даже чуть не поголовно всѣ козаки были заняты на театрѣ военныхъ дѣйствій. При опустошеніи московскихъ городовъ и сель козаки получали только добычи, что ихъ „козацкій хлѣбъ“ былъ имъ щедро обозвеченъ. Если при описаніи походовъ князя Михаила Алоксандровича Вишневецкаго пѣвецъ ихъ постоянно повторяеть о князѣ и его соратникахъ:

Lupow więźniów koczyci bez miary nábráli,

или:

Więźniów inych koczyci bez miary nábráli,

то, конечно, козаки также не пропускали случая разбогатѣть, захватывая въ плѣнъ жителей опустошаемыхъ войною московскихъ областей для перепродажи ихъ татарамъ⁹¹ и отнимая у нихъ все найбільше цѣнное имущество. Съ окончаніемъ московскихъ войнъ не только короннымъ козакамъ, но и массѣ военного люда, напятаго Стефаномъ Ваторіемъ противъ Москвы, нечего было дѣлать. Богатыи ваны со своими ополченіями разтѣхались по замкамъ, охѣдлые шляхтичи также вернулись къ семьямъ подъ свои сельскія стрѣхи, во оставалась бездомная голытьба, которая только и пыталась жалованьемъ за кровавую службу да возможностью во время войны пограбить. Въ королевской казнѣ не хватало денегъ, чтобы щедро расплатиться съ бѣдняками и обезпечить имъ способы мирнаго существованія. Откладывали расчеты до предстоящаго сейма, назначеннаго на 2 октября стар. стила 1582 г. Но не всѣ имѣли терпѣвіе дожидаться сейма, чтобы получить часть жалованья и заручиться обѣщаніями короля насчетъ уплаты остального. И вотъ съ раницей весны многіе изъ этихъ оборванцовъ вмѣстѣ съ коронными козаками потянулись въ предднѣпровскія и прибужскія степи, чтобы, по тогдашнему выраженію, молотить хлѣбъ на татар-

⁹¹ Торговля плѣнными была тогда въ общемъ обычаѣ у козаковъ. Колядаъ Пшотровский въ своемъ Дневникѣ подъ 27 сентября 1581 г. (Wyd. Czecz. str. 100) сообщаетъ, напримѣръ, такой фактъ: „Dwa] Włosiska (итальянцки) jakieś dwie moskiewskie dziewczęta *pokupili u kozaków, dali im za nie ja ruzmicy i dziś w nocy w namlecie swym, tuż niedaleko P. Hetmana, że ależ sam krzyk słyszał leżąc, uczelwszy uszy WMci, mego Miłosćwego Pana, zgwalcieć usiłowali. Kanno naleziono u nich te Moskiewki i wzięto; zwiecie się podobno Włoszom (итальянцамъ), jako cudzoziemcom.“*

скихъ спинахъ. Уже въ маѣ мѣсяцѣ 1592 г. послышались жалобы татаръ на притѣсненія и обиды со стороны козаковъ. Ихъ завляилъ королю татарскіи посолъ, прѣхавшій въ началѣ мая въ Вильну, куда вскорѣ прибылъ Стефанъ Ваторіи на обратномъ пути изъ Риги „Тамъ (т. е. въ Вильнѣ)“, пишетъ Гейденштейнъ, „далъ король аудіенцію татарскому посольству, прибывшему туда нѣсколько раньше отъ Мухаммедъ-Герая, хана крымскихъ татаръ. Послѣдній. просилъ обѣщанныхъ даровъ, жаловался на притѣсненія и обиды со стороны козаковъ; хотя послѣднія и въ самомъ дѣлѣ бывали порѣдки, однако татарскіи ханъ еще нарочно преувеличивалъ ихъ, чтобы, притворно указывая на домашніе страхи и близкія опасности, избѣгнуть персидскаго похода, на который въ то же время вызывалъ его турецкіи падишахъ. Отвѣтъ отъ короля сказанъ былъ татарамъ такой: что дары даны будутъ по обыкновенію предковъ и что съ ихъ ханомъ будетъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ былъ раньше. Относительно же козаковъ было сказано тоже, что нѣсколько разъ и раньше выставлялась на видъ: эта толпа людей, составившаяся изъ разноплеменнаго оброда, кочующая и не имѣющая прочной осѣлости, не признаетъ ничьей власти, но тѣмъ не менѣе, насколько возможно ему будетъ, король постарается о томъ, чтобы удержать ихъ отъ непріязненныхъ дѣйствій и враждебныхъ набѣговъ. Этотъ отвѣтъ короля былъ принятъ варярами съ нѣкоторою надменностью, и главный посолъ, выслушавъ его, при самомъ какъ бы отвѣдѣ публично засвидѣтельствовалъ, что какъ бы тамъ ни было, но если козаки не будутъ обузданы, то они тоже не будутъ хранить мира.“¹ Хотя дѣло не доходило еще до открытаго разрыва между царемъ Перекопскимъ и Польшею, тѣмъ не менѣе козацкія нападены не замедлили вызвать и отвѣтныя дѣйствія татаръ. Во время пребыванія въ Вильнѣ татарскаго посла пришла уже вѣсть, что татары прорвались черезъ границу королевской земли, опустошили одно село и захватили около тысячи душъ въ плѣнъ. Ксѣндзъ Піотровскій такъ передастъ настроенію короля по полученіи этого извѣстія: „Его Милости королю очень жаль бѣднаго крестьянства (rosólstwa), но совсѣмъ не жаль шляхты, которая сама себя доводитъ до этого, потому что отпи-

¹ См. Рейн. Гейденштейна Записки о Москов. войнѣ. Рус. пер. въ изд. Археограф. Комм. Сиб. 1889, стр. 279.

знаетъ у короля право карать козаковъ, предоставляя судить ихъ только сейму.⁴¹ Въ объясненіе этихъ словъ ксепдза Піотровскаго нужно замѣтить, что между 1578 и 1582 г. послѣдовала перемѣна въ воззрѣніяхъ сеймующей шляхты на право короля преслѣдовать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніяхъ мира съ татарами и турками. Въ 1578 г. въ виду предстоявшей войны съ Московскимъ государствомъ сеймующая шляхта боялась, что козацкіе набѣги могутъ вызвать вторженіе татаръ или турокъ какъ разъ въ ту минуту, когда всѣ войска будутъ стянуты на сѣверо-западъ государства и южная граница его будетъ совершенно открыта. Поэтому на сеймѣ 1578 г. она охотно предоставила королю дискреціонную власть разыскивать и казнить виновныхъ въ набѣгахъ козаковъ. Король сейчасъ же воспользовался спонми полномочіями, чтобы казнить Подкову и снарядить экспедицію Яна Тарка. При снабженіи короля дискреціонною властью шляхта закрывала глаза на то обстоятельство, что въ числѣ виновныхъ козаковъ могутъ оказаться и шляхтичи, которыхъ не мало было въ козацкихъ рѣдахъ. Иначе стояло дѣло въ 1582 г. Война съ Москвою была уже закончена. Шляхта знала, что многіе изъ ея представителей, не имѣя болѣе занятій на войнѣ, пристанутъ къ козакамъ для нападеній на татаръ и турокъ и такимъ образомъ подвергнутся тѣмъ карамъ, на которыя уполномоченъ король. Понятно, что началась агитація объ отнятій у короля исключительныхъ правъ, которыя могли бы оказаться тягостными для самихъ законодателей. Кончилось тѣмъ, что на сеймѣ 1582 г. полномочія короля были опять ограничены и право наказанія приставшихъ къ козакамъ шляхтичей оставлено только за сеймомъ. Сложная процедура сеймового суда обезпечивала безнаказанность разнымъ сорвиголовамъ. Такой постановкѣ дѣла сочувствовали и пограничные староосты, которые вмѣсто того, чтобы охранять спокойствіе на границахъ, сами организовали козацкіе набѣги, снабжали козаковъ боевыми снарядами и продовольствіемъ, подкрѣпляли ихъ своими подданными и слугами, дабы потомъ, при дѣлѣжѣ награбленной добычи, воспользоваться лучшею ея долею. Вѣронность безнаказанности очень имъ улыбалась.

⁴¹ См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 358.

Подъ осень 1582 года повторилась такая же самая исторія, какую мы описывали уже (см. выше, стр. 42), налагая событія 1577 года. Изъ Москвы ѣхали татарскіе послы съ богатыми „упоминками“, подаренными имъ московскимъ правительствомъ. Слѣдовали они Муравскимъ шляхомъ. На Самарскомъ перевозѣ напали на нихъ низовые козаки и дочиста ихъ ограбили. Мухаммедъ-Герай, царь перекопскій, немедленно отправилъ посла къ Стефану Баторію съ требованіемъ, чтобы король отобралъ отъ козаковъ заграбленные ими „упоминки“ и вернулъ ихъ по принадлежности ему, царю перекопскому, а въ тоже время снарядилъ противъ короля большое войско и расположился съ нимъ у берега р. Днѣпра въ урочищѣ Майманай *¹ въ полной готовности вторгнуться въ предѣлы Рѣчи Посполитой, если только его требованія не будутъ исполнены королемъ. **

Пока все это происходило въ стѣняхъ, въ Варшавѣ готовились къ сейму. Вальный сеймъ 1582 года собрался къ 4 октября стараго стили. 4-го октября высшее католическое духовенство столицы служило обѣдню въ присутствіи сейма о ниспосланіи на сеймующихся Св. Духа. Съ 5-го октября начались совѣщанія. Этотъ день былъ, какъ извѣстно, днемъ перемѣны въ Европѣ стараго стили на новый. Папою Григоріемъ XIII опредѣлено было 5-е октября считать 15-мъ. Составитель дневника сейма вмѣсто 5-го написалъ 15 октября и потомъ оговорился: „это слѣдующій день за четвертымъ; такъ слѣдуетъ писать по вновь изданному календарю.“ ** До насъ дошли только фрагменты дневника сейма 1582

*¹ „Na co pogotowiu z wojskiem na Majmanajm szekał“—изъ инстр. короля Стефана повѣстовымъ сеймикамъ 1584 г. *Dyag. sejm. r. 1585. Wydal Al. Szuskiński, Кг. 1901 г., стр. 349.*

Урочище *Майманай*, вѣроятно, то древнее городище или валовая насыпь (*Wahlstadt*) на татарской сторонѣ Днѣпра, которая Эрнхъ Ляссотъ называетъ *Мамайсурка* (*Mamaisor*). См. Черноморье Ф. Бруна, часть II, Одесса 1880 г. стр. 373.

** См. *Dyaryusz sejmowe r. 1585, str. 349. Гейденштейна рус. пер. стр. 308*

** См. *Dyaryusz sejmowe r. 1585 etc. str. 333.*

года, а потому происходившія на немъ пренія въ подробностяхъ намъ неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе изъ разказа Гейденштейна, изъ письма короля къ маститому Кромеру отъ 12 сентября нов. ст. 1583 г. и изъ инструкцій Стефана Баторія повѣтовымъ сеймикамъ 1584 г. мы знаемъ, что на сеймѣ 1582 года король добивался, чтобы за нимъ оставлена была дискреціонная власть преслѣдовать и карать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніи мира съ татарами и турками, и въ пограничныхъ разбояхъ и грабежахъ, но что сеймующая шляхта на это не согласилась. „Много разъ на предшествующихъ сеймахъ“, горько жалуется король Кромеру, „мы напоминали, выясняли и указывали, что если это своеволие не будетъ обуздано, то, что оно подготовитъ и создастъ для Рѣчи-Посполитой великія затрудненія, но не захотѣли къ этому прислушаться и отнестись внимательно, не захотѣли оставить въ силѣ и сеймовой конституціи (1578 г.), которая состоялась по этому поводу, хотя въ силу ея никто не былъ осужденъ, да даже, кажется, никто не былъ и преданъ суду (намекъ на неудачную экспедицію Яна Тарла— см. выше, стр. 70). Опять таки на прошломъ сеймѣ (т. е. 1582 г.) мы напоминали и указывали опасности, которыя могутъ отсюда вырости и случиться, но и это наше обращеніе не нашло себѣ сочувствія.“ *1 Вообще сеймъ 1582 г. прошелъ безпорядочно и не разрѣшилъ ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые были предложены на его обсужденіе королемъ (напр. вопросъ о порядкѣ избранія короля, объ уплатѣ жалованья войскамъ за Псковскій походъ и др.) Протянувшись почти два мѣсяца, онъ развѣхался въ началѣ декабря нов. ст., а 7-го декабря того-же стилиа и король выѣхалъ изъ Варшавы въ Краковъ. *2 Здѣсь его встрѣтило татарское посольство. Какъ сказано выше, оно жаловалось на низовыхъ козаковъ, ограбившихъ татарскихъ пословъ, требовало возвращенія „увожниковъ“ и угрожало войною, если это требованіе не будетъ немедленно исполнено. Великій визирь турецкій Синанъ-баша также прислалъ чауша съ письмомъ, въ которомъ грозилъ, что если требованія татаръ относительно наказанія козаковъ и возвращенія

*1 См. Acta hist. T. XI. Sprawy wojenne etc. Krak. 1887, str. 404—406. Гейденштейна рус. пер. стр. 290.

*2 См. Źródła dziejowe, t. IX, B, str. 77.

„упоминковъ“ не будутъ исполнены, то что 40,000 турокъ соединится къ татарскому войску для совмѣстнаго вторженія въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Хотя король былъ совсѣмъ не готовъ къ войнѣ („*impragatissimus*“, по выраженію Гейденштейна), тѣмъ не менѣе, не желая жертвовать честью Рѣчи-Посполитой, онъ отъ чаль татарскому послу, что его требованія не могутъ быть исполнены, такъ какъ козаки находятся внѣ сферы королевской власти, составлены изъ отбросовъ всевозможныхъ народовъ („*e dive ragam gentium colluvie*“—Гейденштейнъ), не исключая и самихъ татаръ, коихъ не мало промышляетъ въ козацкихъ рядахъ; и эти люди собираются на границахъ для занятій разбоями („*latrocinia exercenda*“—*ibid.*). Между тѣмъ Замоискій былъ посланъ во Львовъ готовить войска для отпора татарамъ въ случаѣ ихъ вторженія. Онъ частью вновь нанялъ войска, частью уговорилъ продолжать службу тѣ отряды, которые отказывались отъ нея, и получая до сихъ поръ жалованья за московскіе походы. Удалось ему вызвать на службу и болѣе усердныхъ изъ шляхты. Остальныхъ онъ увѣщевалъ быть готовыми къ общему ополченію противъ врага. Князь Константинъ Острожскій также явился на помощь съ значительнымъ войскомъ, собраннымъ изъ его домочадцевъ арендаторовъ. Замоискій выслалъ развѣдчиковъ во всѣ стороны чтобы они слѣдили за движеніями татаръ, а самъ ожидалъ въ Львовѣ, готовый двинуться противъ непріятеля при первомъ извѣстіи о его вторженіи. Между тѣмъ татары стояли на берегу Днѣпра, поджидая, чтобы рѣка замерзла. Они имѣли обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ или позднимъ лѣтомъ, при нѣкото- болѣе низкомъ уровнѣ воды, или зимою по льду. Въ эту зиму (съ 1582 на 1583 г.) Днѣпръ у мѣста стоянки татарскаго войска не замерзъ, приближалась весна, дошли до татаръ слухи о при- готовленномъ имъ Замоискимъ отпорѣ, и татары сочли за лучшее оставить мысль о войнѣ, и разошлись по своимъ улусамъ. Въ началѣ весны 1583 г. Замоискій возвратился уже въ Краковъ, гдѣ ему вскорѣ предстояло получить изъ королевскихъ рукъ высшую награду за его государственныя заслуги—молодую жену въ лицѣ королевской племянницы Гризельды Баторій. *1

*1 См. Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti Lib. XII, pag. 207-8 по франкфуртскому изданію 1672 г.

Лѣто 1583 года проходило въ степяхъ очень тревожно. Съ ранней весны среди собравшихся на промыслы козаковъ появился новый претендентъ на молдавскій столъ, по имени Эммануилъ, выдававшій себя за сына покойнаго Ивони, несмотря на то, что другой подобный же сомнительный сынъ Ивони находился уже въ рукахъ польскаго правительства, постоянно стремившагося прекратить въ самомъ зародышѣ попытки самозванцевъ къ завладѣнiю Молдавскимъ столемъ. Эммануилъ нашель, конечно, среди козаковъ много охотниковъ оказать ему поддержку въ его затѣяхъ. Знатокъ условiй пограничной жизни и козацкаго быта, брацлавскiй воевода князь Янушъ Николаевичъ Збаражскiй очень мѣтко объяснялъ королю Стефану Ваторiю, что такъ ужъ полагается среди пограничныхъ козаковъ, чтобы между ними проживалъ хоть одинъ молдавскiй претендентъ, если нѣтъ спроса на нѣсколькихъ.^{*1} Кромѣ козаковъ, примкнули къ Эммануилу нѣкоторые представители знатной шляхты, стали во главѣ козацкихъ отрядовъ и двинулись степями въ Молдавию.^{*2} Повидимому, шайкамъ претендента не удалось прорваться въ Молдавию, такъ какъ на дорогѣ еще встрѣтилъ ихъ и разгромилъ брацлавскiй староста.^{*3} О томъ, какая судьба постигла самого Эммануила, источники умалчиваютъ.^{*4}

Но попыткой провести Эммануила въ Молдавию не ограничилась дѣятельность козаковъ въ лѣто 1583 г. Какъ разъ въ то время, когда въ Краковѣ праздновалась свадьба канцлера Замойскаго съ Гризельдой Ваторiей (12 iуня нов. ст.), козаки подъ предводительствомъ нѣсколькихъ пограничныхъ шляхтичей („duces ex finitima nobilitate aliquot nacti,“ по выраженiю Гелiденштейна)^{*5} предпри-

^{*1} „Bez Wolozyna i bez kilku, jako na pograniczu, nigdy miŋdzy niemi być nie moŋe“—въ отъѣтнаго письма князя Збаражскаго на письмо Стефана Ваторiя отъ 26 августа 1583 года. См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 404.

^{*2} Ibid. str. 405.

^{*3} Мы не могли доискаться въ современныхъ актахъ, какъ была фамиля тогдашняго брацлавскаго старосты. Не опредѣлилъ этого и надатель сеймовыхъ дневниковъ 1585 года г. Александръ Чучмыскiй въ своемъ указателѣ именъ (стр. 465).

^{*4} См. Acta histor., T. XI. Sprawy wojenne etc. str. 405; Dyaryusz koŋmowe z roku 1585 etc. str. 350.

^{*5} Кто-то изъ сотрудиновъ Замойскаго, составившiй замѣчанiя на нѣкую о заключенномъ въ тюрьму С. Зборовскомъ (Pisem o uwiezionym Samuelu

няли большой набѣгъ на турецкія владѣнія, разрушили вновь въстроенную турецкую деревянную крѣпость Ягорлыкъ (при впадѣніи р. Мокраго Ягорлыка въ Днѣстръ) и разграбили старинныи турецкій городъ Тегня (Вендѣры), гдѣ имѣлъ пребываніе турецкій правитель или губернаторъ (санджакъ). Такъ какъ этотъ городъ долгое время не подвергался нападенію непріятельскій, то добыча, захваченная въ немъ козаками, была очень богата; по дѣлавленнымъ королю Стефану Ваторію свидѣніямъ, она была продана ими на какой-то ярмаркѣ за 12,000 злотыхъ. *1 Повидямому главными зачинщиками этого набѣга были братья Христофоръ Самуилъ Зборовскіе, изъ которыхъ послѣдній, какъ мы знаемъ (см. выше, стр. 89—93), проживалъ среди козаковъ въ 1681 г. съ тѣхъ поръ поддерживалъ съ ними пріязненныя отношенія. *2 Лѣто 1683 г. онъ также проводилъ „на Низу“ и, кажется, лично участвовалъ въ набѣгѣ на Ягорлыкъ и Тегня. Объ этомъ можно догадываться изъ словъ письма Христофора Зборовскаго къ козакамъ: „z wami rozpołu przeciwko nieprzyjacielowi krzyża świętego ochotnie waży“ (т. е. „нашъ братъ совместно съ вами охотно пробуетъ счастья противъ непріятеля святого креста“; непріятель снатога креста—обычное въ то время обозначеніе турокъ и татаръ) а также изъ сообщенія Гейденштейна: „*cujus insursionis (набѣга) partim autor, partim adjutor Samuel Zborovius in certa fama ferretur* (Франкф. изд. 1672 года стр. 219). Въ послѣдней фразѣ слово *autor* по нашему мнѣнію, значитъ: зачинщикъ, а слово *adjutor*—участникъ. Противники Замойскаго, державшіе сторону дома Зборов-

Zborowski), назвалъ такого типа шляхтичей *Polacy nizowci*: „Niechaj każdy haskny i zna, qua intentione tam się drudzy biorą, albo chodzą: jeśli dla miłości ojczyzny, jeśli dla łepiejstwa; nie tajno, na szem zaszadził żywot swój Polacy nizowci i na szem wiek swój trawia.“ См. Pam. do życia i sprawy Sam. i Krzysz. Zborowskiich zebrał Żegota Pauli. Lwów 1846, стр. 98.

*1 См. Reinholdi Heidensteini secretarii Regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti Libri XII. Francofurti ad Moenum. 1672. Pag. 213—214.—Два гуське сеймове г. 1683 etc. Krak. 1901, стр. 850. 12,000 злотыхъ на наши деньги=16,000 рублей.

*2 Одинъ изъ братьевъ Зборовскихъ, Янъ Зборовскій, каштелянъ Гвѣнепскій, говорилъ на сеймѣ 1685 г. въ засѣданіи 31 января н. ст. о Самуилѣ Зборовскомъ: „Brat mój dla potrzeb swoich własnych... onych (Nizowców) *komował, z niemi w pola chadzał i do potrzeb swoich je za piemiędzy swoje zwałil.*“ Dyar. sejm. 1685 г. etc. стр. 329.

НИКЪ въ возникшей между канцлеромъ и Зборовскими борьбѣ, какъ напр. Вартошъ Папроцкіи, распространяли слухъ, будто самъ Замоискій тайно устроилъ этотъ набѣгъ при посредствѣ нѣкагого козака Янчи, желая, чтобы побольше козаковъ погибло, *¹ а будто потомъ, когда турки стали угрожать польскому правительству возмездіемъ, онъ свалилъ всю вину на Зборовскихъ. Но слухъ этотъ представляется совершенно неправдоподобнымъ *² при томъ свѣтъ, какой бросаютъ на сношенія Зборовскихъ съ козаками лѣтомъ 1583 г.— письмо Христофора Зборовскаго къ Самуилу Зборовскому изъ Кракова отъ 17 июля н. ст. 1583 г. и копія письма того же Христофора Зборовскаго къ козакамъ безъ даты, приложенная къ предыдущему письму. Оба документа были выкрадены у Самуила Зборовскаго его лютнистомъ (въ первоисточникѣ у Лаврентія Мюллера „Septentrionalische Historien,“ Amberg 1595,—*der Lauteniste*) Войташкомъ по подговору венгерскаго офицера на польской службѣ Цобера, который отобралъ ихъ у Войташка и доставилъ вмѣстѣ съ самимъ виновникомъ кражи въ Краковъ королю. *³ Королевскій инстигаторъ Андрей Ржѣнцикии напечаталъ ихъ въ приложеніи къ обвинительному акту противъ Христофора Зборовскаго, приготовленному къ сейму 1585 года, подъ заглавіемъ: „Andreae Recicii Instigatoris Regii V. Nob. Accusationis in Christophorum Sboro-

*¹ См. Bartosza Paprockiego Dwie broszury polityczne z lat 1587 i 1588 wydal Jan Szubek. Krak. 1900, str. 48. Янчи, вѣроятно, тоже самое лицо, что и Jancki Bugier, notarius Nizociorum (см. выше, стр. 71). Фамилия Bugier замѣняется иногда въ документахъ въ Begiel и Beger, Beger или Beggier. Между 1578 и 1583 гг. мы знаемъ его, какъ королевскаго коморника (cubicularius). См. Żr. dz. t. IX, A, 196, 198, 208; B, 9, 48, 88, 120.

*² Князь Я. Н. Збаражскій въ письмѣ къ Стефану Баторію прямо гоноритъ: „Otoż jam tego powien, że bez rozkazania chodzili.“ См. Acta hist., t. XI etc. str. 404.

*³ Любопытныя подробности этой исторіи изложены современникомъ Лаврентіемъ Мюллеромъ въ книгѣ: Septentrionalische Historien oder wahrhafte Beschreibung der fürnehmsten polnischen, litlandischen, moscowiterischen, schwedischen und andern Geschichten, so sich bey Regierung beeder Königen in Polen Stephani und Sigismundi des III dieses Namens von Anno 1576 bis auf das 1593 Jahr zugetragen. Amberg 1595, стр. 86. Первая часть этой книги сочинена Лаврентіемъ Мюллеромъ, вторая—не назвавшимъ себя по имени „любителемъ исторій“ (durch einen Liebhaber der Historien). Предисловіе къ 1-й части написано Лаврентіемъ Мюллеромъ и помѣчено 31 марта 1585 г. Мы пользовались экземплярами Варшавской и Кіевской университетскихъ библиотекъ.

vium Actiones tres. De fide publica. De praescriptionibus ante iudicium oppositis. De criminibus. Cracoviae. Typis Lazarianis. Anno Domini 1585.“ Оба письма переизданы были въ новѣйшее время дважды: въ 1844 г.—Люціаномъ Семеньскимъ съ книжкѣ „Pamiętniki o Samuelu Zborowskim. Zebrane z współczesnych dzieł i rękopisów biblioteki Kórnickiej. Poznań 1844“ (str. 28), въ 1846 г.—Жеготою Паули въ книжкѣ „Pamiętniki do życia i sprawy Samuela i Krzysztofa Zborowskich zebrał Żegota Pauli. Lwów 1846“ (str. 43). Въ виду важности этихъ документовъ для выясненія козацкихъ отношеній въ эпоху Баторія приводимъ здѣсь въ оригинальномъ текстѣ—изъ письма къ Самуилу Зборовскому пунктъ, относящійся къ его экспедици „на Низъ“, письмо же къ козакамъ цѣлкомъ.

. . . . .

Выдержка изъ письма къ Самуилу Зборовскому.

„Reliquum est z strony tej tam zabawki niżowskiej *1 WM. wolałbym był, abys tam WM. był nie jeździł. Przyczyn dosyć, ale to u mnie przedniejsza, że się o WM. boję, aby to królewska naprawa *2 nie była. Ale iżeś już WM. tam jest, staraj się WM. o dwie rzeczy. Pierwsza, abys w dobrem zachowaniu, w dobrem porozumieniu to tam rycerstwo z domem Zborowskim zadzierzał. Jakoż ja wiem, co na tem należy nam. I dla tego piszę ja imieniem moim i pana marszałkowom *3 do nich list, którego kopią WM. propter informationem, aby wiedzieć, do czego i jako je wieść, posyłam; z owymi też sam posły i mówiło i obeszło się tak, jako się godziło. Druga, abys się WM. z tantąd

*1 *Zaburka niżowska*—прогулка на Низъ. Христофоръ Зборовскій, очевидно, смотрѣлъ на походъ Самуила на Низъ, какъ на пріятное для брата препровожденіе времени, но по семейнымъ интересамъ, былъ бы болѣе доволенъ, если бы братъ сидѣлъ дома.

*2 Отголосокъ слуха, будто походъ на Ягорлыкъ и Тегинъ предпринятъ козаками по наущенію короля и канцлера, рассчитывавшихъ, что въ сраженіяхъ съ турками будутъ убиты самые безпокойные люди.

*3 *Pan marszałek*—братъ Зборовскихъ Андрей Зборовскій.

Jako najprędzej pokwapił. O co i dla Boga prosimy; bo nam niewymownie trzeba WM. Co nam racz dać, o Boże nasz, abyśmy rychło WM. zdrowego mieli.“

Письмо Христофора Зборовскаго къ Низовымъ козакамъ.

„Zacne rycerstwo, *1 panowie i przyjaciele nam łaskawi! Za tem zachowaniem dobrem, które wieciecie z Jego Mością panem Samuelem bratem naszym, uie mogliśmy zaniechać tem pisaniem was nawiedzić, i chęci przyjacielskie nasze wam zalecić, prosząc was, abyście tak w miłowaniu i w szanowaniu osoby pana brata naszego, takowemi się nam popisywali, jako była przyjaźń nasza się przymnażała i za czasem do lepszego porozumienia z domem naszym przyjść mogła. Co jako wam nie tylko nie szkodzić, ale i za czasem pomocnem być może, wy jako baczni będziecie to umieć u siebie uważać, i nie wątpiemy w tem nic, że to dobre porozumienie wasze z nami, nie jedno i tu w Polsce, będzie uważało; ale my na to jako oglądać się nie jesteśmy powinni, tak i o to mało dbać będziemy. Wy też większego i pewniejszego zakładu chęci i przyjaźni naszych mieć ani żądać od nas nie możecie, jedno i kogo teraz macie, krew naszą, JM. pana brata naszego, któremu nie tylko abyśmy ganić mieli, że się towarzystwem was tak zacnego, sławnego rycerstwa bawi, a zdrowie swe i wam powierza, i z wami pospołu przeciwko nieprzyjacielowi krzyża świętego ochotnie waży, ale i owszem chwalamy mu to,

*1 Слово *rycerstwo* употреблялось въ ту эпоху въ значеніи сборница вооруженныхъ людей. Напр. у Стрийковскаго: „Stanisław Pac... zebrawszy ze dwa tysiąca *rycerstwa* tak żołnierzków, jako szlachty i kozaków Witebskich, posłał ich na odsiecz pod Ozieriszczu zamek“. См. Кроника Мациея Стрыковскаго. Warsz. 1846. Т. II, стр. 415.

Исторію употребленія въ польскомъ языкѣ слова *rycerstwo* находимъ у Лебницкаго: Матерялы до словника исторычнаго языка i староżyтної польских. I. Militaria. Zebrał dr. W. Lebnicki. Poznań 1889, str. 458—461.

i do tego go radą i prośbami naszymi wiedziomy. *1 Rozumiemy to o was, że w osobie jego nas i przyjaźń naszą uszanować nie zaniechacie. A my w każdej potrzebie takimi się przyjaciółmi wam popisać chcemy, jakoście tego są iście godni. Jakoż za tą dobrą sławą waszą, którą nie tylko tu w Polsce, ale i po cudzych krajach, u cesarzów i wielkich królów słyniecie, nie długo nam da Bóg tego czasu czekać przyjdzie, że się sobie w jakiej ważnej sprawie przygodzić będziemy mogli. O czem iż się pisać nie godzi wolimy tu zawsze JM. Panu naszemu, a niż listowi powierzać

Na ten czas nic innego, tylko chęci przyjacielskie nasze WM. zalecając, wam bożej łaski i fortunnego przeciw wszystkim nieprzyjaciółom powodzenia winszujemy.⁴

. . . . .

По возвращеніи изъ набѣга на Ягорлыкъ и Тегинь козаци расположились на квартиры въ пограничныхъ селахъ и мѣстечкахъ брацлавскаго поеводства, обременяя жителей всевозможными поборами. Свое право на эти требованія они основывали на той службѣ, какую они будто-бы сослужили Рѣчи-Посполитой разгромомъ турецкихъ крѣпостей. Въ особенности безчинствовалъ козацкій предводитель Янчи, который, по словамъ Папроцкаго, какъ мы знаемъ, былъ яко-бы главнымъ зачинщикомъ набѣга. *2 Турецкое правительство не оставило безъ вниманія дерзкаго раззоренія цѣлой области, принадлежавшей къ владѣніямъ Турціи, съ двумя важными крѣпостями, и потребовало отъ польскаго короля удовлетворенія и наказанія виновныхъ въ нарушеніи международнаго мира Въ это время какъ разъ случилось убійство въ одномъ селеніи

*1 Христофоръ Зборовскій самъ признался, что по его совѣту и просьбѣ Самуилъ Зборовскій принялъ участіе въ дѣйствіяхъ козаковъ противъ турокъ

*2 См. выше, стр. 102. Князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій въ упомянутомъ письмѣ къ Стефану Баторію говоритъ: „Ja przedtem skarzę na Janusza iż gwałtem sobie przywlastwa był pozabierał i szkody niemale poczynił“. См. Acta hist. T. XI etc. str. 403—404.

вдалекѣ отъ Константинополя королевскаго конюшаго Якова Пододовскаго, слѣдовавшаго въ Польшу съ закупленными для Степана Ваторія арабскими лошадьми. *1 Это обстоятельство поставило было польскимъ правительствомъ на счетъ турецкому и умѣло нѣсколько требованія турокъ. Тѣмъ же менѣе, по приказу короля, правительственные отряды посланы были на поимку участвовавшихъ въ набѣгѣ на Ягорлыкъ и Тегинь козаковъ. Почувявъ опасность, козаки пустились бѣжать кievскимъ трактомъ по направлению къ Корсуни и по дорогѣ побросали захваченныя въ турецкихъ крѣпостяхъ пушки, которыми и достались королевскимъ войскамъ. Нѣкоторыя шайки спаслись въ московскіе предѣлы, друи же были разсѣяны или попались въ плѣнъ. *2 Особый коморникъ, по фамиліи Подольскій, былъ командированъ въ Черкасы, чтобы наловить тамъ участвовавшихъ въ набѣгѣ козаковъ. *3 Въ родѣ былъ также арестованъ какой то козацкій начальникъ или стманъ, казненный потомъ по настоянію турокъ. Можно думать, что это былъ никто иной, какъ Янчи Багеръ, Вегеръ или Веголь, бывшій писаремъ козацкаго полка въ 1578 г. Хотя главную роль въ организаціи набѣга на Ягорлыкъ и Тегинь игралъ Самуилъ Збювскій, но несомнѣнно, что и Янчи былъ однимъ изъ видныхъ предводителей: не безъ основанія выставляетъ его на первый планъ Напроцкій, да и въ жалобѣ князи Эбаражскаго королю, онъ не былъ имъ названъ, если бы не занималъ команднаго мѣста въ козацкомъ скопищѣ. Объ этомъ лицѣ Лаврентій Мюллеръ рассказы-

*1 „Dno Jacobo Podlodowszki in Arabiam Cracovia a S. Mte R. misso pro expressis itineris ac in emptum equorum dat. fl. 3000.“ Январь 1583 года. См. *Ж. дз. Т. IX, В. 121.*—Лаврентій Мюллеръ гоноритъ: „Im November (1583) kam dem Könige zu Polen Zeitunge, die sich dann auch also in der That erfolgete, dass die Türcken des Königes Abkondanten unnd Stallmeister den Polydovszky umbracht und alle seine Gefehrten auf Stückken zurhauen biss auf einen kleinen Jungen, der wunderbarlich sich verborgen und darnach darvon kommen.“ См. *Septentrionalische Historien, Amberg 1595, S. 77. Dyar. sejm. r. 1585 etc. str. 9.*

*2 См. *Reinh. Heldensteinli secr. R. Rerum Polon. etc. Fr. ad. Moenun 1672, pag. 213—214.*

*3 „Podolszki cubiculario per magoum dnm thesaurarium curiae Czerkassii cum literis S. Mtis R. captendorum Kozakorum causa proficiscenti, qui incursionem in terras caesaris Turcarum fecerunt arcemque Tehina devastarunt, fl 60.“ Январь 1583 года послѣ 20 октября. См. *Ж. дз. Т. IX, В., 116.*

васть слѣдующее: „Около того же времени ^{*1} прїѣхалъ въ Гродно турецкій посольъ чаушъ Мустафа, а король также тотчасъ собрался и прибылъ туда изъ Вильна. Посольство это должно было принести окончательное извиненіе за убійство польскаго посланника и конюшаго Подлодовскаго. Этотъ послѣдній вышелъ за границы оныхъ полномочій, ибо остановился и присматривался къ полчищамъ, которыя турецкій падишахъ вооружилъ противъ персовъ. ^{*2} За это онъ былъ убитъ турками безъ всякаго приказанія падишаха. Послѣдній, напротивъ, прислалъ убійцъ королю, чтобы король могъ ихъ казнить. Въ виду того, что козаки причинили туркамъ большой вредъ, посольъ требовалъ, чтобы ему дали за это вознагражденіе и чтобы выдали ему козацкаго гетмана (dem Kusackischen Obersten), который содержался подъ стражей въ Гроднѣ, будучи заманонъ туда тѣми же дружески-ласковыми обѣщаніями, какимъ нѣкогда поддался Подкова. ^{*3} Этотъ козацкій гетманъ (Kusacken Oberster) былъ очень храбрый воинъ и причинилъ туркамъ много вреда и его то выдачи требовалъ турецкій посольъ, въ обмѣнъ на двухъ разнузданныхъ и нагихъ негодяевъ, которые и безъ того вредъ ли были бы преданы казни; такъ какъ за козацкаго гетмана просили самые знатные люди и король чувствовалъ, что онъ не въ состояніи имъ отказать, то онъ приказалъ отвезти его на границу Руси ^{*4} подъ тѣмъ предлогомъ, якобы онъ желаетъ уда-

^{*1} Въ ноябрѣ 1583 года. Конецъ 1583 г., начиная съ 14 октября и. ст. Стеф. Ваторіи проводилъ въ Литвѣ, преимущественно въ Гроднѣ.

^{*2} Тоже самое говоритъ и Рейденштейнъ.

^{*3} Князь Янушъ Збаражскій уговорилъ Подкову ѣхать къ королю въ Варшаву; можетъ быть, онъ же уговорилъ теперь Януша поѣхать къ королю въ Гродно, чтобы забавиться отъ побороновъ, которые чинилъ Янушъ въ селеніяхъ, принадлежавшихъ князю.

^{*4} Въ подлинникѣ сказано: „Noss er ihn nach der Reussischen Briesse führen.“ Ни въ одномъ изъ историческихъ нѣмецкихъ словарей не удалось намъ найти объясненія слова „Briesse.“ Одно изъ двухъ: или это искаженное названіе какой-нибудь мѣстности напр. Русскій Брижъ т. е. Ruski Brzeg, Русскій Берегъ (на бѣлорусскомъ нарѣчьи *брыжъ*—берегъ, край); или Лаврентій Мюллеръ такъ пишетъ нѣмецкое слово *Brise*, значащее: воротъ (у рубашки), обшлагъ (у рукава), употребилъ его въ переносномъ смыслѣ для обозначенія *границы Руси*. Подъ Русью Мюллеръ разумѣлъ, конечно, ту часть Рѣчи-Полскопитой, которая въ обыкновенномъ разговорѣ постоянно объединялась подъ названіемъ „Русь.“ т. е. воеводство Русское (г. гор. Львовъ) и Бельзское (г. гор. Бельзъ) и землю Холмоскую. Ближайшимъ къ Гродну пунктомъ границы

шить его съ глазъ турокъ и затѣмъ показать видъ, будто онъ убѣжалъ. Но скоро пришли вѣрныя извѣстія, что онъ былъ обезглавленъ въ угоду туркамъ.“^{*1}

Наша догадка о тождественности личностей обезглавленнаго козацкаго гетмана и Янчи Вегера подтверждается еще и тѣмъ, что съ 1583 г. имя Янчи Вегера исчезаетъ навсегда изъ современныхъ актовъ.

Казнью Янчи турецкое правительство не удовлетвовалось и продолжало настаивать на дальнѣйшемъ наказаніи участниковъ набѣга. Но къ этому пришло не скоро. Янъ Замоискій, озабоченный борьбою съ Зборовскими, не имѣлъ времени заняться расправою надъ козаками. Только когда Самуилъ Зборовскій попался къ его руки и по тайному созволенію короля былъ казненъ 26 мѣс. ст. 1584 г. въ Краковѣ на лобномъ мѣстѣ за стѣной замка, обращенной къ пригороду „Казимиру,“^{*2} тогда лишь Замоискій вслѣдъ за вновь прѣбывавшимъ турецкимъ чаушемъ отправился во Львовъ, гдѣ содержались подъ стражей плѣнные козаки, и предалъ казни въ глазахъ чауша болѣе тридцати козаковъ. Все это были люди низкаго происхожденія, не принадлежавшіе къ шляхетству, и, слѣдовательно, не имѣвшіе права обращаться къ сеймовому суду. Казнью ихъ „варваръ насытился,“ по выраженію Гейденштейна, т. е. турецкій чаушъ, какъ представитель турецкаго правительства, считъ себя удовлетвореннымъ. „Можно думать,“ продолжаетъ Гейденштейнъ, „что не мало также послужило къ смягченію турокъ преданіе казни Самуила Зборовскаго, челоуѣка, пользовавшагося среди нихъ громкою славою. Хотя онъ былъ казненъ по другой причинѣ, но такъ какъ однако шла молва, что онъ наиболѣе возбуждалъ пограничныхъ козаковъ къ подобнаго рода набѣгамъ, то

Русь была южная часть нынѣшняго Влодавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губернии, такъ какъ тамъ по р. Влодавкѣ проходила граница между военодствомъ Брестъ-Литовскимъ и землею Холмскою. См. Jan Karłowicz. Słownik wużytków obcego. a mniej jasnego pochodzenia, używ. w jęz. polskim. Zesz. I. 1894, str. 69 подъ словомъ *Brył*.

^{*1} См. Septentrionalische Historien, Amberg 1595, str. 83—95.

^{*2} Документальную исторію Краковскаго пригорода Казимира написали въ недавнее время Клеменсъ Бонковскій: *Historya miasta Kazimierza pod Krakowem do XVI wieku. Przez D-ra Klemensa Bąkowskiego. W Krak. 1903.*

турки полагали, что его казнь была вызвана именно нарушением международного мира, со стороны же наших это мнение если подтверждалось, то и не отрицалось.* *1

* * *

Обезпокоенный набегом козаков на Ягорлык и Тегин (Вондеры), который чуть было не навлек на Польшу турецких нашествий, Стефанъ Ваторій не ограничился устрашением козакъ казнями надъ ихъ предводителемъ Яичи и надъ тридцатью съ лишнимъ козаками, преданными смерти Замоискимъ во Львовъ и возвратился еще къ тому способу обезвреженія ихъ, который въ 1578 г. рекомендовалъ ему царь перекопскій черезъ Хоромалъ (см. выше, стр. 56 — 57), а именно къ вербовкѣ ихъ на королевскую службу. Какъ разъ въ это время поступила къ королю отъ мѣщанъ города Черкасѣ жалоба на невыносимыя притѣсненія, чинимыя имъ низовыми козаками. Нужно было послать когонибудь изъ коморниковъ для успокоенія на мѣстѣ распри, возникшей между черкасскими мѣщанами и козаками. Исполнителемъ этого порученія избранъ былъ ротмистръ Янъ Оржельскій, которому король приказалъ, чтобы онъ, разсудивъ мѣщанъ и козаковъ, наголову побилъ въ войско Рѣчи-Посполитої 600 отборныхъ козаковъ, которые сражались бы только подъ знаменами Рѣчи-Посполитої. Этимъ путемъ король надѣялся предупредить нападенія козаковъ на мирныхъ татаръ и разбойничьи набѣги на Крымъ. „Оба эти порученія,“ рассказываетъ Янъ Оржельскій въ своихъ мемуарахъ „миѣ удалось выполнить только послѣ огромныхъ затрудненій и хлопотъ, ибо черкасскіе мѣщане, люди на половину дикіе и лишешные всякаго просвѣщенія, съ трудностію поддались убѣжденіямъ о необходимости вознаградить Низовцевъ за причиненныя имъ обиды. Низовцы же съ своей стороны, привыкшіе къ разбоямъ, живущіе безъ правительства и безъ начальника, упорно ставили сомнительную надежду на добычу отъ грабежа выше вѣрнаго жалованья.“ *2 Тѣмъ не менше 600 человекъ козацкой пѣхоты

*1 См. Reinh. Heidensteinii secr. R. Rerum Polonicarum etc. Francofurti ad Mosium 1672, pag. 224—225. — Dyar. sejm. 1595 r. etc. str. 350.

*2 См. Roczniki domu Orzelskich, przez Jana Orzelskiego spisane r. p. 1611. въ книгѣ Zbiór pamiętników do dziejów polskich. Wydał Wł. St. hr. de Broel-Plater.

вступило въ 1583 г. на королевскую службу. Имъ назначено было жалованья по 5 золотыхъ за четверть года и по 5 локтей (=4 лядовскихъ аршина) лондонскаго сукна въ годъ на рядового; жалованье командиру или гетману опредѣлено было въ 100 золотыхъ за годъ. Принятые на службу Низовцы находились въ 1583 г. въ составѣ войскъ, охранявшихъ границу Подолья. *1

Есть указаніе, что этотъ отрядъ продолжалъ службу и въ 1584 г., такъ какъ отъ 18 іюня 1584 г. дошло до насъ сознаніе лудскаго вознаго Франца Вромирскаго, что дѣйствительно въ его присутствіи королевскій коморникъ Старенскій оставилъ на храненіе въ церкви св. Іоанна Богослова въ Лудкомъ замкѣ четыре тюка („четыре белы“) сукна, вѣроятно, предназначеннаго королемъ для роздачи козакамъ въ день св. Николая (6 декабря) 1584 г. по окончаніи ими служебнаго года; каждый тюкъ („бела“) былъ опечатанъ печатами Старенскаго. *2

* * *

Около описываемаго времени каждая дѣлпровскаго козачества къ выгоднымъ въ отношеніи добычи военнымъ предпріятіямъ достигла уже такой стихійной силы, что ея не могла утушить казнь нѣсколькихъ десятковъ второстепенныхъ участниковъ набѣга на Ягорлыкъ и Тегинь. Улыбку недоумѣнія вызываетъ также попытка Стефана Ваторія направить дѣятельность козачества въ иную ото-

---

Том 4. Warsz. 1859, str. 114 Въ этомъ изданіи „Лѣтописи дома Оржеховскихъ“ переведены съ латинской рукописи нѣкимъ S. B. и снабжены предисловіемъ гр. Дзялинскаго.

*1 „Nizowcom. In anno 1583 plechoty 400, k którym p. Orzelaki rotmistrz posłany będąc, postanowił na każdego po zł. 5 na kwartał, starszemu zł. 100. Tymże sukna luńskiego Starzaki dawał każdemu po arszyny 4, które szynią polskich łokci 5. Ale do Moskwy także nie chodzili, przy wojsku Podolskiem byli“—См. Źr. dz. 1881, T. IX, B, str. 294—295.

*2 См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. 1, 1863, стр. 14. *Бела, белма, белма, белка*, значитъ вообще тюкъ, кипа какого нибудь товара. Слово это есть польская передѣлка нѣмецкаго слова *Balle* = узелъ, кипа, тюкъ, — заимствованнаго при торговыхъ сношеніяхъ у нѣмцевъ. *Бела сукна* заключала въ себѣ 20 постановъ, а поставъ имѣлъ обыкновенно 32 локти. Всего такимъ образомъ Старенскій оставилъ въ Лудкѣ 2560 локтей сукна. Такъ какъ каждому козаку выдавалось по 5 локтей, то оказывается, что сложенный въ Лудкѣ запасъ

рону принятіємъ на королевскую службу 500—600 козаковъ и 4,000—5,000 ихъ, собиравшихся въ эту пору „на Низу“ весло. Для прекращенія козацкаго своеволія нужны были нныя мѣры: устройство въ степяхъ нѣсколькихъ линій крѣпостей съ сильнымъ въ нихъ гарнизонами изъ регулярныхъ войскъ, развитіе подъ прикрытіемъ крѣпостей правильной колонизаціи всего степного пространства осѣдлыми жителями, наконецъ, покореніе крымскихъ татаръ, отъ которыхъ казаки заимствовали не только имя, но и всѣ свои грабительскіе навыки. Конечно, для такихъ мѣропріятій не пріспѣло еще время, хотя о нихъ и мечталъ канцлеръ Ян Замойскій, поддерживаемый сочувствіемъ дальновиднѣйшихъ людей своего общества, да они были и не по силамъ польскому государству, лишенному могучей самодержавной власти въ стѣнѣ Петра I или Екатерины II, власти, способной подчинить всѣхъ подданныхъ желѣзной дисциплинѣ и направить ихъ силы туда куда этого требуютъ выгоды всего государства, а не интересы отдѣльных вліятельныхъ лицъ, партій и сословій. Задачу искорененія козацкаго своеволія судьба передала въ руки восточнаго сѣда Польши, царства Московскаго, превратившагося затѣмъ въ Россійскую Имперію, которая и покончила съ нею въ царствованіе Екатерины II уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи въ 1775 г. и присоединеніемъ Крыма къ Россіи въ 1783 г.

Лѣтомъ 1584 г. козачество промышляло обычнымъ порядкомъ какъ будто ни Львовскихъ казней, ни вербовки козацкаго поля въ 600 человекъ вовсе не было. Во вторую половину лѣта состоялся набѣгъ, цѣлью котораго избранъ былъ Очаковъ, по словамъ Яна Сѣнипскаго, „первостепенный у татаръ городъ“ (*primarium oppidum Scytharum*), хотя Мартинъ Броневскій, также посѣщавшій Очаковъ, рассказываетъ, что „въ немъ крѣпость каменная, но *мало хорошио укрѣпленная, городъ—незначителенъ.*“ *1 Очаковъ былъ раз-

сукна могъ удовлетворить 512 человекъ. Цифра эта какъ разъ соответствуетъ определенной Баторіемъ численности козацкаго отряда (см. выше, стр. 80).— См. Z. Gloger. Encyklopedja staropolska ilustrowana. T. I, W. 1900, str. 140.— Горбачевскій, Словарь древняго актовaго языка, Вильно 1874, стр. 88, 270.— I. Karłowicz. Słownik wyrazów obcego, a milej jasnego pochodzenia używ. w języku polskim. Zesz. I, Krak. 1894, str. 26.

*1 См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Oczakow*. — Рус. пер. М. Броневскаго, стр. 337.

абленъ и сожженъ, но кромѣ того въ степяхъ козаки захватили угнали въ пограничныя мѣстности Подолья и Волиня многосленныя стада татарскаго скота. На козацкій набѣгъ татары вѣтили вторженіемъ въ предѣлы Подолья. Много мѣстностей было разорено, многіе жители попались въ татарскій плѣнъ, наконецъ, барскій староста Николай Творовскій-Вучацкій *¹ разомиль татаръ и прекратилъ ихъ дальнѣйшія насилія. На коронномъ вальномъ сеймѣ, засѣдавшемъ въ Варшавѣ съ 17 января по 1 февраля нов. ст. 1585 г., очень волновались изъ-за козацкаго бѣга на Очаковъ, опасаясь, какъ бы онъ съ наступленіемъ весны послужилъ Турціи поводомъ для объявленія войны Польшѣ. *² „*o dalej, to bardziej irritatur animus tego smoka*“ т. е. „чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе раздражается духъ этого дракона (змѣя)“, говорилъ 1 января коронный канцлеръ Янъ Замойскій о Турціи, „а всему причиною эти своевольные, неукротимые люди, которые, не уважая верховной власти Его Королевскаго Величества и не оглядымься на грозящія коронѣ опасности, опять сожгли злополучный Очаковъ.“ *³ Для успокоенія возникшей между татарами и козаками распри посланъ былъ весною 1585 года королевскій гонецъ (praescursor) Георгій Глембоцкій. Онъ долженъ былъ разыскать на Волини и Подольи покинутыя козаками татарскія стада и отогнать ихъ обратно въ Орду на распоряженіе царя переконскаго. *⁴ Миссія Глембоцкаго кончилась для него очень несчастливо: онъ былъ до смерти замученъ непокорными козаками и тѣло его было

*¹ Издатель дневниковъ сейма 1585 года Александръ Чучицскій на стр. 465 и 472 книги почему-то называетъ барскимъ старостой Бернарда Претича, но специалисты по исторіи Барскаго староства Грушевскій и Михаилъ Розке считаютъ, что въ 1585 г. старостой барскимъ былъ еще Николай Творовскій и оставался имъ до 1588 г. См. Барское староство, историческіе очерки, Киевъ 1894, стр. 107—108; *Z przeszłości. Okręg Rowski, starostwo Barskie do r. 1774, Lwów 1896, str. 133—141.*

*² См. Dyar. sejm. 1585 г. etc. str. 8, 9, 29, 282, 321.

*³ См. *ibid.* str. 9.

*⁴ „*Expeditio Georgii Glembocki, praecursoris in Ordam a S. R. Mte missa in Podoliam et Wolhiniam causa investigandorum gregium per milites Kozakos ex campis caesaris Praescopscensis abactorum indeque cum eisdom gregibus recuperatis ad caesarem Praescopscensem eunti pro expensis itineris dati fl. 300.*“ *Źr. dz. t. IX, B, str. 243.*

выброшено въ воду, вѣроятно, гдѣ-то на Днѣпрѣ. Непосредственныхъ участниковъ убійства было одиннадцать человекъ. Какъ видно, большинство промышлявшихъ въ это время на Низу козаковъ не одобрило поступка своихъ одиннадцати товарищей. По крайней мѣрѣ мы видимъ фактъ, что тогдашній предводитель или гетманъ князь Михаилъ Ивановичъ Ружинскій „и съ иными козаками, товарищами своими запорожскими“, — арестовали виновныхъ въ убійствѣ Глембоцкаго, заковали ихъ въ цѣпи и подъ конвоемъ, которымъ начальствовали козаки Алексѣй Орель *1 и Войтъхъ Мясопустъ, ** доставили въ Кіевъ на распоряженіе тамошняго представителя правительственной власти кіевского наместника князя Матвѣя Войничя Воронежскаго. Это случилось 12 ноября нов. ст. 1585 года. Доставленные въ Кіевъ, козаки помѣщены были не въ замковой темницѣ на гор. Кисилевкѣ, занятой нынѣ кладбищемъ Флоровскаго монастыря, а въ городской—на Подолѣ при ратушѣ. „Войтъ, бурмистръ и радцы съ присяжники, и все посполство“ города Кіева записали въ Житомирскія городскія книги жалобу на князя Воронежскаго, будто онъ, не желая держать арестантовъ у себя въ замкѣ, *насилъно заставилъ* магистратъ помѣстить ихъ въ городской темницѣ, чѣмъ нарушилъ привилегіи, обезпоченныя за кіевскими мѣщанами пожалованнымъ имъ королями магдебургскимъ правомъ. Въ такомъ смыслѣ подали кіевскіе мѣщане жалобу на князя Воронежскаго и самому королю Стефану Баторію. Коморникъ Лозовинскій или Лозовицкій посланъ былъ произвести разслѣдованіе. И устно присланному коморнику, и письменно въ особомъ донесеніи королю отъ 14 февраля н. ст. 1586 г. князь Воронежскій объяснялъ, что арестованные козаки помѣщены были имъ въ городскую тюрьму не самоуправно, а по соглашенію съ мѣщанскими властями, собственно ради того, что

---

*1 Козакъ Алексѣй Орель былъ родомъ изъ Кричова на р. Сожѣ, нынѣ Черниговскаго у. Могилевской губ. Онъ служилъ въ козацкомъ полку, ходившемъ въ Московскій походъ 1580 г., и записанъ въ составленный 30 марта 1581 г. реестръ козаковъ этого полка, какъ атаманъ 18-го десятка или ряда: Orel Olexa z Kriczowa. См. *Žg. dz. t. XX, 1894, str. 158.*

** Въ одномъ десяткѣ съ Алексѣемъ Орломъ записанъ козакъ: Wojciech Biels. powletu. Не онъ-ли назывался и Мясопустомъ? Судя по имени, это былъ католикъ.

городская тюрьма крѣпче устроена и что оттуда бѣгство для заключенныхъ козаковъ затруднительнѣе. Слѣдуетъ предполагать, что кievскіе мѣщане нарочно выдумали, будто они приняли козаковъ въ свою темницу по принужденію князя Воронежскаго, такъ какъ боялись мести со стороны низовыхъ козаковъ; они сами сознаются: „а мы дей отъ таковыхъ овольныхъ людей козаковъ и сами въ домохъ нашихъ, яко на Украинѣ, во всемъ месте Киевскомъ о здоровю своемъ не безпечны.“ Когда и какая кара постигла убійцъ Глембоцкаго, извѣстные намъ источники не сообщаютъ. *1

* * *

Мы видѣли, что въ 1585 г. однимъ скопищемъ козаковъ предводительствовалъ гетманъ князь Михайлъ Ивановичъ Ружинскій, владѣлецъ имѣній Ружингъ, Твориничи, Яловичи и Воршинъ въ Луцкомъ повѣтѣ. *2 Но въ то же время былъ среди козаковъ и другой вождь или гетманъ—знакомый намъ Янъ Орышовскій. Объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующій эпизодъ, передаваемый С. М. Соловьевымъ въ VII томѣ „Исторіи Россіи“ на основаніи „Крымскихъ дѣлъ“ въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. „Большую услугу также оказывали Москвѣ,“ говоритъ Соловьевъ, „Запорожскіе козаки, которые не давали покоя туркамъ и татарамъ, раздражали султана и хана противъ Литвы, отвлекали вниманіе ихъ отъ Москвы. Козаки то приходили войной на Крымскіе улусы, то присылали къ хану съ предложеніемъ, своей службы, и потомъ опять нападали на Крымъ. Такъ, въ 1585 году, козаки съ атаманомъ своимъ Яномъ Ярышевскимъ (читай: Орышовскимъ), два раза приходили на Крымскіе улусы, отогнали лошадей и всякаго скота больше 10.000, и людей множили съ палень влман. А потомъ отъ этого же Ярышевскаго (Орышовскаго) и отъ всѣхъ атамановъ пріѣхали къ хану четыре козака и говорили ему: „Прислали насъ атаманъ Днѣпропскіе, чтобы ты, государь, ихъ пожаловалъ, съ ними помирился, и

*1 См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. 1, 1863, стр. 15—18, док. № VII; Źródła do dziejów polskich, wydawane przez Michała Grabowskiego i Alexandra Prądzieckiego. T. I, Wilno 1843, str. 66—67.

*2 См. Józef Wolff. Książowie litewsko-ruscy. Warsz. 1895, s. 415.

давалъ имъ свое жалованье; атаманы же и всѣ Черкасы тебѣ хотятъ служить: куда ихъ пошлешь на своего недруга, кромѣ литовскаго короля, и они готовы.⁴ Ханъ отвѣчалъ: „Я атамановъ и всѣхъ Черкасъ радъ жаловать, и какъ они будутъ мнѣ надобны, то я имъ тогда свое жалованье пришлю, и они бѣ были готовы.“ Но вмѣсто службы хану, козаки взяли Очаковъ. . . .⁵¹

Въ 1586 году запороженскими вождами или гетманами выступаютъ Богданъ Микошинскій⁵² и тотъ же Янъ Орышовскій. Отъ перваго изъ нихъ дошло до насъ письмо его къ двумъ товарищамъ Каспару Подвысоцкому⁵³ и Юрію Владыкѣ отъ 22 мая стараго стила 1586 г. съ острова Таволжанскаго. Въ латинской транскрипціи съ плохо сохранившагося рукописнаго западно-русскаго оригинала оно напечатано извѣстнымъ княземъ Ѳаддеемъ Любомирскимъ въ изданіи „Listy Stanisława Żółkiewskiego“ (w Krakowie, 1868) на стр. 34. Приводимъ его здѣсь въ переложеніи на современнѣйшій языкъ.

„Господинъ Касперъ и господинъ Юрій! Сообщаю вамъ, что случилось у насъ новаго послѣ отъѣзда вашего отсюда. Прискакала стража съ Низу отъ Таванц и городковъ,⁵⁴ посланная Криштофомъ,⁵⁵ и дала знать, что царь перекопскій пришелъ туда со всею своею силою и хотѣлъ переправляться (черезъ Днѣпръ) того же дни, во вторникъ, но видя, что вода очень высока и что переправа будетъ чрезвычайно затруднительною, раздумалъ перепра-

⁵¹ См. Исторію Россіи, т. VII, по 1-му изданію М. 1857, стр. 343.

⁵² Этотъ самый Богданъ Микошинскій былъ гетманомъ у козаковъ лѣтомъ 1594 г., когда Эрихъ Ляссота посѣтилъ Базавлуцкую Сѣчь. См. Мемуары, относящіяся къ исторіи Южной Руси, Вып. I, К. 1890, переводъ дневника Эриха Ляссоты, стр. 166, 167, 182.

⁵³ Каспаръ Подвысоцкій принималъ дѣятельное участіе черезъ десять лѣтъ въ событіяхъ 1596 г.

⁵⁴ Таванц—островъ на Днѣпрѣ, у котораго татары любилъ переправляться, предпринимая набѣги въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Противъ этого острова расположенъ теперь г. Бериславль. См. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, ч. II, Спб. 1888, стр. 131—132. „Городки“—татарскія крѣпостцы на лѣвомъ берегу Днѣпра въ окрестностяхъ Таванци.

⁵⁵ Криштофъ—, вѣроятно, Криштофъ Косинскій, козацкій гетманъ въ 1593 году.

взяться и пошелъ къ намъ, къ Таволжанскому острову. *1 И вотъ когда сегодняшняго дня, въ субботу, *2 прибылъ царь къ Таволжанскому острову и началъ переправляться, то тутъ съ помощью Божіею мы татаръ громели на водѣ и по милости Божіей не мало мы ихъ побили. Только тѣхъ, которые выплывали къ намъ на берегъ, мы побили и поранили, я думаю, не менѣе трехъ тысячъ... Мы захватили у берега много челновъ, сѣделъ и сѣстныхъ припасовъ... Мы послали бы къ вамъ „свѣжаго языка“ (т. е. плѣнника, который могъ бы сообщить новыя свѣдѣнія о происходящемъ), да не случилось захватить въ плѣнъ живого татарина, хотя многіе изъ нихъ были поколоты рогатинами... Мы спрашивали раненыхъ, почему царь такъ поспѣшно вышелъ изъ Перекопа, переночевавъ тамъ только одну ночь. Они отвѣчали намъ, что падишахъ турецкій грозилъ прислать другого царя на царство, если бы царь перекопскій не захотѣлъ немедленно, сію же минуту, пойти войною, — и не въ иное мѣсто, а именно въ нашу землю, въ молдавскую и валашскую. Послѣ погрома царь двинулся далѣе вверхъ (по Днѣпру), а мы за нимъ. Тутъ мы укрѣпились... Дай Богъ, чтобы и впредь такъ отбивать татаръ отъ каждой переправы... Мы сами работали днемъ и ночью, чтобы язычники какъ нибудь не настigli васъ въ полѣ. На Украинѣ говорите ихъ милостямъ господамъ старостамъ, чтобы они не считали себя безопасными. Затѣмъ пошли вамъ Богъ счастливую дорогу. На Таволжанскомъ островѣ мая 22 дня 1586 года. Вамъ благожелательный Богданъ Микошинскій, гетманъ войска запорожскаго. Письмо это должно быть вручено нашимъ товарищамъ г. Касперу Подвысоцкому и г. Юрію Владыкѣ.*

Въ 1586 году Орышовскій появляется въ источникахъ по совершенно частному поводу. Князь Матвѣй Воиничъ Вороноцкій, наместникъ воеводы кievскаго, по письменному приказанію своего

---

*1 О мѣстоположеніи Таволжанскаго острова см. Эваринскаго Запорожье и пр. ч. I, стр. 188—189. Эрихъ Лиссота писалъ: „Здѣсь въ настоящее время находится самая обычная и извѣстная изъ татарскихъ переправъ, простирающаяся за островъ *Таволжанскій*, такъ какъ Днѣпръ течетъ здѣсь однимъ только русломъ и не слишкомъ широко.“ Мемуары и пр. переводъ дневника Эриха Лиссоты, стр. 165.

*2 Письмо писано, какъ видно, въ два дня, потому-что суббота въ 1586 году приходилась 21 мая стараго стиля.

воеводы, князя Константина Острожскаго, основалъ на старомъ городѣ около Софійскаго собора, между валами, слободу съ дарованіемъ слобожанамъ всякихъ вольностей на 24 года. Вновь поселившіеся слобожане начали торговать безошлинно крѣпкими напитками и составляли этимъ такую конкуренцію Кіево-подольскимъ мѣщанамъ, что послѣдніе сочли невыгоднымъ для себя содержать шинки, за которые они платили аренду кіевскому воеводѣ, и съ 8 (18) сентября 1586 года закрыли въ нихъ торговлю. Князь Воронежскій, не желая лишаться аренды отъ Кіево-подольскихъ мѣщанъ, составившей около 2.000 злотыхъ, отправился въ слободу и запретилъ жителямъ ея содержать шинки, да кромѣ того обложилъ ихъ ежегоднымъ налогомъ по 4 копы съ cadaго хозяина. Слобожане отказывались платить, говоря: „таковая слобода нигдѣ на свѣтѣ не слыхана, абы на початку мяно аренду давати.“ Продажу напитковъ они прекратили. Между тѣмъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1586 года князь Воронежскій выѣхалъ на время изъ Кіева. Тогда его жена Анастасія, урожденная Гулевичъ, послала своихъ слугъ прозвѣсти нападеніе на Кіево-софійскую слободу, и они ограбили слобожанъ и многихъ изъ нихъ захватили и посадили въ тюрьму. Слобожане не могли найти защиты у мѣстныхъ властей (напр. у вознаго). Вотъ тутъ-то они обратились къ слугѣ Его Королевской милости *пану Орышовскому, гетману запорожскому*. Орышовскій выслушалъ ихъ и, какъ говорили потомъ слобожане, „яко-жъ деи его милость панъ гетманъ обѣщался устне передъ его королевскою милостью признати тое наше оповедане.“ *1 Вѣроятно, онъ не успѣлъ довести до свѣдѣнія своего государя жалобы Кіево-софійскихъ слобожанъ, потому-что въ половинѣ ноября нанесена была имъ обида, а 2/12 декабря скончался въ Гроднѣ Стефанъ Баторій.

Стефанъ Баторій умеръ. Кончина его прервала цѣль тѣхъ фактовъ, которые составляютъ содержаніе исторіи Днѣпровскаго козачества за его время.

Что же мы видѣли?

*1 См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1, Кіевъ 1886, стр. 253—256, док. № 85.

Козаки при Стефанѣ Ваторіи продолжали быть тѣмъ же, тѣмъ они были при его предшественникахъ на польско-литовскомъ тропѣ. Это были степные промышленники и разбойники, слетавшіеся на кѣто со всѣхъ концовъ Рѣчи-Посполитой и даже изъ сосѣднихъ странъ въ дѣвственные степи, отдѣлявшія татарскія кочевья отъ пограничныхъ крѣпостей польско-литовскаго государства. Ни религія, ни народность, ни принадлежность къ тому или другому сословію—не имѣли среди козаковъ никакого значенія. Всѣхъ объединяла одна цѣль—добыча. Христіане, конечно, преобладали въ козацкихъ рядахъ, но и татаръ было тамъ не мало, а татарскіе нравы и обычаи оказывали на козацкія скопища такое вліяніе, что иногда казалось, будто всѣ козаки—„татарской вѣры.“ Съ каждымъ годомъ численность козацкихъ купъ увеличивалась и дѣятельность ихъ принимала все болѣе военный характеръ. Охота, рыбная ловля, пчеловодство—отходили на второй планъ, а главнымъ занятіемъ становилась война въ видѣ походовъ въ Молдавію съ претендентами на тамошній столъ, нападеній на татарскія и турецкія поселенія и пастбища, и участія въ ополченіяхъ пограничныхъ старость во время войнъ съ Москвою или отпора татарскимъ набѣгамъ. При этихъ условіяхъ вырабатывались среди козаковъ вожди, которые и руководили козацкими предпріятіями подъ именемъ гетмановъ или старшихъ. Они или смѣняли другъ друга, или дѣйствовали одновременно, если козацкія скопища распределялись на нѣсколько предпріятій. Явилась и своего рода козацкая столица въ видѣ деревяннаго укрѣпленія (сѣчи) на одномъ изъ днѣпровскихъ острововъ, гдѣ часть козаковъ оставалась на зиму для охраны общекозацкаго имущества, какъ-то: лодокъ, пушекъ и пр. Отсюда, какъ изъ центра, давалось направленіе козацкимъ предпріятіямъ. Желая поддерживать миръ съ падишахомъ турецкимъ и съ царемъ перекопскимъ, Стефанъ Ваторіи негодовалъ на козаковъ за то, что они постоянно создавали поводы къ недоразумѣніямъ между Рѣчью-Посполитой и этими ея опасными юго-восточными сосѣдями. Онъ надѣялся сдержать козаковъ страхомъ передъ казнями, которымъ хотѣлъ подвергать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніи международнаго мира, и въ виду этого выхлопоталъ для себя въ 1578 г. отъ сейма дискреціонное право карать и казнить тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ изобличены въ набѣгахъ и грабежахъ; но такое

полномочіе было непріятно пограничнымъ старостамъ, получавшимъ отъ козаковъ значительные доходы, равно и шляхтичамъ, охотно становившимся въ козацкіе ряды; началась агитація объ отнятіи у короля дискреціонной власти и сеймъ 1582 г. окончательно отмѣнилъ постановленіе сейма 1578 г. Козацкому своеволію открылся послѣ этого полный просторъ. По совѣту царя перекопскаго, Стефанъ Ваторій пробовалъ въ 1578 и 1583 гг. нанимать козаковъ на королевскую службу. Чтобы нанять всѣхъ, для этого не могло хватить средствъ ни въ скудной казнѣ Рѣчи-Посполитой, ни въ собственной шкатулкѣ короля, а вербовка 500—600 человекъ изъ 5.000—6.000 промышлявшихъ на Пизу козаковъ — ни къ чему не вела, потому-что не попавшіе на жалованье козаки продолжали промышлять по прежнему, грабили татаръ и турокъ, и знать не хотѣли королевскаго гнѣва. Стефанъ Ваторій и Янъ Замоѣскій отлично понимали, что нужно сдѣлать для укрощенія козацкаго своеволія, но они видѣли, что по условіямъ ихъ времени и при механизмѣ польско-литовскаго государственнаго управленія они безсильны предпринять что либо серьезное. Въ послѣдніе годы своего королевствованія Стефанъ Ваторій смотрѣлъ уже безнадежно на козацкіи вопросъ и предугадывалъ, что военная сила, организовавшаяся на самой границѣ Рѣчи-Посполитой, но ей не подчиненная, скоро превратится въ сословіе, совершенно аналогичное шляхтѣ,—сословіе, которое пожелаетъ раздѣлить со шляхтою ея роль въ управленіи Рѣчью-Посполитою, а получивъ съ ея стороны грубый отпоръ, устроить свою новую Рѣчь-Посполитую, старую же приведетъ къ гибели. Съ возникновеніемъ при Богданѣ Хмельницкомъ подъ протекторатомъ Москвы козацкой гетманщины сначала „обѣихъ сторонъ Днѣпра,“ а затѣмъ только лѣвобережной, гдѣ вышнюю шляхту смѣнила козацкая старшина, а мелкую, отличную—рядовое козацество, гдѣ козацкая рада стала собираться вмѣсто вальнаго сейма, гдѣ ясновельможный гетманъ занялъ мѣсто польскаго электа (выборнаго короля), а генеральный писарь—короннаго канцлера, гдѣ полковники, полковые писаря, судьи, обозные, ссаулы, хорунжіе, сотники, городовые атаманы и прочіе старшины замѣнили собою воеводъ, каптеляповъ, земскихъ судей, хорунжихъ, старостъ и иныхъ старшихъ земскихъ чиновъ, но гдѣ всѣ основныя черты общественнаго строя, въ томъ числѣ и положеніе

восполнитыхъ людей (крестьянъ), остались прежними, — предчувствія Стефана Баторія облылись въ полной мѣрѣ. . . . *1

Такимъ образомъ исторія козачества въ эпоху Стефана Баторія — теперь, при свѣтѣ современныхъ ей актовъ, писемъ и мемуаровъ, представляется въ совершенно ясныхъ и опредѣленныхъ очертаніяхъ. Въ виду этого очень любопытно прослѣдить, какъ она въ теченіе вѣковъ искажалась въ сочиненіяхъ польскихъ историковъ и поэтовъ, и въ хроникахъ малороссійскихъ бытописателей. Искаженія эти очень просто объясняются тѣмъ, что старыя историческіе писатели совсѣмъ не знали еще, что такое историческая критика, и обыкновенно не обращались къ первоисточникамъ, а довольствовались или повтореніемъ вычитаннаго изъ книгъ, или устной передачей извѣстныхъ фактовъ, преданіе же о проемахъ Баторія въ козацкой средѣ очень скоро искажилось въ виду того, что козачество свое стремленіе создать новую Рѣчь-Посполитую и занять въ ней мѣсто шляхты — хотѣло подкрѣпить ссылкою на

---

*1 Сознаніе того, что зарожденіе при Богданѣ Хмельницкомъ полу-независимой малороссійской гетманщины явилось исполненіемъ предчувствій Стефана Баторія, не было чуждо умамъ современниковъ и очевидцевъ этого событія. Самуилъ Твардовскій, описавши условія такъ называемаго Гидицкаго договора (7/18 сентября 1658 г.), продолжаетъ:

Dożył że się o to

Nie kłaniali nikomu, ani też przez złoto
I fawory dworowe żadne dokupili,
Ale męstwem i szablą tego się dobili,
Сzym teraz zostawają. Mnieysza to, że chłopci,
Bo tacy Macedoni, i grubi Dolopi
Kiedyś byli; tak z pastuch Rzymianie powstali;
Tak Turcy z rozbojników głowę pokazali
Na świat wżxytek. I naszy przed nami przodkowie
Nie wprzod szlachta, aż przez krew i ważne zdrowie
Także to zarobili. W czym nie próżna oka
Żartem praktykowana wrotka Stefanowa,
Że kiedyś z tych lotrzyków Rzecz bydsz Pospolita
Miała wolna. Jużte ient: i tak znamienita
I dobrze sporządzona. Żeby lednak trwała,
Patrząc zwłaszcza po czerni, iako ient zuchwała,
Temu tuszyć nie mogą.

См. Война Домова з Козаки і Татари, Москва, потымъ Сzwedami і з Węgry. Calissil A. D. 1631. Стр. 264—265. Курсивъ нашъ.

авторитетъ Стефана Ваторія, который яко-бы заложилъ ее первыя основанія. Изъ козацкой среды искаженное преданіе перешло и въ польское общество, и въ сочиненія польскихъ авторовъ. *1

* * *

Ложное изображеніе исторіи Днѣпровскаго козачества въ эпоху Стефана Ваторія впервые встрѣчается въ сочиненіи Павла Пясецкаго „*Chronica gestorum in Europa singularium a Paulo Piasecio episcopo Praemisliensi accurate ac fideliter conscripta ad utilitatem publicam divulgata et typis expressa. Cracoviae in Officina typographica Francisci Caserij A. D. 1645,*“ съ котораго мы и начнемъ обзоръ этихъ искаженій.

Павелъ Пясецкій родился какъ разъ въ ту пору, когда Стефанъ Ваторій торжествовалъ по случаю взятія Полоцка, а именно 17 октября нов. ст. 1579 г. Родной его была нынѣшняя Кѣлецкая губернія. Онъ увидѣлъ свѣтъ въ с. Вадулѣ Кѣлецкаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ пожизненнымъ солтысомъ. Образование свое Павелъ Пясецкій получилъ въ Прагѣ (1596—98) и Римѣ (1598—1601). Въ 1601 г. онъ возвратился на родину и въ 1603 г. получилъ должность каноника въ г. Познань. Съ этихъ поръ онъ началъ принимать участіе въ политической жизни своего отечества. Позднѣе онъ былъ послѣдовательно бискупомъ каменецкимъ (1627—1640), холмскимъ (1640—1644) и перемышльскимъ (1644—1649). Скончался Павелъ Пясецкій 1 августа нов. ст. 1649 г. въ Могильскомъ монастырѣ близъ Кракова. Хроника Пясецкаго начинается описаніемъ королевствованія Стефана Ваторія и оканчивается 1645 годомъ, въ которомъ вышло въ свѣтъ первое ея изданіе. *2 Вотъ что читаемъ въ ней объ отношеніи Ваторія къ Днѣпровскому козачеству:

*1 См. Козакузна а Legitymizm. Dwie legendy polityczno-historyczne Ukrainy: batoryjska i baturyjska. Статья Александра Яблоновскаго въ журналѣ *Ateneum*, 1888, *Storpien*, str. 246—270.

*2 См. Статей о Пясецкомъ Шелонговскаго въ журналѣ „*Przewodnik naukowy i literacki*“ за 1888 г. №№ 7—12 и нашу замѣтку въ журн. *Кіевская Старина*, 1899, т. 65, отд. II, стр. 39—40.

„Nec minus providit confinium illorum securitati Rex Stephanus, militia Cosacorum melioribus legibus sociata: Ista enim eousque in incerto consiliorum fluctuans, et nullis legibus, nulla disciplina militari cohaerens, magis latrocinii, vel alicuius tumultuariae manus speciem praeferebat. Et praemonemus, ne quis erret in nomine Cosacorum, ut plurimi rerum ignari putant esse gentem propriis Terrarum terminis, et proprio Reipub. vel Tetrarchiae statu consistentem; sed non sunt, nisi species una ex genere militiarum Polonicarum, nempe militia celerum seu velitum, vel levis armaturae. Quod satis exprimit Ethymon nominis *Kozacy* dictum à *Kozá* in Polonico idiomate, in Latino sonante *Capra*, quasi qui aequant vel assimilent capram agilitate et curiositate penetrandi inaccessa. Ac quicumque per Poloniam vel apud Regem, vel apud Principes ac nobiles privatos, aut etiam in exercitu stipendia levioris armaturae merentur, nonnisi *Kozacy* nominantur, iisque arma, arcus, et pharetra, acinax, et nunc etiam bombardis et loricis ferreis utuntur.

Omnes autem sunt Poloni, seu ex Provinciis Poloniae oriundi, et illi qui iam societatem Cosacam Zaporovianam repraesentant, maximè ex Provinciis Poloniae Russicis vicinioribus Chersonesso Tauricae prodeunt, potissimumque primo vere familiis, uxoribusque domi quisque suae, donec pro hybernis ad eas redierint relictis, ad Insulas Boristhenis conveniunt.

Hanc itaque militiam Stephanus Rex ordinationem habere desiderans, attribuit illi Castrum Techtimirow cum suo Territorio, situm ad ripas Boristhenis infra Kijoviam viginti milliariis Germanicis, ubi consiliorum et Magistratus militaris sedem, ac armamentarium, receptaculumque bellicorum apparatus habeat; cum ante nullo certo Magistratu, nulla firma sede constaret, sed eius milites tumultuarie collecti singulatim, iterumque pro hybernis per Poloniam dilapsi ad propria, nullam stabilitatem societati suae providebant. Nunc unum ducem, quem Rex Poloniae illis praeficit habent, Praefectos verò alios militares ipsi sibi deligunt, et tam Dux quàm Praefecti sive Ductores Ordinum Techtimirii resident, praediumque militare circum se sufficiens retinent. Imò et ad custodiam Insularum Zaporohi, non minus quam bis mille viros selectiores relinquunt, reliquo vulgo per Provincias Poloniae ad domos proprias hybernatum remeante. Iterum tamen facilè conveniunt

vocati, legitimum Magistratum et perfectioris iam societatis leges studiosius observantes.“⁴¹

Въ разсказѣ Пясецкаго очень интересно наблюдать смѣшеніе дѣйствительности съ вымысломъ. Пясецкій вождь за современниками Стефана Баторія Рейнгольдомъ Гейденштейномъ и Иоакимомъ Вѣльскимъ правильно изображаетъ козаковъ, какъ людей, которые съ наступленіемъ весны (*primo vere*) оставляютъ на роднѣхъ женъ и дѣтей, и отправляются промыслять на днѣпровскіе острова (*ad insulas Boristhenis*) съ тѣмъ, чтобы провести тамъ цѣлое лѣто и только на зиму возвратиться по домамъ (*ad domos proprias hibernatum*).

Правильно Пясецкій отмѣчаетъ, что нѣкоторые козаки оставались на зиму въ Сѣчи за порогами для охраны общекозацкаго имущества.

Точно также правильно напоминаетъ Пясецкій (*praemonemus*), что козаки не составляли особаго народа, живущаго въ определенныхъ границахъ, а являлись только выходцами изъ различныхъ провинцій польско-литовскаго государства, въ особенности изъ ближайшихъ къ степямъ русскихъ (т. е. населенныхъ русскими) провинцій (*ex provinciis Poloniae Russicis*).

Не ошибается Пясецкій и въ томъ, что какъ въ его время, такъ и ранѣе, король, князья и магнаты содержали военные отряды, вооруженные и снаряженные по козацки, которые и назывались козацкими хоругвями.

Но далѣе начинается вымыселъ.

Пясецкій не знаетъ уже того, что зналъ Длугошъ, когда писалъ: „*frequens Tartarorum exercitus ex fugitivis, praedonibus et exilibus, quos sua lingua Kozakos appellant, collectus,*“ а придумываетъ нелѣпную этимологию: „*Ethymon nominis Kosacy dictum a Kosa in Polonico idiomate, in Latino sonante Capra, quasi qui aequant vel assimilent capram agilitate et curiositate penetrandi inaccessa*“.

Ранѣе мы выяснили, что по совѣту царя пореконскаго Стефанъ Баторіи въ 1578 и 1583 гг. дважды нанималъ по 500 съ лишнимъ человекъ днѣпровскихъ козаковъ на королевскую службу

⁴¹ См. издавія 1645 г. стр. 52—56.

къ цѣлю остаться козачествомъ отъ походовъ въ Молдавію и отъ набѣговъ на татарскія и турецкія владѣнія, но что эта цѣль осталась недосягнутою, такъ какъ остальное козачество, представлявшее массу въ десять разъ большую, чѣмъ нанимаемые отряды, продолжало промыслять по прежнему. Въ этихъ отрядахъ или полкахъ существовала правильная военная іерархія и былъ введенъ венгерскій воинскій строй. Въ 1578 г. въ нанятый полкъ гетманомъ или старшимъ опредѣленъ былъ черкасскій староста князь Михайлъ Александровичъ Вишневецкій, помощникомъ его — Енъ Орышовскій, писаремъ — Янчи Бегеръ; личный составъ начальства полка, нанятаго въ 1583 г., по именамъ намъ неизвѣстенъ. Атамановъ, командовавшихъ десятками или рядами, выбирали, вѣроятно, сами казаки. Что касается главной массы козачества, то она имѣла, когда этого требовали обстоятельства, свободно избираемыхъ вождей или гетмановъ, которые, какъ мы говорили уже выше, или смѣняли другъ друга, или дѣйствовали одновременно, если козацкія скопища распределялись на вѣсколько предпріятій. Подъ вліяніемъ сложившейся уже къ его времени козацкой легенды о временахъ Ваторія Павель Пясецкій допускаетъ ту ошибку, что воображаетъ, будто Стефанъ Ваторій всему днѣпровскому козачеству далъ то чиновначаліе и тотъ воинскій уставъ (*perfectioris societatis leges*), которые на самомъ дѣлѣ введены были только въ козацкихъ полкахъ, состоявшихъ на королевской службѣ въ 1578—1581 и въ 1583—1584 гг.

Относительно Трахтемирова мы знаемъ, что это былъ городокъ или замочекъ, построенный при Стефанѣ Ваторіи на стародавнемъ селищѣ ⁴¹ и предназначенный королемъ для устройства въ немъ госпиталя, гдѣ могли бы находить пріютъ раненые и больные казаки изъ числа находившихся на королевской службѣ; забота о раненыхъ была свойственна, какъ мы указывали выше (стр. 74—75), — Стефану Ваторію.

Исходя изъ этого факта, передаваемая Пясецкимъ легенда рисуетъ цѣлую фантастическую картину, въ которой Трахтемировъ является пышной козацкой столицей, гдѣ пребываетъ козацкое правительство (*tam Dux quam Praefecti sive Ductores Ordinum*

⁴¹ См. Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1, К. 1888, стр. 98—99.

Teschimirii resident), гдѣ собираются козацкія рады, гдѣ помѣщаются — арсеналь и складочный магазинъ всякихъ военныхъ вещей.

Такимъ образомъ зрѣли въ умахъ сѣмена понятій, изъ которыхъ при Богданѣ Хмельницкомъ выросла козацкая Рѣчь-Посполитая.

* * *

Самуилъ Грондскій — писатель XVII вѣка, хотя онъ сдѣлался извѣстенъ только въ 1789 году, когда пештскій профессоръ Карлъ Коппи напечаталъ сочиненіе его „Historia belli cosacco-polonici,“ законченное еще въ 1676 году, но остававшееся до того въ рукописи. Грондскій, по изслѣдованію Коппи, происходилъ изъ зажиточнаго шляхетскаго дома, исповѣдывавшаго реформатскую религію. Годъ рожденія его даже приблизительно не можетъ быть опредѣленъ. По окончаніи образованія онъ служилъ нѣкоторое время при королевскомъ дворѣ, а затѣмъ въ военной службѣ. Получивъ по смерти отца богатое наслѣдство, онъ женился и поселился дома. Гдѣ находилось имѣніе Грондскаго, съ точностью нельзя указать; можно догадываться только, что — въ окрестностяхъ : *Преворска*, гдѣ его встрѣтилъ въ октябрѣ 1655 г. Любовицкій и уговорилъ ѣхать вмѣстѣ на переговоры къ Хмельницкому; *¹ нѣсколько подтверждается эта догадка и той подробностью, что во время нашествія на Галицію Ракочія въ началѣ 1657 года семейство Грондскаго укрылось отъ превратностей войны въ недалекомъ отъ Преворска Львовѣ. По возвращеніи отъ Хмельницкаго Грондскій подобно бывшему подканцлеру Радзѣевскому и многимъ другимъ полякамъ, особенно изъ диссидентовъ, — измѣнилъ Яну-Казимиру и перешелъ на сторону шведскаго короля Карла-Густава ** Отъ послѣдняго онъ вторично ѣздилъ посломъ къ Хмельницкому весной 1656 года. Боясь наказанія за свою измѣну, Грондскій не возвратился отъ Хмельницкаго прямо на родину, а отправился въ Седмиградье или Трансильванію къ тамошнему князю Юрію II Ракочію. Онъ прибылъ въ трансильванскій Бѣлградъ 10 мая н. ст.

*¹ См. наданія Коппи стр. 239.

** Причины этихъ измѣнъ объясняетъ Антоній Валевскій въ своей превосходной работѣ: *Historya wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza*. Kraków 1866 Т. I, стр. 50, Т. II, стр. 87.

1656 года. *1 Съ этихъ поръ Грондскій сталъ горячимъ приверженцемъ седмиградскаго князя и желалъ видѣть его на польскомъ гронѣ, хотя и не одобрялъ вторженія его въ предѣлы Польши въ началѣ 1657 г. Когда Рѣчи-Посполитой удалось освободиться отъ нашествія шведовъ и трансильванцевъ и Янъ-Казимиръ укрѣпился на своемъ престолѣ, то Грондскій и нѣкоторые другіе измѣнники были лишены имущества и изгнаны изъ отечества. Грондскій навсегда поселился въ излюбленной имъ Трансильваніи, гдѣ волъ жизнь, посвященную главнымъ образомъ научнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ и свое сочиненіе о войнѣ Рѣчи-Посполитой съ Хмельницкимъ. Въ этой книгѣ о козачествѣ время Стефана Баторія Грондскій пишетъ такъ:

„Qui autem ex hac Ruthenorum gente ad arma tractanda magis idonei reperiebantur neque Dominorum Terrestrium iugum jobbagoonale *2 subire voluerunt, illi ad remotiora loca, tunc temporis adhuc inhabitata, sese recepiebant, et libertatem Juris sui assorendo, novas subinde ducebant colonias, atque ad discrimen coeterorum Russorum dominis terrestribus subjectorum nuncupati sunt *Cosacci*, Pol. *Cozacy*, quod Latine denotat milites levioris armaturae. *3

Tempore Stephani Bathoroi Regis Poloniae, ex consilio ejusdem (qui postquam cognovisset, quam multa adhuc in partibus Ukrajnae reperiantur inhabitata loca et quam populosa sit gens illa Runsorum, in territoriis Magnatum degentium, suasit, ut ad formam militiae Hungaricae versus confinia Turcica habitantis, qui *Haylones* dicuntur, Domini terrestres subditorum suorum filiis, qui complures apud eundem patrem reperiebantur, darent facultatem uni illorum exeundi ex possessione sua ad servitia Regni subeunda; quod si otiam in bonis Domini sui manserit, dummodo arma tractat, et quoties jussum fuerit a supremo Generali Exercituum Regni, immunitas ei ab omnibus servitiis Domini sui, praesertim ab agrastibus laboribus, concedatur) novum Cosaccorum genus est ad inventum, nimirum *Rejestrowi Kozacy*, hoc est, in computum seu regestrum recepti, et Regimini Generalis Exercituum Regni subjecti. Computus autem illorum non debebat excedere numerum sex

*1 См. изданія Копни стр. 283.

*2 Jugum jobbagoonale—крѣпостная зависимость.

*3 См. изд. Копни стр. 16.

millium; ad quos conscribendos de novo et post collustrandos designabatur Notarius, Campestris dictus, a dicto Generali. Quod equidem consilium dicti Regis initio videbatur saluberrimum Reipublicae; at brevi post compertum est summe nocivum.*¹

Разсказъ Грондскаго совсѣмъ иного характера, чѣмъ разсказъ Пясецкаго. У Пясецкаго замѣтно смѣшеніе вычитаннаго изъ книгъ съ преданіемъ, дошедшимъ до него изъ козацкой среды. У Грондскаго совершенно не видно никакой начитанности, вѣтъ и слѣда знакомства съ сочиненіями Яна Длугоша, Іоакима Вѣльскаго, Рейнгольда Гейденштейна. Онъ черпаетъ свои свѣдѣнія объ отдаленной epochѣ Баторія изъ устъ собесѣдниковъ въ лагерѣ Хмельницкаго и примѣняетъ ихъ къ понятіямъ трансильванцевъ, для которыхъ предназначался его трудъ.

Вотъ почему Грондскій не знаетъ, что козакъ — слово татарское, обозначающее вольнаго, независимаго человѣка, искателя приключеній, бродягу и разбойника, что козачество при Баторіи было — „colluvies ex variis nationibus collecta“ (сбродъ, составившійся изъ различныхъ народовъ); онъ подчеркиваетъ, будто при Баторіи тѣ изъ *русскаго народа* (ex Ruthenorum gente), которые были болѣе способны носить оружіе и не желали подчиняться крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, шли въ отдаленныя необитаемыя пустыни, основывали тамъ для возстановленія своей свободы новыя поселенія и съ отличіемъ отъ остальныхъ русскихъ, закрѣпощенныхъ помѣщикамъ, стали называться *козаками* т. е. въ переводѣ на латинскій языкъ: milites levioris armaturae. Такимъ образомъ у Грондскаго впередъ выдвигается еще и то обстоятельство, что козачество составилось изъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ крѣпостной зависимости, и что по національному составу оно было русскимъ. Для эпохи Баторія такое воззрѣніе на козачество невѣрно: какъ мы видѣли, въ составѣ козачества при Баторіи первенствующее мѣсто занималъ элементъ шляхетскій, а русское національное самосознаніе проявилось въ козачествѣ только при Хмельницкомъ.

Этимъ же объясняется, почему Грондскій, примѣняясь къ понятіямъ трансильванцевъ, приравниваетъ козаковъ къ знакомымъ

* См. тамъ же стр. 20—21.

Имъ гайдукамъ и приписываетъ Стефану Ваторію, будто онъ внушилъ повсемѣльнымъ владѣльцамъ Украины (т. е. пограничья—см. выше, стр. 8, прим. 2) устроить для защиты отъ татаръ линію пограничныхъ поселеній на подобіе тѣхъ гайдуцкихъ поселеній, которыя прикрывали венгерскую границу со стороны Турціи. Для этого будто бы предназначалось по одному сыну изъ тѣхъ семействъ крѣпостныхъ крестьянъ, гдѣ было по нѣскольку сыновей. Эти набранники освобождались будто бы отъ полевыхъ работъ, считались поступившими на королевскую службу, записывались въ особый списокъ или реестръ, подчинялись власти великаго коронаго гетмана и получали названіе роостровыхъ козаковъ. Число ихъ не должно было превышать шести тысячъ. Для постоянной повѣрки наличности козаковъ устанавливался будто бы особый правительственный органъ въ лицѣ полевого писаря (notarius campestria), который долженъ былъ слѣдить, чтобы дѣйствительно число козаковъ не превышало числа вписанныхъ въ реестръ, и оказавшихся излишними долженъ былъ возвращать обратно въ подчиненіе владѣльцамъ. Послѣ предыдущаго изложенія намъ не нужно доказывать, что все это—сплошной вымыселъ предполагаемыхъ собесѣдниковъ Гродскаго въ лагерѣ Хмельницкаго и что Стефанъ Ваторій не могъ совѣтовать ничего подобнаго пограничнымъ владѣльцамъ, тѣмъ болѣе, что и поселеніе гайдуковъ по границѣ въ Венгрію (въ нынѣшнемъ Шаболчскомъ комитатѣ) состоялось въ 1606 г., когда Стефана Ваторія не было уже въ живыхъ.

* * *

Третьимъ писателемъ XVII вѣка, изображавшимъ отношенія Стефана Ваторія къ Днѣпровскому козачеству, былъ Самуилъ Твардовскій, авторъ первой огромной эпической поэмы на польскомъ языкѣ, озаглавленной: „Woyna domowa z Kozaki i Tataru, Moskwa, potym Szwedami i z Węgry przez lat dwanaście za panowania Najjaśnieyszego Jana Kazimierza Króla Polskiego tocząca się, na cztery podzielona księgi. Oyczystą Muzą od Samuela ze Skrzypny Twardowskiego“ и изданной впервые къ Калишѣ въ 1681 году уже послѣ смерти автора (opus posthumum).

Самуилъ Твардовскій, герба Огоньчыкъ, родился, кажется, около 1600 г. въ нынѣшнихъ прусскихъ владѣніяхъ въ с. Твардовѣ

на р. Лютынѣ, притокѣ Варты. Отецъ его Матѣй Твардовскій былъ писаремъ градскаго суда въ г. Каляшѣ. Здѣсь Самуиль получилъ образованіе въ знаменитой іезуитской коллегіи, основанной архіепископомъ Карниковскимъ. Въ 1621 году онъ ѣздилъ въ Константинополь въ свѣтѣ польскаго посланника къ Портѣ князя Христофора Збаражскаго. Съ этихъ поръ онъ оставался на службѣ у князя Збаражскаго до самой смерти послѣдняго (†1627) и получилъ отъ него въ пользованіе имѣніе Зарубинцы неподалеку отъ Збаражя. Зарубинцы оставлены были за Твардовскимъ и наслѣдниками князя Христофора — сначала братомъ его Юріемъ, а затѣмъ княземъ Янушемъ Вишневецкимъ; въ нихъ онъ прожилъ до первой войны съ Хмельницкимъ, въ которой онъ принималъ непосредственное участіе. Послѣ Зборовскаго договора Самуиль Твардовскій переселился въ Великую Польшу, гдѣ онъ держалъ въ арендѣ отъ Петра Сенюты имѣнія Старыгородъ и Дзѣржановъ вблизи м. Кобылина (нынѣ Кротошынскаго уѣзда Познанской провинціи). Въ 1655 году онъ вмѣстѣ съ другими великополянами подобно Грондскому измѣнилъ Яну Казимиру и перешелъ на сторону шведскаго короля Карла Густава, но вскорѣ раскаялся въ своемъ поступкѣ и отступился отъ шведовъ. Умеръ Самуиль Твардовскій послѣ 1660 г. и похороненъ былъ въ бернардинскомъ кладшторѣ въ м. Кобылинѣ. *1 Изъ-подъ пера Твардовскаго вышелъ цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ стихотворныхъ произведеній (*Przeważna legasya t. j. historyczny opis poselstwa polskiego do Porty Ottomańskiej Kr. ka. na Zbarażu w r. 1621; Władysław IV król; Książę Wiśniowiecki Janusz, koniuszy koronny, ojczystą Muzą przypomniany; Nadobna Paskwalina; Daphnis; Satyr, na twarz Rzeczypospolitej* etc.), но важнѣйшимъ является та огромная эпическая поэма, заглавіе которой мы привели выше. *2 Интересующіи насъ предметъ изложенъ въ ней такъ:

Acz ieszcze, zkad narody mieczem te podbite
Kiedyś od Bolesławow, zaraz znakomite
I iako przyrodzone były ich rankory
Ku nam zawsze; a iednak Monarchow dozory

*1 См. Lud. Przedstawil Oskar Kolberg. Serya X. W. Ks. Poznańskie. Cz. 2. Krak. 1876, str. 181.

*2 См. Samuel'a von Skrzypna Twardowski „Wojna Domowa“. Inaugural Dissertation von Alexander Czechowski. Posen 1894. S. 5—11.

I moc w rękę wybiłać gory im nie dała
I oras porywanych szablą uskramiała.
Wszakie ci z nich daleko byli swowolnieyszy,
Ktorys morau i pladze tamtey przylegleyasy,
Ustawicznym rozboiem w polach się bawili,
Lubo to wirosuby *1 po Dnieprze łowili,
Lubo ładem liscie strzelali i kozy
(Zkąd zowią się Kozaki). To tajemne lozy
I trawy przypadając, kogo gdzie napadli,
Turki li Tatary li koczujące, kradli,
Do takiego w lekkości swego przyrodzenia
Przykładając zwyczaju oras i cwiczenia.
Żyli iednak bez rządu i żadnej zwierzchnosci,
Procz, gdy zima wstawiała, schodzili na włóści.
Na wiosne zaś i nowe rozpary słoneczne
Jako muchy ożyli, gdzie mając tamteczne,
I lasy, i sposobność wszystkę do żeglugi,
Wodą się opuszczali w ostrowy i ługi,
Ktorych tam iest nie mało, przez Dnieprowe progi.
Aż Stefan Krol waleczny, będąc Moskwie srogi,
Żeby także z tej strony Turczynowi stawil
Abzach w oczy, w ryze ich i lepszy rząd wprawil,
Podawszy im Hetmana. I gdzieby swe rady
I armatę miewali i woienne sklady
Naznaczył Trechtymirow z iego społ powiatem
I polkom swe zimowle. Jakoż długo na tem
Kontenci przestawali. I z tego początku
Wiele dokazowali w takim swym porządku
Na morzu i na ziemi. A dzieł ich dawnieyszych
Tu nie licząc, co mogło naszych lat poznieyszych
Turkam bydz strasznieyszego? Jako kiedy dali
Nad tysiąc mil w Azyą samę zaiezdźali,

---

*1 Wirosuby. *Вырезубь* или *сезрезубь*—рыба, принадлежащая къ семейству карповыхъ (Leuciscus Friesii), водящаяся въ моряхъ и рѣкахъ южной Россіи. Объ изобиліи вырезубовъ говорится въ люстраціи Брацлавскаго замка 1552 года такъ: „зубровъ, оленей, лисиць и иного зверу множество, и бобровъ по речъкахъ, рыбъ, а зелаца *сезрезубовъ*; а рыбиць усходить тамъ речю Богомъ з моря множество великое“. См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 2-й, Киевъ 1890, стр. 21.

Wysoinali Trapezunt, Synop z gruntu znieśli
I pod Konstantynopol nieraz sam podeśli,
Prętkością niesłychaną mury okursywazy.
Ale nie mniey i ziemią bywali szczęśliwazy,
Nadewszystko z Osmanem, gdy nam wszystko oszoło
I przedmur wytrzymali. Wieleby około
Tego mowić. *1

Если мы сравнимъ стихи Твардовскаго съ разсказомъ Пясецкаго, *2 то легко убѣдимся, что Твардовскій въ этомъ отдѣлѣ своей поэмы перекладывалъ въ стихи прозу Пясецкаго, замѣня иногда сухой слогъ послѣдняго выраженіями болѣе образными и лучше подходящими къ складу поэтической рѣчи. Приведемъ одинъ наглядный примѣръ.

У Пясецкаго сказано было о козакахъ, что они „*primo vere.... ad insulas Boristhenis conveniunt*“⁴. У Твардовскаго эти простыя слова превращены въ цѣлую картину, при чемъ козаки сравниваются съ ожившими послѣ зимаго оцѣпенѣнія мухами: „Na wiosne zaś i nowe rozprawy słoneczne *iako muchy ożyli*, gdzie mają tamieczne i lasy, i sposobność wszystkie do żeglugi, wodą się opuszczali w ostrowy i ługi, których tam jest nie mało, przez Dnieprowe progi“.

Такихъ параллелей можно было бы привести нѣсколько, но для насъ важно только установить, что Твардовскій содержаніе своихъ стиховъ цѣликомъ почерпнулъ изъ хроникъ Пясецкаго, не прибавивъ отъ себя ни одной черты.

* * *

Въ лѣтописи, приписываемой гадацкому полковнику Григорію Грабянкѣ, *3 относимой къ 1710 г. и паданной Кіевскою коммиссією

* По изд. 1681 г. стр. 3—4 части I-й.

** Кроме мѣстъ, приведенныхъ нами выше въ подлинникѣ, нужно имѣть въ виду и остальную часть разсказа Пясецкаго о дѣятельности козаковъ. См. *Kronika Pawła Piaseckiego. Polski przekład. Krak. 1870. str. 43—46, § XIX* го вторая половина.

** Въ 1894 году, издавая въ „Кіевской Старинѣ“ (1894, т. 47, стр. 297—300) опущенную въ печати страницу изъ лѣтописи Грабянки, А. М. Лазаревскій выражалъ сомнѣніе, правильно-ли лѣтопись приписывается Грабянкѣ, такъ какъ онъ видѣлъ болѣе десяти ея списковъ, озаглавленныхъ „Дѣйствія презабной брани Богдана Хмельницкаго“, но на въ одномъ не встрѣтилъ и

въ 1854 году, на стр. 21—22 читаемъ слѣдующее: „Въ лѣто 1576 за Стефана Ваторія короля полскаго козаки въ лучшій еще строй учиненики. Той-же король, видя у козаковъ мужество великое изъ татаря на бранехъ, постави имъ гетмана, присла имъ короговъ, бунчукъ и булаву, и на печати гербъ, рыцарь зъ самопаломъ и на головѣ колпакъ перекривленній, армать и воякиихъ военныхъ припасовъ и сами козаки замки турецкіе воююще много набрали, и учинивъ имъ строй, и начаша по гетманѣ быти обозніе, судьи, асаули, полковники, сотники, атамани, и повелѣ стреша отъ татаря около пороговъ. Но всегда король Стефанъ, отъ храбрости козаковъ поразумѣвая, пророчески глаголаше: „будеть (рече) кодасть отъ жмль юнаковъ Речь Посполитая вольная“. Еже обидѣлся послѣди. Той же король Ваторіи опрочъ давнего старинного града складового Чигирина далъ еще пняовимъ козакамъ въ пристанище градъ Терехтепровъ зъ монастыромъ, да во время зимы тамо всегда пребываютъ, и въ годъ платялъ имъ по червоному и по кожуху; и сямъ козаки бяху надолзѣ доволни и многія брани имѣяху съ татаря на земля, а съ турки на мору, обаче всегда побѣждаху ихъ. Въ то время Азію козаки нападше, на тысячу миль повоеваша и Трапезонъ взяша и изюшкаша, Синопъ до основанія опровергоша, и подъ Константинополемъ многія взяша користи. А оттолѣ болѣе въ силу козаки растяху, еже видѣлъ король Стефанъ смущашеся зѣло, и купѣ и бояся, да не како укрѣпившесе козаки тлжци будутъ ляхомъ, и хотя впазу около Днѣпра побити ихъ; но козаки, разумѣя королевскій замыслъ, пойдоша отъ кочевискъ своихъ къ Донскимъ козакомъ и отсюду еще въ болшіи страхъ ляхи впадоша, обаче до времени король остави козаковъ тамо пребывать; онп-же пакы, зъ Дону возвращшеся въ луги Днѣпровіе, мечемъ и бранію на татаря упражняхуса“.

замека на авторство Грабянки. Онъ полагааъ, что надпись о принадлежности лѣтописи Грабянкѣ на спискѣ, съ котораго издавала ее Кіевск. комиссія сдѣлана была по догадкѣ или по преданію бывшимъ владѣльцемъ списка Григоріемъ Андреевичемъ Полетникомъ. Въ 1897 г. сомнѣніе А. М. Лазаревскаго было, повидимому, опровергнуто, такъ какъ въ числѣ рукописей, поступившихъ въ Кіевскую публичную бібліотечу по завѣщанію В. М. Юзефовича нашася списокъ „Дѣйствія прозѣльной брани“, написанный въ Сорочинцахъ въ 1756 г., съ точнымъ указаніемъ, что лѣтопись составлена въ г. Гадячѣ въ 1710 г. „трудолюбіемъ Григорія Грабянки“. См. Кіев. Стар. 1897, т. 54, отд. II, стр. 41—42.

Большая часть этого рассказа является распространённымъ переложениемъ приведенныхъ выше (на стр. 120 и 130) стиховъ Твардовскаго и такимъ образомъ является въ некоторыхъ мѣстахъ отраженіемъ при посредствѣ Твардовскаго рассказа Пясецкаго. Но между тѣмъ какъ Твардовскій ограничивается сообщеніемъ, что Стефанъ Баторій привелъ козаковъ въ лучшій порядокъ, назначивши имъ гетмана (w lepszy rząd wprawił, podawszy im hetmana), авторъ рассказа желаетъ вести отъ Баторія и тѣ эмблемы гетманской власти и тѣ козацкіе чины, которые существовали въ лѣвобережной гетманщинѣ во времена Мазепы; точно также Твардовскій довольствуется краткимъ упоминаніемъ о Трахтемировѣ, какъ о городкѣ, предоставленномъ Стефаномъ Баторіемъ козакамъ для ихъ столицы, тогда какъ авторъ рассказа желаетъ выставить учрежденіе столицы въ Трахтемировѣ какъ-бы замѣною старой козацкой столицы въ Чигиринѣ, не зная того, что во времена Баторія Чигиринъ былъ еще не поселеніемъ, а степнымъ урочищемъ, на которомъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій однажды мужественно сразился съ татарами:

A gdy ich na *Cyhrynie* nászy dogonili,
Tam bitwę z *Pogańcami* mężnie uczynili. *1

Любопытно, что неприятное для козацкаго самолюбія слово *lotrzyk* (разбойничекъ) въ стихѣ: „*Ze kiedyś z tych lotrzykow Rzecz bydz Powpolita*“ etc.—авторъ рассказа замѣняетъ словомъ юнакъ.

Окончаніе рассказа отъ словъ: „А оттолѣ болѣе въ силу козаки растяху“... отражаетъ рассказъ Іоакима Вѣльскаго (см. выше стр. 86, прим. 3), но не прямо, а черезъ посредство такъ-называемой „Хроникѣ Европейской Сарматіи“ Гваггинна, передѣланной Мартиномъ Пашковскимъ и изданной въ 1611 году подъ заглавіемъ: „*Kronika Sarmacyoy Europeyskiéy, w któręy się zamyka królestwo Polskie, ze wszystkimi państw y księstw y prowincyami swemi, tudzież też Wielkie Księstwo Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y część Tartarów przez Alexandra Gwagnina z Werony hrabio pałacu Laterańskiego rycerza pasowanego, y rotmistrza J. K. Mei pierwęy roku 1578 po łacinie wydana, a teraz zaś z przyczynieniem tych krolów, których w łacińskiéy niemasz, tudzież królestw, państw, insuł, ziem y prowincy ku téy Sarmacyoy przyleg-*

*1 См. *Epicedion* etc. 1585, стр. 29.

lych, jako Grecyey, ziem Słowiańskich, Wołoszey, Panonicy, Bohemii, Germanicy, Danicy, Szwecyey, Gotyey, etc. Przez tegoż autora z wielką pilnością rozdzielami na X ksiąg krocicuchno zebrana, a przez Marcina Passkowskiego za staraniem autorowym z łacinskigo na polskie przelożona Roku Pańskiego 1611⁴, in fol. (См. по изданію Тувровскаго „Z kroniki Sarmacyi Europejskiej“, w Krakowie 1860, str. 223)⁴¹

Причина вражды Стефана Ваторія къ козакамъ объяснена по воиятіямъ XVIII вѣка: „король... бояся, да не како укрѣпившеса козаки мажымъ будутъ мѣломъ“, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что Ваторіи хотѣли истребить низовыхъ козаковъ, чтобы они не нарушали мира Рѣчи-Посполитой съ татарами и турками; этнографическіе вопросы въ XVI в. еще не возбуждались.

* * *

Въ 1718 году Лубенскій полковой писарь Стефанъ Савицкій предпринялъ вольный переводъ на тогдашній славяно-малорусскій языкъ поэмы Твардовскаго „Woyna domowa“. Этотъ переводъ „зъ вѣршовой книги Твардовскаго на гисторіялній сенсъ“ случилось увидѣть Самуилу Величку и онъ заказалъ для себя копію съ труда Савицкаго. Переводъ Савицкаго носитъ слѣдующее длинное и неуклюжее заглавіе:

„Повѣсть о козацкой зъ поляками войнѣ, чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкого, гетмана войскъ запорожскихъ, точившойся, которою онъ же при Вожой помощи зъ козаками и татарами, отъ подданства лядского вибился и поддался подъ высокодержавную пресвѣтлѣйшого монарха всероссійского протекцію, отъ книги названой Война Домовая, парѣченіемъ Самоила Твардовскаго ритма ми полскимъ составленной и въ Калѣшу, року 1681, напечатанней вкратцѣ малороссійскимъ парѣчіемъ выписанная, въ року 1718, апреля. S. S. P. L.“

Онъ былъ изданъ Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ въ 1864 г. въ видѣ приложенія къ Лѣтописи Величка (т. IV, стр. 1—84). Приводимъ здѣсь переложеніе тѣхъ стиховъ Твардовскаго, которые были выписаны нами выше (стр. 130):

⁴¹ См. *Historya literatury polskiej przez Felxa Bentkowskiego*. Т. II, Warsz. 1814, str. 717—718.

„Ижъ когда они отъ Волеславоуъ королейъ полскихъ зоста-
ли въ подданство полское завоеваніи, многократно, ибо вкорѣ-
тое имъ стало прикро, выбиватися одважилися, але не могучи то-
ею отвагою своею доказати предсязвяти, за осторожностю тогдаш-
нихъ полскихъ монарховъ, не малое отъ нихъ пріймовали нака-
заніе; однакъ и въ такихъ своего поскромленія разакъ древней
отваги и обикновеній не отпадали, Особливе тіе, якіе на нзу Днѣ-
пра за порогами (отъ чого и Запорожцями суть прозваніи) ближе
къ морю мешкали, нѣчимъ иншимъ тилко по поляхъ разбоємъ,
отрелянемъ звѣру и по рѣкахъ ловленемъ рыбъ бавачися, а зъ
травъ и терновъ нападаючи знагла, кого напали—Турковъ чили Та-
таровъ—хватали и крали. До чого зъ натури своей были легкими
и способними, и до такой опособной натури заразомъ приклада-
ли, вишей вираженнимъ наглого на кого колвекъ нападенія спо-
собомъ, уставичное цвѣчене. Але жили безъ порядку и жадной вла-
сти, кромѣ того, же якъ зима наступовала, сходили до волостей, а
на весну и лѣто, где были лѣси и при нихъ иншіе до жекглюва-
ня воднаго способности, туда запускалися, и водою на низъ, въ
луги и острови, за пороги Днѣпровіе на розніе до добычей по-
манутихъ способніе спускалися мѣстца; поколь Стефанъ Ваторій,
король полскій, для лучшаго своего отъ стороны Турецкой защи-
щенія, и мижъ козаками яко къ тому край ближшимъ быти мѣв-
шой, въ лѣпшіи онихъ устроилъ порядокъ, учинивши имъ гетмана
и где би свои ради, такожъ армати и иншіе войсковіе аложе-
ни, а барзій сами собѣ на зимовій часъ притулиско мѣли, на-
значивши городъ Терехтемировъ зо всѣмъ повѣтомъ; чого они че-
резъ долгій часъ были барзо контенти; а въ такомъ новаго
порядку устроєніи много въ прислугахъ монархамъ и Рѣчи-По-
сполитой Полокой полемъ и моремъ доказовали, не вклѣчючи
ихъ давнихъ дѣлъ, що тилко познѣйшихъ лѣтъ на сторону Ляд-
скую полезного, а на Турецкую шкодливого и страшного отъ
нихъ учинилося.

Вократцѣ припоминается, ижъ болшь тысячи миль въ са-
мую Азію заезджали, вистинали Трапезунтъ, Синопъ зъ икру-
ту знесли, и подъ Константинополь не разъ зъ неслыханною сво-
ею скоростію, мурн оного стрелбою окуруючи, подходили; що все
водою справовали. А и на землѣ въ такихъ военныхъ справахъ не
меншую имѣли фортуна и славу, когда надъ все подъ часъ ба-

галіи, межі королемъ Полонимъ и Османомъ Турецкимъ бывшой, самій першій непріятельскій импетъ, чоло и власное предмуріе мужественно предъ ляхами выдержали⁴.

* * *

Самуилъ Величко, бывшій канцеляристъ войска Запорожскаго, въ своемъ „Сказаніи о войнѣ козацкой съ Поляками чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкого, гетмана войска Запорожскихъ, въ осми лѣтахъ точившейся и т. д.“, оконченомъ въ селѣ Жукахъ Полтавскаго уѣзда въ 1720 году, о времени Стефана Ваторія говорить кратко, придерживаясь изложенія Стефана Савицкаго и ссылаясь на соответственное мѣсто поэмы Твардовскаго:

„Егда сѣде на маестатѣ королевства полскаго Стефанъ Ваторій, князь трансилванскій, воевода седмигородскій, мужъ въ крѣпкахъ великое съ ридерства залѣцене мѣучій, и въ ридерскихъ людехъ кохающійся; тогда, устроивши въ Полицѣ войска платніе (якихъ предъ тымъ не бывало) назвалъ ихъ кварцѣяльными. Егда же варазъ потомъ, и въ козакахъ Днѣпронизовихъ, яко овцахъ пастира немущихъ, устроилъ чинъ къ воинскому управленію потребній, позволивши имъ подлугъ старожитнихъ и древнѣйшихъ обичасвъ, между собою имѣти не тилко меншихъ начальниковъ, но и наиболшаго воевѣжда Гетмана, и надалъ имъ во владѣніе для Гетманской резиденціи и для войсковихъ всякихъ запасовъ и прибѣжища, надъ Днѣпромъ городъ Терехтемпровъ, со всѣмъ его уѣздомъ (що и Твардовскій въ части первой книги своей, — Война Домова — названной, свѣдательствуетъ), ствердивши тое войску Запорожскому и грамотою своею королевскою.⁴¹“

Въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“, оконченомъ въ 1734 году и изданномъ Кіевскою Коммиссією для разбора древнихъ актовъ въ видѣ приложенія къ лѣтописи Самовидца (Кіевъ, 1878 стр. 209—319), повторенъ рассказъ лѣтописи Грабянки:

---

⁴¹ Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ. Останекъ Самуила Величка, бывшій канцеляристъ канцеляріи войска Запорожскаго, 1720. Изд. времен. комис. для разбора древн. актовъ. К. 1848, т. I-й стр. 20—21.

„При Стефанѣ-же Ваторіи королѣ полскомъ в томъ-же 1576 году, козакѣ въ лучшій порядокъ устроены, который ради ихъ мужества поставилъ самъ имъ гетмана, давъ имъ коруговъ, бунчукъ и булаву и печать съ гербомъ, то-есть рыцарь о самопомомъ, на головѣ колпакъ перекривленный, и рогъ при боку; а армать и военныхъ припасовъ, воюя турковъ, сами добули себѣ. Да тотъ-же король Ваторій и старшину войсковую у нихъ учредилъ: обознихъ, судей, писарей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ, и еще козакамъ, опрочъ ихъ-же старинного города складового, Чигирна, далъ Трехтемировъ съ монастыремъ для зимовихъ квартиръ; а платилъ в годъ всякому козаку по червонному золотому и по кожуху.

В то время Козакѣ, напавши в Азію, на 1000 миль повоювали, Трапезонтъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и подъ Константинополемъ користи побрали. Видя-же король Ваторій сіе, началъ и самъ опасиватся ихъ и хотѣлъ всѣхъ *сшибити*; но козакѣ, познавши королевскій замысль, первѣе от кочевискъ своихъ пошли къ донскимъ козакамъ и тѣмъ самимъ болшій еще страхъ полякамъ задали, а потомъ знову въ луга Днѣпровые пришли и войною противъ татаръ забавлялися по-прежнему“. (См. стр. 214).

Тотъ-же разсказъ Лѣтописи Грабянки повторенъ съ нѣкоторымъ сокращеніемъ въ концѣ и въ такъ-называемой Лизогубовской Лѣтописи, составленной въ 1742 году и изданной Кіевскою Комиссією въ Сборникѣ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ, 1888, на стр. 1—69): „1576 г. Въ сее время козакѣ въ лучшій порядокъ устроены при королѣ Стефану Ваторью, который самъ козакамъ опредѣлилъ Гетмана и старшину учредилъ меже ними, и далъ Гетману булаву, корогву, бунчукъ и печать съ гербомъ войска запорожскаго, то-есть: рыцарь съ самопаломъ, на головѣ колпакъ перекривлений и рогъ при боку. Тотъ же король Стефанъ, опрочъ стариннаго города казацкаго Чигирна, далъ козакамъ Терехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ и платилъ всякому козаку въ годъ по червонцу и кожухъ.

Тогдажъ козакѣ, напавши въ Азію, на сто миль повоювали: Трапезонтъ взяли и высѣкли; Синопъ до фундаменту разорили и подъ Цареградомъ користи побрали многіе.“ (См. стр. 3—4).

Мы не будемъ слѣдить далѣе, какъ переходилъ изъ сочиненія въ сочиненіе рассказъ Лѣтописи Грабянки объ отношеніи Стефана Ваторія въ Днѣпровскимъ козакамъ, основанный на сказаніи Твардовскаго и пополненный перенесеніемъ въ эпоху Ваторія нѣкоторыхъ черты времени Мазепы. Мы находимъ его въ сочиненіяхъ: Петра Симоновскаго— „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ“ (1765 г.), Стефана Лукомскаго— „Собраніе историческое изъ книгъ древняго писателя Александра Гаагнина и изъ старыхъ русокихъ лѣтописей“ (1770 г.) и Александра Ригельмана— „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ“ (1785—86 гг.). У послѣдняго (изд. 1847, стр. 24), а равно въ „Краткомъ лѣтоизобразительномъ описаніи“ (1783 г.), изданномъ Н. Вѣлозерскимъ (Южно-русскія лѣтописи, т. I-й, Кіевъ 1856, стр. 51—106), рассказъ Лѣтописи Грабянки осложненъ новою легендою, возникшею изъ ошибочнаго осмысленія (Volksetymologie) названія „Батуричь“. Въ „Краткомъ лѣтоизобразительномъ описаніи“ читаемъ слѣдующее: „И отъ того времени козаки въ лутшій порядокъ приведены, при королѣ полскомъ Стефанѣ Ваторей, который самъ имъ опредѣлилъ гетмана и старшину между ими учредилъ, и далъ гетману булаву, короговъ и бунчукъ и печать зъ гербомъ войсковымъ, то-есть рыцерь съ мушкетомъ, на головѣ колпакъ перекривленный и рогъ при боку. Тотъ-же король Стефанъ Ваторій, опрочъ стариннаго города козацкаго Чигирина, далъ козакамъ Терехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ, а для резиденціи гетманской устроилъ надъ рѣкою Сеймомъ городъ новый и назвалъ его, отъ своего прованія, Баторинъ, кой нынѣ называется Батуричь; а платилъ всякому козаку въ годъ по червонцу и по кожуху. Сей городъ не для резиденціи гетманской построенъ, но король для себя его построилъ, яко свою маестность, ибо въ сіе время въ Малой-Россіи на сей сторонѣ Днѣпра еще не было козаковъ, ни гетмана, а онъ сталъ резиденціею гетманскою уже при гетманѣ Игнатовичѣ, въ 1670 году“. (Стр. 54—55). Въ этомъ отрывкѣ замѣтно участіе двухъ авторовъ: первый сообщилъ, что Батуричь на р. Сеймѣ основанъ Ваторіемъ, и указалъ, для чего предназначался новый городъ,— „для резиденціи гетманской“; читатель первоначальной рукописи, болѣе освѣдомленный въ исторіи и знавшій, что Батуричь сдѣлался гетманскою резиденціею только послѣ из-

бранія въ гетманы Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго (6 марта 1689 г.), сдѣлалъ примѣчаніе въ опроверженіе сообщенія перваго автора: „сей городъ“, приписалъ онъ, вѣроятно, на полѣ, „не для резиденціи гетманской построень, но король для себя его построилъ, яко свою маетность“ и т. д. Любитель старины, переписывавшій потомъ рукопись, внесъ въ свою копию и первоначальный текстъ, и добавленное впоследствии примѣчаніе не обративъ вниманія на то, что примѣчаніе опровергаетъ первоначальное извѣстіе. Съ такого рода рукописной копій сдѣлано изданіе „Краткаго лѣтоизобразительнаго описанія“ Н. Бѣлозерскимъ.

Что касается городка Ватурина, то онъ основанъ былъ послѣ того, какъ Сѣверщина по Деулинскому перемирію перешла къ Польшѣ, а именно въ 1625 году, осадчимъ новгородъ-сѣверскаго старосты Александра Пясочинскаго Матвѣемъ Стахурскимъ и получилъ названіе, вѣроятно, по тому урочищу, на которомъ былъ помѣщенъ, и которое въ свою очередь такъ называлось по имени бывшаго своего владѣльца какого-нибудь „севрюка“ Батуры.^{*1} Ошибочное осмысленіе (Volksetymologie) его названія впервые появилось, по всей вѣроятности, среди той польской арміи, которая сопровождала короля Яна Казимира въ походѣ его къ Глухову зимою 1663.—1664 гг. Когда житель селенія „Голениовы“ нынѣшняго Блющовскаго уѣзда, Кѣлецкой губ., Веспасіанъ Коховскій^{*2} собиралъ отъ участниковъ этого похода устные и письменные матеріалы для составленія описанія его въ III т. „Лѣтописныхъ ступеней“, то, рассказывая о Ватуринѣ, какъ объ укрѣпленномъ и занятомъ сильнымъ гарнизономъ городкѣ, котораго не рѣшился штурмовать Янъ Казимиръ, они сообщили Коховскому и свой домысль относительно происхожденія названія, которое носилъ городокъ. Вслѣдствіе этого Веспасіанъ Коховскій такъ наложилъ относящіеся къ Ватурину пункты своего сочиненія:

^{*1} См. упомяи. ст. А. П. Яблоновскаго въ журн. *Ateneum* 1896, *sierpień* str. 268.

^{*2} Въ 1900 г. появилась въ свѣтъ превосходная, основанная на тщательныхъ архивныхъ разысканіяхъ, біографія Веспасіана Коховскаго, написанная проф. Яномъ Чубекомъ: *Wspasjan z Kochowa Kochowski. Studium biograficzne. Napisał Jan Szubek. W Krakowie, 1900.* О жизни Коховскаго послѣ труда проф. Чубека врядъ ли можно рассказывать что-нибудь новое. Зато остались совершенно неизслѣдованными—источники „Лѣтописныхъ ступеней“ Коховскаго, способы ихъ обработки, ошибки, допущенныя Коховскимъ, его настроенія

„Bathorini interea (à cognomine Stephani Regis denominata olim colonia) Gregorius Brzuchowiecki, flagrantissimus Moschi partium dux est assertor, sedem fixerat, permunito admodum loco et fere XVI milium exercitu in retundendum vim subnixus. Erant qui suaderent adoriendum protinus; transmitters tamen visum, dum commodior alia, imo compendiosior rei bené gerendae se offeret occasio.

Sic Bathorino quòd expugnatum arduum eeset in tempus transmisso, limitem Moschoviticum praetergressus Rex, apud Korab ^{*1} municipium sané populosum signa Polona explicavit. Primum in hostilem terram ingressum gratulante cum laetitia exercitu eodemque simul optatum bello finem non sine lachrimis applicante. Bono omni accedere visa Januarii dies XVII qua eodem Coronatus in metropoli Regni Cracoviae Casimirus jam nunc post sexdecim faustae inaugurationis annos in Moschorum terras armato ingressu laboriosum exhiberet anniversarium“. *2

Вычитанное у Коховскаго ошибочное осмысленіе названія „Батурня“ широко распространилось среди образованныхъ малоросіянъ XVIII вѣка и, наконецъ, попало въ „Краткое лѣтоизобразительное описаніе“ и въ „Лѣтописное повѣствованіе“ Александра Ригельмана, слившись въ одно цѣлое съ идущею отъ Пясецкаго легендою о надѣленіи козачества со стороны Стефана Баторія политическими правами.

и предубѣжденія. Пока не появится такого рода изслѣдованіе, вопросъ о цѣности „Лѣтописныхъ ступеней“, какъ историческаго источника, остается открытымъ. Замѣчанія объ этихъ предметахъ старыхъ писателей, напр., Луки Голембювскаго (O Dziejopisach Polskich, Warsz. 1826, str. 148—150), Амвросія Грабовскаго (Starożytności historyczne polskie, Tom I, W Krakowie 1840, str. 395—406), или Адама Ржонжевскаго (Wesp. Kochowski, Warsz. 1871, Str. 139—146), — черезъ-чуръ кратки и поверхностны.

*1 Кораб—Коропъ, нынѣ заштат. городъ Черниговской губерши Кролевецкаго уѣзда.

*2 См. Annalium Poloniae Climacter tertius. Ad punctum abdicationis Ioannis Casimiri Regis per regnum Poloniae res gestas inclusive continens Scriptore Vespasiano a Kochow Kochowski, tribuno terrae Cracoviensis generali, Cubicul. S. R. M. et historiographo privilegiato. Cracoviae ex officina Francisci Cezary S. R. M. illustrissimi ac reverendissimi Domini episcopi Cracoviensis, ducis Severiae; ne non scholarum Novoduorscianorum typographi. Anno Domini MDCXCVIII. Pag. 102—103.

* * *

Передъ самымъ уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи, въ семидесятихъ годахъ XVIII-го вѣка, среди запорожскихъ козаковъ бродило глухое преданіе, будто когда-то давно польскій король Стефанъ Ваторій далъ козакамъ какую-то весьма важную грамоту, но никто уже не помнилъ, въ чемъ заключалось ея содержаніе. Мы знаемъ, что въ этомъ преданіи было и зерно исторической истины: ибо дѣйствительно Стефанъ Ваторій, принимая 16 сентября 1578 г. пятьсотъ низовыхъ козаковъ на королевскую службу, въ особомъ универсалѣ (см. выше, стр. 72—74) объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, какія обязательства приняты были на себя козаками передъ королемъ и Рѣчью-Посполитою и какое вознагражденіе они должны были получать за ихъ исполненіе. Предчувствуя, что Сѣчь доживаетъ послѣдніе дни, запорожцы семидесятихъ годовъ XVIII-го вѣка стремились опереться на какой-нибудь документъ, чтобы не голословно отстаивать передъ петербургскимъ правительствомъ свои права на независимость. Между тѣмъ никакого документа подходящаго содержанія въ распоряженіи запорожцевъ не было. Тогда преданіе объ универсалѣ Стефана Ваторія послужило толчкомъ къ составленію отъ его имени подложной грамоты, приспособленной къ требованіямъ данной минуты. Для придавія грамотѣ еще большаго авторитета она была вклеена въ подложный же универсалъ Богдана Хмельницкаго отъ 15 января 1655 г. Авторъ „Исторіи запорожскихъ козаковъ“ г. Эварницкій говоритъ, что „копія“ этого любопытнаго документа „хранится въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива главнаго штаба, дѣла князи Потемкина, опись 194, связка 181, № 1“. (См. т. II, Спб. 1895, стр. 60, примѣчаніе 1). Доступнымъ ученому изслѣдованію сдѣлался документъ съ той поры, какъ его напечатали въ приложеніи къ части III „Исторіи Новой Сѣчи“ А. А. Скальковскій (изд. 3, Одесса, 1886 г. стр. 275—277, № 1).

Сочиненная на Запорожьи грамота Стефана Ваторія отъ 20 августа 1576 г., вставленная въ подложный же универсалъ Богдана Хмельницкаго, была принята съ недоувѣріемъ тѣми лицами, для которыхъ она предназначалась. Запорожцы въ своихъ письмахъ изъ Петербурга, какъ говоритъ А. А. Скальковскій, жаловались что въ „Малороссійскомъ архивѣ отпусковъ т. е. черновыхъ или

проектъ этого акта не имѣется, и что *русскіе министры этому не сарказъ* (Ист. Нов. Сѣчя, изд. 3, ч. I, Од. 1885, стр. 14, прим.). Исторіографъ Миллеръ тогда же считалъ и универсалъ, и грамоту подложными—по научнымъ соображеніямъ.

Если мы вѣтаемся соботвенно въ грамоту Стефана Ваторія, то легко убѣдимся, что по внѣшней формѣ она нисколько не похожа на подлинный универсалъ Ваторія, приведенный нами выше (стр. 72—74); точно также безъ труда мы убѣдимся и въ томъ, что основной пунктъ ея: „надаеть Его Королевская Мосць козакамъ Низовымъ Запорожскимъ вѣкувсте городъ Терехтемировъ зъ монастыремъ и перевозомъ, опрочъ складоваго стариннаго ихъ Запорожскаго города Чигрина и Запорожскихъ степовъ ку землямъ Чигринскимъ подойшлихъ“ — есть почти буквальное повтореніе текста Лѣтописи Грабянки и дальнѣйшихъ его передѣлокъ.

Что касается заселенныхъ земель и пустынныхъ степей, описанныхъ въ дальнѣйшихъ пунктахъ, то это—область, которою владѣли запорожцы въ XVIII в. и права на которую они хотѣли отстоять. Границы ея такъ подробно обозначены въ грамотѣ для того, чтобы Петербургское правительство ясно видѣло, на что имѣеть притязанія запорожское „братство“.

Въ виду этого въ подложности какъ грамоты, такъ и универсала, въ который она вклеена, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

* * *

Такимъ образомъ мы подошли къ XIX вѣку. Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ его закончено было составленіе знаменитой „Исторіи Русовъ“ лже-Конисскаго. Перечитывая соображенія В. П. Горленка, ²¹ мы не сомнѣваемся, что авторомъ ея былъ благородный по характеру и высоко-талантливый Василій Григорьевичъ Полетика. Быстро распространившаяся въ спискахъ, „Исторія Русовъ“ только въ 1846 году напечатана была проф. I. М. Бодяпскимъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей при Московскомъ Унивверситетѣ“. На первыхъ порахъ ученые видѣли въ ней

---

* См. В. П. Горленко, Южно-русскіе очерки и портреты, Киевъ 1898, статья „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка“, стр. 47—74.

драгоценный исторический источникъ первой руки и усердно черпали изъ нея свѣдѣнія въ свои труды. Особенно постарался Н. А. Марковичъ, который въ своей „Исторіи Малороссіи“, вышедшей въ 1842 году, ограничился пересказомъ „Исторіи Руссовъ“, почти не считая нужнымъ провѣрять ея сообщенія другими свѣдѣтельствами. Любопытно, что и нѣкоторые польскіе ученые, которымъ доступны были дѣйствительно первостепенные источники для правдивой исторіи днѣпровскаго козачества, поддались обаянію произведенія В. Г. Полетики. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ дѣдъ пишущаго эти строки Андрей Яковлевичъ Стороженко передалъ списокъ „Исторіи Русовъ“ извѣстному автору „Исторіи славянскихъ закоподательствъ“ Вацлаву Александру Мацѣвскому. Мацѣвскій пришелъ въ такой восторгъ по прочтеніи полученной рукописи, что сдѣлалъ изъ нея извлеченія, относящіяся ко времени до появленія Богдана Хмѣльницкаго, и въ переводѣ на польскій языкъ напечаталъ ихъ въ 1839 году въ первомъ томѣ своего труда: „Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian, jako dodatek do historyi prawodawstw słowiańskich przez siebie parisaney. W Peterzburgu i w Lipsku 1839“, (str. 289—309). Въ предисловіи къ этимъ отрывкамъ онъ говоритъ о произведеніи лже-Конисскаго: „Оно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, о которыхъ и не снилось нашимъ историкамъ; и тѣмъ болѣе оно важно, что его авторъ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи, извлекъ его содержаніе изъ дневниковъ генеральныхъ писарей козацкаго войска, изъ універсаловъ королей и постановленій польскихъ сеймовъ, а также изъ старинныхъ лѣтописей“. (Стр. 286). Дѣйствительно, лицамъ, знакомымъ хотя отчасти съ тѣмъ богатымъ наслѣдствомъ хроникъ, географическихъ описаній, мемуаровъ, дневниковъ и разнаго рода архивныхъ документовъ, какое оставили послѣ себя польская образованность и государственная жизнь Польши XVI и XVII вѣковъ, не могли и не должны были „спитись“ небывлицы „Исторіи Русовъ“; но удивительно, какъ самъ Мацѣвскій при своей обширной эрудиціи не замѣтилъ ея апокрифическаго характера. Въ пятидесятихъ годахъ басни „Исторіи Русовъ“ повторяли еще Глициньскій и Чарновскій.

Съ теченіемъ времени болѣе критическіе историки въ цѣломъ рядѣ работъ съ одной стороны стремились доказать, что „Исторія

Русовъ⁶ не могла быть написана Георгіемъ Конисскимъ, подъ именемъ котораго она ходила по рукамъ, и предлагали догадки о личности ея автора, съ другой стороны указывали на ея промахи и несообразности, поправляли ея фактическія невѣрности. Тѣмъ не менѣе все то, что не было опровергнуто, считалось заслуживающимъ довѣрія и продолжало переходить изъ книги въ книгу въ качествѣ исторической истины. Однако въ послѣднюю четверть XIX-го вѣка ослабѣло впечатлѣніе, произведенное на умы „Исторіей Русовъ“, мнѣніе Геннадія Карпова,⁶¹ хотя въ нѣсколько смягченной формѣ, начало преобладать, и на нее стали смотрѣть не какъ на историческій источникъ, а какъ на политическій памфлетъ, гдѣ фантазіи данъ свободный полетъ, но гдѣ вѣрно отражаются историческіе и политическіе взгляды малороссійскаго дворянскаго общества временъ императора Александра Благословеннаго.

Эпохъ Стефана Баторія въ „Исторіи Русовъ“ посвящено почти девять печатныхъ страницъ въ два столбца (стр. 24—32 изданія 1846 г.). Мы знаемъ приблизительно составъ книгъ и рукописей, которыми могъ располагать Василій Григорьевичъ Полетика при сочиненіи „Исторіи Русовъ“. ⁶² Для королевствованія Баторія у него не было иныхъ источниковъ, кромѣ общезвѣстныхъ Аппаль Станислава Сарницкаго въ Лейпцигскомъ изданіи 1712 года ⁶³, Хроникъ Павла Пясецкаго (см. выше, стр. 121), да тѣхъ малороссійскихъ компиляцій, которыя мы пересмотрѣли выше. Но поразительно, до чего свободно работала его фантазія. Подъ его перомъ эти сухія и довольно скудныя извѣстія неожиданно развернулись въ

⁶¹ См. Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся. Соч. Геннадія Карпова. Москва 1870 стр. 44—45.

⁶² См. Киевская Старина, 1891, т. 83, статья А. М. Лазаревскаго „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“, стр. 104, 108—109.

⁶³ Это изданіе, сдѣланное книгопродавцами Гедичемъ и Вейдманомъ, состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ 1-мъ томѣ помѣщены 12 книгъ „Исторіи Польши“ Яна Длугоша; помѣченъ онъ: „Fragosfurti Anno 1711“. Во 2-мъ томѣ, помѣченномъ: „Lipsiae Anno 1712“, напечатаны: 18-я книга Исторіи Длугоша, Исторіи Польши Кадлубка, Аппалы Сарницкаго, Аппалы Оржеховскаго, Письма знаменитыхъ людей, собранныя Кариковскимъ, четыре рѣчи Голя, Описание старой и новой Польши Сѣвинскаго (Сарницкаго). Оба тома присланы были отцу В. Г. Полетикъ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ въ 1782 г. См. *Historya literatury polskiej przez Felixa Bentkowskiego*. Tom. II 1814 str. 694—697.

пышную, величественную картину яко-бы богатой событиями эпохи въ жизни Малороссіи.

Во главѣ козачества стоятъ сказочные богатыри; но ихъ мачовенію несмѣтныя полчища козаковъ предпринимають удалые походы въ далекія восточныя страны и наносятъ гибельныя пораженія повѣрнимъ басурманамъ во спасеніе душъ своихъ и во славу короля и отчизны; благодарный король стремится всѣми мѣрами улучшить и усовершенствовать гражданскій бытъ козаковъ, надѣляя ихъ автономными учрежденіями и всяческими привилегіями. Растроганный своими собственными замышленіями авторъ даетъ королю такую оцѣнку: „Король Баторій во всѣхъ отношеніяхъ къ Рускому воинству и народу былъ такой патриотъ, каковымъ почитался у Римлянъ императоръ Титъ, сынъ Веспасіановъ, т. е. другъ и отецъ человѣчества. Онъ правотою своею и кротостію вселилъ во всѣ народы королевства своего духъ единства и братскаго согласія. Не слышно было между ними никакихъ споровъ ни о породахъ, ни о преимуществахъ, и ниже о религіяхъ, умы народныя часто возмущающихъ. Самое даже духовенство, склонное обыкновенно къ преніямъ и присвоенію себѣ правомыслія, подобилось тогда агнцамъ непорочнымъ златого вѣка или паствы Адамова, и что всего восхитительнѣй, то было согласіе чистое и обѣихъ главныхъ религій, Римской и Руской. Когда отлучался надолго епископъ Римскій, то поручалъ паству или правленіе своей епархіи епископу Рускому; когда же, напротивъ, отлучался епископъ Рускій, то также поручалъ епархію свою въ правленіе Римскому епископу, и все было у нихъ въ послушаніи и любви, прямо христіанской“.

Авторъ „Исторіи Русовъ“ не могъ обойти и безъ подложной грамоты отъ имени Стефана Баторія. „Признательность и милость короля Баторія“, говоритъ онъ, „къ воинству и народу Рускому объясняются въ привилегіи его, состоявшейся 1579 года, апрѣля 19 дня, въ которой такъ написано: „Взглядомъ и увагою великихъ праць и рыцарства войскъ Рускихъ, якіе вои показали и занше оказываютъ въ оборонѣ и разширенію общей отчизны отъ супостатовъ и извыклыхъ претендаторовъ зарубажныхъ, набарзей отъ тыхъ треклятыхъ иноплеманныхъ магометанцевъ и басурмановъ, плундрующихъ отчизну и завертающихъ въ неволю

люды христіанскій, яко ся и недавно за королевство наше учинилося, але милостію Вожескою и звитажествомъ вѣрнаго гетмана нашего Руского Богдана и войсками его козацкими знатне отвергнуто и оплачено, уставуемъ и подтверждаемъ вси права, волиности и привилегіи войска того и всего народа Руского, антецессорами нашими постановленныя и утвержденныя, и якъ изъ вѣковъ у нихъ бывало, тако да пребудеть на вѣчныя времена и да неважить никто одмяти и нарушати правъ и свободъ въ добрахъ вѣчотыхъ и набытыхъ и во всякихъ маеткахъ, а властны воны шафовать ны по своей воли и судитысь объ ихъ въ своихъ судахъ земскихъ и городскихъ, въ якихъ засѣдати выбраннымъ отъ рыцарства особамъ и судити по своимъ правамъ и статутамъ Рускимъ; а належито до рыцарства войскового, тымъ судитысь въ обозахъ и табурахъ своихъ отъ судей войсковыхъ, якихъ мы въ каждомъ полку учредить повелѣли, еднакъ справа до нихъ належити о бремени воля и маетку его движимомъ, донелѣ же кто козакуеть и вписалъ въ реестры войсковыи, а за повроченьемъ въ повѣты и околицы, судитыся воны учнутъ въ судахъ повѣтовыхъ и городскихъ, яко станъ шляхетный и шляхетство Руское въ чинахъ, урядахъ и реестровомъ козацтви знайдучесь, едностъ и равностъ имуть зъ шляхетствомъ Польскимъ и Лытевскимъ, яко-же при первомъ зъедноченю Руси зъ Польшею и Литвою уложено есть и утверждено, и мы тое подтверждаемъ и заховуемъ. Трибуналу Рускому отпраковать дѣла свои по приличности въ новосозданномъ гради нашомъ Ватуринѣ, а якъ потреба укажетъ, то и въ Черкасахъ; тежъ и гетману Рускому резидовать въ томъ городѣ, а въ Черкасахъ мѣсти намѣстника своего изъ генералитета войскового, який мы знатно розширили и заоздобыли, умноживъ и классы товариства бунчукового, войскового и значкового, якимъ помѣщатиcя подъ бунчукомъ и при полковыхъ хоругвахъ, а бунчукъ жалуемъ мы гетману на знакъ звитажства его зъ войскомъ своимъ надъ народомъ Азіятичнымъ, одъ якого и клейнодъ сей добутъ працею гетманскою и кровію козацкою^а.

Дикою и несообразною представится намъ эта подложная привилегія, если мы непосредственно волѣдъ за нею прочтемъ подлинный универсалъ Стефана Ваторія изъ Вильны отъ 6-ю апрѣля 1579 года, обращенный къ низовымъ козакамъ по случаю появленія въ

пограничныхъ степяхъ молдавскаго претендента Константина Лакусты съ шайкой разнаго оброда (см. выше, стр. 82—83):

„Stefan etc. Wazem wobec i kazdemu z osobna, Mołojcom Zaporoznym i ich starszym łaskę naszą królewską.

Kiedyśmy przeszłego lata mieszkali we Lwowie, Konstantyn Łakusta, Wołoszyn, z dworu naszego tamże ze Lwowa, nieopowiednie, bez wolej i wiadomości naszej poicchu uciekł, przysięgłszy nam przedtem, że tego uczynić nie miał, i zebrawszy łotrostwa i ludzi swowolnych niemało z sobą, wezbrał się był zarazem do Wołoch szkodę i rozruch uczynić; ale pogromiony przez ludzkie wołoskie musiał tam stąd ustąpić, i jakośmy sprawę mieli, z państw naszym miał się ku Moskwie obrócić. Teraz nam wiadomość przyszła, że się przecię w ziemi naszej na Ukrainie bawi, mając przy sobie łotrostwa nie mało, z którymi zaś znowu wtargnąć pomyśla do Wołoch, a przymierze i pokój, które z ziemią Wołoską i państwa Cesarza J. M. Tureckiego utwierdzone mamy, wzruszać. Czemu dla pokoju rplćj zabiegając, posyłały tam z dworu naszego szlachetnego Andrzeja Łozowickiego, komornika naszego, który wam ten list nasz odda, do starost naszych ukragiennych, aby z nimi pospołu o Konstantym, żeby go poimać, staranie uczynił. Przeto i wam wszystkim rozkazujemy, żebyście Konstantemu towarzystwa takich rozruchów czynić w Wołoszech nie pomagali, ale tak jakoście się na służbę naszą udali, z powinności waszych nie innego nie biorąc przed się, pilnowali tego, żebyście nam i rplćj służyli wiernie, a staroście naszemu Czerkaskiemu, pod któregoście zwierzchnością, we wszem posłuszni byli. A gdzie też starosta nasz Czerkaski, tak jakośmy mu pisali, pospołu z komornikiem naszym Łozowickim potrzebował będzie pomocy waszej naprzeciwko Konstantemu, chcemy abyście mu ją dali i to czynili, co wam jedno tenże starosta nasz i komornik Łozowicki imieniem naszym rozkażą. Jeśliżby też między wami byli tacy, coby nam służyć z drugimi pospołu nie chcieli, a swowolnie Konstantemu pomocnikami być chcieli albo byli, rozkazujemy gim, aby zaniechali umysłu swego, bo niech tacy wszyscy pewnie wiedzą, że za to na gardle karani będą, jako gwałtownioy przymierza i pospolitego pokoju. Inaczćj z powinności waszych i pod takim karaniem abyście nie czynili inaczćj.

Datum w Wilnie dnia 6 miesiąca Kwietnia, r. Pańskiego
DLXXIX, a ranowania naszego roku trzeciego¹⁾.

Вотъ въ какомъ тонѣ *дѣйствительный* король Стефанъ обра-
щается къ *дѣйствительнымъ* Днѣпровскимъ козакамъ въ апрѣлѣ
579 года. Какъ мало сходна простая и дѣловая рѣчь историческа-
го Баторія съ витѣватнымъ слогомъ автора „Исторіи Русовъ“!

* * *

Къ концу XIX вѣка сознание ученыхъ, занимающихся исто-
ріей Малороссіи, освободилось въ главныхъ и важнѣйшихъ пунк-
тахъ отъ чаръ, навѣянныхъ „Исторіей Русовъ“, но отъ долгаго
чарованія въ немъ остались осадки, которые то и дѣло бывають
намѣтны на днѣ ихъ изслѣдованій. Къ числу такихъ „осадковъ“
мы относимъ взглядъ на Днѣпровскихъ козаковъ эпохи Баторія,
какъ на осѣдлое земледѣльческое *сословіе* южнорусской народности,
испомѣщенное яко-бы на литовско-господарскихъ земляхъ въ по-
граничныхъ повѣтахъ, при чемъ право владѣнія землею было
предоставлено не отдѣльнымъ лицамъ, а яко-бы цѣлымъ „общинамъ“
съ надѣленіемъ ихъ полнымъ самоуправленіемъ въ адми-
нистраціи и судѣ, но съ возложеніемъ обязательства снаряжать
вооруженныхъ людей для охраны границъ и отбыванія военной
службы подъ начальствомъ намѣстниковъ или старостъ мѣстныхъ
господарскихъ замковъ. Взглядъ этотъ тенденціозно принятъ всѣми
послѣдователями Кіевской исторической школы, какъ соотвѣт-
ствующій ея исторіософическимъ теоріямъ, но не имѣетъ за себя
никакихъ прочныхъ доказательствъ, почерпнутыхъ изъ перво-
источниковъ. Между нимъ и воззрѣніями „Исторіи Русовъ“ нѣтъ
никакой качественной разницы. Авторъ „Исторіи Русовъ“ былъ
убѣжденный дворянинъ и въ козачествѣ хотѣлъ видѣть дворян-
ское сословіе — „станъ шляхетный и шляхетство Руское въ чи-
нахъ, урядахъ и реестровомъ козачествѣ знайдучесь“; напротивъ,
ученые Кіевской школы — непреклонные „пародники“, считающіе,
будто „принципъ вѣчевой, принципъ широкаго демократизма и при-

¹⁾ Этотъ универсалъ былъ напечатанъ дважды: 1) П. А. Кулишомъ
въ Матеріалахъ для исторіи воссоединенія Руси. Т. 1, Москва 1877, стр. 11—
12, съ удержаніемъ правописанія оригинала; 2) въ изданіи: Biblioteka ordyna-
cyi Krasnólskich, Muzeum Konstantego Świdzińskiego, Tom. V i VI. Waraz. 1881
str. 896—897, № 189—въ обновленномъ правописаніи; у насъ универсалъ при-
ведемъ по этому послѣднему изданію.

знанія равныхъ политическихъ правъ для каждой общественной единицы“ — является руководящею идеею всей малороссійской исторіи, и вотъ они желаютъ разглядѣть въ туманѣ вѣковъ реальное осуществленіе своихъ демократическихъ вѣрованій и тайній въ козацкихъ „общинахъ“. Мы полагаемъ, что оба взгляда навязываются исторіи козачества, но изъ нея не вытекаютъ. Мы знаемъ, чѣмъ были Днѣпровскіе казаки до Баторія и въ его эпоху. Отнюдь не земледѣльцами. Это былъ людъ неосѣдлый, бродячій, лѣто проводившій въ степяхъ на промыслахъ, на зкму собиравшійся въ пограничныя городки, большею частью безсемеинный, разнузданный и своевольный;—то рыболовы и охотники, то удалые воины, искавшіе добычи въ набѣгахъ на сосѣднія страны, то разбойники и грабители, передъ которыми дрожали мирные пограничныя жители; не даромъ кіевскіе мѣщане говорили въ 1585 году: „а мы дей отъ таковыхъ свовольныхъ людей козаковъ и сами въ домехъ нашихъ, яко на украинѣ, во всемъ месте Киевскомъ о здоровіи своемъ не безпечны“. О надѣленіи козацкихъ „общинъ“ землю со стороны литовскаго правительства совсѣмъ нельзя найти въ источникахъ ясныхъ и прямыхъ свѣдѣній. Человѣкъ не Кіевской исторической школы, слѣдовательно — болѣе безпристрастный, авторъ дѣльнаго труда „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута, Москва 1892 г.“, М. К. Любавскій также хочетъ видѣть въ Черкасскихъ козакахъ людей „испомѣщенныхъ“ т. е. такихъ, которымъ правительство давало землю за военную службу. Чѣмъ же онъ доказываетъ свое мнѣніе? „На это (т. е. на землевладѣніе козаковъ)“, говоритъ онъ, „намекаетъ и одинъ изъ древнѣйшихъ документовъ о черкасскихъ козакахъ, именно — „спасанье речей (т. е. вещей), у козаковъ Черкасскихъ отобранныхъ черезъ Сенька Полозовича“. Козаки дѣлятся, по этому документу, на роты, при чемъ начальникомъ одной изъ ротъ является какой-то князь Дмитрій; *они имѣютъ своихъ бурсниковъ, стало быть, владѣютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность*“. (Стр. 532). Здѣсь мы имѣемъ примѣръ совершенно произвольнаго вывода изъ плохо понятаго текста. Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, изданъ весьма небрежно въ томѣ 1 части III Архива юго-западной Россіи (Кіевъ, 1863) и нѣкоторыя мѣста его, очевидно,

испорчены, но общій смыслъ его яснѣе и заключается въ слѣдующемъ: Его милость господарь литовскій (въ данномъ случаѣ— Александръ Казимировичъ, зять Иоанна III Московскаго) приказалъ переписать для памяти вещи, доставленныя ему черкасскимъ намѣстникомъ Сенькомъ Федоровичемъ Полозовичемъ въ концѣ 1502 года. Вещи тутъ были такія: 1) шесть шубъ изъ брюшныхъ бѣличьихъ шкурокъ, 2) одинъ торлопъ (женская верхняя нарядная мѣховая одежда) тоже изъ брюшныхъ бѣличьихъ шкурокъ, 3) пять лентъ, сшитыхъ изъ мѣха, снятаго съ лисьихъ ножекъ, для обкладки одеждъ снаружи, 4) шесть локтей „двиколяскаго“ сукна, 5) семнадцать драгоценныхъ камней, 6) одно жемчужное ожерелье, 7) двѣ золотыхъ пуговицы, 8) четыре маленькихъ жемчужины. Составлявшій опись писарь не ограничился простымъ перечисленіемъ вещей, а счелъ нужнымъ объяснить, какого происхожденія эти вещи и какимъ образомъ онѣ попали въ руки Сеньки Полозовича. Мѣховыя вещи и сукно, оказывается, были отобраны, какъ *поличное*, у трехъ козаковъ изъ войска князя Дмитрія Ивановича Путятича, воеводы Кіевскаго, изъ роты Щура⁹¹, обокравшихъ какого-то восточнаго купца Ахмата; камни, ожерелье, пуговицы и жемчужины достались Сеньку Полозовичу, какъ *симорочное имущество*, оставшееся послѣ смерти козака изъ той же Щуровой роты Митенка, не имѣвшаго близкихъ наслѣдниковъ, ибо былъ обычай, что послѣ умирающихъ козаковъ „тыи отумерлыя речы, хто ближнего не маєть, приходятъ на намѣстника черкаскаго“. Далѣе въ актѣ объясняется, что вещи Митенка до передачи ихъ намѣстнику хранились у его „бурсника“ по имени Каленика и что въ числѣ ихъ было еще 24 локтя краснаго „тричкаго“ сукна, но что это сукно намѣстникъ роздалъ на однорядки своимъ слугамъ. Вотъ и все содержаніе акта. Остается объяснить значеніе слова „бурсникъ“. Каленикъ былъ „бурсникомъ“ Митенка; теперь-бы мы сказали: „однополчаниномъ“, „однокашникомъ“, такъ какъ именно этотъ смыслъ имѣетъ слово „бурсникъ“. „Бур-

⁹¹ Судя по фамиліи, начальникъ роты (rotmagister, rotmistrz) Щуръ—польскаго происхожденія. Щуръ, *szur*—слово чисто польское и значитъ: прыска. Въ одномъ памятникѣ 1510 г. сказано: „Rotmagister super ducentos pedites“, изъ этихъ словъ видно, что численность роты въ началѣ XVI в. достигала 200 человекъ. См. *Materiały do słownika histor. języka i starożytności polskich*. I. Militaria. Zebrał W. Lebiński. Poznań 1889, Str. 452 подъ словомъ *rotmistrz*.

сникъ“, какъ и общезвѣтное „бурсакъ“, значить: членъ или участникъ „бурсы“ т. е. такого общежитія, гдѣ люди удовлетворяютъ свои потребности изъ одной „бурсы“, изъ одного кошелька, иначе сказать: имѣютъ общую кассу. Средневѣковое латинское слово *bursa* произошло отъ греческаго *βύρα* — кожа, при такомъ переходѣ значеній: кожа — кожаный кошелекъ — кошелекъ для храненія денегъ — общественная касса — общежитіе. Очевидно, такія роты, какъ рота Щура, около 1500 г. назывались иногда „бурсами“, а люди, въ нихъ служившіе, — „бурсниками“. Въ такомъ смыслѣ составитель акта 1502 г. и назвалъ Каленика „бурсникомъ“ Митенка т. е. товарищемъ, сослуживцемъ его по ротѣ. Очень естественно, что бездомный и безсемеиный Митенко, чувствуя приближеніе смерти, ввѣрилъ свои драгоценности и кусокъ сукна своему ближайшему сослуживцу Каленику. По составу переданной на храненіе Каленику движимости видно, что она досталась Митенку при разграбленіи какого-нибудь купеческаго каравана. Иначе почему могли попасть въ козацкія руки камни и ожерелье, золотыя пуговицы и жемчужины? Разобранный актъ вполне подтверждаетъ то воззрѣніе на Днѣпровское козацество XVI вѣка, какого мы держимся въ настоящемъ изслѣдованіи, но какъ М. К. Любавскій могъ усмотрѣть въ немъ *намекъ* на козацкое землевладѣніе, какъ онъ могъ изъ того обстоятельства, что Митенко передалъ свои вещи на храненіе своему „бурснику“, т. е. сослуживцу, Каленику, сдѣлать выводъ, что козаки „*владѣютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность*“, — все это для насъ совершенно необъяснимо.

Остальные доводы М. К. Любавскаго въ пользу существованія у Днѣпровскихъ козаковъ общиннаго землевладѣнія на господарскихъ земляхъ — сводятся къ аналогіямъ съ землевладѣніемъ козаковъ Новгородскихъ (Новогрудскихъ) и Полоцкихъ, хотя, по нашему мнѣнію, невозможны никакія аналогіи между порядками во внутреннихъ заселенныхъ областяхъ Литовскаго государства и бытомъ въ дикихъ пограничныхъ степныхъ пустыняхъ.

Также слабы доказательства „испомѣщенія“ козацкихъ „общинъ“ въ предднѣпровскихъ повѣтахъ, приводимыя послѣдователями Кіевской исторической школы. На основаніи наличныхъ источниковъ правильнѣе всего будетъ признать, что такого факта нигде не существовало.

Подчеркивая существование „испомѣщенныхъ“ козацкихъ общинъ, послѣдователи Кіевской исторической школы допускали возможность „испомѣщенія“ и отдѣльныхъ личностей изъ козацкой среды. Но такъ какъ личное землевладѣніе было явленіемъ общераспространеннымъ, то весь вопросъ сводится къ тому, были ли тѣ козакъ, о которыхъ имѣются въ источникахъ свѣдѣнія, какъ о личныхъ землевладѣльцахъ, дѣйствительно лицами козацкаго сословія, или они были обыкновенными землянами-шляхтичами, но только козаковали, ходили на козацкій промыселъ, и вслѣдствіе этого, по характеру своего быта, назывались козаками. Разсмотримъ этого рода факты, предшествующіе королевствованію Стефана Ваторія; ихъ всего два.

Въ 1546 году король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ нѣкоему Дмитрію Базановичу два селѣща въ нынѣшнемъ Уманскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи: Соколковъ на р. Конелѣ, теперешнее село Соколовку, и Митковцы на р. Горномъ Тикичѣ, теперешнее село Вороное⁴¹. Въ грамотѣ пожалованія къ имени и отчеству жалуемаго въ дательномъ падежѣ добавлено: „козаку Звенигородцу“. Послѣдователи Кіевской школы полагали, что этими словами опредѣляются сословіе и мѣсто жительства жалуемаго, и отсюда дѣлали выводъ, что козакъ „испомѣщались“ литовскимъ правительствомъ. Но благодаря документамъ, изданнымъ А. П. Яблоновскимъ, выясняется, что Дмитрій Базановичъ вовсе не былъ козакомъ въ основномъ смыслѣ этого слова, а былъ землинномъ Брацлавскаго повѣта, хотя и принадлежалъ къ „подлѣйшимъ“ (менѣе знатнымъ) землянамъ, которыхъ настоящіе знатные земные не считали своими собратіями, такъ какъ не знали ихъ родословія (Zr. dz. t. VI, str. 126—127). Уже въ 1529 г. онъ въ числѣ другихъ землянъ обязанъ былъ содержать четырехъ конныхъ воиновъ для охраны государственной границы въ окрестностяхъ Санрани, Чечельника, Звенигорода и Кошиловцевъ (Zr. dz. t. XX, str. 144). Въ документахъ онъ называется: *Dmitr Swychnogroszki* (1529) и *Dmitr Zwiņohorodec* (1545). Это фамильное прозвище объясняется, вѣроятно, прежнимъ жительствомъ его въ Звенигородскомъ замкѣ,

⁴¹ См. Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, 1886, стр. 185—206.

разрушенномъ татарами около 1520 года. Только въ жалованной грамотѣ 1548 года Дмитрій Звенигородецъ названъ „козакомъ“. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что Дмитрій Вазановичъ былъ „козакомъ“ только въ томъ смыслѣ, что онъ велъ козацкую жизнь, участвовалъ въ козацкихъ предпріятіяхъ; такъ въ недавнее время, по замѣчанію П. А. Кулиша, употреблялось слово *чума* для обозначенія челоуѣка той или другой среды, вдавшагося въ пзвѣстный промыселъ *1. Сынъ Дмитрія Вазановича Богданъ Дмитріевичъ и внукъ его Ѳеодоръ Богдановичъ обратили обозначеніе промысла ихъ родоначальника въ первую часть своей фамиліи (przydomek) и продолжали именоваться Козаками-Звенигородскими безъ отношенія уже къ тому, занималось ли они козакваніемъ или нѣтъ. Ѳеодоръ Богдановичъ въ 1592 году продалъ свою предковщину, села Соколковъ (Соколовку) и Митковцы (Ворное),—галицкому каштеляну Юрію Струсю.

Второй фактъ относится къ 1571 году и даетъ еще менѣ поводовъ для сомнѣній въ томъ, къ какому „сословію“ принадлежало жалуемое земельнымъ имѣніемъ лицо. Вотъ текстъ жалованной грамоты: „Жикгимонт-Август, etc.—Ознаймуем сим нашимъ листомъ всемъ посполите и каждому зъ особна, нинешньимъ и на потомъ будущимъ, кому будетъ потреба того вѣдати: билъ намъ чоломъ шляхетный *Омельянъ Ивановичъ, землянинъ нашъ*, и просилъ насъ, абыхмо ласку нашу господарскую над нимъ показали, а за службы его, которые он намъ зъ себе от немалого часу на той украинѣ показуеть, гдеж и на сес часъ вязневъ непріятельскихъ татарина сам от себе и *от всихъ товаришовъ своихъ, козаковъ мжовыхъ*, намъ отдалъ,—землю входную Северу за Черкасы у двадцати миляхъ, то есть, почавши от Санчаровского перевозу на реце Ворскли ** шляху татарского, на низ тою рекою Ворскломъ, къ устью речки Полузоры **3, которая с поля, з Московское стороны, с правое руки приходитъ и въ Ворскло впадаетъ, а оттолъ Ворскломъ до речки Кустови **4, которая теж с поля от Орды

*1 См. Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси, т. I, Слб. 1874, стр. 96.

** Санчаровскій перевозъ черезъ Ворскло—у нынѣшняго села Старыхъ Сешмаръ Полтавскаго уѣзда.

**3 Нынѣ рѣчка *Полузере* въ у. Полтавскомъ и Кобелянскомъ.

**4 Нынѣ рѣчка *Кусталовъ* въ у. Константиноградскомъ и Кобелянскомъ.

възвеза тамъ же впадаетъ, и зась Ворскломъ аж до рубежа Степана Жарковича Артемъковых Песков, по обудву сторонахъ тое речки Ворскля, зо всеми кгрунты, пожитки ихъ и належностями, яко ся тая земля Север въ давна в себе маеть, ему самому, жоне и дочкамъ его Гасце и Черни; а если бы он сыновъ еще мелъ, тогда, отдаливъши от тыхъ девокъ, тымъ сыномъ и потомкомъ их на вечность дали и тымъ пожаловали; за которым, же и *сельможный Юрий Язловецкий з Бучача, воевода руский, гетман коруны нашое, староста любичевский, хмельницкий и червонокиродский, до нас в прицине писал, залцаючи намъ верные и годные службы сю.* А такъ мы, в ласки нашое господарское, на приципу пана воеводы руского и бачачи тежъ на службы и чоломъ битье того слуги нашего Омеляна, то есмо учинили, а оную землю входную на имя Северу ему самому, жоне и девкамъ его Гасце и Черни, а если бы онъ сыны мелъ, тогда, заховуючи преднейшее право по мечу, сыномъ его, также детемъ и потомкомъ их, леннымъ правомъ мужского рожаю дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ на вечность, а девки его преречоные Гаска и Черня вжо до тое земли некоторого права мети не мають и от нее отпадаютъ. Маеть Омелянъ Ивановичъ самъ, его жона, такъ же дети и потомки его властны, тымъ правомъ и порядкомъ оную землю Северу по обудву сторонахъ реки Ворскля, яко ся вышей поменило, почавши от шляху Санчаровского на низ рекою Ворсклею аж до рубежа Жарковича Артемъковых Песков, зо всеми землями, кгрунты, з боры, з ласы, з деревомъ бортнымъ, з реками, а меновите, з речками Полузорою и Кустовью, з озеры, з ловы зверными, пташыми, рыбными, з бобровыми гоны и зо всеми доходы, пожитки и ихъ належностями, такъ долго и широко, якося тая земля Севера сама в себе в границах, пожиткахъ и обыкодахъ своихъ здавна и на сесь часъ маеть, держати и уживати, прибавляти, розширяти и всякие пожитки себе тамъ розмножати. А вжо от сего часу враники наши, старостове черкаские, и никто иный в томъ ему и потомкомъ его некоторое переказы чинити и вступовати ся в то ничимъ не мають, одно, же повиненъ будетъ Омелянъ с тыми потомками своими нам, господарю, и потомкомъ нашимъ, королемъ полскимъ, съ того службу нашу господарскую служити, на то дали есмо Омеляну Ивановичу сесь нашъ листъ, до которого на твердость и печать нашу привесити есмо велели.

Писан у Варшаве, дня четвертаго мѣсяца октября, лета
Бож. нарож. 1571, панована нашего року 42.

Подпис руки его кр. милости⁴¹.

Не можетъ быть спора, что Емельянъ Ивановичъ — земляничъ-
шляхтичъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ полно было въ козацкихъ
рядахъ во вторую половину XVI в. (см. выше, стр. 22). Онъ уча-
ствовалъ въ козацкихъ предпріятіяхъ и въ этомъ смыслѣ явзные
козаки называются его товарищами. Дата грамоты (4 октября
1571 г.) даетъ возможность предполагать, что Емельянъ Ивано-
вичъ былъ соратникомъ короннаго гетмана и русскаго воеводи
Юрія Язловецкаго въ той неудачной экспедиціи, которую пред-
принялъ Язловецкіи въ степи между 16 мая и 22 іюля 1571 г.
для очищенія ихъ отъ татарскихъ шаекъ и которая описана у
Папроцкаго (Herby etc. wyd. Turowskiego, 1858, str. 221—222), что
онъ отличился въ ней и при этомъ сдѣлался извѣстнымъ Язло-
вецкому и что послѣдній, желая наградить Емельяна Ивановича
за отличіе, походатайствовалъ передъ королемъ о пожалованіи его
„входною землею“ т. е. охотничьими и рыболовными угодьями по
берегамъ р. Ворскла ниже Старыхъ Сенжаръ и по рѣчкамъ Полу-
зерью и Кустолову.

Изъ предыдущихъ объясненій, намъ кажется, ясно, что оба
факта, приводимые Кіевскою историческою школою въ подтвер-
жденіе „испомѣщенія“ отдѣльныхъ лицъ козацкаго сословія, не
имѣютъ въ этомъ отношеніи никакой доказательной силы. Мы по-
лагаемъ, что наиболѣе правильнѣйшій взглядъ по вопросу объ обра-
зованіи землевладѣннй козаковъ, не принадлежавшихъ къ земанамъ
или шляхтѣ, а вышедшихъ изъ низшихъ, несвободныхъ сословіи
польско-литовскаго государства, высказанъ М. К. Любавскимъ.
„Исторія малорусскаго козачества“, говоритъ послѣдній, „не пред-
ставляетъ процесса, отличнаго отъ того, какой представляетъ исто-
рія и великорусскаго козачества. Какъ въ Великороссіи, такъ и
въ Малороссіи козакъ являлся сначала отхожимъ промышленни-
комъ, ищущимъ заработковъ на сторонѣ, чаще всего на степномъ
привольтѣ. Это степное приволье притягиваетъ къ себѣ выходцевъ

⁴¹ См. Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 8. К. 1894,
отд. III, стр. 11—18, № II — изъ матеріаловъ по исторіи козацкаго землевла-
дѣннй, сообщенныхъ П. М. Камаинымъ. Курсыя нашъ.

изъ разныхъ мѣстностей Руси, чаще всего изъ окраинныхъ. Выходцы въ силу необходимости, такъ какъ въ степяхъ, въ пустыняхъ, люди предоставлены самимъ себѣ, собственнымъ силамъ, такъ какъ тамъ идетъ борьба на жизнь и на смерть, группируются въ вооруженныя товарищества вокругъ отдѣльныхъ вожаковъ-атамановъ. Съ теченіемъ времени степи начинаютъ колонизоваться этими выходцами, которые устраниваются въ нихъ на постоянное житіе, сохраняя свою военную и общинную организацію. Въ степяхъ появляются козацкіе хутора, козацкія слободы, являются домовитые козаки, начинается земледѣліе. Такъ было и въ бассейнѣ Днѣпра, и въ бассейнѣ Дона. Козаки—не остатки какихъ-то древне-славянскихъ вольныхъ общинъ на пограничьи русской осѣдлости, а вооруженныя артели промышленниковъ, вытиснутыхъ изъ предѣловъ этой осѣдлости пустотою степей. Конечно, съ пограничья шло въ степь больше всего народа, но и внутреннія области государства давали въ козачествѣ извѣстный процентъ *1.

* * *

Вторымъ „осадкомъ“ отъ чаръ „Исторіи Русовъ“ мы считаемъ общераспространенное среди ученыхъ вѣрованіе, будто Стефанъ Баторій какою-то „реформою“ измѣнилъ правовое положеніе козацкаго „сословія“ въ „украинныхъ“ воеводствахъ. Нашимъ предыдущимъ изложеніемъ вполне доказано, что никакой „реформы“ козацкое „сословіе“ не подвергалось, да и не могло подвергаться, такъ какъ самого козацкаго „сословія“ въ то время не существовало. Мы видѣли, какъ создалась легенда объ этой „реформѣ“ въ средѣ позднѣйшаго козачества, желавшаго опереться на авторитетъ Баторія при добываніи для себя политическихъ правъ. Тѣмъ не менѣе всѣ историкі недавняго времени подробно распространялись о значеніи произведенной Баторіемъ „реформы“, ссылаясь иногда на Пясецкаго или Грондскаго, но болѣе всего на разсмотрѣнныя нами малороссійскія компіляціи *2. Кіевская исто-

*1 См. Любавскій, Начальная исторія малорусскаго козачества. Журн. Мин. Народ. Просв. 1895, июль. Отд. крит. и библиогр. стр. 238.

*2 См. напр. Костомарова, Богданъ Хмельницкій, 4 изд. 1884, т. I, стр. 19—21; Падалки, Происхожденіе запорожскаго козачества, Кіевская Старина 1884 г., т. 10, стр. 42—52; Вринцева, Исторія литовскаго государства, Вильна 1888, стр. 390—395; Эварницкаго, Исторія запорожскихъ козаковъ, т. II, 1896, стр. 56—65; и т. д.

рическая школа, стремясь объяснить внутреннй смысл мнимой „реформы“, приписывает Стефану Баторію такія политическія комбинаціи, которыя, конечно, никогда не приходили ему и въ голову. Исходя изъ того взгляда, что козаціи „общинны“ были испомѣнены литовскимъ правительствомъ и пользовались широкою административною и судебною автономіею, послѣдователи Кіевской исторической школы предполагаютъ, будто Люблинская Унія внесла большую шаткость въ ихъ юридическое положеніе, такъ какъ польское право не знало де иныхъ сословій, кромѣ шляхетскаго, мѣщанскаго и закрѣпощеннаго крестьянскаго, а козацкое сословіе не подходило де ни къ одному изъ трехъ; и вотъ будто-бы Стефанъ Баторіи, желая вывести козачество изъ этого шаткаго, неустойчиваго состоянія и дать ему точно опредѣленное правомъ мѣсто въ польскомъ государствѣ, прибѣгъ къ юридической фикціи: онъ будто-бы воспользовался принадлежавшей польскимъ королямъ прерогативою нанимать безъ вѣдома сейма чужеземныя войска и рѣшилъ, не докладывая объ этомъ сейму, начать разсматривать Днѣпровское козачество, какъ чужеземное наемное войско, несмотря на то, что оно было туземнымъ осѣдлымъ землевладѣльческимъ „сословіемъ“; но, боясь создать изъ козачества не безопасную для Рѣчи - Посполитой силу, Стефанъ Баторіи будто-бы распространилъ свою милость только на шесть тысячъ козацкихъ семействъ, которымъ и составлена была перепись (реестръ), остальную же часть козачества закрѣпостилъ мѣстнымъ шляхтичамъ; этою мѣрою онъ хотѣлъ де внести рознь въ козачество и тѣмъ ослабить его силу. Не отрицая того, что польскія понятія объ объемѣ и сущности крѣпостнаго права были одною изъ важнѣйшихъ причинъ ожесточенія западно-русскаго крестьянства противъ польскаго государственнаго режима въ эпоху Хмельницкаго, мы не можемъ согласиться съ истолкованіемъ эпохи Баторія Кіевскою историческою школою и считаемъ рисуемую ею картину столь-же фантастическою, сколь далеки были отъ подлинной дѣйствительности измышленія „Исторіи Русовъ“. Правильно разсуждалъ П. А. Кулишъ, когда онъ, издавая универсалъ Стефана Баторія, обращенный къ низовымъ козакамъ по дѣлу Константина Лакусты (см. выше, стр. 147), писалъ: „Настоящій универсалъ важенъ въ томъ отношеніи, что уничтожаетъ принятую многими выдумку,

будто бы король Стефанъ регулировалъ запорожское войско и далъ ему то устройство, въ какомъ оно является намъ во времена позднѣйшія. Какъ и когда устроило свои войсковые и полковые порядки запорожское войско, намъ неизвѣстно, потому что казаки не любили письменности. Предположивъ, что этому войску далъ извѣстное намъ устройство Стефанъ Баторій, надобно было бы внутренній строй самой Польши его времени поднять повыше; надобно было бы колонизацію украинскихъ пустынь считать совершившеюся, дикія поля, въ которыхъ Зборовскій умиралъ съ голоду, воображать удобно проходимыми, а сообщенія между центромъ государства и такою окраиною, какъ запорожскій Низъ, считать легкими. Ничего этого не было во времена Стефана Баторія; а земледѣліе въ сосѣдствѣ съ дикими полями еще и при Сигизмундѣ III было въ такомъ состояніи, что среди нивъ стояли деревянные зрубы, въ которые пахары и жнецы сбѣгались отсиживаться съ пиццалими и луками отъ татаръ, которые охотились на людей, какъ на звѣри. При такомъ положеніи края, регулировать казаковъ было Стефану Баторію столько же трудно, какъ Ярославу Мудрому—торковъ и берендѣевъ⁴¹.

На этомъ мы закончимъ наше изслѣдованіе о дѣяніяхъ Днѣпровскихъ казаковъ въ эпоху Стефана Баторія и объ искаженіи ихъ въ литературѣ, начиная съ XVII вѣка, и въ заключеніе пожелаемъ, чтобы басня о „реформѣ“ козацкаго „сословія“, производимой якобы по мысли Стефана Баторія, поскорѣе исчезла изъ учебниковъ русской исторіи и изъ энциклопедическихъ словарей⁴², гдѣ она постоянно вновь и вновь повторяется.

⁴¹ См. Кулишъ, Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, т. I, Москва 1877, стр. 11.

⁴² См. напр. въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона полут. 5, стр. 181, 187; полут. 23, стр. 275; полут. 30, стр. 590.

**Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и стихотворный
„Плачь“ о немъ неизвѣстнаго по имени автора 1585 г.**

(Къ стр. 71).

Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій былъ отцомъ князя Михаила Михайловича, дѣдомъ князя Иеремія Михайловича и прадѣдомъ князя Михаила-Фомы, провозглашеннаго 19 июня нов. ст. 1667 г. королемъ польскимъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ собирали Юліанъ Бартошевичъ (см. Tomasz Świąckiego *Historyczne ramienia znamienitych rodzin i osób dawnej Polski przejrzał w rękopiśmie, objaśnił i uzupełnił grupisami* Juljan Bartoszewicz, Tom II, Warsz. 1859, str. 295 i 535), Адамъ Бонецкій (см. *Poczet rodów w wielkiem księstwie litewskiem w XV i XVI wieku. Ułożył i wydał Adam Boniecki*, Warsz. 1887, str. 375) и Иосифъ Вольфъ (см. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku przez Józefa Wolffa*, Warsz. 1895, str. 558—559), но ни одинъ изъ нихъ не воспользовался богатымъ біографическимъ матеріаломъ, который даетъ стихотворный „Плачь“, сочиненный неизвѣстнымъ авторомъ тотчасъ вслѣдъ за кончиною князя Михаила Александровича, послѣдовавшею 5|15 октября 1584 г. Это литературное произведеніе, весьма замѣчательное во многихъ отношеніяхъ, было отпечатано, вѣроятно, въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, въ Краковѣ въ типографіи Матея Виржибиты въ 1585 году. Единственный въ цѣломъ свѣтѣ экземпляръ его сохраненъ въ бібліотекѣ ординаціи графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ. Эту книжечку просматривалъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка В. А. Мацѣевскій, занесшій въ свою „Польскую письменность“ (*Piśmiennictwo polskie, od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Przedstawił W. A. Maciejowski. Tom III. Warsz. 1852. Str. 33—34*) ея заглавіе и слѣдующій о ней отзывъ: „Изъ обращенія къ зову, помѣщеннаго въ концѣ, видно, что авторъ былъ слугою покой-

ника, а изъ описанія герба оказывается ⁹¹, что онъ жилъ въ Нижней Вилкѣ. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ жизнь достойнаго князя, описанную просто, безъ всякихъ прикрасъ. Профессоръ Э. Ф. Вержбовскій описалъ „Плать“ съ внѣшней стороны въ III томѣ своей „Польской Библиографіи“ (см. Bibliographia Polonica XV ac XVI sa. Volumen III. Varsoviae 1894, p. 170—171, № 2768). Въ настоящее время мы издаемъ цѣликомъ этотъ памятникъ по экземпляру бібліотеки ординаціи графовъ Красинскихъ, снабдивъ его необходимыми комментаріями, объясненіемъ рѣдкихъ словъ и послѣсловіемъ, въ которомъ выяснено значеніе памятника для южнорусской исторіи XVI вѣка и намѣчены вопросы, возникающіе при его изученіи.

---

⁹¹ Не точно; слѣдовало сказать: „изъ даты подъ посвященіемъ „Плать“ князю Вилковецкой“.

Epicedion.

Digitized by Google

Epicedion.

To iest.

Żałobny wiersz o zacnym a wieczney pamięci godnym Książęciu Michale Wisniewieckim, Kaszthelanie Kijewskim, Cerkaskim, Kaniewskim, Lubeckim, Staroscie. Tudziesz o nobożności żywotha iego Krześciańskiego, y około dzielności w pewnych pothrzebach z nieprzyiacielem w państwie J. K. M. y w Moskiewskiey ziemi z niebezpieczeństwem zdrowia swego, który w oyczyźnie swoiey na zamku Wisniewieckim mając lath wieku swego 55 ¹⁾, dług powinny Panu Bogu swemu, pietnastego dnia Oktobra, s Poniedziałku na Wtorek ²⁾, w Roku od narodzenia Krystusa Pana 1584, zapłacił.

DO CZYTELNIKA.

Rozni byli co ludziom, to widzieć podali,

Jeden pisał, a drudzy druku pilnowali

Ukroćić sie nie zdało, przydać pogotowiu,

W rozumie swym niech pływa, każdy iest w przysłowiu.

5 Jednak to istna prawda, co sie tu pisało,

A iesliby co komu, inaczej sie zdało.

Wspomni że łatwiey ganić, niżli nasładować,

Y niepodobna wazytkim wobec sie podobać,

Piękne ciało piękne iest, By dobrze nie była

10 Piękna suknia, co ciało by przyozdobiła.

1) Возраст уоошара князя показывается, что онъ родился въ 1529 г.

2) Изъ указанія, что 15-ое октября приходилось въ понедѣльникъ, — видно, что авторъ считалъ по новому стилю; 15-е октября стараго стиля приходилось въ 1584 г. въ четвергъ. Значить, кн. Михаилъ Александровичъ скончался 5/15 октября 1584 г. Погребенъ онъ былъ, какъ извѣстно, въ Кievo-Печерской Лаврѣ. См. Максимовичъ, Собрание сочин., т. II, Киевъ, 1877, стр. 231.

Komu wina nie stawia, ryby z wodą warzy,
Nie każdemu Maronem, byó sie zawždy zdarzy.
Owa dosyć kto wprzod chciał, że w pul kresu stanie,
Y tuó nie wszystko wazytkim, podoba się Panie.

(str. 2).

Wždy lepiej

- 15 Wždy lepiej że ói przedsię, w Polsce sie nayduią,
Ktorzy onych ludzi sprawy, swiatu pokazują.
Niżli żeby przygany, chroniąc sie w pisaniu,
Cnoty ich niewdzięczności, zostały w mniemaniu.
Pewnaó to iest że iako, lekarstwo choremu,
20 Tak prawdę udaó trzeba, wieku ninieyszemu.
Gdyż iako sepsowany, w potrawach żołądek,
Tak braku w rzeczach nie ma skażony rozsądek.
Jednak sie tym nie gorszyó, a pomnieć to przydzie,
Ze iako trawa z Wiosną, prawda s czasem wnidzie.
25 Ktorą trudno potłumió, bo ma ostro rogi,
Y żywot długowieczny, y bieg wiclironogi.

M.

W.

K.

K.

S.

L.

(Мѣсто изображенія герба князей Вишневецкихъ. Вокругъ герба
буквы: М. W. К. К. S. L., что значить: Михаилъ Вишневецкій,
каштелянъ Кіевскій, староста Любецкій).

Na Herby
Sławney a Wieczney
pamięci godnego, Wielmożnego Książ-
ęcia Michała Wisniewieckiego, Kasztelana zie-
mie Kijowskiej, Czerkaskiego, Kaniowskiego,
y Lubeckiego Starosty.

Zacna rzecz iest, z zacnych być przodków narodzonym,
A zacnością narodu, zdawna oslachcionym.

Szczęśliwym tu na świecie, takiego mianuia,
Rozmaite tytuły, iemu przypisuią.

5 Do czego gdy maiętność, Krezusa przystąpi,
Nie lada kto s nim zrowna, każdy mu ustąpi.

Lecz zacnieysza to iscie, męstwem dobrej sławy,
Dzielnością, tu nabywać, cnotliwemi sprawy.

A do przodków zacności s swoiey też ochoty,
10 S pilnością usiłować, o wieczne kleynoty.

Nie tak własney iak więcey, Pospoliteyrzeczy
Służąc, którą Rycerski, człowiek ma na pieczy.

Nie żalując tu dla niey rozlicznych trudności
Podiąć, gardło utraćć nad to maiętności.

15 Za takiemić postęпки, Herby rozdawano.

Ktore w tym być czułymi, rzeczam doznawano.

Na znak męstwa, dzielności, y uczciwey sprawy,
Wyrażając to wszystko, iako obraz prawy.

Ktory acz sam nie mowi, lecz to znamionuie,

20 Co w Koronnym synaczkku, rzeczą tu znajduie.

W tymći się przed tym naszy, przodkowie kochali,
Za bogactwa oyczyznę, synom zostawiali,

Dając tym znać, że sława, jest lepsza niż złoto,
Względem ktorey wszystko jest, proch a szczone błoto
(str. 4). Ukazując

25 Ukazując im drogę, przykład dobrej sławy,
Ktorey każdy dostąpi, przez uczołwe sprawy.

Tymoi torem Książęta, poszły Winiowieckie,
Tym gościńcem Książęta poszły też Zbaraskie.
Ktorem za Herb trzy krzyże, Miesiąć z Gwiazdą dano,
30 Zaczne sprawy, postępki, ich tym wyrażono.
Zwłaszcza dzielność Rycerską, męstwo, stałą wiarę,
Za łaskawą fortuną, chowając w niej miarę.
Ktore iako noc ciemną, Miesiąć zwykły oswiecać,
Tak po dziśdzień są jasne, musi każdy zeznać.
35 Zeznać musi Tatarzyn, plugawy Moskwićin,
Kto tego jest niewiadam, zeznać to i Turczyn.
Ktoreych rada, moc, siła, za Bożą pomocą,
W niwecz się obracała, tak we dnie iak nocą.
A choć się też kuśili, zawždy szwank odniesli,
40 Nie iednego do hordy, bez dusze poniesli.
Częstokroć nieprzyjaciel, kusząc szczęścia swego,
By pociechę s korzyscią, odniósł, szukał tego.
Lecz s sromotą odchodził, będąć odpędzony.
Mężnością będąć wsparty, odwracał zagony.
45 A rownie iako zwierzę, od gniazda swiego,
Jadowicie odgania, sobie przeciwnego.
Ktoremu się s pilnością, ze wszech stron sprzećiwi,
Chocia czasem z inszymi, nie rowno być widzi.
Tak y oni od granic, oyczyzny swoy sławney,
50 Odganiałi pohancow, z zwykłości swey dawney.
Ktorą zawsze statecznie, szczyrze pokazali:
A nieprzyjacielowi, pociechy nie dali.
Potężnie go z oyczystych, kraioy wypędzając,
Ze się ich strzegł na potym, iako bębna Zając.

---

55 Wręby zaszę wrodzoną, dzielność, cnotę męstwo
Szczęrość, znaczą, układność, ku wszem dobrodziejstwo.
Ktore w tym zacnym domu, nigdy nie ustanie,
Tylko ich w dobrym zdrowiu, zachoway nasz Panie.

(str. 5).

Jablko

- Jablko s trąbą, nie tu nam, nie znaczą inazego;
60 Jedno iż oni poszli, s domu tak zacnego.
S. Korybuta sławnego, ktory opanował,
Sławne Czechy, y onym, statecznie krolował.
Dobyl państwa Morawy, inszyoh ziem niemało,
Za laskawą fortuna, snadnie to bywało.
65 Ktora mu tak służyła, miłość wszęch zyednała,
Krolow, Panow, y inyoh, tak sie w nim kochała.
Czego znaki są iawne, bo Pogonia nośil,
Znać że ten nieprzyziaciol, częstokroć przepłoszył.
Ta Pogonia Krolowi, Witultu służyła,
70 A za swoią dzielnością, Czechow dostąpiła.
Gdzie dośó zacnych postępkow, meźnie dokazował,
Czemu sie Zygmunt Cesarz, ze strachem dziwował.
Zayżrząc mu szczęścia tego, że Pogonia iego,
Wrychle przyszła ku sławie, za czasu onego.
75 Ktora iako na ten czas, wszędzie sławna była,
Tak po dziś dzień iey dzielność po swiecie słyńęła.
Przez potomkow postęпки, ktorzy ją wkrzeszali,
Pola, czasu pogody, nigdy nie zaspali.
Staraiąc sie s pilnością, iakby ją w całości,
80 Oddali też swym dziatkom, znak sławy dzielności.

-
- S tego oni zacnego, przodka narodzeni,
A zacnością narodu, będąc oslachceni.
Do zacności domowey, niemało przydali
Za ucźciwe postęпки, sławy oney dostali.
85 Ktora po wszęch narodziech iuz dawno zabrzmiała,
Y póki tey machiny, ta rzecz będzie trwała.
Sławne sprawy, postęпки, męstwo, wysławiając,
Głosem trąby, na przykład, wszystkim ogłasziąc.
O szczęśliwe potomstwo, ktore takie dziady,

90   Rodzice masz, y sacne, bierzess s nich przykłady
Nie ohłubiąc sie cudszymi, lecz własnymi sprawy,
      Ktore s nich pokazuiesz, iak potomek prawy.

(str. 6).

Fortunni

Fortunni też rodzicy, ktorym Pan Bog takie
      Dziatki dawa, skąd płyną, pociechy wazelakie.

95   Ze sie pilnie staraia, o sławę ucściwa,
      Ktorey więcey niż skarbom, tu. na swiecie służą.

Jakie dziatki tym daie, ktorzy wolą iego
      Pełnią, a w swoich sprawach, garną się do niego,

Przeto zacne potomstwo, sławnego Hetmana,

100   Nasladuy stop dzielności, Oycy swego Pana.

A po bożey boyazni, miey na dobrej pieczy,
      Zebyś zawždy służyło Pospoliteyrzeczy.

Przykład bierz z przodkow zacnych, y oycy zeszęłego,
      Ktory tu sławy dostał, imienia wiecznego.

105   W całosci to zachowuy, prosząc Boga swego,
      Zebyó w tym błogosławil, a dał przyśó do tego.

Wielmożney Paniey Jey Miłości Księżnie Michałowej Wisniwieckiey, Kaszthelanowey Kijewskiey, Czerkaskiey, Kaniewskiey, Lubeckiey Starościney: Księżnie Halazce Zienowictownie ¹⁾, Paniey Paniey moiey Miłościwey, łaski y pokoju ze wszelakimi pocieszeniami od Boga Oycy, przez Pana naszego Jezusa Krystusa uprzejmymi życzami etc.

¹⁾ Въ юнѣ мѣсяцѣ 1903 года въ газетѣ „Новое Время“ помѣщено бы слѣдующее письмо въ редакцію: „Въ № 9787 „Новаго Времени“ сообщаетъ что сербскіе князья и аристократія погибли въ теченіе 400-лѣтняго турецкаго ига въ борьбѣ съ турками или разсѣлялись по другимъ странамъ, потерявъ сознаніе о своей первоначальной народности. Не лишено интереса тотъ фактъ, что древнѣйшій сербскій родъ Деспотовъ-Зеновичей существуетъ по настоящее время въ Россіи. Происхожденіе этой фамиліи слѣдующимъ образомъ: Сербскій царь Стефанъ Душанъ, принявъ въ 1346 году титулъ императора греческаго, сталъ заводить у себя византійскіе порядки, раздѣлялъ государство на нѣсколько деспотій и назначалъ въ нихъ правителями своихъ родственниковъ. Во Влахию и Эзопю съ городомъ Зеново былъ правителемъ братъ Стефана, Симеонъ. Послѣ смерти Стефана деспотіи стали самостоятельными удѣльными княжествами, а наследники Стефана остались лишь при номинальной власти и правили Сербіей съ 1406 года, нося титулъ деспота, и торый и удерживается до самаго паденія Сербіи.

Раздѣлившись на удѣльные княжества-деспотіи, сербы естественно могли выдержать побѣдимаго шестиваго турокъ. Тѣснымъ послѣднимъ, деспотъ Зеновъ съ синомъ Юріемъ и съ шестьюстами всадниковъ въ концѣ XI столѣтія переходятъ въ Молдавію, оттуда къ польскому королю, а затѣмъ переселяется въ Литву. Витовтъ, во вниманіе къ заслугамъ деспота Юрія Зеновича или желая удержать его у себя, даритъ ему громадный помѣстъ на протяженіи болѣе 50-ти миль (дарственная грамота 1409 г. подлинникомъ до насъ не дошла, она упоминается въ духовномъ завѣщаніи Христофора Зеновича 1611 года, а затѣмъ въ ошмянскихъ земскихъ актахъ сохранила запись, что эта грамота была предъявлена въ подлинникъ въ 1626 г.)

Послѣ подареннаго Витовтомъ Юрію Зеновичу богатаго надѣла, къ началу XVII столѣтія еще болѣе возросшему, деспоты Зеновичи становятся Литвѣ одними изъ самыхъ влиятельныхъ вельможъ. Отряды Радзивилловъ Зеновичей составляютъ главный контингентъ войскъ Литвы. Представители этого рода въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ служатъ въ почетныхъ должностяхъ каштеляновъ, пословъ, воеводъ и пр., рождаются со многими влиятельными родами, съ Радзивиллами, князьями Огвинскими, Вишневецкими, и т. д. (дочь Юрія Деспота-Зеновича, прямого потомка перваго Юрія, вышла замужъ за князя Михаила Вишневецкаго, дядю извѣстнаго въ исторіи Адама Вишневецкаго. Польскій король Михаилъ Корибутъ Вишневецкій былъ ее прадедушкой по прямой линіи).

Gdy Pan Bog z wolej a przedziwnego przejrzenia swego, Wielmożna a Miłościwa Księżno, Pani, Pani moja Miłościwa, nas rozmaitymi a nieznośnymi frasunkami y dziwnymi przypadkami karać a nawiedzać raczy. Tedy iscie nie okrom przyoczyny takowę frasunki y takie doległości na nas dopuszczają raczy, iedno aby doswiadszył a sprobował, tak iako złotarz w ogniu złota probuie y doswiadsza, ielibysmy ono karanie a ono nawiedzenie iego statecznym a dobrym umysłem, okrom wszelakiego szemrania, znosili a wyćirpieli. Jako o tym Apostoł święty przypomina do Hebreow, tymi słowy: Synu moy, nie wzgardzay kaźni Pańskiej, ani ustawy gdy od niego strofowan będziess. Bo kogo Pan Bog miłuie, tego też karze, Bo iesli, prawi, statecznie kaźni Pańskie przyimuiecie, thedy sie theż wam Bog własnie, iako synom, ofiaruie: Bo cożby to był za syn, ktoregoby Ociec nie karał, bo iesli bez karania iestescioie, tedyście nie własni synowie iego. Przykład mamy piękny takiego karania a doswiadszenia Pańskiego, w onym cnotliwym a świętego żywota w Jobie, ktorego Bog dziwnie a rozmaicie szukając, a doswiadszając w nim uprzejmey ćirpliwości a stateczności, karać, nie tylko na miłych dziateczkach, na maietności od nieprzyiaciela rozszarpaney

(str. 8).

a pobraney,

a pobraney, ale nakoniec y namego takimi ciężskimi niemocami pokarać raczył, iż od wirzchu głowy aż do pięty nożney micysca

Въ XVIII вѣкѣ земельныя богатства рода Деспотовъ-Зеновичей, а имѣтѣ съ тѣмъ и его значеніе постепенно падаютъ. Послѣ раздѣла Польши одинъ изъ Деспотовъ-Зеновичей Михаилъ, мѣнскій губернскій маршалъ, переходитъ на службу къ русскому правительству мѣнскимъ губ. предводителемъ дворянства. Въ прошломъ столѣтіи представители этого рода, который записанъ въ 6-ю часть дворянскихъ родословныхъ книгъ Виленской и Мѣнскіей губерній, служатъ на разныхъ военныхъ и гражданскихъ должностяхъ. Изъ числа послѣднихъ выдѣлился, какъ администраторъ, бывшій няктинскій градоначальникъ, а затѣмъ тобольскій губернаторъ А. П. Деспотъ-Зеновичъ. За послѣднее столѣтіе Деспоты-Зеновичи растеряли почти все свои имѣнія и изъ когда-то многочисленнаго рода осталось къ концу столѣтія лишь нѣсколько потомковъ мужского пола.

За время пятинакового исхода изъ Сербіи, представители этого рода некогда не забывали о своемъ происхожденіи, доказательствомъ чему служатъ многочисленные родовые документы, находящіеся въ настоящее время на рукахъ у одного изъ послѣднихъ представителей фамилии Деспотовъ-Зеновичей.

nie było zdrowego. Coż: Y azasz co przykrego, azasz co bluźnierkiego szemrząc przeciw Bogu on pobożny Job mówił, y owasem the wszystko od Pana swego przyjmując rzekł: Pan był dał, Pan też zaś wziął, niechayże będzie błogosławione imię jego. Y mowi daley: Yż w tym wszystkim nie zgrzeszył Job, ani też nic nieprzystoynego przeciw Bogu mówił. Czemuzbyśmy theż y my, Miłościwa Księżno, wzorem a przykładem onego pobożnego a świętego człowieka Joba, wszelkie a rozmaite karania od Pana Boga przyjmować statecznym sercem nie mieli, gdyż on iako Ociec łaskawy obchodzi sie z nami iako z dziećkami swemi, a one karania, a ony frasunki, czasu swego miłościwie a łaskawie y szcudrobliwie nagrodzić będzie raczył, tak iako nagrodzić raczył onę stateczną cierpliwość Jobowi pobożnemu. Mamy jeazczy drugi przykład wielkiej a przedziwney stałości, w onym Abraamie przyiacielu a miłośniku Bożym, kthoremu Bog, doświadczając a szukając w nim stałości a uprzejmego posłuszeństwa, rozkazał iżby syna, ktorego też tylko w starości swey iednego miał, iemu ku ofierze zarzekał. Coż, y azasz sie Abraam s thego Panu iedynakiem wymówić chował? Ale patrz iż z wielką chęcią pokazując w tym posłuszeństwo Panu swemu, syna swego związanego y iuż na drwa włożonego, zarazem zarzewawszy spalić ku ofierze Bogu samemu chciał. Y uczyniłby to był, gdyby go Pan Bog przez Anyoła swego od tego nie odwiódł, z wielką wdzięcznością onę chęć a ono posłuszeństwo Abraamowe przyjąwszy, powiedział: Przez samego siebie przysiągłom, żeś uczynił rzecz tę nie folgując synowi swemu, błogosławiając ubłogosławie cie, a rozmnażając rozmnożę nasienie twoie.

Przeto ile Bog co wybranych, tu mowie nas, czymkolwiek nietrefnym nawiedza a karać raczy, tedy nie dla czego inszego, iakom wyszszey powiedział, to czyni, iedno iżby stateczney śirpliwości w nas doznał y doświadzył. Thuć

(str. 9).

Bog wy-

Bóg wybrane a miłośniki swoje rozmaicie doświadczając karze y dziwnie nawiedza a niewiernikow y niezbożnikow a bluźniercow y niemilosiernych y tu y na onym swiecie karać będzie raczył. Azasz tego sami na oko nie widzimy, Miłościwa Księżno, iako Pan Bog własnie s swoimi wybranymi a onymi miłośnikami swemi obchodzić się raczył, niech sie też także obchodzi y z waszą, Wielmożnością moją Miłościwą Panią, nawiedzawszy takim złem y takim frasunkiem w dzisieyszym W. W. Raczy też W. W. doświadczać a probować. Jesli-

był też W. W. wzorem a przykładem onych przyjaciół a miłośników Bożych, ony frasunki a ony nawiedzenia, także stale y tak statecznie znosił a wycierpieć raczyła. Nawiedzió raczył taką wielką żalością iako Pan W. W. wzięwszy z tego świata sławney a świętoy panięoi Księżę, Małżonka W. W. wiecącego a namilszego przyjaciół. On iako Bog sam był raczył przejrzeó wprzód w święty stan małżoński tak zacnego, pobożnego, dobrego, a wszystkich onot krześcianańskich pełnego: A zasię onte sam iako Pan onot Małżoństwo ktore był złączył spoił a syednoczył raczył, rozdwoił zasię y rozłączyó raczył, skąd żalosoó prawie serdeczną znosió a ćirpieć raczysz. Ale obeyrzawszy sie zasię Miłościwa Księżno na Pana Boga, przypatrzywszy sie też pilnie wszzechmocności a woli iego, który wszzechmocnością swoią czyni co iedno chce y raczy. Yż theżtho nie czyia insza wola, ale wola samego onego iedynego Boga, który wziąć raczył z tego świata Księżę, Małżonka W. W. A poniewasz na to wola samego Pana Boga iest, raczże sie W. W. Miłościwa Pani wedle woley a chcenia iego w tey tak wielkicy a ciężkicy żalości przypuszczywaó na wolą iego świętą y tak sie zachowaó, o którą y w oney Modlitwie Pańskicy na każdy dzień prosimy aby sie zawsze działa nad nami. Także też y z onym Jobem świętym: Pan dał Pan wziął, niechayze imię iego błogosławione będzie. Widzimy sami dobrze, Miłościwa Księżno, iż Księżęciu Panu swemu zesłemu takim ciężkim lamentem y płaczem nie pomoc nie możemy, iuz go takim żalonym płaczem wzbudzió

(str. 10).

nie możemy

nie możemy. Jako ono piękny przykład mamy w onym Dawidzie Krolu, Yż gdy mu czasu iednego srodze syn zachorzał był, usiadł na ziemi w prochu, y w grubym odzieniu pościł nie iadł Bogu sie modlił, a to czynił przez siedm dni, słudzy iego przednieyszy odwodząc go od tak ciężkicy żalości podnieś go od ziemie chcieli, lecz on nie chciał. Ale gdy sie iuz był o pewney smierci syna swego dowiedział, wstał a umył sie, szaty Krolewskie wdziawszy, szedł modlić sie do domu Pańskiego, a potym iadł. Czemu sie pilnie słudzy iego dziwowali, którym Dawid rzekł: Póki dziecie żywo było pościłem, y płakałem, bom tak myślił, aza sie Bog zmiłuie nademną że będzie żywo. A teraz gdy iuz umarło, na co mi ten post? Przypatrz sie się tu, Miłościwa Księżno, Dawidowi, który ieszcze za żywota swe-

go dziecięcia, w wielkiej pokorze siedząc w prochu, Bogu się modlił o zdrowie syna swego, nie jadł ani pił. A skoro dziecię umarło odmienił y szaty y posty, gdyż już umarłego ku żywothu pierwszymu trudno przywieść miał. Racząc się też W. W. Miłościwa Księżno w tym takim żalu obyczajem krześciańskim krześciańskie zachować. Aczółi boz tego być nie może, iżby się człowiek od żalóści y od płaczu zadzierść miał, zwłaszcza widząc już na marach leżącego milego Małzonka swego, wszakoż miarę y kres pismo święte nam w tym pokazało, iżbyśmy Pogańskim obyczajem umarłych swoich nie oplakiwali. Jako nam pisze Syrach: Synu, wylewaj łzy nad umarłym, a żaluy iakobys miał co naprzykrzszego órpieć, a podług zwyczaju umarłych przykryj ciało iego, ani odwłaczaj pogrzebu iego, żaluy s ciężkoscią, a wzbudzaj płacz łzami gorącymi, a żaluy go wedle godności iego, a to dzień albo dwa, potym się oiesz abyś s siebie złożył frasunek. Y mowi dalej: Pomni na to, iż się wroćić nie może, a ktemu iż mu nic nie pomożesz, iedno się sam ufrasujesz. Otoż to, Miłościwa Księżno, dosyć dostatecznie pokazuje Syrach, iako się mamy z umarłymi swemi obchodzić. Przeto, Miłościwa Księżno, zachowuiąc obyczay taki w takowey żalóści y w smutku, obyczay nam pismo świę-

(str. 11).

te pokazuje,

te pokazuje, wszystko na wolę milego Boga wkładając, órpliwie to cżym nawiedzić raczył znośić, poniewasz że też on Bog wszechmocny takimi dary świętymi y baczeniem takim W. W. ozdobił y obdarzył raczył, że dawszy rozumowi mieysce, a przypatruwszy się też słowu Pańskiemu, ktorego W. W. ustawnie słuchać raczysz, wedle niego w they żalóści swcy zachować y rządzić, a Pan Bog który iest samym Bogiem pocieszenia iako Ociec miłosierny, thakie frasunki, thakie żalóści z niewymownego miłosierdzia swego nagrodzić y pocieszyć będzie raczył. Masz się czym z łaski Bożey już w takiej żalóści cieszyć, Miłościwa Pani, a zwłaszcza iż otho Pan Bog z miłosierdzia swego wielkiego dać W. W. raczył najmilsze dzieteczki, który własny a żywy obraz zesłego Książęcia Małzonka W. W. tudziesz przed oczyma W. W. chodzą. Azasz to mała pociecha W. W. byś też W. W. y na własnego Książęcia zesłego patrzyć miała. A nawięcey Miłościwa Księżno jego Miłóści Książęcia Alexandra, ktorego Pan Bog w tych

młodych lecich iego takimi dary y takim baczeniem s łaski swey ozdobił raczył, że on iako iasna świeca domu waszytkiego zacnego, y w ziemiach cudzych sławnego domu Wiszniowieckiego, wedle zacnych przodków swych świeć y słynać będzie. Y da Pan Bog, że tego ieszcze doczekamy, że będzie mieć s niego w czasie zacnego senatora, ieszcze on Bog Wszechmocny oko swe miłościwe ma na dom Wisniewiecki, że iako y przed thym thak y teraz kwitnać będzie. Acźci nam Pan Bog tego domu umniecszywszy, y zacne Senatory wierne a prawdziwe Rzeczypospolitey miłośniki pobrać raczył. Acz y tho nie okrom przyczyny. Bo widząc Pan Bog takie niewdzięczności, albo Monarchy albo iego Senatory zasie ich odbierać raczy. Ale nadzieia w nim iako w Panu a Oycu miłosiernym, że iako raczył domu tak zacnego dziś umniecszyć, iż tak zasię s thychże latorosleczek iako y przed tym rościć a rozmnożyć raczy. Niechże, Miłościwa Księżno, Bog sam który iest Bogiem pocieszenia y nadzieie dobrej, Niech W. W. w takiey dzisieyszey żalosci teraz y za-

(str. 12).

wsze pocie-

wsze pocieszycielem y obrońcą będzie za moją acz niegodną modlitwą y prośbą, tego W. W. Miłościwa Księżno, od iego świętey miłości iako y naniszszy służebnik mieć życzę, Miłościwa Księżno, na pamięć onego dobrodzieystwa, ktorego w domu W. W. y po dziś dzień używam. A za tho za łaską W. W. mych miłościwych Panow złożyłem kilkadziesiąt wirszow, przypominaiąc nimi zacnego a świętey pamięci Pana a dobrodzieia swego Miłościwego zesłego, acz nie Homerusowym ani Wirgiliuszowym wirszem, lecz s prosthego dowcipu moiego, kthore podawam W. W. swey Miłościwey Paniey, prosząc aby W. W. tę pracę moję iakokolwiek od naniszczego sługi swego za wdzięczne przyiać raczyła. Pisan w Nizniey Bilce ¹⁾, dnia pirwszego Januaria, Roku 1585.

1) Нижняя Билка, нынѣ—Малая Бѣлка, селеніе Кременецкаго уѣзда. По ревизіи 1583 года, въ числѣ имѣній князя Михаила Вишневецкаго показано селеніе Билка съ 5 домохозяевами и съ 4 огородниками (по принятому г. Яблонецкимъ счету—46 душъ об. пола), но нельзя опредѣлить, нынѣль ли тутъ въ виду Верхняя (Большая) или Нижняя (Малая) Билка. См. Жг. дз. т. XIX, отд. 2, стр. 132.

(Str. 18).

Epicedion.

ALBO WIRSZ ŻAŁOBNY.

- Nyech uóichnie Lutnia twa, wdzięczny Apolinie,
Y słodko brzmiące struny, twoie Amphionie.
Nyech uóichnie Cytara, wesole spiewanie,
Wirsz moy teraz wspomina, żalósó narzekania.
- 5 Odmiennósó przypomina, swiata omylnego,
A iak fata ruszaią, z osobna każdego.
Jak radosne pociechy, w żal się obracaią,
Tak żalósne przypadki, na nas przypadaią.
Rozmaite wesela, iedni używaią,
- 10 Drudzy zaś w prochu siedząc, smutnie narzekaią.
Dziś iedni zdrowo chodzą, aż ich iutro niosą,
Takóci śmierć nieużyta, siecze zdradnie kosą.
Owa ten swiat zdradliwie, obchodzi sie s nami,
A pewnego mieszkania, tu na nim nie mamy.
- 15 Własnie tak iako goście, albo komornicy,
Gdy sie nam ruszyć każą, musim isó nędzniczy.
Więc na zacne osoby, respektu nie maiąc,
Wszystkich rowno krom braku, sobie poważaiąc.
Jak przemożne Monarchy, tak zacne Książęta,
- 20 Ubogie y bogate, y sławne Panięta.
Ach nieopłakana śmierć, Książęcia zacnego,
Rycerza przesławnego, a Męża wielkiego,
Ktoremu tu śmierć sroga, sfolgować nie chciała,
Yżby by był dłużey s nami, nam tego zayrzała.
- 25 Ach nieszczęsnysh to czas był, żalósna godzina,
Gdy w uszoch naszych taka, zabrzmiała nowina
O zesciu s swiata tego, Książęcia zacnego,

Nierząco Pana leć Ojca, wszem dobrotliwego.
Zasnął iuż w sen wieczny, Rycerzu przemożny,
30   Któryś nieprzyjacielom, bywał zawsze grożny.

(str. 14).

Twoja mę-

Twoja męzna osoba, wszystkim strach dawała
Wielkości nieprzyjaciół, nic sie nie lękała.
Nie straszny był Moskwićin, ni Turczyn zawoiem,
Ni waleczny Tatarzyn, srogim krwawym boiem.
35 A teraz iako cię śmierć, arodze scholdowała,
Nam żalóś, sobie triumph, wieczny udziała.
Ach iakosz sie od płaczu, oko zdzierzeć może,
Acz to pewna iż tym iuż, namniey nie pomoże.
Leć dobrodzieia swego, gdy wspomni zeszłego,
40   Trudno zapłakać nie ma, s serca uprzejmego.
Odmieńcie szaty iasne, złotem haftowane,
Przykrycie suknem czarnym, sciany malowane.
Oto Bog nam wziąć raczył, Rycerza dzielnego,
A Rzeczypospolitey, Senatora cnego.
45 Patrziesz sławni Rycerze, tey zacney Korony,
Jako nam Pan Bog bierze, zacne Senatory.
Poddnieprska ukraina, dziś osirociała,
Yż dzielnego Hetmana, swego postradała.
Ycie nie bez przyczyny, Pan Bog nas tak karze,
50   Ze oto bierze od nas, zacne Dygnitarze.
Szczyttem prawie był wszystkiey, iscie ukrainie,
Możesz iuż dobrze pomnić, y ty Tatarzynie.
Zawsze czuynym Rycerstwem, temu dogadzając,
Jako psy iadowite, z granic odganiając.
55 Już dziś ony ozdobne, pola kurhanami.
Własnie iak slične niebo, iasnemi gwiazdami.
Po których sie częstokroć, za Tatary gonil,
A swoią ostrą szablą, z Rycerstwem swym gromil,
Gdy z Rusi plony gnali, więźnie odeymował,
60   A niebezpieczność zdrowia, za nie ofiarował,
Y tych patrz iak smutnymi, dziś sie wszystkim zdali,
Rzecz pewna gdyby głos był, iżeby płakały.

Książecia tego przodek, rodzain zacnego,
Ydzie od dawnych czasow, s Księstwa Litowskiego.
65 Zaone plemię onego, Korybuta onego ¹⁾,
Ktory za swą dzielnością, przyszedł był do tego.

(str. 15).

Będąc obra-

Będąc obranym Krolem, Czechom roskazował ²⁾,
Rzeczpospolitą z wielką, czunością sprawował.
Bo Zygmunta Cesarza, wypędził z Morawy,
70 Szeroko w Księstwie Śląskim, wojował dzierżawy.
Wrocław, Bitum, wypalił, tak harde Niemczyki, Oderwane
Ukrocił, że y Cezarz, musiał zmylić szyki. Niemce od
Burzył Księstwo Łusackie, ze wszemi włościami, Czechow
Powtore zasię skaral, harde Wrocławiany. Korybut
75 Yż posłuszni Monarchy, swego być nie chcieli, Karał.
Czechow swych odstąpiwszy, k Cesarzu przystali.
Od tegoto Monarchy, Książąt Wisniewieckich,
Idzie iedną linią, także dom Zbaraskich.
Jako z iednego szczepu, wdzięczne latorosli,
80 S tego zacnego domu, Książęta ty poszli.
Ktorych nam, Panie Boże, zachoway w całości,
Skrzydły swemi możnymi, broń ich z wysokości.

¹⁾ Князь Корибутъ-Дмитрій Ольгердовичъ княжилъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ до 1393 года; былъ живъ еще въ 1404 г. Въ „Хроникѣ“ Стрыйковскаго (1582 г.) и въ „Гербахъ“ Папроцкаго (1584 г.) впервые записано преданіе, будто отъ этого Корибута черезъ сына его Федора Корибутовича происходятъ князья Вишневецкіе, Збаржскіе и другія родственныя имъ княжескія фамиліи. Новѣйшіе ученые (Стадницкій, Стецкій, Бонецкій, Вольфъ, Яблоновскій) доказали, что преданіе это—ошибочно, и что Вишневецкихъ и прочихъ ихъ родичей гораздо правильнѣе считать потомками русскихъ волинскихъ князей изъ дома Владиміра Святого.

²⁾ Участникомъ гуситскихъ войнъ и правителемъ Чехіи—въ 1422 г. по уполномочію Витовта, а съ 1424 по 1427 г. по приглашенію чеховъ, былъ Сигизмундъ Корибутовичъ, старшій братъ мнимаго родоначальника князей Вишневецкихъ Федора Корибутовича; въ 1435 г. онъ погибъ въ сраженіи подъ Вилькомпромъ, защищая дѣло Свидригайла. Подробности о его дѣятельности въ Чехіи см. въ сочиненіи г. Барбашева: Витовтъ, послѣдніе двадцать лѣтъ княженія. Спб. 1891. Стр. 125—178.

- A iakoś Panie z woley a przeyrzenia swego,
Racyleś dziś umnieyszyć, domu tak zacnego,
85 Aby nam szli ku gorze, iak drzewa buynego,
Idą wdzięczne odrosli, szcżepu oliwnego,
Tak zasię racź rozmnożyć, z miłosierdzia swego,
Jakoś Abrama rozmnożył, miłośnika twego.
To zacne zeszło Książę, s przyrzeczenia Bożego,
90 Małżonkę miał zacnością, y domem sławnego,
Irzego Zienowicza, Rycerza wielkiego,
Na dworze Krolow zacnych, dzielnością znaczego.
Ktorego y podziśdzień, Węgrzy wspominaią,
Jego Rycerskie dzieie, w swych Kronikach maią.
95 Przy onym zacnym Krolu, Ianuszu Węgierskim ¹⁾,
Iscie meżnym statecznym, y sercem Rycerskim,
Krwawił Turkom zawoie, odnosił zwycięstwo,
To sie mu z łaski Bożey, przytrafiało często.
Ta zacna święta Pani, s serca uprzejmego,
100 Zachowuiąc przystoynść, Małżeństwa świętego,
Nadewszytko Małżonka, swego miłowala,
Cześć powinna Małżeńska, iemu wyrządzała,

(str. 16).

Wsze cnoty

- Wsze cnoty Krześciańskie, przed oczyma maiąc,
Inszym paniam onotliwym, przykład s siebie daiąc.
105 Prawie sam Bog sprawcą był, Małżeństwa onego,
Bo ten nadroszszy kleynot, w rękach u Samego.
Yż bogactw, maiętności, spadkiem dochodzimy,

---

¹⁾ „Янушъ Венгерскій“, обыкновенно называемый Янъ Гунади,—былъ собственно не королемъ, а правителемъ Венгрии по случаю малолѣтства короля Владислава II. Онъ родился около 1387 г. въ Гунади въ семьѣ румынскаго происхожденія, а скончался въ Землинѣ 11 сентября 1456 г. Подвиги во время войнъ съ турками одѣлали его венгерскимъ народнымъ героемъ. Сынъ его Матвій Корвинъ былъ съ 1458 по 1490 г. королемъ венгерскимъ. Подробности объ административной и военной дѣятельности Яна Гунади можно найти въ сочиненіи Гайслера: *Dzieje Węgiei w zarysie*, Tom II, Warsz. 1900, str. 122—149.

- Ktore po rodzicach swych, bliskością bierzemy,
Lecż onotliwa małtonka, od Pana samego,
110 Ten ią daie każdemu, wedle zdania swego.
Dziateczki ku cści Bogu, splodziła nadobne,
Zeszlemu małtonkowi, we wszystkim podobne.
Wesołymi oczyma, na nie pogładaiąc,
Osobliwą pociechą, sobie zawsze mając.
115 Nuż też ona pobożność, żywota świętego,
Wiara w Boga, miłością, szczyrą do bliźniego.
Statecznie to chowaiąc, co raz na krzcie slubił,
Krześciańskie tu żywąc, Bogu sie polubił.
O niewymownym Bostwie, ni pytał sie dwornie,
120 Przystoynność wiary świętey, zachowuiąc wiernie.
Pobożnymi uczynki, wiary potwierdzaiąc,
Na ono święte pismo, pilnie pamiętaiąc.
Yż wiara bez uczynkow, iak przez dusze cialo,
Prożna nieużyteczna, pomocy s niey mało.
125 Bo iako szcżep wspaniały, owoc wdzięczny rodzi,
Tak też z wiary onotliwey, uczynek pochodzi.
A iak wiarą do Boga, żywotem onotliwym,
Tak przediw niedostatnim, bywał szcżodrobliwym.
Na ubogie zgłodzone, pilne oko mając,
130 Potrzebami, żywnością, wszystkie opatrzaiąc.
On wszystkim szcżodrobliwą, ręką swego chleba,
Dawał y opatrował, co było potrzeba.
Więc też wszyscy do niego, zewsząd sie garnęli,
Nawet y cudzoziemcy, widzieć go pragnęli.
135 Y Rycerstwo do niego, ze wszech stron płynęło,
Bo o nim w cudzych Państwach, szyroko słyneło.
Pelno go w Turcech, w Hordzie, polna go y Moskwa,
Tak twoia, cny Rycerzu, sława sie rozniosła.

(str. 17).

W sąsiedztwie.

- W sąsiedztwie się też s każdym, zachował przystoynie,
140 Nie roskwilił nikogo, był na swym spokojnie.
Nie pragnął onotliwy Pan, zagonu cudzego,
A cżasem dla nieznosek, ustępował swego.

Szczęśliwymi się zawsze, tacy powiadali,
Co za onym Książęciem, o miedzy siadali.

145 Żaden nie był od niego, ni w czym ukrywdzony,
Siedział każdy bezpiecznie, sobie s każdej strony.

Chwalebne dzieie tego, Książęcia zacnego,
A k Rzeczypospolitey, zachowanie iego.

Strudnaby znadź pioro me, w to potrafić miało,

150 Yżeby dostatecznie, wszystko wypisało.

Bo co sie tknie z osobna, Pospolitey Rzeczy,

Ktorą prawie z młodych lat, miał na dobrej pieczy,

Słując wiarą y prawdą, y z wielką czuynościa,

Garłem, statkiem, krwią swoją, także maietnościa.

155 Chuć przeważna młodych lat, dzielność w nim zniciała,

A Marsowa też szabla, próznować nie dała.

Ledwie w dwudziestym piątym, Roku wieku swego, ¹⁾

Gdy się udał myślą swą, do pola dzikiego.

Aby z nieprzyjacielem, skusił szczęścia swego,

160 Jakoż była napirwsza, to wyprawa iego.

Sławie swey niesmiertelney, więcey dogadzaiąc,

Chęć Rzeczypospolitey, sobie poważaiać.

Gdy tak z Rycerstwem swoim, w pustych polach leżał,

Szukaiać nieprzyjaciela, iedził nie próznował.

165 Jakoż go w tym Fortuna, nie nie omyliła,

Bo straż ufiec niemały, Tatar obaczyła.

Wielki dwor Dowletkirey ²⁾, Cara Prekopskiego,

Nad którymi Satkurey, mąż serca wielkiego.

Gdy na ohutkich Hromakoch, bucźnie wyjeżdzaiać,

170 Naszych iuz obaczywszy, k bitwie wyzywaiać.

Książę widzi Tatarzyn, potkać się gotowy,

Piękną rzecz k swym uczynił, aoz krotkimi słowy.

¹⁾ На основании этого указания можно определить, что битва с Татарами на берегу р. Хорола у Княдьешовой могилы, описанная в стихах 151—214, происходила в 1554 году.

²⁾ Девлет-Герай I правил в Крыму 27 лет - с 1551 до 1577 года. См. Смирновъ, Крымское Ханство, Спб. 1887, стр. 423.

„Ysiehy sie wielkości, Tatarskiej nie bali,
Owszem by szczęścia swego, z nimi skorostowali,

(str. 18).

Gdyż cza-

- 175 Gdyż czasem mało ważą, woyska niezliczone,
Bo w niesprawie od małych, latwie porażone.
Po dziesięćkroć sto tysięcy, Xerxes woyska swego,
Miał, gdy mocą wtargnąć chciał, do państwa greekiego.
Jako w on czas Monarcha, on mężny szfankował,
180 Straciwszy marnie woysko, sam ledwie ubiegał.
Trzydzieści tysięcy woyska, ledwie Greków było,
Patrzcież iak wielkie woyska, Perskie poraziło.
Upadną iak Xerxowe, dziś Tatarskie mocy,
Jedno z nas każdy nie wątp, iuż w Bożey pomocy.
185 Widzę tu z was każdego, chętnego do potkania,
Przeto iuż w imie Pańskie, okrom rozmyślenia.
Uderzmy w harcuiące, mężnie Besurmany,
Ktorzy widzim iż lekce, ważą Krześciany.
A sławy niesmiertelność, z nas każdy odniesie ¹⁾,
190 Ktora choć s tych dzikich pol, wszędzie sie rozniesie²⁾.
Tatarzy zwyczajem swym, iuż rozszykowani,
Getowe w rękach łuki, z ostrymi strzałami.
Dawszy potym szurmą znak, pewny do potkania,
„Hala, Hala“, wołaią, wszyscy bez przestania.
195 Książę s swoim Rycerstwem, żarko k nim skoczyli,
Mężnie s Tatarskim woyskiem, tam bitwę stoczyli.
Sieką się dosyć mężnie, z obu stron szablami,
Drudzy s koni spychają, Tatar oszczepami.
Trwa bitwa czas niemaly, a Bog Krześcianom,
200 Pomógł, że sie szyk zmienil, srogim Besurmanom.
Biegają iuż bez sprawy, w pole rozgromieni,
Nuszy zaś smiele znowu, wnet sie zetrą s nimi.

1) Ср. въ думѣ объ Иванѣ Коновченкѣ слова Корсунскаго полковника Флаона: „Идите со мной... за вѣру христинскую одностайно стати, будемъ рыцарской славы доставити“... См. Кіев. Стар. 1898, т. 40, стр. 114.

- Nie ieden tam Hyrawiec, z Bachmata sratony,
Leży srodze na głową, z wojskiem porażony.
205 Bog znak iasny pokazał, zacnemu Książęciu,
Yż sie nic nie omylił, na swym przedsięwzięciu.
Krwawili tam szable swe, w srogiy krwi Tatarskiej,
Tatarzyn w ten czas dzielności, doznał Wisniewieckiey.
Tamte Książę z Rycerstwem tryumph otrzymali,
210 Zacnych więźniow na ten czas, niemało dostali.

(str. 19).

Taka zacna

- Taka zacna potrzeba, która y dziś słynie,
Działo sie tam gdzie Chorol, w szyroki Dniepr płynie ¹⁾,
Nad wyniosłym kurhanem, nazwan Kildeszowa,
Gdzie sie Tatarska y dziś, ieszcze wala głowa.
215 Rzymianie pospolity, obyczay miewali,
Nigdy Rycerstwu swemu, proźniować nie dali.
Chocia spokojni byli, z nikim nie walczyli,
Przed sie w rzeczach Rycerskich, młodosc swą ćwicyli.
To szyki rozmaite, w polu sprawowali,
220 Bystre konie chybkością, prętko osiadali.
Jak do szanćow, iak szturm, do boiu wstępno,
Jak też nieprzyiaciela, podeysć potężno.
A też własne Hetmany, dzielne swe miewali,
Hetmanow cudzoziemcow, nie potrzebowali.
225 Tymżeć kształtem przy Dworze, Książęcia zacnego,
Bywały też zabawy, ludu Rycerskiego.
Yż sie nigdy proźnością, sproszą nie bawili,
Lecz w Rzemiesle Rycerskim młodosc swą ćwicyli.
Na swych rączych Hromakoch, strzelając połońcem,
230 Jak sie czasu potrzeby, wręcz potkać s Pohańcem.
Jak przy konnych szykować, piesze z rusznicami,
Jak na nieprzyiaciela, zmierzyć oszczepami.
A też za łaską Bożą, Rycerza dzielnego,

---

¹⁾ Авторъ ошибочно считаетъ р. Хороль притокомъ Днѣпра; на самомъ дѣлѣ р. Хороль впадаетъ въ р. Псіоль.

Наласі на украиніе, с ѣвѣченія такіею.

- 236 Więo też chęci osobne, do pola miewali,
Polem więocy niż domem, wiek swoy zabawiali.
Szukaiący Pohańcow, po polach szыrokich,
Pilne straży trzymaiąc, s kurhanow wysokich,
Wszыscy sie niesmiertelney, slawy dobijaiąc,
240 Siły nieprzyiacielskie, lekoe poważaiąc.
Leżąo w Polu, s trefunku, Turki obaczyli,
Gdy Białogrodskim Polem ¹⁾, swoy oboz toczyli.
Tam Dwor Kniазia Romana, Sanguska ²⁾ onego,
Leżał tuż nie daleko, od mieysca tamtego.
245 Wnet sie z Dworem złączyli, Książęcia zesłego,
Tamże zgodnie obrali, wnet sprawcę iednego

(str. 20).

Ostafieia

Ostafieia dzielnego, Kniазia Rużynskiego ³⁾,

---

¹⁾ Бѣлгородское Поле—степь, прилегающая къ Днѣпровскому лиману, на берегу котораго расположенъ былъ г. Бѣлгородъ, нынѣшній г. Аккерманъ. Станиславъ Жолкѣвскій писалъ отъ 20 октября 1599 г. канцлеру Яну Замойскому о развѣдкахъ посланнаго имъ въ степи Вѣлецкаго такъ: „Poszt-rzjehował wszыjtłkie szlaki, we wszыtłkie dolinij nazwał, poszawszъj od Teligoll, był na Koczubieleu, na Karagaczu, na Berijbuuny, przeciwъ Tehyni, do samego morza wszыtłko pole Białogrodzkie skrijtał, ludzi nigdziej nienalazł“. См. Listy Stanisława Żolkiewskiego. W Krakowie 1868. Str. 94.

²⁾ Князь Романъ Ѳеодоровичъ Сангушко—съ іюня 1557 года староста Житомирскій, съ марта 1566 г. воевода Брацлавскій, съ февраля 1567 г. гетманъ польный Литовскій, съ мая 1669 г. гетманъ надворный Литовскій,—умеръ въ молодыхъ лѣтахъ 12 мая 1571 года; вотъ почему нашъ авторъ вспоминаетъ о немъ, какъ о покойникѣ (z dworem... Książęcia zesłego). См. Józefa Wolffa, Kniaziowie litewsko-ruscy, Warsz. 1895, str. 433—434.

³⁾ Князь Евстафій Ивановичъ Ружинскій былъ живъ еще 1 января 1585 г., ко да авторъ писалъ предисловіе къ своей позмѣ. Онъ скончался въ 1587 г. Евстафій Ружинскій былъ женатъ на Богданѣ Олзаръ-Волчковичъ. Онъ продалъ свои наслѣдственныя имѣнія въ Ружинѣ, Творинчахъ и Коломиѣ Владимирскаго повѣта и сыновья его являются владѣльцами только материнскихъ имѣній въ Паволочи и Коростышовѣ нынѣшней Кіевской губ. См. *ibid.* стр. 416. Стихи 246 и 247 помогаютъ намъ объяснить, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать иногда преданія о томъ, что тотъ, или другой южнорусскій князь былъ гетманомъ низовыхъ козаковъ: они бывали подобно Евстафію Ружинскому предводителями козакующихъ собратій—князей, и ихъ ополченій.

Jak sercem tak urodą, y serca wielkiego.

A temu po posłuszeństwo, wszyscy przyrzekali,

260 Za tym bez omieszkania, na straż rozesłali.

Straż przybieży iż Turcy, hromaki siodłaią,

Bo dobrze czuć po rosie, strzemiony brząkaia.

Prawie sie ma k switanu, zapala sie zorza,

Dzien też wychodzić począł, z głębokiego morza.

265 Bogu modły oddawszy, na konie wsiadaia,

Lekuchno sie z mieysco swoich, iuz w sprawie ruszaia.

Gdy prawie przyszli pod bok, nieprzyiacielowi,

Na wszystkim iak k potrzebie, iuz będąc gotowi,

Turcy też iuz w sprawie swey, z mieysca sie ruszaia,

260 Kalawurow iak zwykli, przodkiem posyłaia.

Naszy k nim poleguczku, przedsię postępuia,

Sprawie oney Turckiey, pilnie przypatruia,

S kitayki rozmaitey, proporce sie chwieia,

A na surmach żalownie, dумы wygrawiaia ¹⁾.

---

¹⁾ Стихи 261—264: „Пологомьку наши двигаются впередъ, тщательно вглядываясь въ турецкій строй; вьются надъ ними значки изъ разноцвѣтной штайки, а на сурмахъ наигрываютъ они жалобныя думы“. Здѣсь мы вѣдемъ свидѣтельство объ исполненіи южнорусскихъ думъ, на два года болѣе раннее, чѣмъ извѣстное свидѣтельство Станислава Сарницкаго въ его Аиналахъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1587 г., гдѣ говорится: „Per idem tempus (1506) duo Straii fratres, adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quae *Dumas* Russi vocant, canuntur, voce lugubri, et gesta canentium se in utramque partem motantium—, id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit“ (см. Stanislaw Sarnicki Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Litvanorum. Libri octo. Anno Domini MDLXXXVII. Pag. 379). Этими живыми описаніемъ вступленія южнорусскихъ князей въ бой съ турками рѣшается вопросъ, въ какой средѣ и при какой обстановкѣ творились и распѣвались первоначально южнорусскія думы. Оказывается, что П. А. Куляшъ былъ глубоко правъ, говоря, что воинскія думы—„сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старинны, а не безоружными слѣпцами“; что послѣднимъ „принадлежать, можетъ быть, только думы собственно поучительныя; но воинскія думы уже одною обстоятельствомъ описаній битвъ, переправъ и всѣхъ операций войны показываютъ, что онѣ

265 Na wznióslým sie kurohanie, Turcy pokazali,
 Naszy trąbą ogromną, k potkaniu znak dali.
 Skoczą żartko do siebie, mężnie sie potkaią,
 Turcy długie kopije, na naszych składaią,
 Naszy z rusznie y z łukow, Turkow nagrzewaią,

вышли из души, сильно волновавшейся при зрѣлищѣ этихъ явленій“ (см. Записки о южной Руси, т. I, Спб. 1856, стр. 193). Изувѣченныя въ бояхъ конны, становясь калѣками, негодными къ воинскому дѣлу, конечно, нерѣдко попадали, при неимѣиихъ средствъ къ жизни, вмѣстѣ съ приброденными слѣд-цами въ разрядъ нищей братіи, питающейся милостынею, и воспользовались своимъ умѣниемъ пѣть думы, какъ средствомъ привлечь сочувствіе благотворителей къ своей жалкой участи и вызвать ихъ на болѣе щедрыя подаянія. Обыкновеннымъ „старцямъ“, чтобы не лишиться милостыни, оставалось только перенять у вскальченыхъ воиновъ ихъ искусство. Такимъ путемъ проникли думы въ „сословіе калѣкъ убогихъ“. Но несомнѣнно, что „инициатива въ созданіи думъ“, вопреки мнѣнію П. И. Житецкаго, принадлежала не „старцямъ“, а именно участникамъ походовъ на басурмановъ и жаркихъ съ ними битвъ, скорѣе всего самымъ южнорусскимъ князьямъ, водившимъ польско-русскія ополченія на борьбу съ неугнѣнными врагами Креста Господня. Теорія П. И. Житецкаго можетъ быть принята только для объясненія нѣкоторыхъ моментовъ въ исторіи дальнѣйшей переработки думъ и примѣненія разъ выработанныхъ эпическихъ образовъ и оборотовъ рѣчи къ изображенію вновь нарождающихся событій. См. Киев. Старина 1892, т. 39, стр. 218—231, ст. П. И. Житецкаго: Творцы и пѣнцы народныхъ малорусскихъ думъ. Любопытно, что въ думахъ, записанныхъ въ XIX вѣкѣ, сохранились слова, употребленные въ стихахъ 263 и 264: *kitauka*, *prorogse*, *wigstu*. Напримѣръ, въ думѣ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова средній братъ „изъ своего жупана чернову та жовту китауку (о жупанѣ можно было сказать, что онъ пошитъ *kitauki rozmaicy*) выдырае“ и разбрасываетъ лоскутки вдоль дороги, чтобы указать направленіе пути оставленному меньшому брату; „ой у городи у Черкаси сурьмы засурьмыли“—такъ начинается дума о походѣ Сверчовскаго въ Волощину; „у суремки жалбно (въ нашемъ текстѣ: *żalobnie*) выхвалалы“, когда хоронили Федора Безроднаго; надъ нимъ насыпали высокую могилу „и прапирокъ у головахъ устроили“. См. Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова. Т. I, Киевъ 1874, стр. 116, 159, 249 и 255. Корсуновскій полковникъ Филонъ послалъ „асауловъ“ скликать козаконъ, „червоныи праперки у руки дававъ; асаулы по улицяхъ пробгали, червоныи праперки у рукахъ прононали“. См. Метлянскаго, Народныя южнорусскія пѣсни, Киевъ 1854, стр. 414.

- 270 Z obu stron już pod kołmi, trupy się walaia.
Krzyku dosyć po polu, Echo głos roścacia,
Buczny Turczyn w zwycięstwie, już iakoś roścacia.
Wsparci będąc od naszych, nazad postępuia,
Naszy za nimi śmieie, pręc ich następuia.
- 275 Szablami się już sieką, a z rusznic strzelaią,
Z łaski Bóżej już naszy, Turkom odpieraią.
Wsparci będąc od naszych, już tył podawaią,
Turkom z głowy od szabel, zawoie lataia.
Tak pogromieni Turcy, bieżą k Białogrodu,
280 Gdzie kto może wplaw ¹⁾ z koniem, ohocia chybi brodu.
Po tak zacney potrzebie, ledwo co wytchnęli,
Alić się uff Tatarski, z za kurhana wali,

(str. 21).

Głosem Ta-

- Głosem Tatarskim zwykłym, okrzyk uczynili,
Naszy nie wiedząc o nich, nieco się strwożyli.
- 285 Ale iżę gotowe, konie w rękach mieli,
Prętką potrzebę bacząc, na nie powśiadali.
Widząc na się lud świeży, sami spracowani,
Przed się ochotni byli, bić się z Bisurmany,
Potym sercem iednakim, pohańcow potkaią,
- 290 Owi z łukow a naszy, z rusznic zaś pukaią,
Kurzy się proch ku niebu, gęste lecą strzaią,
Nie ieden się przez dusze, już z konia wali.
Z obu stron tam nie mała, szkoda w ludziach była,
Bo Fortuna iednako, stronom tam służyła.
- 295 Tatarowie wielkością, naszych przechadzaią,
Wsparci naszy od Tatar, nazad uchadzaią.
Rozgromieni od Tatar, tył już podaią,
A drudzy się iak mogąc, ieszcze opieraią.
Nieszczęśliwa potrzeba, w ten czas naszych była,
- 300 Nieszczęśliwa godzina, w ten czas się trafiła.
Wszakże więcey Tatarow, na placu zostało,
Naszych obronną ręką, wždy uszło nie mało.

¹⁾ Подразумывается: вплавъ черезъ р. Днѣстръ.

- Nie dziw czasem iż dzielny, Rycerz też szwankuie,
Tak sie z ludzmi odmienna, Fortuna sprawuie.
- 806 Szkandeberg ¹⁾ dzielny Rycerz, ono Książę zacne
Jakie zwycięstwa miewał, nad Turkami znaczne.
Często s Turkow pobitych, sławnie tryumfował,
Czasem on też wielki mąż, z Rycerstwem sfankował,
Także on przesławny Krol, Władysław Węgierski,
- 810 Ktorego sie moco bał, Amurat Turecki.
Jedennasocie bitew miał, wygranych nad Turki,
Ktore s Tracyey pędził, iak do iamy szturki.
Ięby sie do Azyey, nazad powracali,
Cudzych Państw moca zdrada, by nie posiadali.
- 815 Dwunasty kroć u Warny, stoczył bitwę s nimi,
Patrz iako sie zdracliwie, s czasem szczęście mieni.
Dość nieszczęsna na ten czas, s Turki bitwa była,
Bo krola przesławnego, tam garła zbawiła.

(str. 22).

Kto na ko-

- Kto na koniu ten s konia, czasem upać musi,
820 Szwankuie y Boater, co iż wygra tuszy.
Snadź na swiecie takiego, mym zdaniem nie było,
Ktoregoby przeciwnie, szczęście nie ruszyło.
Gdy Grekowie do Troiey, woyska gotowali,
By ony despekty swe, Troianom oddali,
- 825 Tam w młodym Achillesie, chęć zbroie wzniecała,
Bo sie takich despektow, oyczyzny mścić chciała.
Takasz własnie w Książęciu, chęć sie pokazała,
By oyczyzna despektow, żadnych nie ćirpiała.
Co kazdemu przystoi, synu cnotliwemu,

---

¹⁾ Скандербергъ, собственно Георгій Кастриото,—албанскій народный герой въ борьбѣ съ турками, род. въ 1404 г., сконч. въ 1466 г. Въ 1599 году вышла въ Врестѣ-Литовскомъ на польскомъ языкѣ книга: *Historja o żywociu y zacnych sprawach Jerzego Kastrjota, ktorego pospolicie Szkandebergiem zowia, Książęcia Epreńskiego*, na trzynastie ksiąg rozdzielona, napisana od Maryna Barlecyusza. Przydane są ktemu o oblężeniu y dobywaniu Szkodry księgi troie. Z łacińskiego języka na polski przelożone przez Cyprjana Bazylka. См. Wierzbowski, *Bibliographia polonica*, Vol. II, 1891, pag. 124, № 1450.

- 330 Krzywd ćirpić nie dopuścić, gniazdu oyożystemu.
Gdy Krol August osobą, był swą u Pospola,
Gdzie woyska niezliczone, pokrywały Pola ¹⁾,
By hardego ukrocił, Mistra Iflanckiego,
Y pomścił sie despektu, nad nim nieznośnego,
- 335 Nie omieszkał cżuyny Pan, ku takiej potrzebie,
Zwłaszcza przy samey znaczney, Krolewskiej osobie.
Tam swoy poczet kosztowny, okazał Krolowi,
Osoby, konie, zbroie, przy którym gotowi,
Słując wiarą y prawdą, krwią swą pieczętując,
340 Dla Rzeczypospolitey, wszystko podeymniąc.
Tam się potym z obozu, ruszył Krolewskiego,
Chcąc sie myśli wywiedzieć, Mistra Iflanckiego.
Wnet po ziemi Iflanckiej, rozpuścił zagony,
Alió więźnie prowadzi, harde Niemce ony.
- 345 Ktorych na znak posług swych, Krolowi oddawał,
Co Krol isćie za wdzięczne, od nich przyjmował.
Takói dzielnością swoją, y męstwem wrodzonym,
Będąc prawie Krolowi, dobrze zasłużonym,
Został szacnym starostą, tam na ukrainie, ²⁾
- 350 Gdzie sławny Borystenes, k morskim brzegom plynie.
Bo też takiego zawsze, pragnie ukraina,
• Drapieżnego w sąsiedztwie, mając Tatarzyna.
Aby iey nie dopuścił, tak srodze plundrować,
Wszystki niebezpieczności, sobą zastępować.

(str. 23).

Tam po-

- 355 Tam potrzeba nie mieszkając, wnet sie okazała,
Gdy sie woyska Tatarskiego, wielkość pokazała.

¹⁾ Это событие относится къ 1557 году. *Рязор* или *Розор*—имя селеніе Песнополь Поневѣжскаго уѣзда Ковенской губ. у почтовой дороги изъ г. Поневѣжа въ г. Ваускъ. См. Seweryna Golębiowskiego, *Czasy Zygmunta Augusta*, Cz. I, Wilno 1851, str. 86.

²⁾ Князь Михаилъ Александровичъ былъ назначенъ старостой Черкасскимъ и Каневскимъ въ декабрь 1559 года, князь отъ роду 30 лѣтъ.

- Na polach Pozadnieprskich, tam na Psie ¹⁾ leżeli,
Wtargnąć w państwo Krolewskie, swoy zły umyśl mieli.
Podobno tak ożuynego, starosty nie czuli,
360 Albo też tak nowego, lekce poważali.
Aleć sie nie pomału, omylił Pohanin,
Nie odniósł pociechy swej, srogi Besarmanin.
Bo Książę czując o nich, kazał sie gotować,
Sam sie wprzod pilnie począł, przez Dniepr przeprować,
365 Potym Rycerstwo wszystko, ktore chętne było,
Jak do pewney potrzeby, wskok sie przeprowiło.
Tam na bezpiecnym mieyscu, kosz swoy położyli,
Książę szpiegi rozesłał, aby sie wywiedzieli,
Gdzieby nieprzyjaciele, koszem swym leżeli,
370 Co za lud, co za sprawa, coby też działeli.
Abo iesliby sie też, z mieysca ruszyć mieli,
Straży aby Tatarskiey, pilnie szpiegowali.
A iż w ten czas ięzyka, trudno dostać było,
Czekając wieści pewney, już sie im stęskniło.
375 Ale po małej chwili, straż k nim przybieżała,
Która pewne Tatary, na oko widziała.
Ktorzy sie już koszom swym, pewnie ruszyć mieli,
Bo szpiegowie Tatarski, ięzyk rozumieli.
Straż Książęca Tatarską, straż byli poymali,
380 Którą zaraz Książęciu, do kosza posłali.
S. ktorych pilnie zrozumiał, woyska położenie,
O ktorym z naszych dziwne, wszech było mniemanie.
Trzysta Tatar byłó woyska, pewnie powiadali,
Acz z naszymi nie rowno, wždy sie nie lękali.
385 Zwłaszcza widząc myśl dobrą. Hetmana swoiego,
Jeden drugiemu serca, dodawał dobrego.
Rumiana w ten czas zorza, świecić poczynala,
Mgły a nocne ciemności, swiatłem rostaczała.
Straż zaś druga znać daie, iż sie ruszają,
390 A drudzy na Bachmaty, już rącze wsiadają.

¹⁾ Псоль—рѣка въ шибшеи Полтавской губерни.

(str. 24).

A Książę

- A Książę z przedniejszymi, też swe rozprawie,
Jak właśnie do potrzeby, porządnie szykuje.
Radzi tak, by Tatarzy, na koszu zastali,
Y każde by zarazem, z mieysca sie ruszali.
395 Postępując tym spieszniej, przida nad Tatarzy,
Aż sie k nim z lewey strony, ufiec Tatar wali.
Ktorych zaraz iak Bog chce, łatwie pogromili,
A do kosza żadnego, s nich nie wypuścili.
Potym bieząc do kosza, okrzyk uczynili,
400 Tatarzy sie w sprawie swey, barzo potrwożyli.
Jedni na swe Bachmaty, spiesząc sie wsiadaia,
Mężnie wszyscy s Tatarzy, prętko sie potkaią.
Tamże wprzod Książę kredenc, swoim uczyniło,
Mężnie s konia oszczepem, Tatarzyna zbiło.
405 Drugim serca przybywa, widząc Pana swego,
Iż znak pirwszy uczynił, zwycięstwa pewnego.
Tym silniey iuż bezsprawnych, Tatarow wspieraia,
Widząc iż sprawce swego, iuż w woysku nie maia.
Rozgromieni Tatarzy, w komysze sie kryia,
410 Drudzy obronna ręką, uchodząc sie biją.
Naszy Rohatynami, goniąc ich spychaia.
A drudzy po szelinach, kryjących łapia.
O przystoina Książęciu tam pociecha była,
Gdy Tatarska tak wielka, szwankowala siła.
415 Więźniow, Bachmatow rączych, Tatarskich nabrali,
Sławę prawym zwycięstwem, wszyscy otrzymali.
Pultora sta miał Książę, w ten czas ludu swego,
Ktorym mocy potłumił, pohanca srogiego.
Sochor ¹⁾ w ten czas Hetman był, mąż serca wielkiego,
420 Lecż Bog wniwecz obrocił, harde mocy iego.
Hanibal dzielny Hetman, sławny Kartagiński,
Częste maiać od Rzymian, w swym państwie ućiski,

---

¹⁾ Сохоръ—имя татарскаго предводителя.

Męśnie sie im odpierał, woyska porażając,
A od Kartagińskiego, Państwa odganiając.

425 Bo mocą choć nie swoje, państwa posiadali,
Choć też żadney własności, na nie nie miewali.

(str. 25).

Tak Iwan

Tak Iwan Wazylewic, a Książę Moskiewskie,
Niesłusznie przywłaszczając, dzierzawy Litewskie,
Ony udzielne Księstwa, co przedtym bywały,
430 Słusznym prawem ku Litwie, z dawna należały.

Mocą, zdradą, chytrością, Księstwu Litewskiemu.
S czego własni synowie serdecznie boleli,
Gdy matkę okrzywdzoną, tak barzo widzieli.
Ano drą y szarpaia, bez prawa żadnego,

435 Acz też ruszało Krola, s ożasem y samego.
Ale iż Krol cnotliwy, rad pokoy miłował,

Ktory y Polhańcow, w calości zachował,
Choćia częstokroć Państwa, iego plundrowali,
Ludzi, statki, maiętność, do Hord zabierali.

440 A coż z Krześcianinem, y owszem krwie iego,
Nie pragnął spokoyny Pan, do skonania swego.

Aleć też iuż nieznosne, krzywdy przynaglały,
Ktore snadź y do Boga, oblok rostaczały.

Wyprawiał iuż do Moskwy, częścicy woyska swoje,

445 Ktore częste w Iflanciech, mieli z Moskwą boie.

Książę też Wisniewieckie, starosta Cerkaski,
Widząc co Tyran broi, wielki Książ Moskiewski,
Miluiąc s szczyrey chęci, tak Rzeczpospolitą,
Myślił posługę iaką, czynić znamienitą.

450 Nie folguiąc iak zdrowiu, tak y maiętności,
Zebrał swym kosztem własnym Agi Białogrodzkie,

Tatarskie przednie wodze, Sychorze, Bakaia,
S ktorými Tatar ośm set, piękna woyska zgraia.

Swoich też miał cztery sta, ludu Rycerskiego,

455 Nie biorąc na to namniey, skarbu Krolewskiego.

Ciagnąc z ludem do Państwa, prosto Moskiewskiego,
Włości burząc szyroko, Księstwa Siwierskiego.

Tamże pod Radochoscem, ¹⁾ koszem się położył,
A szkodliwy Moskwićin, barzo sobą trwożył.
460 Puścił potym Tatarzy y swoje w zagony,
Szablą, ogniem, okrutnie, burzą wszystkie strony.

(str. 26).

Na dwa-

Na dwadzieścia mil ziemi, w ten czas splundrowali,
Radochoszcza samego, mężnie dobywali.
Dobycy Radochoszcza, do gruntu spalili,
465 Z więźniami y s korzyścią, nazad się wrócili.
Daj. Boże by synowie, tacy się rodzili,
Ktorzyby tak cnotliwie, matce swej służyli,
Wszysty Rzeczypospolitey, na pieczy to mając,
Krzywd y wielkich despektow, ćirpieć iey nie dając.
470 Nie uniosła sproсна chćiwosć, Pana cnotliwego,
Więcey to poważając, co iest przystoynego,
Nawięcey niesmiertelney, sławie dogadzając,
Insze wszystkie pożytki, lekce poważając.
Też Rzeczypospolitey, we wszystkim dogodził,
475 Dla ktorey oyczyznę swą, wielekroć zawodził.
By potomni Krolowie, na to pamiętali,
Takie zacne posługi, łaską nagradzali.

---

¹⁾ Радогоць—древнее, известное по летописи съ XII в. (Ипат. 1155 г.) название нижняго Погара при р. Судости. Набѣгъ кн. М. А. Вишневецкаго на сѣверскую землю относится къ веснѣ 1563 года. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный повелѣлъ своему послу Андрею Федоровичу Клобукову доложить королю Сигизмунду Августу о набѣгѣ кн. Вишневецкаго въ слѣдующихъ словахъ: „Приходилъ на наши на Сѣверскіе мѣста къ Новугородку Сѣверскому ротмистръ твой князь Михайло Вишневецкой съ литовскими людьми и съ черкасцы каневскими и съ бѣлгородскими татарами, да наши Сѣверскіе мѣста воевали, и села и деревни жгли, и людей въ полонъ имали, и животы ихъ поимали. И наши люди князя Михайла громили, и людей у него многохъ побили и языки многие поимали; и изъ тѣхъ языковъ послали есмь къ тебѣ брату своему князь Михайлова Вишневецкаго коморника Богданка, и ты его самъ выпросилъ увидѣешь, которымъ обычаемъ князь Михайло Вишневецкой на наши Сѣверскіе мѣста приходилъ“. См. Сборн. Импер. рус. ист. общ. т. 71, Спб. 1892, стр. 152.

- Zniewalał dobrodzieystwy, Pohańca srogięgo,
Zachowując w przedni czas, sobie przyjaźń jego.
480 Lece trudna s nimi zgoda, nietrwale braterstwo,
Po zgodzie prędko swoje, pokazał loterstwo.
Nie długo trwa zaścęta, przyjaźń dobra s nimi,
Prętko sie Pan Tatar, w swym słowie odmieni.
Bierze znowu a łupi, nie dba pobratyna,
485 Owa iako mogący, żywi sie chudzina.
Rudasz ¹⁾ on Białogrodzki, z drugimi Agami,
Będąc w tutecznych Państwach, dobrymi wodzami.
Z niemalymi woyskami, ludu przebranego,
Wtargnęli w Księstwa Ruskie, kraiu Podolskiego.
490 W którym szkody niezmierne, ludziom podziałali,
A z niemalą korzyścią, do hord sie wracali.
Książęca straż postrzegszy, Książęciu znać dali,
Iże w polu pewnego, Pohańca widzieli,
Skradając sie po Polu, ięzyka szukali,
495 Podobno y Cerkasom, coś zbroić dumali.
Przez kilkanaście czeleka, iednak ulapili,
Ktorych do swego kosza, spiesznie prowadzili.

(str. 27).

Książę nie

- Książę nie nie mieszkając, uda sie za nimi,
Ktorzy kosz położyli, pod gory Piwakimi ²⁾.
500 Naprzod szpiegi pod woysko, Tatarskie rozesał,

¹⁾ Рудашъ— имя татарскаго вожда.

²⁾ Пивонія Горы, чаще Пивская Гора или просто Пива—крутая возвышенность на лѣвомъ берегу р. Днѣпра у нынѣшняго г. Градишска Кременчугскаго у. Полтавской губ. Съ конца XV вѣка здѣсь была „уходъ“ Киевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря для ловли бобровъ и рыбы. Права монастыря на него подтвердилъ черкасскій намѣстникъ Евстафій Дашковичъ грамотою приблизительно 1590 года. См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 2, стр. 11, № 4. Во второй половинѣ XVI в. на Пивской горѣ появляется монашеская обитель. См. ст. Матченка, Блишній Пивогорскій монастырь и нынѣшня владбищная Николаевская церковь въ г. Градишскѣ Полтавской губ.—въ Полтав. эпарх. вѣд. 1877, № 1, стр. 1—21.

- Owaby snadź ięzyka, iako przez nich dostał.
Wziąwszy sprawę przez więźnia, o Tatarskiej sprawie,
Poszedł chętnie z ludem swym, aż do kosza prawie.
Idąc s swymi rozmawiał, iak sie potkać radził,
505   Zatym porządnie uffce, w swym woysku rozsadził.
Potym swych upominał, by sie nie lękali,
Gdyż przed tym ludem małym, wielki porażali:
„Bo Bog, ktory pomaga, wiernie Krześcianom,
Pokruszy moc, uyrzycie, tym srogim Poganom.
510 Wielkością sie nie trwożcie, ludu Tatarskiego,
Da Bog, iże bić będziem, Pohańca srogięgo.
Ulitujemy sie więźniow, srodze utrapionych,
A okrutnym Tatarskim, więzieniem znędnionych“. ¹⁾
A potym sie s mieysc swoich, społecznie ruszyli,
515   Maiąc znaki dobre, wygraną tuszyli.
Lucyper iuz przed zorzą, poczynął zachodzić,
A dzień iasny z nocnych chmur, rumiano wychodzić.
Tatarska straż iak skoro, naszych obaczyła,
„Gaur, Gaur“, wołaiąc, do kosza skoczyła.
520 A Książę tuż za nimi, spiesznie postępuje,
Rudasz swoich acz nie wczas, ku bitwi szykuie.
Jak ludziby Pohańcy, nad sobą nie czuli,
Bespiecznie sie iak w domu, sobie roskoszyli.
Książę swych upomina, obiedzaiąc wkoło,
525   A potym smiele krzycząc, sam skoczył na czoło,
Tam mężnie rohatyną, w Pohańca zawadził,
Zaraz duszę wypłoszył, y s konia wysadził.
Zatym w Tatory naszymy, miężnie uderzyli,

---

¹⁾ „Сжалился надъ невольниками“, говоритъ князь, „предаваемыми му-
камъ и изнемогшими отъ ужаснаго татарскаго плѣна“. Вспоминимъ слѣдующіе
стихи въ малороссійской пѣснѣ „О разореніи села татарами“:

А въ домыи бубны гудуть,
Бо на зарядъ людей вѣдутъ:
Коло шыл арканъ вьенця,
И по ногамъ ланпухъ бьенця.

См. Истор. пѣсни малор. народа, т. I, К. 1874, стр. 75.

Tatarzy widząc nieźart, wnet roino skoczyli.

- 530 Prętko konie łapiają, a drudzy się biją,
Potrwożywszy się srodze, to tam to sam wiją.
Rudasz krzyczy na swoje, co koni dostali,
Iżby męźnie Gaurom, z lukow odpirali.

(str. 28)

Swiszcząca

Swiszcząca strzały leca, iak deszcz s każdej strony.

- 535 A naszym z łaski Bożej, dostacie obrony,
Zboku skoczą do Tatar, odgromią im konie.
Czym daley już Tatarom, schodzi na obronie,
Pohańcy od gęstych kul, z Bachmatow padaią.
A drudzy zaś w sprawie swej, sprośnie się mieczą.
- 540 Tak z łaski Bożej naszej, Tatar rozgromili,
Rozgromionych po Polu, łapiają gonili.
A Rudasz gdzieś z drugimi, w łożynie się taia,
Ciemney nocy łotrowie, pod kłodą czekaia.
Więźniow dosyć, nie mało, mężow, żon z dziećkami,
- 545 Odgromił wszytek on plon, pospoł z dobytkaami,
Tatar czterdzieści więźniow, w ten czas poimali,
Do zamku ¹⁾ powiazanych, iako bydło gnali,
Takoi to zacne Książę, wedle swej zwykłości,
Warący Rzeczpospolitą, z uprzejmey szczerości.
- 550 Dla ktorey zdrowie, statek, lekoe poważaiąc,
Swey sławie, niesmiertelney, pilnie dogadzaiąc.
Jakoż s tego zwycięstwa, ktore sam Bog sprawił,
Dwadzieścia więźniow zaraz, do Grodna odprawił,
Znaki swych wiernych posług, tego potwirdzaiąc.
- 555 Częste więźnie Krolowi, Augustu oddaiąc.
Ale Krola Augusta, to nic nie ruszyło,
Gdy się taką posługę, nagrodzić godziło.
Jak y dziś Monarchowie, postronni dzialaią,
Dzielnym mężom posługi, zacnie nagradzaią.
- 560 Przykro órpieć sąsiada, a niespokoynego,

---

¹⁾ Подразумывается, очевидно, ближайшіи къ Псковскимъ горамъ Черкасскій замокъ.

Zwłaszcza wiarę ięzykiem, od innszych różnego,
Jako my tu poblizu, mając Tatarsyna,
Od ktorego skąd wiele, ćirpi ukraina
Bo nie orze nie sieie, nie myśli o źniwie,
565 Lupem a dobrym cudzym, zawsze łotras żywie.
Nie proźnuie, nie leży, spicszy sie w zagony,
Dla korzyści nawiedza, rozmaite strony.
Polem więcey niż domem, zawsze sie bawiący,
Gdzieby co wziął urywczem, pilnie szpiegujący.

(str. 29).

Bakay, Te-

- 570 Bakay, Teles, Sywerbas ¹⁾, gdy w polu leżeli,
Na Cerkasy uderzyć, pilnie oko mieli.
Jakoż wżdy myśli swojey, dosyć uczynili,
A w zagony pod miasto, wszędzie rospuścili.
Ubespieczonych ludzi, pod Miastem pobrali,
575 Bydła y statki insze, niemałe zabrali.
A cżuiny Pan iuż pewną, sprawę o nich mając,
Wyprawił się w pogonią, s swymi nie mieszkając,
Upominając swoje, dość pięknymi słowy,
Iżby każdy z Pohańcem, był potkać gotowy.
580 Przekładając pocżciwość, sławy niesmiertelność,
A iż pewnie Bog s nami, przecż nam straszna wielkość.
A gdy ich na Cyhrynie, naszym dogonili,
Tam bitwę z Pohańcami, mężnie uczynili.
Wszyscy sie tam dość mężnie, w ten czas potykali,
585 Serca ieden drugiemu, śmieie dodawali.
Tatarzy zwykłym tańcem, naszych naieźdżają,
Ktorem sie z łaski Bożey, naszym opierają.
Naszy sie s nimi zetrą, strzały iak grad lecą,
Książę wokoło ieźdżąc, ma o swoich piecżą.
590 Krzyczy: „Nuż teraz, dziećci, chęcią iednakową,
Kaźdy z was mężnym sercem, śmiałością gotową.
Patrzcie iako Pohańcy, iuż sie teraz mieszaia,

---

¹⁾ Бакай, Телесъ, Сывербасъ—имена татарскихъ предводителей.

- Da Bog iż tu przed nami, namniey nie wakuraję¹⁾.
A Bakay też s drugimi, swoich przyganiają,
595 Ktorzy znowu na naszych, pilnie nacieraia,
Krzyku dosyó s obu stron, szabłami brząkaia,
Tatarzy gęste strzaly, z łukow swych puszczaię.
Gdy ich naszy ku Rzece ¹⁾, mężnie przypieraia,
Tatarowie przez Rzekę, uciekaó dumaię.
600 Naszy widząc Tatarow, na co chytrze godzą,
Przeto im też od Rzeki, ostroźnie zachodzą.
Tatary odskoczywszy, nieco z mieysca swego,
Wnet sie zaś sprawię prętko, do uffu iednego.
Ytak sie znowu mężnie, z naszymi potkaia,
605 Że z onych ostrych szabel, iskierki pirschaia.

(str. 30)

Tak sie na

- Tak sie na umor sieka, aż sie iuż mieszaia,
Naszy rohatynami, s koni obalaię.
Tatarzy rozgromieni, biezą uciekaia,
Naszy ich bija, sieka, a drugih łapaia.
610 Tamże on mężny Hetman, iako Rycerz prawy,
Odzierzał s swym rycerstwem, dank dla dzielney sprawy.
W iakiey zacney potrzebie, więzniow dosyó dostał,
Ktore tobie, Auguscie, ²⁾, zarazem odesłał.
Znak iasny pokazuięc, swey wierney posługi,
615 Ktoróó prawdziwie czynił, iako Hektor drugi.
Y czynił iak przystało, do skonania swego,
Strzegąc pilnie kleynotu, sobie zwierzonego.
Często s srogim pohancem, miewaięc zabawy,
Wszezy Rzeczypospolitey, iako ociec prawy.
620 S Tatary nad ktore swiat, nie miał walecznieyszych,
Ani w bitwach Marsowych, nigdy potężnieyszych.

---

¹⁾ Rzeka—Тясьминь, на берегу котораго происходила битва.

²⁾ Обращение къ королю польскому Сигизмунду-Августу, сновчавшемуся 7 июля 1572 г. Изъ него видно, что сражение на урочищѣ „Чигиринъ“ происходило еще при жизни этого короля. Въ 1589 г. на упомянутомъ урочищѣ было построено укрѣпленіе. См. Жг. дз. т. XXII, 1897, стр. 86.

Którzy możnych Rzymianow, mocy sie nie bali,
Choć na on czas wszystkimu swiatu panowali.
Ostre strzały Książęciu, straszne nie bywały.
625 Gdy w dzikich polach s nimi, potrzeby bywały.
Y więźniow zawsze znacznych, zwycięstwem dostawał,
Jak na wszem dzielny Rycerz, nigdy nie proznował.
Łaskawie go trzymało, szczęście na swym łonie,
Leoś Bog w potrzebach wielkich, miał go w swej obronie.
630 Iż nigdy ukraina, nie żywie bez trwogi,
Którą często nawiedza, nieprzyjaciel srogi.
Bierze łupi plundruie, co sie mu nawinie,
Smierć nie smierć namniey nie dba, choć zarazem zginie.
Raradza ²⁾ w pięćset koni, przyszedł pod Cerkasy,
635 Tajemnymi miejscami, jesiennymi czasy.
Owa skrytymi ślady, Tatar swoich wodził,
W Miasto sie w nocy włomić, na to lotras godził.
Iż sie w dzień kuścić nie śmiał, przeto nocy czekał,
By tak śpiących bez żadney. pomocy powiązał.
640 A gdy już iasne słońce, swiatło twarz zakryło,
A Miesiąca w puł nieba, prawie widać było.

(str. 31)

Ludzie też

Ludzie też przyrodzonym, snem uspokoioni,
Alić zagnała po Cerkwiach, uderzą we dzwony.
Wszyscy sie ze snu porwą, „gwałt, gwałt“ zawołają,
645 Tatarzy w ten czas ostrog, miejsca rozrzucają.
Książę czuiąc taki huk, nie czekając zbroie,
Porwą sie prawie ze snu, upomina swoje,
Iżby żadną boiaźnią, sobą nie trwożyli,
Tatar sobak iżeby, z Miasta wypędzili.
650 Luna w ten czas słonecznym, promieniem świeciła,
Kiedy naszym z Pohańcem, taka trwoga była.
Tatarzy gęstą strzelbą, na naszych puszczaią,
S krzywych łukow swiszczące, ich strzały lataią.
Naszy też z długich rusznió, w Tatarzy pukaią,

1) Рарадза—имя татарского предводителя.

- 655   Tatarzy pędem wielkim, z Miasta uciekaia,
A Książę z ludźmi przyprze, z przewaiaią dzielnoia,
Przypiraiąc Tatarom, choć z niebespiecznoia.
Wygności prętko z Miasta, k błoni uciekaia,
Drudzy strzaiły nawiązem, do Miasta puszczaia.
- 660   Tatarzy z wielkim wstydem, nazad ustapiłi,
Nie wskurawszy nie w Mieście, z kozem sie rusyli.
Po kilku dni alić zaś, odwrot uczynili,
Znowu lepszego szczęścia, patrzyó umylili.
Prawie w ten czas gdy sliczna, już wschodziła zorza,
- 665   Phebus też swoy złoty woz, toczyć poczał z morza,
Krzykną „Hala“ po Polu, k Miastu nacieraią,
A naszy do nich z Miasta, pospiesznie sie maią.
Skoczą do nich a mężnie, z nimi sie potkaią,
A długimi oszczepy, z koni obalaią.
- 670   Tatarzy gęstą strzelbą, naszych doieżdzaia,
Pieszy z rusznic ochotnie, w Tatary pukaią.
Lecą z koni Pohańcy, drudzy uciekaią,
Naszy gonió za nimi, w dłuścze ich łapaią.
Dwadzieścia w ten czas więźniów, Tatarskich dostali,
- 675   Okrom tych co pobić, na placu zostali.
Nigdy sie z łaski Bożej, Pohaniec nie cieszył,
Choć sie iak na wygraną, y pod Zamki spieszył.

(str. 32)

Zawsze mu-

- Zawsze musiał szfankować, z sromotą odchodzió,
Umiał snadnie czuyny Pan, we wszystko dogodzió.
- 680   Bo y Bakay tym stryohem, patrzył szczęścia swego,
Zebrał orszak niemały, ludu Tatarskiego.
W nocy miasto ubieżeć, przez moone ostrogi,
Snadź sie w dzień kuść nie smiał, nieprzyiaciel srogi.
Lecź y w nocy nie wskurał, bo fortyle iego,
- 685   Omylili we wszystkim, Pohańca chytrego.
Ledwo cało do Hordy, na rączy m ubiezał,
Y to w dzień gdzieś w zaległym, komyszu ulezał.
Fortyl przeciw fortylom, wynaydować musi,
Gdy kto czego fortylem, dostawać sie kusi.

- 690 Tak sie na przedsięwzięciu, pohanicy mylili,
Bo namniey nie wkurawszy, nazad sie wroćili.
Iż drapieżny Tatarszyn, nigdy nie proźnuie,
W Polach leżąc, Podnieprskie, te kraie plondruie.
Często iak Moskwa, tak my doznawamy,
695 Ktorzy s nimi poblizu, w sąsiedztwie mieszkamy.
Nie walczą s Krześciany, o żadne wolności,
Pilnieysze oko maia, w cudze maiętności.
Tak wolności iako my, iak żywi nie znaia,
Więcey sie dla korzyści, szablą zabawiaia.
700 Prawieby to Pan Bog dał, z łaski Krześcianom,
Iżby też silni byli, okrutnym Pohanom.
Jakożby k temu przyszli, gdzieby była zgoda,
Nie byłaby tak częsta, w zacnych państwach szkoda.
Gdyby zasz w Azyskie, kraie ich zagnali,
705 Gdzie pirwsze osiadłości, łotrowie miewali.
Byłby już bezpiecznieyszy, oćiec z dziećmi swemi,
Nie kryłby po szelinach, y lasy gęstymi.
Widzimy iak sie nędzni, oracze błakaia,
Wygnaní domy swoje, spustorzone maia.
710 Widzimy iako drugich, ómy prowadzą w dłuczczach.
Strudna sie ma osiedzieć, y na pustych mieiscach.
Rzadko dziś nędznik wythnie, srodze utrapiony,
Od srogięgo Pohanca, ze wszęgo złupiony.

(str. 33).

Często to

- Często to Podolanie, Wołyńcy widaia,
715 Często y Poddniepszanie, ucisk od nich maia.
Gdyby ktemu Bog nie dał, obrońcow potężnych,
Tam w oney ukrainie, onych ludzi męnych.
Ktorzy sie wżdy Tatarskiey, mocy opieraia,
Owych ostrych szypików, nic sie nie lękaia.
720 Snadźby Krakow y Poznań, często nawiedzali,
Gdyby sie u krainy, im nie odpierali.
Ale iż zawaze o nich, pilnie słuchy maia,
Przeto im też bez wieści, tu wtargnąć nie daia.
A wtargnali gdzie chytro, nie uydą w całości,

- 725   Ledwie się czasem wrocą, do hordy w małotci.
Białogrodski on Aga, Janusz ¹⁾ w trzech set koni,
      Fortalem chcą plundrować, tu Podnieprskie strony.
Biorąc łupiąc dość czynią, swemu przedsięwzięciu,
      Gdy o nim sprawę dano, zacnemu Książęciu.
- 730 Dwiescie koni wziął s sobą, udał się za nimi,
      Cnych takich szkod niezmiernych, pomśócił się nad nimi.
Woiował koło Dniepra, okoliczne włóci,
      Wracając się do konza, s korzyścią w całości.
Trypol ²⁾ Miasto nad Dnieprem, srodze wypłundrował,
735   Jednych w więzienie pobrał, a drugie mordował.
Których prawie dogonił, na Czarnym Taszliku ³⁾,
      Tatarzyn obaczywszy, spieszy się do szyku.
Prętko się w ieden hufiec, Pohańcy sprawili,
      Książę też z Rycerstwem swym, k nim się przybliżyli.
- 740 Zeby naszych około, iako otoczyli,
      Lecz się na tym Pohańcy, barzo omylili.
A gdy się potkać mieli, w trąby uderzyli,
      Tatarzy swym fortylem, iako umyśliłi.
Bo Książę swiadom będąc, Tatarskich fortelow,
745   Ktoremi podhadzają, czasem Bohaterow,
Wnet tu krzyknie na swoje, żeby w sprawie stali,
      A Tatarom by mężnie, wszyscy odpirali.
Więzniowie krzykiem płaczem, oblok rostacząją,
      Pana Boga zalosnym, sercem swym zwywają,

(str. 84).

Aby raczył

- 750 Aby raczył pomoc dać, z nieba Krześcianom,
      A inocy by pokruszył, niewiernym Poganom.
Jakoż Pan nie omieszka, z ratunkiem każdemu,
      Dopomoże w ubiskoch, wiernie proszącemu.
Wnet się tam Pohańcowi, serce odmieniło,

---

¹⁾ Янушъ—имя Бѣлгородскаго ага.

²⁾ *Trypol*—нынішнее містечко Триполье при Дніпрі въ 50 верстахъ ниже Кіева.

³⁾ Черный Ташлыкъ—рѣка въ нынішней Херсонской губ., впадающая въ рѣку Синюху, притокъ рѣки Буга.

- 765 Ze sie ono wojsko ich, barzo potrwodyło.
Książę sarko s swoimi, Tatarow podkaią,
A Tatarzy po częsci, iuz s wojska pirschaią.
Bog naszym sere dodaie, Pohańcy bez sprawy,
Naszy ich sieką wiążą, krom długiey zabawy.
- 760 Nie długo tam s Pohańcem, argumentowali.
Bo szablą silogizmy, ich konkludowali.
Z łaski Bożey Pohaniec, srodze pogromiony,
Pełno trupow nad rzeką, leży s kaźdey strony.
Więźniowie sie do mieysc swych, w całości wrocili,
- 765 A Pohańcy harde swe, szyki pomylili.
Takim szczęściem obdarzył, Bog Książecia onego,
Że nigdy z łaski iego, szwanku tak wielkiego
Nie odniosł od Pohańcow, w tak gęstych potrzebach,
Ktorich dość często miewał, przy Podnieprskich brzegach.
- 770 Jak czynny Hetman pilnie, temu dogadziając,
Na sławy niesmiertelność, zawsze pamiętając.
Pilnujący kleynotu, sobie zwierzonego,
Częstokroć odganiając, Pohańca srogiego.
Dawał też znać Krolowi, gdy w Polu leżeli,
- 775 Kiedy s wielką armatą, w Państwo wtargnąć mieli.
A nawiętszą pilnością, przystrzegając tego,
Przymierza by nie wzruszał, s Czarmi przyiętego.
Y wielekroć do Czara, posły posyłając,
Na Kozaki Tatarskie, ty winy wkładając.
- 780 Ktorzy pokoy częstymi, wtarzkami wzruszają,
Przyczynę do wzruszenia, przymierza tym dają.
Wspominają Kroyniki, dzieie Witultowe,
Jak duże Hordzie Tatarskie, poraził na głowę.
Nahayskich y Zawolskich, stąd Tatar do Litwy,
- 785 Przywiodł na znak zwycięstwa, oney sławney bitwy.

(str. 35).

A twych

A twych chwalebnych dzieiow, przeczby milczeń miała,
Gdy ręka twa Krolowi, więźnie oddawała.
Yście nie lada więźniow, ale Czarewiczow,
Czara Satmankiereia, synow y dziedzicow.

- 790 Galgę meśta wielkiego, Alapkiercia,
Brata iego młodszego, Solometkiercia ¹⁾.
Nie lada upominkiem, pocścił Kroła swego,
Ktorych iako Pan bacząny, wdzięczny był od niego.
- 795 Godneś o zacne Książę, by na twardey stali,
Historyoy chwalebne, dzieie twe pisali.
Ktores czynił prawdziwie, s przeważney dzielności,
Wszey Rzeczypospolitey s uprzejmey szczyrości.
Służąc y dogadzając, zdrowiem majątnością,
800 Wiara, prawdą, y onotą, y wielką czuynością,
Czyniąc co należało, Hetmanu dzielnemu,
Nie dopuścić brać szarpać, Pohańou srogiemu.
Nie kuśił sie tak często, Tatarzyniec srogi,
By swym zwykłym drapiestwem, czynił gdy chce szkody.
- 805 Zwłaszcza na ukrainie, czując potężnego,
Obrońcę y Hetmana, na wszystkim czuynego.
Starał sie też czuyny Pan, by hrodyszczą ony,
Ludźmi wszędzie godnymi, były osadzony. ²⁾
Gdzie przedtym źwierzom dzikim, legowiski byli,
810 Tatarzy tymisz ślady, w to państwo wchodzili,
Osadził Miasto nowe, y między rzekami,
Korsonem od Greckiego, Miasta mianowany. ³⁾

¹⁾ См. выше, стр. 87—89.

²⁾ Князь Михаилъ Александровичъ въ этомъ случаѣ приводитъ въ исполненіе мысль, высказанную королевскими ревизорами, описывавшими Киевское воеводство въ 1571 г.: „Item *horodiszcz* w tem województwie Kijowskiem pustych jest bardzo wiele, które gdzieby były zabudowane, wielka obrona i bezpieczeństwo od nieprzyjaciół stała by się, nie tylko województwu kijowskiemu, ale i wszelkiej koronie Polskiej. Tych liczbę posyłamy przez towarzysza naszego pana Jana Bystrykowskiego, bo się wspólek z nami temu dobrze przypatrył, a on będzie umiał dać sprawę J. K. mości, które z nich są potrzebniejsze ku za- budowaniu.“ См. *Žr. dz. t. XX*, 1894, отд. 2, стр. 21.

³⁾ См. выше, стр. 8, прим. 4. Городъ Корсунъ на р. Роси упоминается въ древнерусскихъ лѣтописяхъ. Напр. въ княженіе въ Киевъ Гліба Юрьевича Половцы подошли и „сташа у Корсуни“ (Лавр. 1169 г. Ипат. 1173 г.); „далъ Рюрикъ Всеволоду 5 городовъ“—въ томъ числѣ Корсунъ (Ипат. 1195 г.). Вѣроятно, Корсунъ былъ основанъ первоначально Ярославомъ Мудрымъ, ко-

- Gdyby Pan Bog przedłużył, jeszcze żywot jego,
Iścieby mało było, brodyżasza pustego.
- 815 A wszystko ku pożytku, Pospolitey Rzeczy,
Którą nad wszystkie skarby, miał na lepszey pieczy,
Gdy sie z Moskiewakim Kniaziem, woyny zaczęły, ¹⁾
Ktore mu odpocziynać, choćby chciał nie dały.
Bo iaką miarą mierzył, tak sie też godziło,
- 820 Lżeby sie sowito, temu nagrodziło.
Staral sie wprzod Krol możny ²⁾, aby dostal swego,
Upominal częstokroć Tyranna srogięgo.

(str. 36).

Nie pra-

- Nie pragnąc krwie rozlania, nigdy Krześciańskiej,
A przez słuszney przyczyny, nawet y Pogańskiej.
- 825 Ale uporny Tyran, zwierz nieukroczony,
Jako właśnie Pharaon, w złości zatwardzony,
Powinność Krześciańską, lekce poważając,
W onym swym przedsięwzięciu, a w uporze trwając,
Nie chcąc zgody y owszem, zawsze pragnął zbroie,
- 830 Lecź sie mu uprzykrzyły, potym częste boie.
Dziwnymi sie fortyłmi, do ugody mając,
A co był przedtym wydarł, Litwie nie wracając.
Jakozby snadnie przywiódł, Krola do wszystkiego,
By to był wszystko czynił, s serca uprzejmęgo.
- 835 Lecź harde serce ięgo, k temu przysć nie dało,
Co przedtym chytro wydarł, wroćić sie nie chciało.
A poniewasz inaczej, iuż też być nie mogło,

горѣ, по свидѣтельству лѣтописей, „поча ставити городы по Рѣсѣ“ (Лавр. и Ипат. 1062 г.) и названъ въ память таврическаго Корсуна, гдѣ, по преданію, отецъ Ярослава принялъ святое крещеніе („крещену Володимеру въ Корсунѣ“ — Ипат. 988 г.). Грамота Стефана Баторія о возобновленіи Корсуна на старомъ городищѣ помѣчена 8 февраля 1684 г. См. Арх. Юго-зап. Рос. ч. V, т. 1, стр. 540—541.

¹⁾ Подразумѣваются войны съ Московскимъ государствомъ, начатыя въ 1679 г. Стефаномъ Баторіемъ.

²⁾ Стефанъ Баторій.

- Tak uporu hardego, nic przemoc nie mogło.
Roskazał Krol plundrować, w Moskwie wszystkie włości,
840 Nie gwałcąc tym nic prawa, ni sprawiedliwości.
Ze wszystkich stron zagony Moskwę przechodzili, ¹⁾
Ogniem szablą weszcz y wdluż, okrutnie burzyli.
Książęta też Woiewoda, Konstantyn Ostrozkie,
A w jednym towarzystwie, Książę Wisniewieckie,
845 Maiąc trzy sta Tatarow, Hordy Białogrodzkiej,
Nad którymi wodz starszy, był Aga Koszkieldej.
Potym Slachta Kijewska, także Owruczanie,
Ostrzanie y Homlanie, mężni podnieprzanie,
Do Księstwa Siwierskiego, społem sie ruszyli,
850 Pod samym Czerniowem, koss swoy postawili.
Radzili społecznymi, s sobą namowami,
Widząc obwarowany, Zamek wkrąg wałami.
Rusili sie dziwnymi k niemu fortelami,
Lecz próżno y czas traćić, dobrze widzą sami.
855 Z Zamku z dział y s hakownic, ogromnie pukaia,
Nawet iż sie pokazać, ni wychylić daia.
Rozmiotali do miasta, wysokie ostrogi,
Acz też to być nie mogło, bez społeczaney szkody.

(str. 87).

Do Miasta

- 860 Do Miasta z Zamku bija, gęstymi kulami,
Ze sie strudnością zakryć, między chałupami.
Nie tracąc próżno czasu, spolnie uradzili,
By nazad odstąpiwszy, Miasto zapalili.
Tamże nic nie sprawiwszy, nazad sie ruszyli,
865 Lepszego potym szczęścia, patrzeć umyalili,
A Kasztelan Kijewski, Michał Wisniewiecki,
Widząc iż krepki zewaząd, zamek Czyrnieiowski.
Woyska sie też ruszyły, wszystkie ku domowi,
Skąd pociecha nie mała, nieprzyjacielowi.
870 Tak próżno nazad wroćić, s swymi sie nie chciało,

---

¹⁾ Отъ стиха 841 до 919 описывается война 1579 года, отъ 920 до 949 война 1580 года.

- Nieprzyjaciela cieszyó, przykro sie mu zdało.
Przeto siedm set. oźlowieka, mając Rycerskiego,
Przy których Tatar trzy sta, ludu gotowego.
Zacne Książę Ostrozkie, Janusz Woiewodzió, ¹⁾
876 Wzorem swych zacnych przodków, chcący tym dogodzió
Wszey Rzeczypospolitey, tam swoje Rycerstwo,
Przyłaczył Książęcemu, w iedno towarzystwo.
Myslili wszędzie burzyć, okoliczne strony,
Rozpuściwszy ludzi swych, szyroko w zagony.
880 Tam srodze szablą ogniem, wszędzie pustoszyli,
SzYROKO ony wlości, śmieie przechodzili,
Burząc, paląc, pustosząc, aż k Starodubowi,
Skąd sie serce zmieniło, nieprzyjacielowi.
A po takiej posłudze, nazad umyslili,
885 Gdzie z łaski Bożey wszyscy, cało sie wroćili.
Lupow wieźniow korzysóci, bez miary nabrali,
Taki uporną Moskwę, często plundrowali.
Jeśli Scypio Scyla, y on Manilius,
Jeśli Kwintus Katulus, y dzielny Maryus,
890 Oni zacni a sławni, Hetmanowie Rzymscy,
Swey Rzeczypospolitey, usłużyli wszyscy,
Cnotą wiarą y prawdą, nawet zdrowia swego,
Nie litowali dla niey, utració wdzięcznego,
Zasz nie tym kształtem Książę, s przeważną dzielnością,
895 Wszey Rzeczypospolitey, acz z niebezpiecznością,
(str. 88). Służył y
Służył y gdziebykolwiek, s Pohancem potrzeba,
Wszędzie tam być musiała, ta zacna osoba.
Gdybył porządkiem weyrzał, a potrzeby iego,
Pilnie wszystkie rozważał, doświadczylbyó tego,
900 Ió dzielnością celował, y Hetmany ony,
Maryusze y ony, dzielne Scypiony.
Jako z Niemcy, iak z Moskwą, s Tatary woiował,

---

¹⁾ Князь Янушъ Константиновичъ Острожскій родился въ 1554 году, умеръ въ 1620 г.

- Jak z srogięgo Pohatca, często tryumfował.
Owa iż szabla ięgo, nigdy nie rdzewiała,
905 Mętnie nieprzyjaciela, y często płoszala.
Jak wiele popustoszył, Państwa Moskiewskiego,
Jak wiele Miał poburzył, Księstwa Siwierskiego.
Gdzie Książęta udzielne, stolice miewali,
Dziśby im dziwno było, gdyby z martwych wstali.
910 Ano wszędzie w około, srodze spustoszone,
Ony piękne osady, ogniem popalone,
Czernieciow, Putywl Rylską, y sławny Poczepow,
Bransk Radohoszcz y Orel, obronny Karaczow.
Wszędzie popustoszone, Zamki miasta włości,
915 Gdzie srodze posieczoney, Moskwy leżą kości.
Tam wszędzie, zacne Książę, znaczne twe posługi,
Któryś czynił dość wiernie, iak Hanibal drugi.
Gdy w Poluzka wojska, Krolewskie leżeli ¹⁾,
Państwo nieprzyjaciel-kie, srodze woiowali.
920 Tam dzielność ona zwykła, chęci w nim wznicala,
A przeważność wrodzona, próżnować nie dała.
Po Tatory wyprawil, do Hord sługi swoje,
Chąc zaś znowu ponowić, z Moskwą zwykle boie.
Dwanastie set Tatarow, kosztem swym przybawil,
925 S którymi Rycerstwo swe, do Moskwy wyprawil.
A wprzod ku Karaczowi, ciągnąć umyslili,
Y tam zacne posługi, iakie uczynili.
Więc Starosta Ostrzycki, k nim swoje Rycerstwo,
Przyłaczył ku Książęcem, w iedno towarzystwo,
930 Urodą y dzielnością, wielki mąż Rycerski,
Starożytnością domu, on Lawryn Ratomski. ²⁾

(str. 39).

Ruszyli sie

Ruszyli sie tak społem, sławny Dniepr przebyli,
Prawie ku Karaczowi, znieągła ciągnęli.

¹⁾ Значить: „пока королевския войска стояли подъ Полоцкомъ“.

²⁾ Лаврентій Константиновичъ Ратомскій, староста Остерскій, умеръ въ 1594 году. См. Воняцкі. Родзет родów, Warsz. 1887, str. 281—282.

- 935 Gdy tak ius pod Karaczew, z woyskiem przyciągnęli,
A nie daleko Miasta, koss swoy postawili.
Rospuściwszy zagony, burzyli wasze włości,
Plundrując biorąc więząc, bez żadney lutości.
Karacewskie waszerz y wdłuż, włości wypalili,
Same Miasto odchodząc, do gruntu spalili.
- 940 Stamtąd sie zasje pod Rylsk, pałac obroćili,
Bez odporu wasze włości, srodze pustoszyli.
Bespiecznie wszędzie ony, kraie przejeżdżaią,
Plony żoną, Wsi, Miasta, straszliwie goraią.
Spustoszywezy Karaczow, y też włości Rylskie,
- 945 Branskie także waszerz y wdłuż, y włości Orelskie.
Na czterdzieści mil w ten czas, ziemie splundrowali,
Więźniow inych korzyści, bez miary nabrali.
Spaliwszy Rylsk, Karaczow, Bransk, Orzel z włosciami,
Cało okrom odporu, k domu sie wracali.
- 950 Jeszcze nie był do końca, on Tyran skrocony,
Choć widział swoy kray ludny, srodze spustoszony.
Widział zamkow pobranych, zburzonych nie mało,
Krwie Rycerskiey przelania, wždy go nie ruszało.
A tak sprosne uporne, przedsięwzięcie iego,
- 955 Iz zgody ni pokoiu, nie pragnął świętego.
Wszędzie woyska Krolewskie, burząc naieżdżali,
Moskwę s Tatary takiesz, potrzeby nie znali,
Wszędzie sie z łaski Bożey, naszym szanowało,
Choć sie Moskiewskie woysko, naszym opirało.
- 960 Książęciu sie zacnemu, proźnować nie chciało,
Znowu zebrał do Moskwy, Rycerstwa niemało ¹⁾.

---

¹⁾ Съ 960 стиха начинается описание военныхъ дѣйствиі князя Вышневецкаго противъ Москвы въ 1581 г. Авторъ „Плача“ не рассказываетъ, что весной этого-же года князь Михаилъ Александровичъ успѣлъ еще сдѣлать походъ противъ татаръ. Лаурентій Мюллеръ такъ говоритъ объ этомъ: „Татары владѣютъ прелестной плодородной страной, но она остается необработанною, такъ какъ они умѣютъ заниматься только разбоими. На Троицу 1581 г., когда староста Черкасскій (т. е. князь М. А. Вышневецкій) разбилъ татаръ съ помощью князя Острожскаго, мы прошли значительную часть ихъ страны. Вся

Iż mu sie z łaski Bożej, na wasem szanowało,
Z wielkich potrzeb ze wszystkim, Bog unosił cało.
Przybył mu w towarzystwo, mąż wielkiej dzielności,
965 Domu starożytnego, y wielkiej zacności.
Książę Jarosz Zyzemski, ¹⁾ Starosta Reczycki,
K nim zacny Abram Myszka, Starosta Owrucki.

(str. 40).

Sławny

Sławny domem przodków swych, Rycerskiej dzielności,
Wzbudzając męską dzielność, lat młodych ciyrstwości.
970 Kiryan Latoszyński, mąż serca wielkiego,
S pocztęm swoim też przybył, do woyska onego.
By Rzeczypospolitey, znacznie posłużyli,
Przeto k Książęcym pocztom, swoje przyłączyli,
Y tamże społecznymi zgodnie namowami,
975 Ruszyli sie w Boży czas s swoimi pocztami.
Jako przeciw Tyrannu, Kniaziu Moskiewskiemu,
Umyslili ku zamku, prosto Trubeckiemu.
Przyciągnawszy pod Trubesk, z woyskiem sie położyli,
Patrzając iakby s ktorey, strony Zamku położyli.
980 Bo obwarowany Zamek, mocno parkanami,
Jak strzelbą rozmałą, dzielnymi mężami.
Na Zamku Książ Radylow, starszym Woiewodą,
Zacny mąż między Moskwą, stanem y urodą.
Książę sie Zamku Miastu, pilnie przypatruie,

она—пустыня и безлюдна. Травы тамъ столь высоки, густы и моцны, что по нимъ нельзя ѣхать телегою; травы такъ плотно оплетаются вокругъ колецъ, что телега оставившись и двигаться не можетъ. Лѣса и отдѣльныя деревья наполнены пчелами. На некоторыхъ холмахъ произрастаетъ тамъ кустъ, очень похожій на виноградную лозу; его и считаютъ дикимъ виноградомъ; видно, что страна могла-бы производить виноградъ, если-бы только кто-либо пожелалъ его обрабатывать". См. Septentrionalische Historien, Amberg 1506, S. 78. День св. Троицы въ 1581 году приходился 14-го мая.

¹⁾ Князь Геронимъ Ивановичъ Жижемскій упоминается въ актахъ съ 1570 г.; умеръ въ 1597. году. См. Wolff, Kniaziowie etc. Warsz. 1896, str. 629.

- 985 Tak z nienagła opatrzenie, k Zamku przystąpić.
Szukając położenia, woysku bezpiecześniego,
Gdzieby k Zamku przystęp mieć, bez szkody żadnego.
Moskwa z dział y s hakownic, potężnie strzelaia,
Jakby Zamek zapalić, nasz obmyślaia.
- 990 Gdy sie bliżey pod sciany, iuż przyszańcowali,
Radzą iakby przez szkody, k scienie szturmowali.
A obleżency w Zamku, dobrze sobie tuszą,
Naszy sie w imię Pańskie, ku Zamkowi kuszą.
Jedni sciany misternie, ogniem zapalaia,
995 Drudzy zaś siekierami, brony dobywaia.
Kurzą się sciany ogniem, płomieniem goraia,
Moskwa przed sie dość mężnie, naszym odpieraa.
Książę swych upomina, dość piękniemi słowy:
„O Rycerstwo Slachetne, nasz tryumph gotowy.
1000 Jedno chcieycie do końca, mężnie postępować,
Da Bog iz nieprzyiaciel, iuż będzie szwankować.
Odnowiec zwykle męstwo, w tey szczęśliwey chwili,
Będziem za łaską Bożą, sproszą Moskwę bilić.

(str. 41).

Tak rzekł

- Tak rzekł Hetman przesławny, a każdy tą mową,
1005 Poiloną wziął na się, sercu śmiałość nową.
Lamiał sie gwałtem w Zamek, a Moskwę łapaia,
Rusznice szable łuki, od nich odbieraa.
Tak naszy z łaski Bożej, Zamek odzierzeli,
Strzelby więźniow korzyści, niemało zabrali.
- 1010 Woiewodę samego, skoro poimano,
Znak prawego zwycięstwa, Książęciu oddano.
Takóci Miasto y Zamek, wniwecz obrociwszy,
Jak Scypio Kartago, z gruntu wywrociwszy.
Bezpiecznie sie s Trubieska, ku domu ruszyli,
1015 Wszakże pirwey y Miasto, do gruntu spalili,
Wszakże szczegulna Moskwa, szczęścia patrzeć chciała,
Trzy Tysiące zebrawszy, w pogonią bieżała.
Nad ktorymi Hetmany, ci Woiewodowie,
W rzeczach Rycerskich biegli, y dzielni mężowie

- 1020 Napirwaszy Starodubski, Książ Iwan Mesecki,
Ponim zasie Książ Osip, sławny Nowogrodski.
Putywłski Woiewoda, Książ Wasyli Chilkow,
Brański on Oboliński, Książ Fiador Lykow.
Książ Iwan Dohoruki, dzielny Czernichowski,
- 1025 Potym zaś Woiewoda, Wasyl Poctepowski.
Z Boiarskich zasie synow, Iakow Prunczyscow,
Andrzej Siemienowic, synaczek Selichow.
Więc Stephan Mozyranin, Fedor y Waszulin,
Bohdan Alexandrowic, y Iwan Mordwinin.
- 1030 Naszy sie na Sudości ¹⁾, koszem położyli,
Drudzy na drugą stronę, rzeki sie pławili.
Tak ich ledwo część trzecia, przy Książęciu było,
Bo o trwogach Moskiewskich, prawie nie myśliło.
A Moskwa za naszymi, spiesznie postępuia,
1035 S szczęścia pewne zwycięstwo, sobie obiecua.
Bieżąc gwałtownym pędem, okrzyk uczynili,
Y strzelbę z długich rusznic, gęstą wypuścili.
Naszy słyszając huk a stuk, „day konia“ wołaią,
Drudzy hromaki ręcze, dopiro siodłaią.

(str. 42).

A co goto-

- 1040 A co gotowszy byli, Moskwie odpieraią,
Strzelbą, szablą, oszczepem, Moskwę obalaią.
Ci co za Rzeką byli, wskok sie przeprawili,
Wielkim grzmotem w Moskiewskie, woyaka uderzyli.
Książę w okolo woysko, swoje obiezdziąc,
1045 Piękną rzeczą Rycerstwo, swoje pocieszaiąc.
„Teraz, dzielni Rycerze, chęcią iednakową,
Oto ia przy was gotow, pieczętował głową.
A iakim losem szczęście, na was wszech przypadnie,
To z wami, cni Rycerze, óirpió będę snadnie“.
- 1050 Z obu stron dosyó krzyku, rusznice pukaia,
A strzały lataiace, obłok zasłaniaia.
Tam Książęcia Jaroza, onego Zyzemskiego,

¹⁾ Судость—одинъ изъ правыхъ притоковъ Десны.

- Znacznie sie pokazała, w ten czas dzielność jego.
Gdy sprośna Moskwa przed nim, sromotnie pirschała,
1065 Oney dzielności jego, wład ustępowała.
A Książę w tej potrzebie, będąc postrzelony,
Swym serca dodawając, sprośną Moskwę gromi.
Książę też Alexander, syn Pana zeszłego,
Młodych lat, ale serca, Hektora mężnego.
1060 Przytarszy wielkim pędem, potka sie Rycerskie,
Tam smiele szablą swoją, krwawił lby Moskiewskie.
O jakąś tam pociechę, zacne Książę miało,
Na młodego Rycerza, oko two patrzyło.
Ano mu harda Moskwa, placu ustępuie,
1065 Tak żartkiemu potkaniu, pilnie sie dziwiue.
Tak naszy nacierając, Moskwę rozgromili,
A ich harde mnimania, wniwecz obroćili.
Sam Bog tam Hetmanem był, woyska tak małego,
Iż tak wniwecz obroćił, siły Moskiewskiego.
1070 Bo nasze woysko małe, za nic sobie mieli,
A w kolo ogarnawszy, do Moskwy gnać chcieli.
Tam czternaście set naszych, w tej potrzebie było,
A Moskwy trzy tysiące, pewnie sie liczyło.
Stamtąd sie potym wcale, do domu wroćili,
1075 Bogu dawszy zwycięstwa, dzięki uczynili.

(str. 43).

Bespieczniocy-

- Bespieczniwsze Jeleni, zawsze stado bywa,
Gdy Hetmana w stadzie swym, Lwa smiałego miewa.
Niżeli stado Lwow mężnych, a ktorzy Hetmana,
Maią wietrzuonogiego, nad sobą jelenia.
1080 Tak każde woyska wielkie, chocia męzne dzielne,
Przez Hetmana sprawnego, nie będą porządne.
Hanibal z małym woyskiem, na male sie ważył,
Ktory srodze ad CANNAS, Rzymiany poraził.
Zasz nie sprawą stało sie, Hetmana biegłego,
1085 Iż z tak straszney porażki, nie puścił żywego
Przez kilka mac pierscieni, z Rycerstwa zbitego,
Nabral, a tu patrz szczęścia, dziwnie odmiennego.

- Jesliże Scypiona, Hetmana Rzymskiego,
Hektora Hanibala, onego dzielnego,
1090 Jesli że y Witałta, w bitwach potężnego,
Sława z niesmiertelnością, trwa do ośasu tego,
A twoja, zacny Książę, przeczby zginąć miała,
Gdyż godna by po śmierci, głośną trąbą grmiała.
Zatem y s Scypionem, dzielnością nie zrownał,
1095 Mężnego Achileśa, zaścś nie celował,
Hanibala w Marszowych, woynach ówiczonego,
Herkulesa obrzyma, onego mężnego,
Co nie tylko Troiany, lecz y Hidry łomił,
Ty, zacne Książę, Turki, y Tatory gromił.
1100 Po tak zacnych potrzebach, własne nadchodziły,
Ktore też tu w oyczyźnie, barzo pilne były.
Przeto nie biorąc przedsię, umysłu inszego,
Jedno kraie nawiedzić, mieysca oyczystego.
Do ktorego tu Pan Bog, z miłosierdzia swego,
1105 S Księżną y też z dziatkami, przynioś był zdrowego.
Lecz Fortuna niestała, prętko sie zmieniła,
Ony pociechy nasze, w smutek obrociła.
Książęciu snadź z wielkich prac, na zdrowiu szkodziło,
Nie pomogła chęć pilność, y staranie było.
1110 Gdy tak z nagła na zdrowiu, iuż poczęło schodzić,
Ktoremu iuż lekarstwa, nie mogły dogodzić.

(str. 44).

Poczuł iuż

- Poczuł iuż Pan schorzały, koniec kresu swego,
Iżego iuż dobieżcś s przeyrzenia Bożego.
Wspomniał na Krześóianskie, swoje powinności,
1115 Z dobrym sumieniem przyiąć, chciał Pańskie Swiętości.
A tym sumieniu swemu, uspokoić trwogę,
Aby do Pana swego, miał bezpiecną drogę.
Gdy iuż dochodzić poczuł, kresu ostatniego,
A ducha swego oddać, do rąk Pana swego.
1120 Dośó statecznie s pamięcią, do końca rozmawiał,
Potym cichuchnym tchnieniem, Panu duszę oddał.
A tak to zacne Książę, przy dobrym sumieniu,

Uiscił sie w długu swym, już Panu swoiemu.

W pięćdziesiątym y piątym, swoim prawie lecie,

1126 Dosyć pobożnie żyjąc, przez ten czas na świecie.

Wzrostu będąc miernego, osoby poważney,

Przećiw nieprzyjacielom, dzielności przeważney.

Lica był zupełnego, y wzroku wdzięcznego,

Skąd prawie poznać było, Książęcia prawego.

1130 Przeto, o Panie Jezu, Sędzio sprawiedliwy,

Tys jest Pan miłosierny, tys Pan dobrotliwy.

Na on czas gdy tu przydziesz, z nas sędzió każdego,

Przym, Panie, w poczet wiernych, służebnika swego,

Który cie tu miłował, s serca uprzejmego,

1135 Aby s tobą używał, wesela wiecznego.

A M E N.

(str. 45).

Do łaskawego Czytelnika.

- 1 Ni złoto ani srebro, ni zacne klejnoty,
Nie wazą nic ku świętej, odzierzeniu cnoty.
Tey nie za srebro złoto, ludzie dostawiają,
Tylko iey godnością swą, wszyscy nabywają.
Sama wszędzie glosno brzmi, wszędzie sie roznosi,
5 A onych dzielnych Rycerzow, ku niebu wynosi.
Niesmiertelną koroną, swoich koronuje,
Y tryumphy po śmierci, zacne wystawuje.
Krezus tylko bogactwem, y podziśdzień słynie,
Ktorych pamięć nikczemna, bystrą wodą płynie.
10 Alexander Krol sławny, wielki Macedoński,
Także y on Scypio, y Maryus Rzymski.
Tak zacne Księżę ono, Szkandenberg Albański,
Tak Władysław przesławny, Monarcha Węgierski.
Tych sława niesmiertelna, y ich dzielność słynie,
15 Y słynąć długo będzie, a wiecznie nie zginie.
Bo chociaż ich sprochniały, leżą w grobie kości,
Lecz sława niesmiertelna, brzmi wszędzie w osłóci.
A iesliże Wituly, ony Konstantyny,
Y ony dzielne męże, cne Rycerskie syny,
20 Wspominają Kroyniki, aż do czasu tego,
Przećby też przypomniały, domu tak zacnego.
Gdzie cnota własne gniazdo, nadobne uwila,
Y tam swoje mieszkanie, wiecznie polubiła.
Szczęśliwa iście na wszem, taka matka była,
25 Która takimi syny, dom ten rozinnożyła.
Dom Księżąt Wisniewieckich, gdzie sie porodziły,

Sławę swoją po Państwach, cudzych rozszerzyły.

Jako szani a dzielni, Rycerscy synowie,
S których domu bywali, szani Hetmanowie.

80 Więc wszyscy miłośnicy, Pospoliteyrzeci,
Ktorey wiernie służyli, mając ją na pieczy.

Gardła sztek maitność, lekco poważając,
Tak Rzeczypospolitey, we wszem dogadzając.

(str. 46).

Jak ono zac-

Jak ono szane Książę, Michał Wisniewiecki,

35 Godny sławney pamięci Kasztelan Kijewski.

Jakie szane potrzeby, miewał s Pohaniami,
Jakie z Moskwą s hardymi, w Iflanciech Niemcami,

Gdzie z łaski Bożey zawsze, znacznie triumphował,
Więźnie częste y znaczne, Krolowi oddawał.

40 Więc Książę Alexander ¹⁾, Mąż wielkiej dzielności,

Brat Książęcia zeszłego, osobney smiałości.

Pod Piwskimi gorami przy zeszłym Książęciu,
Nie omylił sie iście, na swem przedsięwzięciu.

Tam sie jego dzielności, przypatrować było,

45 Gdy to Książę Pohanca, srogiego gromiło.

W ten czas więźniow czterdzieści, żywych poimali,
S nich dwudziestu Augustu, Krolowi oddali.

Gdyby ieszcze był Pan Bog, Książęcia szanego,
Zachował tu na swiecie, z miłosierdzia swego,

80 Nie widałby przodkow swych, ich zwykłą dzielnością,

Nie wskurałby Pohaniec, s Tatarską srogością.

Książę Dymitr ²⁾ iak wielkiej, bywał przeważności,

Y szacny a mąż wielki, y mężney dzielności.

Nie byli mu nic srodzy, tu ói Besurmani,

85 Ni drapieźny Tatarzyn, Turcy zawoiarni.

---

¹⁾ Князь Александръ Александровичъ Вишневецкій родился 8 декабря 1543 г., умеръ 8 апрѣля 1577 г., похороненъ въ Киево-Печерской Лаврѣ. См. Wolff, Князювие etc., str. 556—557.

²⁾ Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, по народному прозванію Байда. См. нашу статью о немъ въ Киев. Стар. 1897, т. 56, отд. I, стр. 519—524.

Krwawił szablą wiele króć, na głowie zawoie,
A s Tatary zaś miewał, częste krwawe bole.
Dobywał go Czar Krymaki, mocono na Chorcyoy,
Tam szturmując Tatarzy, pobiłi nędznicoy ¹⁾.
60 Ii z wielką zelżywością, nazad odstąpili,
Jańczarow Tatar zacnych, wiele utracili.
Pełno go w Turcech było, pełno go y w Moskwi,
Ktorego potym zdradził, zły naród Wołoski.
Książę Andzey ²⁾ za swoją, doszedł też dzielnością,
65 Tak Rzeczypospolitey, z uprzejmą miłością,
Służąc a godnością swą, przy boku Krolewskim,
Otrzymał miejsce zacne, w kole Senatorskim.
Zostawszy Woiewodą, to Książę Wołyńskim,
Został y ukrainnym, Starostą Lubeckim.

(str. 47).

Stawiał

70 Stawiał pocztę Krolewskie, w Państwa Moskiewskiego,
Nie litując nakładu, ni kosztu żadnego.
Przy których cny Senator, osobą swą bywał,
Potrzeby boiem wstępny, z Moskwą częste miewał.
A ciebie, zacne Książę, sławne dzieie twoie,

---

¹⁾ Въ такъ называемомъ „Літописці Русскомъ“, наданномъ А. Н. Лебедевымъ по рукописи, ему принадлежащей (Москва, 1896), объ этомъ событіи разсказывается такъ (стр. 72): „Того-же мѣсяца (т. е. въ маѣ 1557 года) прислалъ ко царю и великому князю зъ Дняпра князь Дмитрей Вишневецкой казаконъ Дениска Малою с товарищя, путимальцовъ, а писалъ ко государю, что царь Крымской Девлетъ Кирей и съ сынонъ и со всѣми людьми Крымскими приходилъ подъ его городъ на Хордецкой островъ и приступалъ дватцать четыре дни, и Божиимъ милосердіемъ и царя и государя великого князя именемъ и счастиемъ отъ царя отбилъ, и побилъ у царя многихъ людей лутчихъ, и пошелъ царь отъ него с великимъ соромомъ. И докуды въ томъ городѣ люди будутъ царьскимъ великого князя именемъ, и Крымцомъ на вошну ходити нигуды нелазъ. И многіе Вишневецкой у Крымцовъ кочевница посылелъ“.

²⁾ Князь Андрей Ивановичъ Вишневецкій скончался въ одинъ годъ съ княземъ Михайломъ Александровичемъ т. е. въ 1584 г., имѣя отъ роду 46 лѣтъ. См. Wolff, Kniaxiowie etc. Str. 557—568.

- 75 Y ony, Konstantynie ¹⁾, znaczne z Moskwą boie.
Znaczneś wiecznie Moskiewskie, Krolowi oddawał,
Znak swej wierney posługi, Panu okazował.
Waszej Rzeczypospolitey, we wszystkim dogodził,
O niey iako przystało, w spolnych zieżdziech radził.
- 80 Żytomirskim Starostą, potym sławnym został,
Będąc na nim lat kilka, s tym sie swiatem rozstał.
Tak ty zacne Książęta, przodkow swych zwykłością,
Służyli Panu swemu, szczyrą życzliwością.
Commoda Pospolitey, rzeczy poważaiąc,
- 85 A iey potrzeby własne, na wszem uważaiąc.
Tak ty wdzięczne odrosli, szczepu wspaniałego,
Ni w czym nie odmienili, przyrodzenia swego.
Ale iaki szczep własnie, takie latorosli,
Także swoją godnością, wieczney sławy doszli.
- 90 Ktora teraz brzmiać głośno, roznosi sie wszędzie,
Y na potomne czasy, wiecznie sływać będzie.
Bo tego istie doszli, za swoją godnością,
Jako dzielni Rycerze, wielką przeważnością.
Ktorych dzieie chwalebne, pisania szerszego,
- 95 Godne, lecz da Bog w rychle, czasu wolnieyszego,
Osobno Historyę, będą ozdobione,
Ku czytaniu dzielnemu, Rycerstwu podane.

—*o*—

---

¹⁾ Князь Константинъ Ивановичъ Вышневецкій умеръ въ 1674 г. См. Wolf, Kniaziowie etc. Str. 569—570.

Str. 48).

Zamknięcie tych wirszow.

- Nie pomyslay drapieżny, nigdy Tatarzynie,
Izbyś szkody cztyniō miał, iakie ukrainie.
Mamy ieszcze Witulły, mamy Konstantyny,
Co mężnie bronio będa, szablą ukrainy.
- 5 Nie waście sobie lekce, Książęcia młodego ¹⁾,
Nie uydą z łaski Bożey, ni w czym oycy swego.
Ktory iesli pomnicie, gdy was ośęsto gromił,
A iak psy iadowite, z ukrainy gonil.
- Tymże kształtem da Pan Bog, y to Książę młode,
10 Będzie też zastępować, ukrainną trwogę.
Ktorego, Panie Boże, zachoway w całości,
Możnymi skrzydły swymi, broń go z wysokości.
Racō mu dać mężne serce, Witulła onego,
Y sprawę Konstantyna, Hetmana dzielnego.
- 15 Izby toru zeszłego, oycy naśladował,
Rzeczpospolitą własnio, iako on miłował.
Ktoremu pamięć wieczną, sprawiła mu cnota,
O którą sie tu starał, za swego żywota.

---

¹⁾ Подразумывается князь Александр Михайлович Винновский, упомянутый в стихх 1058. 15-го сентября 1580 г. князь Михаил Александрович получал от короля Стефана Батория грамоту, разрешавшую ему передать староства Черкасское и Каплевское сыну своему кн. Александру См. Чтения въ Истор. общ. Нестора летописца, Кн. 14, Киевъ 1900, Отд. III, стр. 87—89, № II—изъ матеріаловъ по истор. землелад. кн. Винновскихъ, собранныхъ г. Николайчикою.

Do Szacunkarza.

Nie pomyślaj, Zoile, wiersz mój pociasować,
Nie pomyślaj wazetecznie, pióro me szacować.

Nie zayrzyj iż tu krotko, dzieie Pana swego,
Wypisuje a prostego, dowcipu moiego.

5 Radniey uymi zwykłego, obrotu niecnocie,
Nie przyganiay tak sprosnie, tey prostey robocie.

Pisz ty co chcesz iako chcesz, nie zayrzę ia tobie,
Radzęć tak dziersz o drugim, iak dzierzysz o sobie.

Z Drukarnie Macieia Wirzbięty

Объясненіе рѣдкихъ словъ.¹⁾

Bachmat, a, m. 203. Nie ieden tam Hyrawiec z Bachmata zrazony Lezy. 390. A drudzy na Bachmaty iuz rącze wsiadaia. 401. Jedni na swe Bachmaty spiesząc sie wsiadaia. 415. Więźniow, Bachmatow rączych Tatarskich nabrali. 538. Pohańcy od gęstych kul z Bachmatow padaia. Окончаніе *at* показываетъ, что это слово—турецкое. *At* по турецки значитъ: конь, а *bachn* (передѣланное изъ персидскаго *pechn*) значитъ: шпрокій. Турки называли бахматами татарскихъ лошадей—шпрокихъ въ костяхъ и плотныхъ, на сильныхъ ипзкихъ ногахъ. Бахматы легко переносили голодь и жажду, и безъ устали могли совершать огромные переходы. Glog. I, 94. Karl. 20. Leb. 41. Срезн. I, 46.

Włonie, a, c. 658. Wygnani prętko z Miasta k błoniu usiekaia. Рус. болоніе, болонье—изменное порѣчье, покрытое травою, *pratium littoreum, aquarum eluvioni objectum*. И. И. Срезневскимъ собрано много примѣровъ употребленія этого слова въ древне-русскихъ памятникахъ: (Половци) зажгоша болонье около града (Кіева). Лавр. 1096 г. стр. 224. Володимеръ... ста исполчивъся передь городомъ на болоньи. Лавр. 1144 г. стр. 295.—и т. д. Срезн. 145—146. Дюв. 5.

---

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ текстѣ сдѣланы сокращенныя ссылки на слѣдующія изданія: 1) Zygmunt Gloger. Encykl pedja staro-polaka ilustrowana. 4 тома 1900—1903. 2) Jan Karłowicz. Słownik wyrazów obcego a mulej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. A—K. 1897. 3) W. Łeбиński. Materiały do słownika historycznego języka i starożytności polskich I. Militaria. 1889. 4) Горбачевскій. Словарь древняго акавога языка сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго. 1874. 5) А. Дювернуа. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. 1894. 6) И. Срезневскій. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. 1893 и сл. 7) П. Саввантовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. 1896.

Brak, u, м. — слово нѣмецкое (Brack), у автора имѣеть значеніе: выборъ. Do Słyt. 22. Tak braku w gześciach nie ma skażony rozząddek—поврежденный разсудокъ не дѣлаеть выбора, различія въ предметахъ. Epic. 18. (Smierć) Wszystkich rowno krom braku sobie roważają—смерть всѣхъ считаеть для себя равными — безъ всякаго выбора, разбора. Karł. 64.

Brama, y, ж. — *brama*, ворота. Въ старомъ польскомъ языкѣ *brama* и *brona* — были синонимами и очень часто употреблялись въ одномъ и томъ-же значеніи, въ особенности когда шла рѣчь о воротахъ въ замкахъ или городскихъ башняхъ. 995. Drugzy zaś siekierami brony dobywają—другіе топорами разрушаютъ ворота. Глогеръ останавливается надъ вопросомъ, почему „ворота“ и „земледѣльческое орудіе“ обозначались однимъ и тѣмъ-же словомъ *brona*, и высказываетъ мнѣніе, что первоначально это слово означало желѣзную рѣшетку, спускавшуюся сверху и преграждавшую проѣздъ въ ворота, — служившую обороной этого проѣзда отъ вторженія неприятеля; а что потомъ тѣмъ-же словомъ стали обозначать общезвѣстное земледѣльческое орудіе въ виду внѣшняго его сходства съ воротной рѣшеткой. Glog. I, 197—198.

Chudzina, y, м. 485. Owa iako mogący żywi sie chudzina—однимъ словомъ живится (кормится) бѣдняга какъ можетъ (говорится о татаринѣ). *Chudzina* отъ *chudy* какъ *бедняга* отъ *бѣдный*, съ отѣнкомъ сожалѣнія.

Chutki—быстрый, проворный, стремительный. 169. Gdy na chutkich Hromakoch bucznie wyiożdżają—когда они (татары) гордо, дерзко, заносчиво выѣзжаютъ на быстрыхъ арганахъ. Karł 99—100.

Dank, u, м. 611. (Mezny Hetman) odzierzał w swym gycerstwem dank dla dzielney sprawy. *Dank*—слово нѣмецкое, значить здѣсь: награда за мужество; всю фразу можно перевести такъ: мужественный гетманъ и его рыцарство награждены побѣдой за стройный порядокъ въ бою. Karł 120—121.

Dłuszcze, м. мн. 673. Naszy gonió za nimi, w dłuszcze ioh łapają. 710. Widzimy iako drugich ómy prowadzą w dłuszczach. *Dłuszcze* —

длинная веревка съ петлей на концѣ, которою ловили лошадей въ табунахъ, или на войнѣ захватывали людей, — арканъ. Также называли шнурокъ, къ которому привязывался охотничій соколъ. Глог. IV, 263.

Dwór, и, м. 167. Wielki dwor Dowletkirey Cara Prekopakięgo. 243. Tam Dwor Kniазia Romana, Sanguska onęgo, Leżał. 245. Wnet sie z Dworem złączyli Książęcia zeszłego. Здѣсь слово *Dwór* имѣеть то значеніе, съ какимъ оно употреблялось иногда въ древне-русскихъ лѣтописяхъ, — *cohors praetoria*. Напр. въ Новг. I лѣт. подъ 1192 г.: „Самъ (кн. Ярославъ) сѣде на Пльсковѣ, а дворъ свой по-славъ съ Пльсковици воевать“. Дюв. 38, Срезн., I, 644.

Fortel, и, м. — хитрость, обманное дѣйствіе; передѣлано изъ нѣмецкаго *Vorthcil* — польза, выгода, прибыль. 684—685. Lecz у w posu nie wskural, bo fortyle ięgo omylily we wszыtkim Pohańca chytrego — но и ночью не добился успѣха (татарскій предводитель Бакалї), потому что козни (fortyle) хитраго язычника оказались со-всѣмъ неудачными. 688—689. Fortyl przeciw fortylom wynaуdować musi, Gdy kto сzego fortylem dostawaó sie kusi — если кто пробуетъ добиться успѣха съ помощью хитростей, то долженъ придумывать хитрости противъ хитростей врага. 727. Fortelem chcąc plundrowaó tu Podnieprskie strony — (Вѣлгородскій ага Янушъ) хотѣлъ изпод-тишка (fortelem) иогрabitъ придиѣпровскія мѣстности. Такой-же смыслъ имѣеть это слово въ стихахъ 743, 744, 831 и 853.

Gościniec, іса, м. — большая проѣзжая дорога, по которой ѣздили гости т. е. торговые люди, купцы. Na Herby, 28. Tým го-ściniecem Książęta poszly też Zbaraskie — этою же дорогою (т. е. пу-темъ, ведущимъ къ чести и доброй славѣ) пошли также князья Збаражскіе.

Hakownica, у, ж., нѣм. Hakenbüchse, фран. haquebutte, — самое старое ручное огнестрѣльное оружіе. По нѣмецки *Haken* — крюкъ, крючѣкъ, и старыя ружья называли *хаконницами*, потому что ихъ не держали при прицѣлѣ въ рукахъ, какъ это дѣлается съ совре-

менными ружьями, а подвѣшивали на особо устроенныхъ крюч-
кахъ въ амбразурахъ башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ. Порохъ для
выстрѣла въ такого рода ружьѣ поджигался безъ помощи замка,
прямо изъ руки—трутомъ. Съ теченіемъ времени въ гаковницахъ
были сдѣланы разныя усовершенствованія. 855. Z Zamku (Черня-
говскаго) z dział u s hakownio ogromnie pukaia. 988. Moskwa z
dział u s hakownio potężnie strzelaią. Glog. II, 231.

Громакъ—аргамакъ, м., тюрк. аргымак. Крупная порода ло-
шадей, отличающаяся легкостью и скоростью въ скачкѣ, почему
она употребляется преимущественно подъ верхъ. Цари и бояре
русскіе ѣзжали обыкновенно на аргмакахъ изъ Кабарды. У этой
породы длинныя ноги, узкая грудь и поджарое тѣло. Слов.
рус. яз. II отд. т. I, стр. 61.—169. Gdy na chutkich Hromakoch
busznie wyieżdżaią. 229. Na swych rącznych Hromakoch strze-
laiąc pohońcem (въ догонку—конечно: за непріятелемъ). 251. Straż
przybieży iz Turcy hromaki siodłaią. 1039. Drudzy hromaki rączę
dopiero siodłaią.

Нуравіе, wca, м. 203—204. Nie ieden tam Нуравіе, z Bach-
mata zrażony, Leży srodze na głowę z woyskiem porażony. *Нуравіе*
отъ слова *hyra*, гыра—чубъ на бритой головѣ; слѣдовательно, че-
ловѣкъ, который брѣшетъ голову, оставляя на ней только гыру—
чубъ. Karł. 221. О татарскомъ обыкновеніи брить голову и остав-
лять на ней только пучокъ волосъ въ видѣ чуба Клёновичъ въ
„Роксоланіи“ (1584) рассказываетъ такимъ образомъ: „Эти чудо-
вища на гнусно обритой головѣ оставляютъ пучокъ волосъ; шея
у нихъ, высокоблещенная бритвой,—постоянно красна. Какъ луковица
кругомъ краснѣетъ, на верхушкѣ ея торчитъ кисточка изъ тонень-
кихъ корешковъ, а вся головка—гладкая и голая; такъ и эти вар-
вары предпочитаютъ волосы подрѣзать, а на голой макушкѣ раз-
вѣвается у нихъ кисть рѣдкихъ волосъ (чубъ)“. Rox. v. 1327—1332.

Kalawury, gów, мн. м. 259—260. Turcy też iuz w sprawie swej z
mieusca sie ruszaią, Kalawurow iak zwykli przodkiem rowyłaią—Турки
двигаются уже съ мѣста въ своемъ боевомъ порядкѣ; впередъ,
какъ обыкновенно, они посылаютъ дозоры (проводниковъ). *Kalawury*
—это тѣ одиночныя передовыя всадники, которые, по нынѣшнему
выраженію, „освѣщаютъ“ мѣстность, гдѣ вслѣдъ за ними будетъ
проходить главное войско.

Kitayka, i, ж. 263. S kitayki gozmaitey prorogoe sie chwieia—
вѣются значки изъ разноцвѣтной китайки. Китайкой называлось
тонкое глянцовитое полотно, которое видѣвалось изъ хлопчатой
бумаги въ сѣверномъ Китаѣ и получило имя отъ мѣста произ-
водства. Karł. 274. Glog. III, 31.

Kosz, а, м. Постоянно употребляется со значеніемъ: лагерь.
Занятновано съ Востока; въ джагатайскомъ яз. значить: толпа
людей, дружина, въ турецкомъ: стадо, скопище людей, лагерь.
Karł. 304. Glog. III, 90.—367. Tamna bezpiecznym miejscu kozz swoy
położyli—тамъ въ безопасномъ мѣстѣ расположили свой лагерь.
368—369. Książę wzpiegi rozewiał, aby sie wywiedzieli, Gdzieby nie-
przyjaciele kozzem swym leżeli—Князь разослалъ шпионовъ, чтобы
они развѣдали, гдѣ непріатели расположились лагеремъ. Съ этимъ
же значеніемъ слово *kosz* употреблено въ стихахъ 377, 380, 393,
398, 399, 458, 497, 499, 503, 519, 661, 850, 935, 1030.

Kredene, а, м. 403—4. Tamże wprzod Książę kredene swoim
uczyłiło, Mężnie я konia owieczorem Tatarzyna zbito—туть князь
прежде всего показалъ своимъ примѣры: онъ мужественно сбиль
татарина съ коня оценомъ. Слово *kredene*, *kredens* происходитъ
отъ латинскаго *credens* (причастіе отъ глаг. *credo*=вѣрю) и имѣеть
въ польскомъ языкѣ самыя разнообразныя значенія. Здѣсь выра-
жена этимъ словомъ такая мысль, какъ будто князь повѣрилъ въ
долгъ (закредитовалъ) своимъ приближеннымъ свою храбрость,
выраженную въ нападеніи на татарина, и ожидаетъ, чтобы они
заплатили ему этотъ долгъ, показавъ съ своей стороны такую-же
храбрость. Łob. 271. Karł. 311. Glog. III. 98.

Leżęć. 163. Gdy tak z Rycerstwem swoim w pustych polach
leżał. 241. Leżęć w Polu я trefunku Turki obaczyli. 244. (Dwor
Kniazia Romana) *leżał* tuż nie daleko od miejsca tamtego.
357. Na polach Pozadnieprskich tam na Psle *leżeli*. 369. Gdzieby
nieprzyjaciele kozzem swym *leżeli*. Во всѣхъ приведенныхъ
примѣрахъ глаголь *leżeć* имѣеть значеніе: пребывать, находиться,
располагаться.

Łozyna, у, ж.—лозы; мѣстность, порошая густой лозой. Въ
древнерусскомъ языкѣ: лозина; напр. въ Ипат. лѣт. подъ 1229 г.

сворится о Калкишѣ: „Въ бо городъ обошла вода и сильная лозина
и вербье“. 542. A Judasz gdzieś z drugimi w łozynie sie taia—А
„Удашь и другіе (татары) притаились гдѣ-то въ лозахъ (вѣроятнo,
на берегу р. Днѣпра подъ Пивскою Горюю, у которой происхо-
дило сраженіе). Срезн. II, 44.

Маса, у, ж., древняя мѣра для сыпучихъ тѣлъ, преимуще-
ственно для хлѣба; передѣлка нѣмецкаго *Metze*. Вкладн. 1568 г. Ев.
XVI в. (Рум. 190): Две мацы жита, а третья пшеницы. 1086. (На-
пібал) Przez kilka mac pierścieni z Rycerstwa zbitego Nabral—(Анни-
балъ послѣ пораженія Римлянъ при Каннахъ) собралъ нѣсколько
маць (мѣръ) перстней, снятыхъ съ убитыхъ римскихъ всадниковъ.
Glog. III, 175. Горбач. 203. Срезн. II, 119.

Naród, оду, м. Na Herby 1—2. Zasná rzecz iest z zasných byó
przodków narodzonum, A zasnosciā narodu zdawna osláchcionum—
Почетное дѣло—происходить отъ знатныхъ предковъ и получить
шляхетство (благородство), благодаря знатному происхожденію.
Слово *narod* употреблено здѣсь не въ обычномъ своемъ значеніи,
а въ смыслѣ *порожденія*, происхожденія отъ знатныхъ предковъ.

Obłok, и, м.—облако. Встрѣчается и въ русскихъ памятникахъ:—
Тученосныя *облокъ* на огнено видѣніе преложиа. Новг. II лѣт.
1421 г. Въ полногласной формѣ *облока*:—Пришедшимъ орломъ и
многимъ ворономъ, яко *облоку* велику, играющимъ же птицамъ.
Ипат. 1249 г.—748—749. Więźniowie krzykiem płaszom *obłok* rosta-
szią, Paпа Voga żaloznym sercem swum wzuwaią. Поэтический об-
разъ: Облако разсѣивается отъ крика и плача невольниковъ и мо-
ленія ихъ скорбныхъ сердець свободно поднимаются къ Господу
Вогу (облако являлось какъ-бы помѣхой на пути восхожденія мо-
литвы къ Богу). Rostaczią=церк. сла. *расстачати*, разсыпать, раз-
сѣвать, разбрасывать. 1051. A strzaly lataiące *obłok* zasłaniaią=лети-
щія стрѣлы заслоняють собою облако; иначе сказать: неба не
видно отъ пролетающихъ стрѣлъ. Срезн. II, 527, 533.

Ogrzad, и, м. 681. (Вакаѣ) Zebrał *ogrzad* niemały ludu Tatarskiego—Вакаѣ—собралъ не малый отрядъ татаръ. Слово это венгерское (*ogrzad*) и значитъ по-венгерски: государство. Въ такомъ смыслѣ употребилъ его Оржеховскій въ письмѣ къ Кровницкому: „Swiat albo *ogrzad* nasz“—военная или наше государство. Тотъ-же смыслъ имѣеть оно въ галицко-русской пѣснѣ, которой не могъ исполнять себѣ покойный Н. И. Костомаровъ (см. Исторія козачества въ памятникѣхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества, стр. 112 отд. отт.): „Ой Воже жъ мій, очка мой, очка мой чорненькіи, тилько *ogrzak* проходили, а бѣлый свѣтъ невидили“. Дѣвушка хотѣла выразить: Мои чорненькіе глазки смотрѣли только на наше царство, но не видѣли бѣлаго свѣта. См. А. Brückner, *Cywilizacja i język. Warsz. 1901, str. 121.*

Ostróg, огу, м. 645. Tatarzy w ten czas *ostrog* mieyscy rozgłoszają 682. (Вакаѣ хотѣлъ) W posy miasto ubieżeć przez mosnę *ostrog*. 857. Rozmiotali do miasta wysokie *ostrog*. Во всѣхъ трехъ случаяхъ *ostrog*, *ostrogi*—частоколь, ограда изъ кольевъ, устранившаяся около города (miasta); внѣшнее окружное укрѣпленіе (противопологается „замку“—крѣпости внутренней). Это послѣднее противоположеніе особенно ясно выражено въ стихѣ 860: Do miasta z Zamku biją gęstymi kulami. Срезн. II, 744—745. Лѣб. 383.

Oszczep, и, м.—копье съ короткимъ древкомъ, скорѣе—палица съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. На войнѣ это было оружіе пѣхоты, на охотахъ имъ пользовались для единоборства съ медвѣдями и дикими кабанами. Къ наконечнику всегда придѣлывался торчавшій въ сторону крючокъ (отрогъ)—для того, чтобы при нанесеніи удара *ощепъ* не погружался слишкомъ далеко въ тѣло челоука или звѣря, и чтобы его удобнѣе было вытащить при необходимости повторить ударъ. Въ древнерусскомъ языкѣ: *оскънь* Ипат. лѣт. 1123 г.: (Два Ляха) пободоста и (Ярослава Святославича кн. Владимѣрскаго) *оскъномъ*, и едва умъчаша плѣ жива суца, и на ночь умре. 198. Drudzy w koni wrychają Tatar *oszczepami*. 232. Jak na nieprzyciaciela zmierzycь *oszczepami*. 404. (Książę) Meznik w konia *oszczepem* Tatarzyna zbilo. 669. A długimi *oszczepu* w koni obalają (татаръ). 1041. Strzelbą, szabl, *oszczepem* Moskwę obalają. Głog. III, 311—312. Лѣб. 384. Срезн. II, 723. Савв. 94.

Parcan, и, м. 980. Во обваровану Zamek (Трубчевскъ) тоспо ѡбавили. Въ одномъ памятникѣ 1478 г. сказано: „Antemurale alias tunc circa castrum edificabamus.“ Этѣмъ переводомъ (parcan=temurale) поясняется значеніе слова. Парканомъ называли дощатый или плетневый, обмазанный глиною, заборъ, которымъ ружали крѣпостныя стѣны, чтобы непріятель, прежде чѣмъ подупитъ къ нимъ, вынужденъ былъ прорываться черезъ парканъ, а его также старались отразить. Иногда передъ парканомъ устраивали еще земляной валъ; напр. у Іоакима Вѣльскаго читаемъ: Potym Krol (Стефанъ Ваторій въ 1580 г. подъ Великими Луками) sam za Łowatą rzeką iechał ku zzańcom, aby sie przypatrzył obywateli zamku, gdzie iż widział że Moskwa ziemią ściany dla gnia osuła, у каѣ przed parkanem usunęła, napominal Zamoyskiego by do parkanow nie dał strzelać, gdyż kule przez on wał nie mogły przechodzić, ale żeby do blankow strzelali“. Zbiór pis. pol t. XIX, s. 117.—Leb. 18, 89, 390.

Poczet, oztu, м.—первоначальное значеніе: число, нумерусъ; заѣмъ: отрядъ войска, рота, эскадронъ. Горбач. 260. Leb. 409. — 337. Tam swoy poczet kosztowny okazał Krolowi—тамъ (въ Посволи) онъ представилъ на смотръ королю свой нарядный отрядъ. 970—975. Kiryan Latoszyński, mąż serca wielkiego, s pocztem swoim też przytył do woyska onego. By Rzeczypospolitey znacznie posłużyli, przeto: Książęcy pocztem swoje przyłączyli у tamże społecznymi zgodnie zadowani ruszyli sie w Wozy czas s swoimi pocztami—Къ этому юйску присоединился со своимъ отрядомъ Киріонъ Лятошинскій, мужъ великой отваги. Чтобы замѣтно послужить Рѣчи-Посполитой, они присоединили свои отряды къ книжескимъ и, уговорившись хобоща, въ полномъ согласіи двинулись со своими отрядами въ добрый часъ впередъ.

Pogotewie, нар. Do Cа. 3. Ukroćć sie nie zdało, przydać pogotowiin=сократитъ (объемъ поэмы) не сочтено нужнымъ, расширитъ—тѣмъ болѣе. Въ настоящее время нарѣчіе *pogotowiin* не употребляется съ такимъ значеніемъ; теперъ сказали-бы: Темъ więсѣј, а со więсѣј.

Prerogaz, гса, м.—значокъ, кусоокъ матеріи, прибитый къ дреку копыя подъ наконечникомъ; старославянское *праноръ* со

значеніємъ: vexillum, signum. См. Matzenauer, Cini slova, 1870 стр. 68—69.—263. S kitayki rozmaitey proporce sie chwicia—высота надъ ними значки изъ разноцвѣтной китайки. См. выше, стр. 184—185, прим. Glog. IV, 120—122.

Przydana, у, ж.—критика, осужденіе, неодобреніе, отъ глумленіа. Do Сл. 15—18. Wzdy lepiej ze ci przedać w Polsce sie i naudiva, ktorzy snych ludzi sprawy swiata pokazują, niżli żeby, przy danu chroniąc sie w pisaniu, spoty ich niewdzięczności zostały i wpięmaniu—во всякомъ случаѣ лучше, что въ Польшѣ находятсѣ люди, которые обнаруживаютъ передъ свѣтомъ дѣянія доблестныхъ людей, чѣмъ если-бы изъ опасенія критики, угрожающей ихъ писаніямъ, они оставляли доблести въ забвеніи неблагодарности.

Ręczy, а, е,—легкій на бѣгу, быстрый, рысостый. 229. Ni swych ręczych Hromakoch strzelają rohońcem—стрѣляли въ догонку (за неприятелемъ) со своихъ легкихъ аргамаковъ. 390. A drudzy na Bachmaty już ręce wsiadają—другіе садятся уже на быстрыхъ бахматовъ. 415. Więźniow, Bachmatow ręczych Tatarakiel pabrali—набрали плѣнныхъ и быстрыхъ татарскихъ бахматовъ. 1039. Drudzy hromaki ręce dopiero wiodłają—другіе едва лишь сѣлаютъ быстрыхъ (легкихъ на бѣгу) аргамаковъ.

Rohatyna, у, ж.—широкое, плоское, на обѣ стороны остро конье, насаженное посредствомъ *тульи* (трубки) на *скенице* или короткое ратовище съ металлическою оковкою, которая называлась *подтокомъ*. Рогатины были боевыя, которыя употреблялись пѣшими воинами, и охотничьи, съ которыми ходили на медвѣдей. Между тульею и перомъ боовой рогатины иногда дѣлалось *яблоко* и привѣшивалась *кисть*; охотничьи рогатины имѣли и въ старину, подобно нынѣшнимъ, *отром* у тульи. Въ сочиненіи Фредры „O rozgądku wojennym“ (Wyimek ze Zwierzyńca Jednorozców wydane przez Fr. Glinkę r. 1670 we Lwowie—Finkel, Bibliografia, cz. I, str. 467) говорится о рогатинѣ слѣдующее: „Rohatyna zaś... dobra na rajtara niemieckiego, na kozaka pieszego, na Tatarzyna konnego, bo dla lekkości tam i ówdzie łatwo się z nią obrócić. W ciągnięciu zaś na sznurach z ramienia lewego może wisieć, żeby prawa ręka wolna

ryła dla władania. Długość rohatyny ma być 5 łokci albo trochę więcej, według wczesności.—411. Nazwy *Rohatynami* goniać ich sprychnię—преслѣдуя (татарь), наши рогатинами опихиваютъ ихъ (съ коней). 526. Тамъ teżніе *rohatynę* w Pohańca kawadził—тамъ (князь М. А. Вышневедкій) мужественно пронзиль невѣрнаго (татарина) рогатиной. 607. Nazwy *rohatynami* я koni obalaiać—наши рогатинами сваливаютъ (татарь) съ коней. Это оружіе неоднократно упоминается въ древнерусскихъ лѣтописяхъ. Напр. Лавр. 1149 г. (стр. 308): Единъ же отъ Нѣмчичъ видѣвъ и (князя Андрея Георгіевича), хотѣ просунути *рогатинною*, но Богъ сблуде и. Ипат. 1255 г. (стр. 550): Вдушу же ему (говорится о Даниилѣ Галицкомъ) до Грубешева, и уби вепревъ шесть, а самъ же уби и *рогатинною* 3, а три отроци его: и вдасть мяса во емъ на путь. Срезн. III, 129. Савв. 115. Лѣв. 450—451. Глог. IV, 174.

Reskoszyc się—*rozkoszyc się*—расположиться лагеремъ, глаголъ отъ слова *koza*, кошь—лагерь, *latine castra*.—523. (Pogańcy) *Wypiecznie sie iak w domu sobie rozkoszyli*—(татары) беззаботно, безпечно расположились себѣ лагеремъ какъ будто у себя дома.—Дювер. стр. 179, подъ словомъ: роскошь.

Scholdować—*zholdować*—поставить въ ленную отъ себя зависимость, подчинить, покорить.—35—36. А *teraz iako cię smierć wrodze scholdowała, nam żalost, sobie triumph wieczny udzialała*—а теперь, когда жестокая смерть тебя покорила, себѣ въ удѣлъ получила она вѣчный триумфъ, а намъ оставила печаль. Карл. 214—215.

Sprawa, у,—устроитель, руководитель, начальникъ. 105. *Pracę zam Bog sprawę był małżonstwa onego*—право самъ Богъ былъ устроителемъ этого супружества. 246—247. Тамъ же *zgodnie obrali wnet sprawę jednego, Ostaficia dzielnego Kniazia Rużynskiego*—тамъ же они тотчасъ въ полномъ согласіи выбрали одного начальника—храбраго князя Евстафія Ружинскаго. 408. *Widząc iż sprawę swego iść w wojsku nie miał*—видя, что они (татары) не имѣютъ уже посреди войска своего начальника. Лѣв. 497.

Sprośny, a, e; нарѣчіе *sprośnie*, — нечестный, испорченный, развратный, неряшливый, позорный. — 539. A drugdy zaś w sprawie swej *sprośnie* się mieszają — другие же (татары) позорно перепутываются въ своемъ строю. 954—955. A tak *sprośnie* urognę przedsięwzięcie jego, iż zgody ni pokoju nie pragnął świętego — его (Иоанна Грознаго Московскаго) позорный замыселъ былъ такъ упоренъ, что онъ не жаждалъ ни примиренія, ни святаго покоя. 1003. Weźmiesz za łaską Bożą *sprośną* Moskwę bili — съ Божіею помощью мы будемъ бить неряшливую Москову. 1054. Gdy *sprośna* Moskwa przed nim wrototnie pırzochała — когда неряшливая Москва постыдно бѣжала передъ нимъ въ разсыпную. 1057. (Książę) swym werga doławiając *sprośną* Moskwę gromi — подавая своимъ отвага, князь громитъ неряшливую Москову. Горб. 338.

Strych, u, m. — слово это имѣетъ нѣсколько разнообразныхъ значеній: 1) чердакъ, вышка; 2) гребло, скребокъ; 3) штрихъ, выведенный перомъ, ударъ смычка на скрипкѣ; 4) образъ, способъ. 680. Wo у Bakau tym *strychem* patrzył szczęścia swego — вотъ и Бакай такимъ же образомъ попробовалъ своего счастья.

Surma, u, ż. — турецкое *сурма* или *зурна*, труба съ широкими отверстиями для пальцевъ, издававшая очень рѣзкіе, пронзительные звуки. Маленькія сурмы называли *суремками*. — 193—194. Dawszy rotym *szurmq* znak pewny do potkania, „Hala, Hala“ wołają wszyscy bez przestania — (татары) подавши сурмою условный знакъ къ наступленію, всѣ безъ остановки кричатъ: „гала, гала“. 264. A na *surmach* żalosiście dumy wygrawają — а на сурмахъ наигрываютъ они жалобныя думы. Glog. IV, 294.

Szańcować się — **oszańcować się** — окружать себя окопами, окопываться. Въ такомъ смыслѣ употребленъ этотъ глаголъ въ стихѣ 990: Gdy się bliżej pod ścianę już *przyszańcowali* — когда они подрылись уже окопами (траншеями) поближе къ стѣнамъ. Въ переносномъ смыслѣ — **zszczęścić się**, имѣть счастье, успѣхъ. 958. Wszędzie się z łaski Bożej naszym *szzańcowało* — съ Божіею помощью нашимъ повсюду везло счастье. 962. Iż mi się z łaski Bożej na wazem *szzańcowało* — съ Божіею помощью ему во всемъ везло счастье. Leb. 516.

Stajna, у, ж.—ущелье, чаща, кустарникъ. 412. A drudzy po *szelwach* krzyczących *łapaję*—а другіе хватають укрывающихся въ чащахъ (татаръ) 706—707. Byłby już bezpieczniejszy ościs z dziećmi *wzemi*, nie kryłby po *szelwach* у lasy *gęstymi*—отець съ своими дѣтьми былъ бы въ большей безопасности и не укрывался бы по ущельямъ и по густымъ лѣсамъ. *Leb.* 517—518.

Szwank, и, м.—вредъ, ущербъ, поражение.— Na Porby, 39. A choć sie też kuśili, zawsze *szwank* odniosli—а хотя они (татары) и покушались нападать, всегда терпѣли поражение. 766—769. Takim *szczęściem* obdarzył Bog Książęcia *snego*, że nigdy z łaski jego *szwanki* tak wielkiego nie odniósł od Pogańców w tak *gęstych* potrzebach, ktorich dość często miewał przy Podnieprskich brzegach—Богъ одарилъ доблестнаго князя такимъ счастьемъ, что по милости Его онъ никогда не понесъ отъ невѣрныхъ особенно большаго пораженія въ тѣхъ частыхъ стычкахъ, которыя онъ постоянно съ ними имѣлъ на берегахъ Днѣпра.

Szwankować, *szwankować*—страдать недостаткомъ чего, быть слабымъ, потерпѣть ущербъ, вредъ, понесть поражение въ битвѣ. 179. Jako w on *szła* Monarcha on *meżny szwankował*—какъ въ то время этотъ мужественный государь потерпѣлъ поражение. 308. *Szawem* on też wielki *maż* z Rycerstwem *szwankował*—иногда и этотъ великій мужъ (Скандербергъ) терпѣлъ со своимъ рыцарствомъ (войскомъ) пораженія. Такой же смыслъ имѣетъ этотъ глаголъ въ стихахъ 320, 414, 678 и 1001.—*Leb.* 524.

Taniec, іса, м.—первоначальное значеніе: *пляска*; затѣмъ *танцемъ* называли способъ нападенія на непріятеля, свойственный татарамъ, которые какъ бы *плясали* передъ непріятельскимъ войскомъ на своихъ быстрыхъ степныхъ бѣгунахъ. 586. *Tatarzy* *zwykłym* *tan-*
cem *paazuch* *paiejdżaję*—татары наскакивали на нашихъ съ обыкновенными своими танцами. У черкесовъ и другихъ кавказскихъ горцевъ эти *танцы* (упражненія въ наѣздничествѣ) называются *джиттовкой*. Отсюда глаголъ *джиттовать*—гарцовать, наѣздничать, упражняться въ наѣздничествѣ съ ловкостью и быстротой трудныхъ оборотовъ на скаку. Слов. II отд. т. I, стр. 1025; *Leb.* 531—532.

Tę, ogu, m. — путь, дорога, тропа, стезя. — Na Herbu, 27. Tymśi *torzem* Książęta poszły Wisniowieckie — такою именно стезею (путемъ, ведущимъ къ чести и доброй славі) пошли князья Вишневецкіе.

Uf, uff — huf, u, m.; уменьш. *ufiec* — *hufiec* — нѣмецкое *Hausen* — куча, груда, околпение, стая, группа, отрядъ, взводъ, шайка, ватага, толпа. У нашего автора употребляется въ значеніи: *отрядъ войска*. 166. Bo straż *ufiec* nicmały Tatar obaczyła. 282. Alіó sie *uff* Tatarski z za kurhana wali. 396. Aż sie k nim z lewey strony *ufiec* Tatar wali. 505. Zaty m porządnie *uffce* w swym woysku rozadził. 603. (Tatary) Wnet sie zaś sprawią prętko do *uffi* iednego. 738. Prętko sie w ieden *hufiec* Pohańcy sprawili. — Łeb. 230 — 231.

Umer, u, m. — усиліе до послѣдней крайности, до смертельнаго изнеможенія, до гибели. Поэтому говорится: Ігаб на *umor*, śmiąc się, pió do *umoru*, do upadu, na zdech, na śmieró, do zgonu, do ubicia, do zginienia. — 606. Tak sie na *umor* sioka, aż sie iuż mieszaią — сѣкуются между собою (на сабляхъ) до упаду, до изнеможенія, до гибели, такъ-что ужъ приходятъ въ замѣшательство. Glog. IV, 406.

Ustawnie, нар. = *ustawicznie* — постоянно, непрестанно, безъ перерыва. См. выше, стр. 173, строка 11 снизу: Przypatrzuywszy sie tei słowu Pańskiemu, ktorogo W. W. *ustawnie* słuhać raczyuz — вдумавшись въ Слово Божіе, которое Ваша Вельможность постоянно любите слушать.

Warący вм. *warownicy* отъ *warować* — ограждать, укрѣплять. — 548 — 549. Takóі to zasne Książę wedle swey zwykłości *Warący* Rzeczpospolitą z uprzejmeu szczerości — такъ-то доблестный князь по своему обыкновению ограждалъ, охранялъ Рѣчь Посполитую съ искренною преданностью, изъ покрѣпней къ ней преданности.

Wypłoszyć zkad — откуда нибудь выпугнуть, выгнать страхомъ. — 527. Zaraz duszę wypłoszył u konia wysadził — сейчасъ душу выпугнулъ (изъ тѣла) т. е. убилъ татарина и сбиль его съ коня.

Zawój, oja, m.—тюрбанъ, повязка изъ легкой бѣлой матеріи, которую въ старину носили на головѣ турки.—83. **Nie straszny był Moskwićin, ni Turckun zawoic**—не страшны были ему (князю М. А. Вышневецкому)—ни москвитянинъ, ни турокъ въ тюрбанѣ. 97. **Krwawil Turkom zawoie, oduocił zywucicstwo**—обливалъ кровью тюрбаны туркамъ, одерживалъ побѣды (Зеновичъ). 278. **Turkom z glowy od szabel zawoie lataic**—у турковъ отъ сабельныхъ ударовъ тюрбаны слетаютъ съ головъ. Ср. въ думѣ о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи ст. 274: турецкымъ биленькымъ *zawoic* махавъ. Ист. пѣсни мал. нар. I, стр. 216.

Zniewalać—заневоливать, заневолить; взять кого-нибудь въ неволю, полонить; закабалить, лишить свободы дѣйствиій.—478—479. **Zniewalał dobrodzieystwu Pohańca szregiego, zachowuiąc w przedni ciaz sobie przyiaźń iego**—своими благодѣянiями онъ обезоруживалъ жестокаго татарина, обезпечивая себѣ на будущее время его приязнь, дружбу.

Послѣловіе.

I.

Авторъ изданнаго нами памятника не назвалъ своего имени и не сообщилъ о себѣ никакихъ прямыхъ біографическихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе въ самомъ памятникѣ можно найти достаточно указаній, чтобы составить себѣ объ авторѣ нѣкоторое сужденіе.

Прежде всего мы опредѣленно знаемъ, что свое произведеніе онъ писалъ въ одномъ изъ имѣній князя Михаила Александровича Вишневецкаго, а именно въ селеніи Нижней Бѣлкѣ, расположенномъ при рѣчкѣ Бѣлкѣ, ниже (по теченію ея) другого поселенія, называвшагося Верхнею Бѣлкою. Въ настоящее время Верхняя Бѣлка называется Большою, а Нижняя—Малою.

Затѣмъ авторъ называетъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго своимъ паномъ и благодѣтелемъ („*iz tu krotko dzieie Pana swego wypisuię... „złożyłem kilka dziesiąt wirszow przurpominające mi zasnęgo a świętę ramięci Pana a dobrodźcicia swęgo Miłościwego zezłego“*), а себя — слугою овдовѣвшей княгини Елисаветы Юрьевны Вишневецкой („*od niniejszego sługi swęgo“*).

Изъ этихъ двухъ обстоятельствъ мы можемъ заключить, что авторомъ „Плача“ былъ человекъ, служившій у князя М. А. Вишневецкаго и получившій отъ него для кормленія деревню Нижнюю Бѣлку. Скорѣе всего, что онъ былъ княжескимъ коморникомъ въ родѣ того коморника Богданка, который въ 1563 году во время нападенія кн. Вишневецкаго на Сѣверщану былъ взятъ въ плѣнъ людьми Іоанна Грознаго и затѣмъ былъ отправленъ къ королю Сигизмунду-Августу для засвидѣтельствованія передъ послѣднимъ факта нарушенія кн. Вишневецкимъ мира съ Москвою (см. выше, стр. 192, прим.).

Далѣ мы можемъ утверждать, что авторъ „Плача“ участвовалъ вмѣстѣ съ кн. М. А. Вишневецкимъ во всѣхъ описанныхъ имъ походахъ и сраженіяхъ съ неприятелемъ. Всѣ эти описанія отличаются необыкновеннымъ для того времени реализмомъ: отмѣчаются малѣйшія подробности сраженокъ, пересказываются слова, съ которыми кн. М. А. Вишневецкій обращался къ соратникамъ, воодушевляя ихъ на бой, рисуются ощущенія, которыя могли запечатлѣться только въ памяти воина, сражавшагося рука объ руку съ усопшимъ княземъ. Иногда пылъ битвы воспламеняетъ автора и чувствуется присутствіе въ его душѣ значительнаго поэтическаго дарованія. Такъ описывать военныя дѣйствія могли только человѣкъ, принимавшій въ нихъ непосредственное участіе. Для примѣра приведемъ нѣсколько описаній.

Вотъ въ 1554 г. князь М. А. Вишневецкій на берегу р. Хорона у Кильдешовой могилы сражается съ татарскимъ войскомъ, предводимымъ Саткуреемъ.. „Татары построились, какъ у нихъ въ обычаѣ. Въ рукахъ у нихъ натянутые луки съ острыми стрѣлами. Подавши сурмой условный знакъ къ наступленію, всѣ безъ остановки кричатъ: „галя, галя“. Князь и его рыцарство жарко съ ними сшиблись и мужественно вступили въ бой съ татарскимъ войскомъ. Обѣ стороны рубятъ другъ друга саблями, а иные изъ нашихъ оцепами спихиваютъ татаръ съ коней. Не малое время длится битва; наконецъ, Богъ помогъ христіанамъ: разстроился вояродокъ у жестокихъ басурмановъ. Разгромленные, скачутъ они въ безпорядкѣ по полю, наши же вотъ соиъчасъ опять съ ними смѣло схватятся. Не одинъ чубатый татаринъ сбитъ уже съ бахмата и валется на землѣ: онъ пораженъ, какъ и все его войско. Богъ показалъ доблестному князю ясное знаменіе, что его предвзятіе не дерзновенно. Мы кровавили наши сабли въ жестокой татарской крови, а татаринъ въ то время испыталь на себѣ доблесть Вишневецкаго“.

Нѣсколько позднѣе три князя: Евстафій Ружлицкій, Романъ Сангушко и Михаилъ Вишневецкій — сразились съ турками на Вѣггородскомъ полѣ. Авторъ пишетъ носомѣнно, какъ очевидецъ: „Отража приближала съ вѣстью, что турки сѣдлають аргамаковъ. По росѣ хорошо слышно, какъ бречать стрѣмена. Дѣло близится къ разсвѣту, загорается заря, донѣ началъ выплывать изъ глубо-

каго моря. Помолвившись Богу, князя садятся на коней и осторожно, въ боевомъ порядкѣ, двигаются со стоянокъ. Когда князь подошли почти подъ самый бокъ непріятелю, въ полномъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ передъ сраженіемъ, то и турки въ своемъ строю также тронулись съ мѣста; впередъ, какъ водится, они послали развѣдчиковъ. Полегоньку и наши двигаются на встрѣчу, тщательно вглядываясь въ турецкій строй; надъ ними вьются значки изъ разноцвѣтной китайки, а на сурмахъ наигрываютъ они жалобныя думы. На высокомъ курганѣ показались турки. Наши огромною трубою подали сигналъ къ наступленію. Жарко бросаются другъ на друга, мужественно сшибаются. Турки направляютъ на нашихъ длинныя копья, а наши огрѣваютъ турокъ изъ ружей и луковъ. Съ обѣихъ сторонъ валятся уже трупы подъ лошадиными копытами: Довольно крика по полю и эхо отовсюду откликается. Гордый турокъ какъ-то отчаивается уже въ побѣдѣ. Припертые нашими, турки подаются назадъ, а наши смѣло еще напираютъ и двигаются впередъ. Рубятъ другъ друга саблями, стрѣляютъ изъ ружей. По милости Божіей, наши отбиваются отъ турокъ. Припорченные нашими, турки показываютъ тылъ; отъ сабельныхъ ударовъ летятъ у нихъ тюрбаны съ головъ. Разгромленные такъ турки бѣгутъ къ Бѣлгороду. Переправляются вплавь на коняхъ гдѣ кто попалъ, по разсыкая бродъ“.

Только что вступилъ князь М. А. Вишневецкій въ должность Черкаскаго старосты, какъ ему пришлось сразиться въ 1560 году съ татарами, расположившимися на берегу р. Псла. „Перо давалъ за вѣрно“, говоритъ авторъ, „что татарскаго войска триста человекъ. Хотя это сила неравная нашей, но наши все-таки не страшились. Видя отвагу своего вождя, они одинъ въ другомъ возбуждаютъ мужество. Въ то время начинала всходить румяная заря, своимъ свѣтомъ она разгоняла мглу и темноту ночи. Другая стража дастъ знать, что иные татары уже трогаются, а другіе садятся на быстрыхъ бахматовъ. Князь съ подручниками приводитъ своихъ въ порядокъ и строитъ ихъ, какъ слѣдуетъ передъ битвой. Онъ старается заставить татаръ на стоянкѣ и приказываетъ своимъ одновременно тронуться съ мѣста. Подвигаясь впередъ, они спѣшатъ ударить на татаръ. Вдругъ съ лѣвой стороны наваливается на нихъ отрядъ татаръ. Этихъ съ помощью Божіей они

безъ труда разгромили и ни одного изъ нихъ не выпустили обратно въ лагерь. Потомъ наши поскакали къ лагерю и подняли крикъ, а татары очень встревожились: поспѣшно садятся на своихъ бахматовъ. Наши мужественно и быстро схватились съ татарами. Князь первый показалъ своимъ примѣръ и отважно сбиль съ коня оцепомъ татарскаго предводителя. У многихъ мужество пробудилось, когда они увидѣли, что ихъ вождь подаль первый признакъ вѣрной побѣды. Татары разстроились, видя, что въ ихъ войскѣ плѣтъ уже вождя, а наши тѣмъ сильнѣе на нихъ напираютъ. Татары разгромлены и прячутся въ камыши; иные-же, отступая, бьются еще вооруженною рукою. Преслѣдуя, наши спихиваютъ татаръ рогатинами съ коней; иные берутъ въ плѣнъ укрывающихся въ чашахъ“.

Послѣ похода весною 1568 года въ Сѣверщину князь М. А. Вишневецкій узналъ, что татары на возвратномъ пути изъ предѣловъ Польши, гдѣ они захватили въ плѣнъ множество народа, остановились лагеремъ подъ Пивскою Горою въ нынѣшнемъ Кремнечугтомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Онъ поспѣшилъ вслѣдъ за ними и рѣшилъ напасть на ихъ стоянку. „Идя походомъ“, рассказываетъ нашъ авторъ, „онъ разговаривалъ со своими, совѣтовался, какъ сразиться, затѣмъ расположилъ въ боевомъ порядкѣ отряды своего войска. Потомъ онъ убѣждалъ своихъ, чтобы они не трусили, такъ какъ передъ тѣмъ въ маломъ числѣ они побѣждали большія силы. „Вотъ увидите“, молвилъ онъ, — „Вогъ, который всегда помогаетъ христіанамъ, сокрушитъ мощь жестокихъ язычниковъ; не тревожьтесь множествомъ татарскаго люда, — Вогъ дастъ, мы побьемъ свирѣпаго чужевѣрца. Сжалимся надъ невольниками, предаваемыми мукамъ и изнемогшими отъ ужаснаго татарскаго плѣна“. Потомъ они дружно тронулись со своихъ мѣстъ и, имѣя добрыя предзнаменованія, торжествовали уже побѣду. Утренняя звѣзда начала садиться передъ зарей и румянецъ яснаго дня блисталъ уже изъ-за ночныхъ тучъ. Какъ только татарская стража увидала нашихъ, то съ крикомъ: „гюры, гюры“—поскакала къ лагерю. Князь поспѣшно наступаетъ, а Рудашъ, хоть ужъ и не во время, строитъ своихъ въ боевой порядокъ. Невѣрные какъ будто не чувствовали надъ собою непріятеля; расположились себѣ лагеремъ такъ безопасно, какъ дома. Князь объѣзжаетъ ряды и

ободряетъ воиновъ. Потомъ съ громкимъ крикомъ выскочилъ онъ впередъ, мужественно ударилъ рогатиною татарскаго предводителя, выпугнулъ изъ него душу и обиль его съ коня. Наши храбро ударили на татаръ, а татары, видя, что не шутка, — бросились въ разсыпную. Одни быстро хватаютъ коней, другіе бьются, но отъ сильного испуга метаются то туда, то сюда. Рудашъ кричитъ на тѣхъ, что достали лошадей, чтобы они смѣло отстрѣливались отъ гауровъ изъ луковъ. Какъ, дождь падаютъ съ обѣихъ сторонъ свистящія стрѣлы. Нашимъ, слава Богу, хватаетъ силъ; они собоку бросаются на татаръ и отбиваютъ у нихъ лошадей. Чѣмъ далѣе, тѣмъ слабѣе обороняются татары; отъ густыхъ пуль многіе валятся съ бахматовъ. Иные трусливо покидаютъ строй. Такъ, по милости Вожеіи, разгромили наши татаръ и, ловя ихъ, гонялись за ними по полю⁶.

Приведемъ еще описаніе нападенія татаръ на г. Черкасы, гдѣ обыкновенно проживалъ князь Михайлъ Александровичъ Вишневецкій. — Однажды въ осеннее время тайными тропинками подкрался Рарадза къ Черкасамъ и съ нимъ — пятьсотъ всадниковъ. Онъ велъ своихъ татаръ, скрывая слѣды; негодяи рассчитывали ночью вломиться въ городъ. Онъ не покушался напасть днемъ, а ждалъ ночи, чтобы повязать спящихъ, пользуясь ихъ беспомощностью. И вотъ, когда ясное солнце закрыло свое лицо, а мѣсяцъ сіялъ почти на половинѣ неба, люди же спали глубокимъ сномъ, вдругъ по церквамъ ударили въ набать. Всѣ схватились со сна, кричатъ: „гвалтъ, гвалтъ“, а татары въ то время разбрасываютъ городокой частоколь. Князь, слыша такой шумъ, схватился со сна и, не ожидая, пока ему подадутъ оружіе, умоляетъ своихъ, чтобы они не тревожились и не боялись, а чтобы выгнали татаръ, какъ собакъ, изъ города. Когда у насъ случилась такая тревога отъ невѣрныхъ, въ то время луна свѣтила съ яркостью солнца. Татары поражаютъ нашихъ густыми выстрѣлами; свистящія стрѣлы слетаютъ съ кривыхъ луковъ. Наши стрѣляютъ по татарамъ изъ длинныхъ ружей, а татары стрѣмглавъ удираютъ изъ города. Князь со своими людьми напираетъ съ отчаянной отвагой, не считаясь съ опасностью. Выгнанные изъ города татары, быстро отступаютъ на лугъ. Кое-какіе изъ нихъ навѣсно пускаютъ стрѣлы въ городъ. Татары съ большимъ позоромъ отступили прочь и, ничего не достигнувъ въ городъ, со всѣмъ своимъ лагеремъ тро-

нудно въ путь. Но черезъ нѣсколько дней они возвратились и опять задумали попробовать счастья. Какъ разъ въ тотъ часъ, какъ всходила прекрасная заря и Фебъ началъ катить изъ моря свою золотую колесницу, закричали они по полю: „гали, гали!“ и бросились къ городу, а наши послѣшно выступили изъ города имъ на встрѣчу. Смѣло на нихъ налетѣли и съ ними схватились. Ваять ихъ съ коней длинными оцепами. Конные татары осыпаютъ нашихъ густыми стрѣлами, а наши пѣхотинцы стрѣляютъ въ татаръ изъ ружей. Иные невѣрные падаютъ съ коней, другіе удираютъ; наши за ними гонятся и ловятъ ихъ на арканы. Въ то время мы захватили въ плѣнъ двадцать татаръ, исключая тѣхъ, которые остались на мѣстѣ убитыми“.

Приведенныхъ примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы судить, съ какою обстоятельностью описываетъ нашъ авторъ военныя дѣйствія, наполнявшія жизнь князя М. А. Вишневецкаго. Не только отмѣчается время, когда происходила битва: на зарѣ, днемъ или ночью; но даже не забыты такія, напримѣръ, мелочи, какъ то, что татарскій отрядъ напалъ на войско князя съ *левой* стороны (ст. 396), что лягъ стремявъ былъ отчетливо слышенъ *по русь* (ст. 252). Невозможно записать такія подробности съ чужихъ словъ. Поэтому мы рѣшаемся настаивать на томъ, что авторъ „Плача“ былъ постояннымъ соратникомъ усопшаго князя М. А. Вишневецкаго и самъ непосредственно пережилъ тѣ событія, которыя онъ съ такою простотою и яркостью воспѣлъ въ своихъ стихахъ. Дѣлая такое предположеніе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны будемъ допустить, что по возрасту авторъ „Плача“ былъ сверстникомъ князя и что, слѣдовательно, онъ выступилъ на литературное поприще въ позднемъ вѣкѣ, имѣя уже на плечахъ не менѣе половины шостаго десятка лѣтъ.

Въ обращеніи къ критику (*dozasunkaга*), которымъ нашъ авторъ заканчиваетъ свое произведеніе, онъ проситъ послѣдняго быть къ нему снисходительнымъ, такъ какъ онъ не опытенъ до въ литературной риботѣ и пишетъ безхитростно и просто, какъ ему подсказываютъ его непосредственное чувство и желаніе почтить память дорогого покойника. Тѣмъ не менѣе скромность автора нѣсколько преувеличена. Хотя онъ, быть можетъ, и не пробовалъ ранѣе своего пера въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ, однако изъ разныхъ мѣстъ „Плача“ видно, что это былъ человекъ, получившій законченное по требованію своего времени образованіе и обладавшій значительною начитанностью.

Изъ обращенія автора къ книгѣи Елисаветѣ Юрьевнѣ Вишневецкой (см. выше, стр. 169—174) видно, что тексты священнаго писанія были крѣпко запечатлѣны въ его памяти и что онъ охотно пользовался ими для подкрѣпленія своихъ взглядовъ и для большей убѣдительности тѣхъ увѣщаній, съ которыми онъ обращался къ княгинѣ, желая ее утѣшить и успокоить въ виду кончины любимаго супруга. Онъ цитируетъ книги какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, приводитъ тексты изъ книги Иова, изъ Псалтири, изъ книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, изъ посланія ап. Павла къ Евреямъ. Въ равной степени доступна была ему исторія древняго міра, изъ которой онъ неоднократно черпаетъ примѣры въ поясненіе своихъ мыслей, хотя въ этомъ отношеніи выгодно отличается отъ своихъ современниковъ, такъ какъ не загромождаетъ своего изложенія многорѣчивыми заимствованиями изъ классическихъ авторовъ. Онъ вспоминаетъ о походахъ персидскаго царя Ксеркса на грековъ (ст. 176—184), объ Ахиллесѣ, устремившемся на войну, хотя онъ былъ укрытъ матерью среди дочерей царя Ликомеда и послѣ женское платье (ст. 323—326), объ Аннибалѣ Карагенскомъ, воевавшемъ съ Римлянами (ст. 421—426), о Сципіонѣ Африканскомъ, Манлиіи, Квинтѣ Катуллѣ и Маріи (ст. 887—890), не говоря уже о томъ, что его рѣчи присущи такія общеупотребительныя имена классической древности, какъ Фобъ—для обозначенія солнца, Марсъ—для обозначенія войны. Даже шуточные выраженія авторъ заимствуетъ изъ общедоступной школьной мудрости. Такъ, описывая поражение татаръ на Черномъ Ташлыкѣ, онъ говоритъ (ст. 760—761): „Nie długo tam z Pohańcem argumentowali, bo szablą silozizmu ich konkludowali“.

На ряду съ познаніями автора въ области священнаго писанія и классической древности замѣтно знакомство его и съ литературою ему современной. Такъ, онъ упоминаетъ о борьбѣ Скандербегъ съ турками—очевидно, читалъ книгу о его жизни и дѣятельности Марина Барлоція, изданную въ польскомъ переводѣ Кипріана Вазилика въ 1569 г. въ Врестѣ-Литовскомъ (см. выше, стр. 187, прим.). Желая выставить знатность супруги князя Михаила Александровича княгини Елисаветы Юрьевны, авторъ

говорить, что она происходит изъ дома Юрія Зеновича — „Iz tego Zienowicza, guscerza wielkiego, na dworze Krolow zasnych dzielnością własnego, ktorego u podziękien Węgrzy wspominaia, iego guserskie dzieie w *swych Kronikach* maia“; изъ этихъ словъ можно заключить, что автору случалось заглядывать въ венгерскія хроникки. Наконецъ, дважды онъ упоминаетъ о хрониккахъ отечественныхъ, описывающихъ дѣянія великаго князя Витовта и князя Константина Ивановича Острожскаго: ст. 782—783. — „Wspominaia *Kroyniki* dzieie Witultowe, jak duze Hordzie Tatarskie porazil na glowe“ и *Do lask. cyt.* ст. 18—20. — „A iesliże Witulty, ony Konstantyny, y ony dzielne meze, sny guserskie synu, wspominaia *Kroyniki* aż do czasu tego“.... Мы полагаемъ, что въ обонхъ случаяхъ подъ „Хроникками“ слѣдуетъ подразумѣвать сочиненіе Матвія Стрыйковскаго: „Ktora przed tym nigdy swiatla nie widziala Kronika Polska, Litowska, Żmódzka i wszystkiej Rusi“, напечатанное въ Кенигсбергѣ (Кролевцѣ) въ 1582 году т. е. за два года до выхода въ свѣтъ *Epidiccion'a* нашего автора. Когда нашъ авторъ писалъ, что „Хроникки“ повѣствуютъ о дѣяніяхъ Витовта,

Jak duze Hordzie Tatarskie porazil na glowe,

Nahajskich y Zawolskich, stad Tatar do Litwy

Przywiol! на знакъ звыцѣства оней славноу битву,

—несомнѣнно, ему вспоминалось стихотвореніе Стрыйковскаго „O wtorej wyprawie Witolda samego na Tataru, według Cromera, Długosza i Miechoviussa. Roku 1397.“, гдѣ находимъ слѣдующіе стихи (см. Варшав. изд. 1846 г. томъ II, стр. 112—113):

*Tam nad Donem i Wolgą Tatarów pogromil,
Zdybawszy ich, bez wieści, pobil i rozgromil;*

Obozy ich, wielbłądów i bachmatów stada

Pobrał, i cokolwiek ich horda rodzi rada.

Tak Nahajskich, Zawolskich dwie hordy poraził

I do utarczek Ruskich, drogę im przekazil.

Don, Worschlą, Sina-woda, Wolga, krwią płynęły,

Czym Litwy z Rusią meżne dzielności słynęły.

Horde jedną do Litwy Witold przyprowadził,

Którą nad Waką rzeką na rolach posadził....

Если во второмъ мѣстѣ нашъ авторъ вспоминаетъ о прославленіи „Хроникками“ не только Витовта, но и Константина —

очевидно, Острожскаго, то опять таки нельзя сомнѣваться, что подъ неопредѣленнымъ выраженіемъ „Хроника“ онъ разумѣетъ того же Стрыйковскаго, посвятившаго описанію подвиговъ Витовта и ки. Константина Ивановича Острожскаго обширные отдѣлы своего труда (см. Варшав. изд. 1846, т. II, стр. 97—176 и стр. 308—810, 845, 865—371, 380—385, 397).

Изучая параллельно „Epicedion“ в стихотворные отдѣлы Хроника Стрыйковскаго, неизбежно прійти къ заключенію, что авторы обихъ произведеній находятся въ ближайшемъ литературномъ родствѣ, принадлежать къ одной и той-же литературной школѣ. Авторъ „Плача“ нигдѣ не описываетъ Стрыйковскаго, какъ это дѣлалъ немного позже (1587 г.) Верещинскій съ Реемъ; однако у обихъ постоянно встрѣчаются сходные обороты рѣчи, одинаковые приемы въ описаніи событій, почти тождественные образы. Чтобы не загромождать нашего изложенія примѣрами, приведемъ изъ немного, выбирая наиболѣе выуклые.

Вотъ мѣсто изъ описанія битвы Витовта съ татарами на Ворсклѣ у Стрыйковскаго (т. II, стр. 115):

Tak rzekł (Витовтъ). Za tym ogromnie *skoczyli* do siebie,
Z krzykiem, z hukiem, aż Echo odzywał się w niebie,
 Трабы chrapliwe głosy, bębny kołat dają,
 Konie rżą, *Hala! Hala! Tatarzy wołają.*
 Naszy szablami, strzelbą ruśniczną ich biją,
 A *Tatarowie z łuków bez przestanku szują.*

Въ „Плачѣ“ находимъ слѣдующія параллельныя мѣста:

Ст. 191. *Tatarzy zwyciężeni swym, już rozszykowani,*
Gotowe w rękach łuki, z ostrymi strzałami.
 Dawszy potym szurmą znak, pewny do potkania,
 „*Hala, Hala*“, *wołają wszyscy bez praestania.*
 Książę s swoim Rycerstwem, żarko k nim *skoczyli,*
 196. *Mężnie s Tatarskim woyskiem, tam bitwę stoczyli.*

Ст. 271. *Krzyku dosyć po polu, Echo głos rostać,*
 Buozny Turczyn w zwycięstwie, już iakoś *rospać.*

Орпидков. II, стр. 253:

Przewłoka w wojsku szkodzi, czasem zwyciężeni,
Zwycięsców swoich biją, swłasza przymnożeni.

I Hannibal gdy *Rzymian ad Cannas porasił*,
Snadnieby był wszystkie moc Rzymską zaraz skaził,
By zwycięstwa używał umiał.

Epiced. стрихи 1082—1083:

Hanibal z małym wojskiem, na male sie wazył,
Ktory srodze *ad Cannas, Rzymiany porasił*.

Орпидков. II, стр. 368:

Na kniazia Constantina *swykłym tańcem* owym
Uderzyli, a on też wnet z wojskiem gotowym,
Starł się z nimi ochotnie, *strzały jak grad lecą;*

A kniaz Constanti *maiąc o swych pilną pieczę*,
Krzyczy: „nuss teras, bracia, chęcią iednakową
Czyńcie, ja was zastawię naprzód swoją głową!“

Epiced. стрихи 586 - 593.

Tatarzy *swykłym tańcem*, naszymi naiożdżają,
Ktorem sie z łaski Bożey, naszymi opiorają.

Naszy sie s nimi zetrą, *strzały iak grad lecą*,
Książę wokolo iędzając, *ma o swoich pieczę*.

Krzyczy: „Nuz teras, dzieci, chęcią iednakową,
Każdy z was miężnym sercem, śmiałością gotową.

Patrzcie iako Pohańcy, już sie teraz mieszają,
Da Bog ia tu przed nami, namniey nie wskurają“.

Стрхх 1046—1047:

Teraz, dzielni Rycorzo, *chęcią iednakową*,
Oto ia przy was gotow, *pieczętować głową*.

У Стрыйковского (стр. 368) есть стихъ:

Tak się na umór sieka, aż się romieskali,

и тотъ же стихъ съ маленькимъ измѣненіемъ повторенъ въ „Плачъ“ (606):

Tak się na umor sieka, aż się już mieszkaia.

Если съ одной стороны нашъ авторъ весьма близко соприкасается съ тѣмъ литературнымъ теченіемъ, которое принесло Стрыйковского, то съ другой стороны ему не чужда и область „думъ“ т. е. южнорусскихъ эпическихъ поэмъ, воспѣвавшихъ подъ аккомпанементъ инструментальной музыки наиболѣе волновавшія современниковъ событія изъ борьбы южнорусскихъ князей съ невѣрными. Онъ самъ слышалъ, какъ передъ сраженіемъ князей Ружинскаго, Сангушка и Вишневецкаго съ турками на Бѣлгородскомъ полѣ раздавалась среди ихъ дружинъ жалобная музыка думъ (стихъ 264). Со временъ „Слова о полку Игоревѣ“ въ южнорусскомъ эпосѣ на первомъ планѣ стоитъ инструментальная музыка: „струны князьямъ славу рокотали“; слова являются дополненіемъ и объясненіемъ музыкальной мелодіи. Поэтому нашъ авторъ правильно выразилъ преобладающее впечатлѣніе слушателя, говоря:

A na surmach załośnie dymy wygrawaią.

Громкая музыка сурмъ совершенно поглощала слова думъ.

При чтеніи „Плача“ мѣстами чувствуется, что авторъ его заимствовалъ нѣкоторые образы, обороты и выраженія изъ словеснаго поэтическаго запаса думъ. Такъ, намъ кажется, что думами навѣяны слѣдующіе стихи: „Усопшій князь былъ щитомъ для всей Украины—это и ты, татаринъ, хорошо можешь помнить. Подъ рукой у него всегда было бдительное воинство, отганявшее отъ границъ татаръ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Смотри, какъ смутны эти поля, украшенные курганами, словно прекрасное небо—ясными звѣздами; по нимъ князь со свитой воинства часто гонялся за татарами и громилъ ихъ своею острою саблею. Когда татары гнали плѣнныхъ изъ Руси, онъ отнималъ у нихъ невольниковъ, под-

вергая ради несчастных опасности собственную жизнь. Право, если бы поля были одушевлены, они заплакали бы теперь по усопшему князю". (Ст. 51—62). Наверное какойнибудь бандурист из войска князя Вишневецкаго въ присутствіи нашего автора декламировалъ подъ аккомпаниментъ своего инструмента:

Ой на поли на Вилогородськимъ,
На шляху на ордынськимъ:
То не ясный соколъ летае,—
То князь Михайло, сердечный, добрымъ конемъ гулае;

или одушевлялъ тоже поле, обращаясь къ нему:

Ой поле Вилогородське!
Водай же ты лето й зиму зеленило,
Якъ ты мене при нещасливый годьни сподобыло! ¹⁾

Мы беремъ эти стихи изъ думы „о поединкѣ козака Голоты съ татаринномъ“, примѣняя ихъ къ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому и называя „поле“ не „Кыліанськимъ“ или „Кылымськимъ“ (отъ г. Килин), а „Вилогородськимъ“ (отъ г. Вѣлгорода—Аккермана), такъ какъ на этомъ „полѣ“ слышались звуки думъ въ войскахъ князей Ружинскаго, Сангушка и Вишневецкаго:

Leżąc w Polu z trefunku, Turki obaczyli,
Gdy Białogrodskim Polem, swoy oboz toczyli.

Дума говорить о козака́ Голотѣ:

Колыжъ козака́ Голота на Черкени долини гулае,
Да татарына келепомъ у груди потягае....
А татарынъ изъ лыхій матері съ коня покотывся... ²⁾

Томе самое сдѣлалъ князь Михаилъ Александровичъ:

Tamże wprzod Książę kredenc, swoimi uczyniło,
Meżnie z konia oszczerem, Tatarzyna zbiło.

Нашъ авторъ говорить:

Na wzniosłym sie kurchanie, Turcy pokazali,
Naszy trąbę ogromną, k potkaniu znak dali,

¹⁾ См. Историч. пісьни малорус. нар. т. I, 1874, стр. 171.

²⁾ См. тамъ же, стр. 174 и 170.

Skoczą żartko do siebie, meżnie sie potkają...
Z obu stron już pod kołmi, trupy sie walają.

Въ пѣснѣ козакъ обращается къ степной могилѣ:

— Гро жъ моя, уро бяла!
Чому съ давно не згоріла?
— Тому м давно не згоріла,
Во я кровѣвъ закипіла.
— А якою? — *Козацкою,*
Ва й мишановъ съ *турецкою.* ¹⁾

Наибольше труднымъ представляется вопросъ о народности нашего автора: былъ-ли онъ полякомъ или русскимъ, пользовавшимся только польскимъ языкомъ, какъ обычнымъ въ то время для южноруссовъ орудіемъ литературнаго выраженія мысли? Мы полагаемъ, что онъ былъ русскимъ. Князь Михаилъ Александровичъ отъ предковъ былъ православнымъ христіаниномъ восточнаго обряда и послѣ смерти тѣло его было погребено въ Киево-Печерской Лаврѣ. Выставляя достоинства князя и княгини Вишневецкихъ, авторъ „Плача“ особенно выдвигаетъ впередъ ихъ благочестіе, преданность вѣрѣ и строгое исполненіе церковныхъ обрядовъ. Будучи католикомъ, онъ врядъ-ли такъ распространялся бы о благочестіи Вишневецкихъ, которые представлялись бы ему, напротивъ, схизматиками, не признающими истинной Христовой

---

¹⁾ См. тамъ же, стр. 275. Издатели „Историческихъ пѣсней“ придаютъ этой пѣснѣ такой смыслъ: „Козакъ спрашиваетъ у степной могилы, почему на ней не выгорѣла (не высохла) трава, а могила отвѣчаетъ, что трава на ней свѣжа, потому что сама она полита кровью, а на мѣстѣ, политомъ кровью, трава не выгораетъ (не высыхаетъ)“—и видятъ, кажется, въ ней отголосокъ народнаго повѣрья. Мы полагаемъ, что болѣе правильно будетъ иное толкованіе пѣсни: „Козакъ спрашиваетъ у могилы, почему на ней не загорѣлся во время костеръ, завѣщающій о приближеніи непріятеля, а могила отвѣчаетъ, что некому было развести огонь, такъ какъ сторожившіе на могилѣ козаки убиты были турками“. Станиславъ Жолкѣвскій въ письмѣ къ Яну Замойскому отъ 20 октября 1599 г. говоритъ объ обычай татаръ зажигать предупредительные огни на курганахъ: „Bieleczki w Niedzielę przeszła o południu odziedł od Malaka, widziano go w tamtą stronę, ij zaraz poszedłto szajnisz Jassę albo smaki ogniem po kurhanach“. См. Listy Żółkiewskiego, 1868, стр. 94. Отъ татаръ это обыкновеніе переняли и козаки.

церкви. Можно еще допускать, что онъ былъ протестантомъ, но это будетъ голое предположеніе, не подкрѣпленное никакими доводами изъ разбираемаго нами литературнаго произведенія. Такимъ образомъ наиболѣе вѣроятіа, что нашъ авторъ былъ православнымъ и, слѣдовательно, русскимъ. Въ пользу этого говоритъ какъ будто бы в частое употребленіе имъ нѣкоторыхъ русскихъ словъ, напримѣръ, слова „жарко“:

Ст. 195. Książę s swoim Rycerstwem, *tarko* k nim skoczyli...

Ст. 267. Skoczą *tarko* do siebie, mężnie sie potkają... и т. д.

II.

Что касается значенія „Плача“, какъ матеріала для біографіи князя Михаила Александровича Вишневецкаго, то оно очень велико. До сихъ поръ мы имѣли объ этомъ князѣ только нѣсколько чрезвычайно сухихъ свѣдѣній, устанавливающихъ его формуляръ (когда онъ былъ назначенъ старостой черкасскимъ и каневскимъ, старостой любецкимъ, каштеляномъ брацлавскимъ, каштеляномъ кievскимъ), да касающихся дѣлъ его, какъ владѣльца земельныхъ имуществъ при мѣстечкахъ: Врагинѣ (нынѣ Рѣчицкаго уѣзда), Вишневцѣ и Вербовцѣ (нынѣ Кременецкаго уѣзда); но они не давали намъ никакого предствленія о томъ, какъ проходила его жизнь, чѣмъ она была заполнена и сколько времени длилась. Изъ возмы мы узнаемъ, что князь М. А. Вишневецкій прожилъ 55 лѣтъ и скончался въ Вишневецкомъ замкѣ 5 октября стараго стиля 1584 года; такимъ образомъ оказывается, что князь родился въ 1529 году. Авторъ не упоминаетъ, гдѣ учился князь и вообще проходилъ ли онъ школьныя науки. Но за то авторъ подробно распространяется (стихи 89—114) о весьма счастливой женитьбѣ князя на Елпсаветѣ Юрьевнѣ Зеновичъ, происходившей изъ сербскаго княжескаго дома, поселившагося послѣ паденія сербскаго царства на Литвѣ. Отъ этого брака князь имѣлъ пятерыхъ дѣтей (3 сыновей и 2 дочерей), изъ которыхъ старшій сынъ, князь Александръ Михайловичъ, въ послѣдніе годы жизни отца раздѣ-

зялъ съ нимъ его военные труды и выказывалъ большую храбрость. Во время похода на Сѣверщину къ Трубчевску въ 1581 г., когда войска Вишневецкаго встрѣтились съ московскими войсками на берегахъ р. Судости, князь Александръ Михайловичъ, по словамъ автора „Плача“, „будучи молодыхъ лѣтъ, имѣлъ уже отвагу мужественнаго Гектора; прискакавши во весь опоръ, онъ, какъ рыцарь, бросился въ свалку и смѣло своею саблею разилъ московскіе лбы“ (ст. 1059—1061).

Свою военную службу королю и Рѣчи-Посполитой князь Михаилъ Александровичъ началъ въ 1554 году, имѣя отъ роду 25 лѣтъ (стихъ 157) ¹⁾. Вся жизнь его была жизнью рыцаря, видѣвшаго въ войнѣ единственное достойное попріще дѣятельности, и поэтому не было войны Рѣчи-Посполитсѣй съ сосѣдями, въ которой не участвовалъ бы князь М. А. Вишневецкій. Но главною его заботою, какъ старосты черкаскаго и каневскаго, было отраженіе отъ границъ надобдливыхъ татарскихъ козаковъ, („iак psy iadowite z ukrainy gonii“ — стр. 219, ст. 8), чуть не еженедѣльно врывающихся въ пограничныя мѣстности для грабежа и захвата плѣнныхъ, которые потомъ обращались въ рабство и служили предметомъ выгоднаго торга. ²⁾ Люди такого типа, какъ Вишневецкій, имѣли, по словамъ нашего автора, „особую страсть быть въ полѣ; болѣе проводили вѣкъ свой въ полѣ, нежели дома. Они

¹⁾ Князь М. А. Вишневецкій въ письмѣ къ канцлеру Яну Замойскому изъ г. Черкасъ отъ 8 апрѣля 1579 г. говоритъ о своей службѣ: „Ja wiem, jakom rosyal z mlodych lat moich Krolowi JM. ranni swetni i Rptej sluzyc wiernie, woszczikie, iako na moi dom slachecki przyalusza“. См. Archiwum Jana Zamoyskiego. Warsz. 1904. Докум. № 301, стр. 315.

²⁾ Стихи 779—780: „Na Kozaki Tatarskie ty winy wkładajac, ktorzy pokoy cęstymi wtarczkami wzruszajac“. О вторженіяхъ татаръ самъ князь Михаилъ Александровичъ въ томъ же письмѣ выражался такъ: „Co sie dotyczy Tatar, yz naprzod od kogo ynzego Krol JM. o wtargnieniu ych pod Czorkassy wiedziec rasczul, na tym bardzo malo, gdysz nie nowina, y nie pierwszy raz Tatarom y po kilku razow na iednym thudniu pod zamkiem ukrainnym bywas, tym sie niebezpiecznosc zadna panstwom Krola JM. nie okazala, ani tesz sie miastu y poddanym Krola JM. skoda zadna nie stala; by sie o takowych trwoszkach zawsze mialo dawać znać za kazdym razem, pewnie zeby i poslancow prze dalekosc y niebezpieczność drogi nie stawalo“. См. тамъ-же стр. 314—315.

вскани невѣрныхъ по широкимъ степямъ и на высокихъ курганнахъ держали бдительную стражу. Всѣ они добивались безсмертной славы и пренебрегали силами непріятеля". (Ст. 235—240). Поэтому и домашній бытъ князя М. А. Вишневецкаго былъ приспособленъ къ его военной профессіи. Авторъ говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „Римляне имѣли такое вообще обыкновеніе, что они никогда не позволяли своему воинству предаваться праздности. Хотя они пребывали въ мирѣ и ни съ кѣмъ не воевали, тѣмъ не менѣе ихъ войны упражнялись, пока молодость служила, въ военномъ ремеслѣ. То производили въ полѣ различныя построенія, то лихо, съ возможной ловкостью, вскакивали на быстрыхъ коней. Учились, какъ окапываться, штурмовать, драться въ рукопашную, какъ обмануть сильнаго непріятеля. И вотъ Римляне имѣли собственныхъ дѣльныхъ полководцевъ и не чувствовали надобности въ полководцахъ иноземныхъ. Такимъ же образомъ и при дворѣ доблестнаго князя происходили упражненія военныхъ людей, такъ-что они никогда не проводили времени въ глусной праздности, но упражняли свои молодыя силы въ военномъ ремеслѣ. То учились, какъ стрѣлять съ легкихъ аргамаковъ въ догонку за непріателемъ, какъ въ случаѣ надобности сойтись съ невѣрными въ рукопашную, то учились, какъ стровиться пѣшимъ строемъ съ ружьями при нападеніи конныхъ враговъ, какъ наносить непріятелю удары оцепами. Вотъ почему не одинъ доблестный рыцарь образовался на Украинѣ отъ такихъ упражненій". (Ст. 215—234) ¹⁾.

¹⁾ Въ грамотѣ Стефана Баторія отъ 28 января 1578 г. Михаилу Грībuновичу Вайбузу говорится: „Маючи ласкавий вглядъ на *залежне намъ заслуги и делность в речал рыцарскихъ шляхетного Михаила Грībuновича Вайбузы през урожаною княжати Михайла Вишневецкого, старосту нашою Черкаскою и Каневскою, при которомъ онъ отъ немалою часу будучи на Украинѣ юдне, и пожичеши, не литуючи утратъ маестностей и розляня крови свое, вносечи в небезвечность адоровье свое, противъ непріятелеви нашому первей еше за пачо-ваня славное памети наяснейшого Зигмунта-Августа, короля, прадка нашого, а потомъ и теперъ за счастяливого панованя нашого за каждую оканю и потребомъ намъ и Речи Насполитной коронной верне служилъ и служимъ не перестаетъ". См. Чтенія въ ист. общ. Нестора лѣт. кн. 14, Кіевъ 1900, отд. III, стр. 80. Такихъ соратниковъ кн. Вишневецкаго, какъ Вайбуза, имѣеть въ виду нашъ авторъ.*

Перейдемъ теперь къ перечисленію тѣхъ битвъ, въ которыхъ участвовалъ князь М. А. Вишневецкій и которые описаны въ „Плачѣ“. Съ татарами онъ имѣлъ первое столкновение въ 1554 г. на берегу р. Хорола у Кильдепшовой могилы, затѣмъ совместно съ князьями Сангушкомъ и Ружинскимъ сражался съ турками и с ними на Вѣлгородскомъ полѣ вблизи Днѣстровскаго лимана. Въ 1557 г. онъ воевалъ въ Ливоніи противъ магистра Ливонскаго ордена. Потомъ опять идутъ ораженія съ татарами на берегу р. Пола около 1560 г., у Пивской горы въ 1563 г., на урочищѣ „Чигирни“, послѣ отраженія татаръ отъ г. Черкасъ, и на берегу р. Чернаго Ташлыка (въ ближайшіе послѣ этого годы). Противъ Іоанна Грознаго Московскаго князь Михайль Александровичъ сдѣлалъ четыре похода, всякій разъ направляясь на Сѣверщину и опустошая ее вдоль и впоперекъ, какъ это было принято въ тогдашнемъ военномъ обычаѣ. Первый походъ относится къ 1563 году, остальные три — ко времени войнъ съ Москвою Стефана Ваторія (1579—1581). Выше мы привели описанія нѣсколькихъ сраженій съ татарами, желая доказать, что авторъ „Плача“ былъ ихъ очевидцемъ. Теперь мы приведемъ рассказъ автора о послѣднемъ походѣ Вишневецкаго на Сѣверщину въ 1581 г., чтобы дать понятіе, какой богатый реальными подробностями матеріалъ представляетъ мѣстами „Плачъ“ для русскаго историка.

„Доблестному князю не хотѣлось быть празднымъ и вотъ онъ снова собралъ не мало воинства противъ Москвы. Съ Божьей помощью ему во всемъ везло очастіе и Господь выносилъ его цѣлымъ изъ великихъ опасностей. Въ помощь ему прибылъ князь Іеронимъ Жижемскій, староста рѣчидкій, человекъ высокой доблести, древняго рода и чрезвычайно почтенный. Въмѣстѣ съ нимъ прибылъ староста овручкій, доблестный Авраамъ Мышка, гордый домомъ своихъ предковъ, отличавшійся рыцарской отвагой и проявлявшій въ храбрости пылъ своихъ молодыхъ лѣтъ. Присоединился также къ этому войску со своимъ отрядомъ Кирионъ Лятошинскій, мужъ великой отваги. Чтобы замѣтно послужить Рѣчи-Посполитой, они присоединили свои отряды къ княжескимъ и, уговорившись сообща, въ полномъ согласіи двинулись со своими отрядами въ добрый часъ впередъ. Выступая противъ тирана, князя Московскаго, они направились прямо къ Трубчевскому замку. Подтянувъ

вокъ къ Трубчевску, они расположились воокъ него съ войсками разсматривали, съ которой стороны лучше на него напасть. Замокъ былъ сильно укрѣпленъ парканами, снабженъ различнымъ пестрымъ оружіемъ и гарнизономъ изъ отважныхъ людей. Гарнизонъ воководой въ замокъ былъ князь Радловъ, мужъ славный среди москвичей тѣлосложеніемъ и красотою. Князь Вишневецкій внимательно приотматривался къ замку и къ посаду, подгушалъ къ замку не спѣша, и заботливо искалъ безопаснаго для мѣста мѣста, откуда онъ могъ бы одѣлать приступъ безъ всякаго на себя ущерба. Москвитяне сильно стрѣляютъ изъ пушекъ и въ гаковницъ, а наши раздумываютъ, какъ бы имъ поджечь замокъ. Когда они подрывались уже подкопами поближе къ стѣнамъ, вѣ стали совѣщаться, какъ бы имъ штурмовать стѣны безъ вреда для себя. Осажденные въ замокъ ни о чемъ не тужать, а наши, нагословаясь, дѣлають приступъ къ замку. Одни искусно поджигаютъ стѣны, другіе топорами разрушаютъ ворота. Стѣны дымятся отъ огня и горятъ пламенемъ, а москвитяне довольно мужественно даютъ нашимъ отпоръ. Князь ободряетъ своихъ прекрасными словами: „Влагородное рыцарство! Нашъ триумфъ—готовъ; бѣжитесь только съ мужествомъ двигаться впередъ до конца. Господь дастъ, что неприятель потернитъ поражение. Обновите ваше обычное мужество въ эту счастливую минуту и мы съ божьею помощію побьемъ неряшливую Москву“. Такъ сказалъ наивный гетманъ и каждый послѣ этой рѣчи почувствовалъ, какъ въ его сердцѣ усилилась смѣлость. Помысля оцѣло въ замокъ и берутъ въ плѣнъ москвитянъ. Отбирають отъ нихъ ружья, сабли и луки. Такъ наши, по милости Вожіей, овладѣли замкомъ, захватили тамъ не мало оружія, плѣнниковъ и всякой добычи. Какъ только взяли въ плѣнъ самого воводу, то отдали его князю (т. е. Вишневецкому) въ знакъ одержанной побѣды. Такимъ образомъ, разоривши въ прахъ посаду и замокъ, и перевернувъ ихъ вверхъ дномъ, какъ Сципіонъ поступилъ съ Кароагенсмъ, они безопасно двинулись изъ Трубченска домой, но однако сперва сожгли до тла посаду. Однако же упорная Москва захотѣла попытать счастья и, собравшись въ количествѣ трехъ тысячъ, пустилась за нами въ погоню. Предводителями у нея были воководы, люди опытные въ военныхъ дѣлахъ и отважные. Прежде всего стародубскій

воевода князь Иванъ Мезецкій, потомъ новгородъ-сѣверскій воевода славный князь Осипъ, путивльскій воевода князь Василій Хилкоу, брянскій воевода князь Лыковъ-Оболенскій, черниговскій воевода отважный князь Иванъ Долгорукий, почепскій воевода Василій. Изъ боярскихъ же сыновей были тутъ: Яковъ Прунчищевъ, Андрей Семеновичъ Селиховъ, Стефанъ Мозырянинъ, Федоръ, Василий, Богданъ Александровичъ и Иванъ Мордвининъ. Наши расположились лагеремъ у р. Судости, а нѣкоторые переправились и на другую сторону рѣки. При князѣ было не болѣе третьей части войска, потому что никто не думалъ о возможности тревоги со стороны Москвы. А москвитяне поспѣшно слѣдуютъ за нами, надѣясь, что счастье доставитъ имъ вѣрную побѣду. Пустившись бѣжать во всю мочь, они подняли крикъ и выпустили градъ выстрѣловъ изъ длинныхъ ружей. Наши, слыша крикъ и шумъ, голоса: „подай коня“, а иные только что еще сѣдлаютъ быстрыхъ аргамаковъ. Тѣ, что были болѣе готовы, даютъ Москвитямъ отпоръ и валятъ Москву ружьями, саблями и оцепами. Вышедше за рѣкою пороправились вскачь и ударили съ большимъ трескомъ на московскій войска. Князь объѣзжаетъ вокругъ свое войско и подбодритъ рыцарство прекрасною рѣчью: „Теперь, доблестные рыцари, я готовъ своею головою запечатлѣть свое единодушіе съ вами. Какую участь пошлетъ доля воймъ вамъ, такую и я приму съ вами, отважные рыцари“. Съ обѣихъ сторонъ довольно крика; ружья стрѣляютъ, летиція стрѣлы заслоняютъ облака. Въ то время воочію обнаружилась доблесть князя Иеронима Жижемскаго. Перешливая Москва постыдно отъ него удирала, отступала назадъ предъ его отвагой, а князь, получивъ въ этомъ дѣлѣ огнестрѣльную рану, все поддавалъ своимъ мужества и громилъ неряшливую Москву. Также князь Александръ, сынъ усопшаго, будучи молодымъ лѣтъ, имѣлъ уже отвагу мужественнаго Гектора. Прискакавъ во весь опоръ, онъ, какъ рыцарь, бросился въ свалку и смѣло разилъ спую саблею московскіе лбы. Какую утѣху имѣлъ ты доблестный князь, когда твои очи глядѣли на молодого рыцаря Гордя Москва очищаетъ ему мѣсто, искренно дивится его горячему натиску. Такъ наши, наступая, разгромили Москву и въ дымъ обратили ея заносчивыя мечтанія. Самъ Господь Богъ былъ предводителемъ столь малаго войска, которое ни во что обратилс

шли московскаго царя. А вѣдь наше маленькое войско москвичи считали ничтожествомъ и, окруживъ его кольцомъ, намѣревались уже гнать въ Москву! Нашихъ въ этой битвѣ было 1400, а Москвы навѣрное насчитывалось 8000. Оттуда наши возвратились домой и вознесли благодареніе Богу, даровавшему имъ побѣду". (Ст. 960—1075).

Недолго уже оставалось жить князю Михаилу Александровичу послѣ возвращенія изъ московскаго похода 1681 года. Еще до начала войны съ Москвою (8. IV. 1579) онъ выглядывалъ уже старикомъ и, оправдываясь передъ канцлеромъ Яномъ Замоицкимъ по предъявленному къ нему обвиненію въ поддержкѣ козацкаго ватажка Лукьяна (см. выше, стр. 81) ¹⁾, онъ ссылался на свою сѣдну („сіу влозъ мою"). Ослабленное непрерывными военными трудами, здоровье его начало клониться къ упадку и, хирѣя все болѣе и болѣе, онъ, какъ сказано выше, скончался въ родномъ Вишневецкомъ замкѣ 5 октября стараго стиля 1684 г., имѣя отъ роду 55 лѣтъ. Изнемогшій отъ болѣзни князь, рассказываетъ нашъ авторъ, предчувствовалъ наступленіе своей кончины. Онъ успѣлъ приобщиться Св. Таинъ и сохранялъ сознание до послѣдняго вздоха, все время разговаривая съ окружающими. (Ст. 1112—1125). Тѣло его для вѣчнаго успокоенія было перевезено въ Кіево-Печерскую Лавру и Аванасій Кальнофойскій (1638) видѣлъ еще цѣлою надгробную надпись на его могилѣ.

Вѣщность усопшаго князя Михаила Александровича нашъ авторъ описываетъ такъ: росту онъ былъ умѣреннаго, осанки важной, лицо имѣлъ полное, а взглядъ ласковый; вся наружность обличала его княжеское происхожденіе.

Долго останавливается нашъ авторъ на нравственныхъ достоинствахъ покойника. Онъ отличался горячею вѣрою въ Бога, искреннею любовью къ ближнимъ, набожностью и вѣрностью данной клятвѣ. Онъ никогда не допытывался легкомысленно о существѣ неизреченнаго Божества и строго сохранялъ пристой-

---

¹⁾ Упомянутый „Лукьянъ", вѣроятно, тоже самое лицо, что и Лукьянъ Чернискій, разграбившій мѣстечко Кодию 18 марта нов. ст. 1686 г.—„который назвалъ себе гетманомъ авати". См. Арх. юго-зап. Рос., ч. III, т. 1, стр. 19.

нось святой вѣры. Онъ подирѣплялъ свою вѣру благочестивыми дѣлами, помня, что говорить объ этомъ Священное Писаніе. Относительно немущихъ онъ былъ щедрымъ. Если онъ видѣлъ убогихъ и голодныхъ, то снабжалъ ихъ нужными вещами и припасами. Щедрою рукою онъ раздавалъ всѣмъ свой хлѣбъ и удовлетворялъ во всемъ, въ чемъ они нуждались. Поэтому отовсюду собиралась къ нему гости; даже чужеземцы стремились его видѣть. Военный людъ (гусерstwo) притекалъ къ нему со всѣхъ сторонъ, ибо имя его слыло и въ чужихъ государствахъ. Слава его гремѣла и въ Турціи, и въ Ордѣ, и въ Москвѣ. Съ каждымъ сосѣдомъ онъ обращался пристойно, никого не обидѣлъ, былъ доволенъ своимъ. Онъ не присваивалъ чужой нивы, а часто въ случаѣ спора отдавалъ и свою. Счастливыми считали себя тѣ, кто граничилъ съ княземъ своею землею: никто изъ нихъ не былъ обиженъ, каждый сидѣлъ спокойно за своею межою. (Ст. 115—144).

Янъ Орышовскій, запорожскій гетманъ.

(?—1577—1605)

Біографическій очеркъ.

Помощникомъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго во командованію козацкимъ полкомъ, учрежденнымъ 16 сентября 1578 г., былъ назначенъ королевскій коморникъ Янъ Орышовскій (см. выше, стр. 71).

Янъ Орышовскій былъ польскій шляхтичъ герба Правдичъ. Вѣроятно, колибелью его рода было селеніе Орышовъ въ нынѣшнемъ Сохачевскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи, отъ котораго онъ и получилъ свое фамильное прозвище. Другіе шляхтичи герба Правдичъ по родовымъ имѣніямъ назывались: Бѣльскими по д. Бялой, Стржеleckими по д. Стржелкамъ и т. д. Годъ рожденія его неизвѣстенъ. Въ историческихъ документахъ онъ начинается упоминаться со второго года королевствованія Стефана Баторія т. е. съ 1577 г. Король Баторій любилъ имѣть вокругъ себя большую свиту. При тогдашнемъ отсутствіи почтъ и телеграфовъ ему, какъ дѣятельному и энергичному государю, постоянно нужны были люди, готовые, по мановенію короля, исполнять всѣ его порученія, передавать приказы, развозить письма и универсалы, оказывать, наконецъ, ему мелкія личныя услуги. Поэтому, въ передней королевской квартиры, въ королевскихъ замкахъ Кракова, Варшавы, Вильны, Гродна, или на походѣ, всегда толпились молодые люди лучшихъ шляхетскихъ фамилій, желавшіе на королевской службѣ получить навыкъ къ дѣламъ, приобрѣсти вѣшній придворный лоскъ. Эти люди носили званіе *subicularii missiles*, иначе: королевскіе коморники, дворяне,—и

число ихъ доходило до 40 и болѣе человекъ ¹⁾. Такимъ коморникомъ мы застаемъ въ 1577 году и Яна Орышовскаго. Въ апрѣлѣ этого года онъ ѣдетъ изъ г. Иновроцлава, гдѣ квартировалъ въ то время король, къ отправленному посланцу въ Турцію Дзѣржку чтобы передать ему деньги на путевые расходы и приказъ короля поторопиться съ отъѣздомъ въ Константинополь ²⁾. Въ концѣ июня Орышовскій повезъ королевскія письма на Волынь и в Днѣпръ ³⁾.

Нужно предполагать, что въ это время Янъ Орышовскій или имѣлъ сильныхъ покровителей при дворѣ, или выдѣлялся изъ ряда королевскихъ коморниковъ особыми способностями и заслугами, потому что 5 сентября того же 1577 года онъ получилъ уже отъ короля жалованную грамоту на опустѣлыя урочища въ Брацлавскомъ воеводствѣ, а именно: 1) на урочище Копыстерня и р. Мурахвѣ, надъ шляхомъ, именуемымъ въ народѣ Кучманскимъ между Баромъ и Брацлавомъ; и 2) на урочища Гайсинъ ⁴⁾ и Гоголевъ при рѣчкѣ Собъ за р. Бугомъ. Оба урочища остались въ морочными послѣ прежнихъ владѣльцевъ Дахна Копыстеринскаго и Матвѣя Мизененка и даются Орышовскому со всѣми угодьями и доходами въ его пожизненное владѣніе. Въ грамотѣ сказано

---

¹⁾ Напр. въ 1576 году въ статьѣ выписки жалованья *subicularis missiōdi* ихъ поименовано 43 человека. См. *Źr. dz.*, t. IX, a, стр. 60.

²⁾ См. *Źr. dz.*, t. IX, b, стр. 173: „Eidem (Christophoro Dzierzek) per Ibanem Oryszewski ex Inowladislawia, ut eo citius Constantinopolim eat secumque Armenum e Leopoli accipiat, qui perferat literas ad S. Mtem R., dati fl. 160“.

³⁾ См. *Źr. dz.*, t. IX, a, стр. 120: „Oriszewski Wolyniam et ad Boristenum cum literis suae Mtis... eunt fl. 80“. Съ этой поѣздкой Орышовскаго связанъ любопытный эпизодъ съ претензіей шляхты Брацлавскаго воеводства на короля Ваторія за то, что онъ писалъ свои письма къ Брацлавскимъ шляхтичамъ по-польски, а не по-русски. „Дани суть листы черезъ дворянина Вашой Королевское Милости, пана *Орышевского*, братей нашей наименшимъ слугою и подданымъ Вашой Королевское Милости *писаномъ польскимъ писанымъ*“... Шляхты ссылается на условія унии Литвы съ Польшею и проситъ короля на будущее время писать къ представителямъ ея „*рускимъ писанымъ*“. См. *Acta historica gestas Poloniae illustrantia* T. XI, Kraków 1887, стр. 82—83, докум. № 57 изъ Брацлава отъ 7 июля 1577 г.

⁴⁾ Нынѣшній уѣздный городъ Гайсинъ подольской губ.

его пожалованіе дается, чтобы наградить Орышовскаго за величайшую вѣрность и усердіе, и чтобы на будущее время побудить его быть еще болѣе ревностнымъ и исполнительнымъ при отправленіи королевской службы ¹⁾.

Назначенный 16 сентября 1578 года въ помощники князю М. А. Вишневецкому, онъ продолжалъ тѣмъ же не менѣе исправлять свою прежнюю должность и въ томъ же сентябрѣ возилъ еще королевскій универсалъ Низовцамъ по дѣлу Константина Лакусты и письма короля епискупу каменецкому, старостамъ черкасскому, барскому и брацлавскому, воеводѣ люблинскому, самому Константину Лакустѣ и Янчи Бегеру ²⁾. Въ эту же повѣдку Орышовскій ввелъ канцлера Замойскаго во владѣніе селами: Карчмановцы, Поповцы, Василевцы, Гандиковцы, Канчицы и Микулинцы въ повѣтъ Ровскомъ или Варскомъ, пожалованными ему королемъ 7 іюля 1578 г. На территоріи этихъ селъ въ слѣдующемъ 1579 г. былъ основанъ Замойскимъ г. Шаргородъ, получившій названіе отъ „пшидомка“ Замойскыхъ „Сариушъ“ (Sarius) ³⁾.

Во время войнъ съ Москвою мы не видимъ Орышовскаго въ королевской свѣтѣ. Гейденштейнъ рассказываетъ, что въ 1580 г. Янъ Орышовскій предводительствовалъ низовыми козаками, которые вторглись со стороны Сѣверщины въ Московскія владѣнія, пробрался до Стародуба, опустошая все вдоль и наперекъ, сожгши нѣсколько посадовъ и замковъ. Потомъ повернули они къ Почепу, но, отбитые отъ этого замка, съ большою добычею возвратились во-своихъ. Въ этомъ набѣгѣ слѣдуетъ видѣть проявленіе дѣятельности того козацкаго полка, который былъ учрежденъ 16 сентября 1578 г. и во главѣ котораго стоялъ Орышовскій, представляя собою особу князя М. А. Вишневецкаго (см. выше, стр. 84).

---

¹⁾ См. ниже приложение къ настоящей статьѣ № 1.

²⁾ См. *Źr. dz. t. IX, a, str. 200*: „*Joanni Oriaszewski ad Nizovios cum literis universalibus in negotio Constantini Walachi, item ad eundem episcopum Camenecensem, capitaneum Czerkasten., Baren. Braclavien., palatinum Lublunen. item ad Constantinum Walach, Ianczy Begler cum literis Mtis R. misso, fl. 80^a.*“

³⁾ См. Arch. Jana Zamoyskiego, T. I. W. 1904, str. 501, примѣч. 2 и 3.

Въ іюль 1681 г. мы застаемъ Орышовскаго на Дніпровскомъ Нязу, откуда онъ доносить королю письмами обо всемъ тамъ происходящемъ ¹⁾.

Пока былъ живъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, то своею знатностію, богатствомъ и военными доблестями онъ оказывалъ сильное обаяніе на умы низовыхъ козаковъ и никому не позволялъ занять среди нихъ командующаго положенія. Не удивительно, что онъ заслонялъ собою и Орышовскаго. Но со смертію Вишневецкаго (6/15 октября 1684 г.) положеніе Орышовскаго среди козаковъ сдѣлалось болѣе виднымъ и съ этого времени источники начинаютъ называть его „запорожскимъ гетманомъ“. Въ 1685 г. Орышовскій предпринимаетъ очень удачный набѣгъ на Крымъ (см. выше, стр. 114), а въ 1686 г. онъ змуетъ въ Кіевъ и выслушиваетъ жалобу Кіево-Софійскихъ слобожанъ на княгиню Анастасію Воронецкую (см. выше, стр. 117).

Конвокаційный сеймъ открылся въ Варшавѣ 1 февраля нов. ст. 1687 года. Орышовскій явился на сеймъ, какъ представитель запорожскихъ козаковъ, и въ засѣданіи 28 февраля выставлялъ свои заслуги и просилъ объ уплатѣ жалованья и о наградахъ козакамъ. Онъ, вѣроятно, показался сеймующимъ панамъ большимъ чудачкомъ: одѣтъ онъ былъ *по-иречески*, а когда читали наложенную на письмѣ его челобитную, то онъ посреди пановъ усѣлся прямо на землю *по-турецки* т. е. поджавши ноги ²⁾. Паны постановили, что низовцы должны охранять отъ татаръ переправы черезъ Дніпръ и извѣщать о появленіи непріятели, что за это они будутъ получать жалованье и что начальствовать ими будетъ Орышовскій ³⁾. Когда былъ избранъ Сигизмундъ III (18 августа 1687 г.), то онъ подтвердилъ за Орышовскимъ имѣніе Гайсинъ, пожалованное послѣднему королемъ Стефаномъ въ пожизненное владѣніе ⁴⁾.

---

¹⁾ См. X. Jan Plotrowski, Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Paków. Wydal A. Czuczynski. W Krakowie 1894, стр. 81: „Bieg wypadków wypisuje Orszowski Królowi, co porucznikiem Nizowców jest“.

²⁾ См. Scriptores rerum polonicarum, T. XI, Kraków 1887, стр. 83.

³⁾ См. тамъ-же стр. 87: „Nad nimi przelożył Pana Oryszowskiego“.

⁴⁾ См. ниже, приложение къ настоящей статьѣ № 2.

24 января нов. ст. 1588 года Орышовскій съ отрядомъ запорожцевъ участвовалъ въ составѣ войскъ канцлера Замойскаго въ битвѣ подъ Вычной съ Максимиліаномъ австрійскимъ, кончившеюся взятіемъ Максимиліана въ плѣнъ ¹⁾.

Въ 1590 году Орышовскій является помощникомъ снятынскаго старосты Николая Язловецкаго, ибо сохранился универсалъ короля Сигизмунда III отъ 25 іюля этого года, въ которомъ поручается старостѣ снятынскому Николаю изъ Вучача Язловецкому и поручнику ею Яну Орышовскому ²⁾ набрать отрядъ въ 1.000 человекъ изъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей для укрощенія украинскаго своеволия и для удержанія пограничныхъ людей отъ нападеній на сосѣднія государства. Мѣстомъ для пребыванія отряда назначалось урочище Кременчукъ на бессарабскомъ берегу р. Днѣстра, гдѣ предполагалось срубить деревянное укрѣпленіе (*castell z drzewa*) изъ бревель, спущенныхъ водою внизъ по Днѣстру изъ выше лежащихъ староствъ и королевскихъ имѣній. Продовольствіе отряду должны были доставлять старосты и державцы имѣній ³⁾.

7 іюня нов. ст. 1591 въ пятницу Іанъ Орышовскій явился въ Краковъ, какъ свидѣтель по дѣлу о назначеніи аббата Іосифа Верещинскаго католическимъ епископомъ Кіевскимъ. Онъ назы-

---

¹⁾ См. Sobieskański, Joachima Bielekiego Dalszy ciąg Kroniki Polakiej. Warszawa. 1851, str. 88.

²⁾ Изъ нѣкоторыхъ послѣдующихъ фактовъ можно заключить, что Язловецкій и Орышовскій скоро почувствовали себя соперниками и разоорились. 7 іюня 1591 г. Орышовскій называетъ себя *supremus capitaneus exercitus militiae zaporozkiego ręką meą*. (Listy Żółkiewskiego, 1868, str. 22). Лѣтомъ 1594 г. Язловецкій по настоянію и съ помощью денегъ папскаго агента Александра Комулео хотѣлъ устроить набѣгъ запорожскихъ козаковъ на Крымъ, а Орышовскій увлекъ ихъ въ Молдавію, гдѣ можно было получить большую добычу, и нападеніе на Крымъ не состоялось. Любопытно, что Орышовскій, самъ повторивъ одианъ изъ тѣхъ набѣговъ, которымъ должно было помѣшати устройство укрѣпленія въ бессарабскомъ Кременчукѣ.

³⁾ Іоакимъ Вѣльскій со словъ Орышовскаго упоминаетъ объ этомъ распоряженіи короля, но не объясняетъ, гдѣ находилось урочище Кременчукъ (Kron. Pol. над 1852 г., т. XVIII, стр. 194). Нельзя сомнѣваться, что издатель Актовъ о козакахъ въ Архивѣ Юго-Зап. Рос. ч. III, т. 1, издавалъ документъ

заетъ себя: „*Supremus capitaneus ex brachio S. Regiae Mts exercituum Cosachorum Nizoviensium circa fluvium Boristhenem prope insulam Tartarorum Praecep dictam*“. Это — маленькое измѣненіе аваніа, полученнаго 16 сентября 1578 г. княземъ М. А. Вишневецкимъ: „*Supremus dux militum Boristhenis Nizovii dictorum*“. Въсто *supremus dux* — *supremus capitaneus*. Орышовскій показывалъ слѣдующее:

Кіевскую епископскую кафедрѣ около двадцати лѣтъ подрядъ занималъ нѣкій еретикъ, по имени Павелъ Паць. Послѣ его смерти на эту кафедрѣ назначенъ былъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ Яковъ Воронежскій. Послѣдній не вступалъ въ управленіе своей епархіей, такъ какъ послѣ назначенія онъ не получилъ утвердительной грамоты отъ апостольскаго престола. Какъ видно, Воронежскій пренебрегалъ этой епархіей, ибо болѣе трехъ лѣтъ послѣ своего назначенія не хлопоталъ объ утвердительной грамотѣ. Наконецъ, теперь король Сигизмундъ III назначилъ Иосифа Верещинскаго, чтобы съ помощью его умѣнія и опытности въ дѣлахъ привести эту епархію въ лучшее состояніе.

Далѣ Орышовскій упоминалъ, что въ Кіевѣ нѣтъ кафедральнаго костѣла, ибо Кіевъ нѣсколько разъ былъ разоренъ при ча-

---

№ 11 (стр. 28—31), посчиталъ за ошибку обозначеніе мѣстоположенія урочища Кременчукъ „*над Dniestrem*“ и поправилъ „*над Dniergem*“, предполагая, что урочище Кременчукъ было только на р. Днѣпрѣ (нынѣшній г. Кременчугъ Полтавской губ.). Между тѣмъ рѣчь идетъ о Кременчукѣ бессарабскомъ. Новѣйшій туристъ г. Тиверцевъ говоритъ о немъ такъ: „Въ слѣдующемъ небольшомъ прогонѣ, у подошвы горы въ формѣ трапеціи, расположенъ бессарабскій Кременчукъ, бывшее мѣстечко, жители котораго, по разсказу добродушнаго старика, кременчугскаго обывателя, были разогнаны татарами и дадъ названіе полтавскому Кременчугу (днѣпровскому)...“ См. Кіевская Старина 1899, т. 64, кн. 1, отд. 2, стр. 18, изъ статьи „По Днѣстру“. Только укрѣпленіе въ бессарабскомъ Кременчукѣ могло воспрепятствовать вторженію запорожскихъ козаковъ въ сосѣднія государства т. е. въ Молдавію, Валахію, Турцію и т. д. Мѣстоположеніемъ Кременчука объясняется и то, что командованіе отрядомъ поручалось старостѣ сямимскому. Если бы дѣло шло о теперешнемъ полтавскомъ Кременчугѣ, то навѣрное командиромъ отряда былъ бы назначенъ ближайшій староста каменскій и черкасскій князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій.

нхъ татарскихъ набѣгахъ. Единственный въ городѣ католическій костѣлъ принадлежитъ монахамъ ордена св. Доминика; при немъ обыкновенно проживаютъ два монаха. Русокииъ, исповѣдующимъ греческую схизматическую вѣру, принадлежитъ около шестидесяти церквей дивной постройки и изящной архитектуры. вѣроятъ, что прежде ихъ было около трехсотъ; и дѣйствительно, кривились слѣды какъ этихъ церквей, такъ и католическихъ. ювъ назначенный Киевскій епископъ стремится къ тому, чтобы ратить въ кафедральный костѣлъ русскую церковь св. Софіи, торая чрезвычайно обширна. Отсюда слѣдуетъ, что и канониковъ тамъ никакихъ нѣтъ.

Кіевъ — городъ обширный, имѣетъ деревянные строенія, огражденъ землянымъ валомъ, а не каменной стѣной, ворота же слѣсны каменные. Доходы епископа очень малы и неопредѣленны изъ-за частыхъ татарскихъ набѣговъ. Многие изъ князей и княжичей присвоили себѣ имѣнія католической церкви, пожалованныя ей пресвѣтлыми королями. Теперь только немногія села юлятся за епископомъ. Остальные доходы заключались въ мѣшыхъ и мясныхъ даняхъ.

Другіе свидѣтели подтвердили показанія Орышовскаго ¹⁾.

Въ 1592 г. возникла война между императоромъ австрійскимъ Рудольфомъ II и Турціей. Запорожскіе козаки, узнавъ объ этомъ, послали къ императору своего уполномоченнаго предложить ему, не найметъ-ли онъ козаковъ для дѣйствій противъ турокъ. Императоръ не далъ опредѣленнаго отвѣта, не зная, кто такіе козаки и въ какомъ государствѣ они живутъ. Онъ опасался, какъ бы не нажить непріятностей съ Польшей или Москвою, нанявъ въ службу чужихъ подданныхъ, можетъ быть, противъ воли ихъ правительства. Но случай нанять храбрыхъ воиновъ для войны съ Турціей представлялся императору заманчивымъ. Онъ поручилъ нашему 9 апрѣля 1593 г. посланцу въ Москву Николаю Варкочу разузнать тамъ, не оскорбится ли московское правительство, если императоръ найметъ запорожскихъ козаковъ къ себѣ на службу.

---

¹⁾ См. Excerpta ex libris manu scriptis archivi consistorialis Romani. Edit. J. Joseph Koitzeniowski. Cracoviae 1890. Pag. 13—14.

Въ Москвѣ отвѣчали, что запорожскіе козаки не подвластны московскому государю и что ему нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Между тѣмъ запорожцы вторично прислали къ императору уполномоченнаго для переговоровъ о наймѣ. Тогда императоръ въ концѣ 1593 г. (21. XII) послалъ доктора правъ Матвія Вакера въ Польшу, чтобы тайно развѣдать, какъ отнеслось-бы польское правительство къ поступленію запорожцевъ на императорскую службу. Проживая въ январѣ или февралѣ 1594 года на постояломъ дворѣ въ Замостьи, Вакеръ былъ вызванъ на бесѣду нѣкимъ Валицкимъ, рекомендовавшимся ему однимъ изъ козацкихъ старшинъ. Валицкій рассказалъ Вакеру, что козаки — люди свободные, по собственному побужденію воюють съ врагами имени Христова; что становища ихъ расположены у р. Днѣстра и у р. Днѣпра между Кіевомъ, Каневомъ и Черкасами, но опредѣленныхъ мѣстъ жительства они не имѣютъ; что главнымъ вождемъ ихъ состоитъ *Орышовскій*, остальные же предводители охотно ему повинуются; что на императорскую службу могло бы поступить до десяти тысячъ козаковъ, но что главный вопросъ — въ размѣрѣ жалованья. Валицкій увѣрялъ, что Вакеръ могъ бы окончательно договориться обо всемъ съ Орышовскимъ, но что къ сожалѣнію Орышовскаго нѣтъ теперь въ Замостьи, такъ какъ онъ за два дня передъ тѣмъ выѣхалъ въ лежація по сосѣдству свои имѣнія (*ad vicina quaedam rura sua*). Тѣмъ не менѣе Валицкій обѣщалъ, что онъ дастъ знати Орышовскому о пріѣздѣ Вакера и что они вмѣстѣ явятся къ Вакеру на переговоры въ Замостье или Люблинъ, куда Вакеръ собирался черезъ два дня уѣзжать. Однако свиданіе Вакера съ Орышовскимъ не состоялось и миссія его не привела ни къ какимъ результатамъ. Что касается имѣній, въ которыхъ уѣзжалъ Орышовскій, то несомнѣнно, что рѣчь идетъ не о пожалованныхъ Орышовскому Стефаномъ Баторіемъ Копыстеринъ и Гайсинъ, а о какихъ-то имѣніяхъ въ центральной Польшѣ неподалеку отъ Замостья, такъ какъ Валицкій не могъ бы называть Копыстеринъ и Гайсина *vicina rura*, разговаривая съ Вакеромъ на постояломъ дворѣ въ Замостьи. Кромѣ того мы имѣемъ письмо Станислава Жолкѣвскаго къ Яну Замойскому изъ Хмельника-Подольскаго отъ 8 марта 1594 г., въ которомъ онъ пишетъ: „*Papa Hogijszowskiego niemass tu w tem kraju*“. Жолкѣвскій не могъ бы такъ вы-

разытиса, оае-бы Орышовскій проѣхалъ незадолго до даты письма въ Копыотеринъ или Гайсинъ ¹⁾).

Подъ осень того же 1594 г. Орышовскій и другіе козацкіе гетманы: Григорій Лобода и Станиславъ Хлопицкій—предприняли набѣгъ на Тегинь (Вендеры) и Килію. Когда они шли во-своаеи, встрѣтили ихъ Молдаване и разгромили. Послѣ этого они собрались въ большихъ силахъ и вторглись въ самую Молдавію. Гоподарь Ааронъ бѣжалъ изъ страны, а козаки ограбили и сожгли г. Яесы, и жестоко опустошили всю ихъ окрестность. Изъ письма каштеляна каменецкаго и старосты теребовльскаго Якова Претвича къ Яну Замоискому отъ 25 ноября 1594 г. изъ Шаравки можно заключить, что послѣ раздѣла захваченной въ г. Яссахъ добычи Лобода и Хлопицкій заняли квартиры въ г. Варѣ, а Орышовскій отошелъ къ г. Винницѣ ²⁾.

Лѣтомъ 1600 г. Янъ Орышовскій поѣхалъ за Пороги пригласить козаковъ присоединиться къ королевскому войску, собиравшемуся въ Каменцѣ-Подольскомъ противъ турокъ. Ему удалось подбить на походъ тогдашняго козацкаго предводителя Самуила Кошку и 1 августа 1600 года Орышовскій и Кошка пишутъ уже канцлеру Замоискому изъ Бѣлобережья ³⁾, что они съ запорожской пѣхотой на лодкахъ спѣшатъ въ Каневъ и, пробывши въ Каневѣ съ недѣлю для пополненія войска охотниками изъ пограничныхъ городовъ, двинутся черезъ Бѣлую Церковь и Брацлавъ къ Каменцу для соединенія съ войскомъ канцлера ⁴⁾.

Хотя Орышовскій умеръ, вѣроятно, не задолго до 2 марта 1605 г., когда пожалованное ему въ пожизненное владѣніе имѣніе Гайсинъ было передано другому лицу, но за послѣдніе пять лѣтъ

---

¹⁾ См. приложения къ ст. Евгенія Варвинскаго „Сношенія императора Рудольфа II и папы Климента VIII съ козаками“ въ Запискахъ научнаго товариства имени Шевченка, 1896, т. X, выш. 2, стр. 21—34.—*Listy Żółkiewskiego, W Krak. 1898, str. 44.*

²⁾ См. *Listy Żółkiewskiego, str. 59.*

³⁾ Бѣлобережье—урочище на правой сторонѣ р. Днѣпра противъ с. Ляленицъ Золотоношскаго уѣзда. См. чертежъ Климатинской земли въ „Итениахъ истор. общ. Нестора Лѣтописца, книга 11-я, 1896.

⁴⁾ См. *Listy Żółkiewskiego, str. 107.*

его жлани мы не находимъ никакихъ свѣдѣнй о его дѣятельности въ историческихъ источникахъ.

Заканчивая краткй очеркъ биографй Орышовскаго, мы должны еще упомянуть, что слѣдъ его личности остался въ одномъ литературномъ памятникѣ, къ которому мы теперь и обратимся.

Въ 1597 году въ типографй Якова Зибенейхера въ Краковѣ вышла книга: „Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo Przi Ioachima Bielskiego syna iego wydana. Cum gratia et Privilegi S. R. M. W Krakowie. W Drukárni Iákubá Sibeneychera, Rok Panskiго 1597“¹⁾. Изложеніе событій въ этой книгѣ оканчивается смертью Стефана Баторія въ 1586 году. Посвящена она по обычаю того времени, когда каждой книгѣ старались найти могущаго ственнаго заступника, королю Сигизмунду III. Исторія этой книгѣ хорошо известна. Мартинъ Бѣльскій (род. около 1495 г., умеръ въ 1576 г.) написалъ и издалъ въ 1550 году обширную историческую компиляцію, точнаго заглавія которой мы не знаемъ, такъ какъ въ сохранившемся экземплярѣ ея не достаетъ заглавнаго листа. Въ 1554 г. изданіе было повторено въ исправленномъ видѣ подѣ заглавіемъ: „Kronika Wssythyego swyata na wsszo wiekow ná czwory księgi tákież Monárchie rozdzielona, rozmaitych histori ták w swyętym piśmie yáko w prostym, s Kosmografiá nowá y roz máitemi krolestwy, ták pogáńskimi, zydowskimi, yáko krzescoiáńskim w ktorej toż żywoty Papyeskye, Ceserskye, y krolow inych tákye Książąt, od początku swyátá aż do tego roku ktory sye piśse 1554 Myodzy ktorymi toż nássá Polska yest z osobná polożoná, y swyát nowego wypisánye. Dostátecznyey niż pierwsza spisána y pilnye figurámi ochędożnemi. Cum gratia et privilegio. Drukowano w Krakowyo przez Hieronimá Schárffenbergá Roku Pańskiego 1554“²⁾. Это изданіе посвящено королю Сигизмунду-Августу. Черезъ десять лѣтъ, въ 1564 г., вышло третье изданіе хроникѣ, напечатанное въ Краковѣ въ типографй Матвѣя Зибенейхера. Заглавіе е мало чѣмъ измѣнено, посвящена она по-прежнему королю Сигиз

1) См. Wierzbowski, Bibliographia polonica XV ac XVI sa. vol. I, Warszawa 1889, стр. 141, № 638.

2) См. Wierzb. Bibl. pol., vol. I, стр. 82, № 144.

мунду-Августу, но за то она дополнена новыми главами, продолжена до 1564 г. и раздѣлена на 10 книгъ, чего не было во 2-мъ изданіи; восьмая книга отведена исторіи Польши. Въ 3-мъ изданіи „Хроникъ Свѣта“ Мартинъ Вѣльскій высказывается, что, въ виду своего преклоннаго возраста (въ 1564 г. онъ имѣлъ около 70 лѣтъ), онъ не надѣется продолжать изложеніе польской исторіи своего времени: „я поручаю писать объ этомъ“, говоритъ онъ, „кому-нибудь болѣе молодому, слѣдуя указанной мною дорогѣ, такъ какъ лѣта мои настолько преклонны, что я долженъ пересѣсть съ коня на возъ и съ рогожи на матрацъ“¹⁾. Продолжателемъ литературной дѣятельности отца явился сынъ — Іоакимъ Вѣльскій (род. въ 1540 г., умеръ 8 января 1599 г.). Въ 1590-хъ годахъ онъ на novo передѣлалъ, дополнилъ и продолжилъ восьмую книгу „Хроникъ Свѣта“ Мартина Вѣльского и издалъ ея въ 1597 г. подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, стараясь представить дѣло, по неяснымъ для насъ побужденіямъ, такъ, какъ будто хроника эта составлена отцомъ его, Мартиномъ Вѣльскимъ, а только издана имъ, Іоакимомъ Вѣльскимъ. Между тѣмъ изъ собственнаго признанія Мартина Вѣльского мы знаемъ, что послѣ 1564 г. онъ не въ состояніи уже былъ по старости лѣтъ заниматься литературной работой; затѣмъ 18 декабря 1575 г. онъ умеръ; слѣдовательно, событія 1564—1586 гг. могли быть изложены только сыномъ его, Іоакимомъ. Да кромѣ того изъ сравненія языка, стilia, содержанія и всѣхъ подробностей „Хроникъ Свѣта“ (въ 8-й книгѣ) и „Хроникъ Польской“ видно, что эти хроникъ написаны разными лицами²⁾. Въ „Хроникѣ Польской“, авторство которой послѣ предыдущихъ замѣчаній мы будемъ приписывать исключительно Іоакиму Вѣльскому, вслѣдъ за заимствованнымъ у Горецкаго разсказомъ о происходившей въ 1574 г. войнѣ молдавскаго господара Ивоня съ турками вставлено отдѣльной главой сказаніе „О казакахъ“. Главнымъ основаніемъ его послужили свѣдѣнія, вычитанныя авторомъ въ книгѣ Сѣвнинскаго (Сарницкаго) *Descriptio veteris et*

¹⁾ См. Wiszniewskiego, *Historya literatury polskiéj*. Tom VII, w Krakowie 1845, стр. 424.

²⁾ См. Wiszn. *Hist. lit. pol.*, Tom VII, 1845, стр. 420—438, и статью Собіанскаго „O życiu i pracach piśmennych Marcina i Joachima Bielskich“ въ книгѣ „Joachima Bielskiego dalszy ciąg Kroniki Polskiéj“, Warszawa 1851.

почае Poloniae 1585 г. (см. выше, стр. 18, прим. 8), но кое въ чемъ оно дополнено, какъ указываетъ авторъ, со словъ родственника его по отцу Яна Орышовскаго (о szum słuzkałem dosuć mądze towiarz Jana Oryszowskiego stryca mego¹⁾), который продолжительное время былъ у козаковъ гетманомъ (ktory Hetmanem bywał u Kozaków grzech szaz piemalu). Зная теперь обстоятельно біографію Яна Орышовскаго, мы должны придать особое значеніе сказанію Іоакима Вѣльскаго, ибо въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно является свидѣтельствомъ непосредственнаго наблюдателя того явленія, которое въ сказаніи описывается. Приводимъ здѣсь сказаніе въ возможно точномъ переводѣ.

О КОЗАКАХЪ.

Эти люди занимаются обыкновенно на Низу (рѣка эта владаетъ въ Днѣпрѣ)²⁾ ловлей рыбы, которую сушатъ тамъ же безъ соли на солнцѣ, и питаются ею лѣтомъ; а на зиму расходятся въ ближайшіе города, какъ-то въ Кіевъ, въ Черкасн и въ другіе, а лодки свои прячутъ гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ на одномъ изъ Днѣпровскихъ острововъ и кромѣ того оставляютъ тамъ нѣсколько сотъ человекъ „на куренѣ“, какъ они выражаются, при артиллеріи, ибо они имѣютъ собственныя маленькія пушки, частью захваченныя въ турецкихъ укрѣпленіяхъ, частью отнятыя у татаръ. Прежде козаковъ водилось не такъ-то много, но теперь ихъ собирается уже до нѣсколькихъ тысячъ; особенно размножились они въ настоящее время и часто причиняютъ не малый вредъ туркамъ и татарамъ: они уже по нѣскольку разъ разрушали Очаковъ, Тегинь (Бендеры), Вѣлгородъ (Аккерманъ) и другія крѣпости; и въ степяхъ они захватываютъ не мало скота. Турки и татары не осмѣливаются уже такъ далеко пробираться въ степи на пастбища съ овцами и скотомъ, какъ пробирались раньше; съ той стороны Днѣпра они нигдѣ не приближаются болѣе, какъ на разстояніе де-

1) „Stryjcamі“ называли въ старой Польшѣ родныхъ и двоюродныхъ дядей по отцу, а также двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ изъ рода отца. См. Z. Gloger. Encyklopedia staropolska, T. IV, W. 1903, str. 65.

2) Іоакимъ Вѣльскій по ошибкѣ принимаетъ Низъ (низовье Днѣпра) за особую рѣку, яко-бы впадающую въ Днѣпръ.

эти миль ¹⁾. Козаки больше всего ссорят насъ съ турками; и татары такъ рассказываютъ, что если-бы не козаки, то они съ нами хорошо жили бы, но татарамъ не слѣдуетъ вѣрить. Хорошо, чтобы козаки существовали, но только слѣдуетъ привести ихъ въ порядокъ и платятъ имъ; да и пусть себѣ живутъ постоянно тамъ на Днѣпрѣ по отмелямъ или островамъ, которыхъ тамъ нѣсколько и которые такъ защищены природою, что если какой-либо островъ заняло бы нѣсколько сотъ человѣкъ, то даже самое громадное войско ничего съ ними не подѣлало бы, если бы отважилось подступить.

А между другими островами есть тамъ одинъ островъ, который называется „Кохань“, между Порогами, въ 40 миляхъ отъ Киева; имѣетъ онъ нѣсколько миль длины; когда на немъ сторожатъ козаки, то татары не такъ-то легко къ намъ переправляются, потому-что съ него можно не подпустить ихъ къ бродамъ Кременецкому и Кучманскому, которыми они обыкновенно къ намъ перебродать ²⁾.

---

¹⁾ Иоаннъ Блѣскій хотѣлъ сказать, что татарскіе пастухи не подгоняютъ своихъ стадъ ближе десяти миль къ лѣвому берегу р. Днѣпра.

²⁾ Въ книгѣ *Descr. vet. et novae Polon.* 1586 г. подъ словомъ *Kochanie* говорится такъ: „Est locus supra insulam dictam Chorcyca inter cataractas seu Porohi, aliquot milliaribus, supra modum amoenus: in quo si aliqua manus militum disponeretur, commode posset impediri transitus Tartarorum, qui per utrumque trajectum Borystenia, Kuckmanski inquam et Krzemieniecakie, quoties non sentiunt esse in armis Nisovios Kozakos, libere traicere solent et infestare nostras regiones. Distat hic locus a Kiovia 40 milliaribus. Haec omnia ex sententia magnificorum virorum adieci, qui lustrandis illis regionibus a R. M. delecti et destinati erant. Narrant iusuper praeter illas duas insulas Thomakowka inquam, et Chorcyca esse et alias complures desertas in illo flumine, in quibus materies ampla et lignorum copia est tam ad aedificandas arces, quam ad naves struendas. Cui testimonio suffragatur etiam historia de Principibus Kioviensibus qui ante quadringentos annos magnos exercitus, et ingentes classes ex his locis secundo flumine usque Constantinopolim et ulterius deducere solebant ad oppugnandum orientale imperium. Et cavendo ne hoc amplius fieret, existimo Turcas Scythias eos portus replevisse, quos etiam suo patrocinio tuentur. Narrant praeterea lidem D. lustratores in suo itineralio ad flu. Ros et Tysmenica et Olszanica, et in aliis fluviis esse ibidem loca confragosa, etc. ubi arcos possent excitari, nec haberet Turca easam ita conquerendi, sicuti praetendere solet; cum ad Tiram aliquid nostri aedificare instituunt“.

Есть и другой остров по близости — тотъ, который называется Хортицею и на которомъ раньше проживалъ Вишневецкій; послѣдній былъ большою помѣхой татарамъ и при немъ они и смѣли такъ часто къ намъ вторгаться; немного ниже Хортицы р. Тысменца (Конская) впадаетъ въ Днѣпръ, въ 44 милихъ отъ Кіева ¹⁾.

Есть еще и третій островъ, который называется Томаковкою и на которомъ преимущественно проживаютъ низовые казаки; онъ имъ замѣняетъ самое могущественное укрѣпленіе; противъ него впадаютъ въ Днѣпръ тѣ двѣ рѣчки, Тысмень (Конская) Фесынь (Базавлукъ); послѣдняя беретъ начало изъ Чернавлѣса ²⁾.

Не мало есть тамъ и иныхъ меньшихъ отмелей или острововъ; если бы на нихъ выстроить укрѣпленія и поселить города, то татары не смѣли бы такъ часто являться къ намъ; но мы предпочитаемъ защищаться отъ нихъ у Самбора ³⁾. Со стороны водъ напрасно кто-либо вздумалъ бы приступить къ нимъ, потому что тамъ со стороны моря никакія галеры или боты не могутъ пройти въ Днѣпръ черезъ Пороги, которые Господь Богъ самъ создалъ и если бы не Пороги, то турки давно уже навѣстали бы тамошній край. Но казаки такъ привыкли къ Порогамъ, что переплываютъ ихъ въ своихъ кожанныхъ лодкахъ, которыя они называютъ „чалками“, спуская ихъ на канатахъ внизъ и таща ихъ за собою и канатахъ же вверхъ ⁴⁾. Въ такихъ точно лодкахъ Русь нѣкогда

¹⁾ См. выписку на стр. 28, прим. 8.

²⁾ См. выписку на стр. 26, прим. 2.

³⁾ Иоакимъ Бѣльскій хотеть этимъ выразить, что польское правительство вмѣсто того, чтобы строить передовыя укрѣпленія въ степяхъ, отражаетъ татаръ только тогда, когда они достигнуть уже г. Самбора на верховьяхъ р. Днѣстра въ воеводствѣ Русскомъ, иначе сказать: проникнуть уже въ глубины страны.

⁴⁾ Постъ наданія книги І. Вальскаго, въ юлѣ 1600г. Янъ Орышовскій, коже непервый, лично участвовалъ въ перетаскиваніи челновъ черезъ Пороги, когда козацкое войско шло изъ Запорожья вверхъ по Днѣпру въ Каневъ, чтобъ оттуда двинуться на помощь канцлеру Замоискому въ Камешу-Подольскомъ „Ku górze wodę idąc przeciwne wiatry mając do progów przyszedłszy ledwo z koźdy przez skały brzegiem szólnij morskie ciągnęliśmy po dwie po trzyście sztuk wiewka uławszy się za liny ciągnęliśmy“ — такъ писали Орышовскій и Кошка канцлеру отъ 1 августа 1600 г. изъ Влоберезья. См. Listy Żółk. str. 107.

причиняла вредъ греческимъ императорамъ, пробываясь иногда в самое Константинополь, какъ объ этомъ пишетъ Зонара, реческій историкъ. Кажется, что и теперь козаки отважились бы на это, если бы ихъ было по-больше. Однако же турки заботятся, чтобы тѣ края оставались пустынными и чтобы люди въ нихъ не множались; они хотятъ быть безопасными въ Царьградѣ ¹⁾.

Много лѣтъ тому назадъ былъ въ тѣхъ краяхъ большой юртъ, а именно въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ), изъ котораго подольскую пшеницу доставляли въ самый Кипръ, но теперь только караваны сухимъ путемъ ходятъ оттуда въ Москву черезъ Очаковъ; на него проходитъ большая торговая дорога изъ Бѣлгорода, на которой козаки часто грабятъ турецкихъ купцовъ; когда они хотятъ „языка“ достать, то тамъ скорѣе всего достаютъ ²⁾.

Но не только на Днѣпрѣ, а также и на маленькихъ рѣчкахъ, Гысменницѣ и Оршаницѣ, достаточно попадается такихъ острововъ, на которыхъ можно было бы построить сильныя укрѣпленія противъ татаръ. Если бы укрѣпили Балаклею, который лежитъ надъ р. Чапчаклеомъ (нынѣ — Чичиклей) въ десяти миляхъ отъ Очакова, то татары не такъ-то легко отваживались бы ходить оттуда

¹⁾ См. выше на стр. 268 прим. 2.

²⁾ Въ *Descrip. vet. et novae Polon. 1686 г.* подъ словомъ *Bialogrod* говорится: „*Praeterit vero Bialogrodum via trita et celebris quae ducit Oczakoviam. Haec Turcici et Scythici negotiatores potissimum commeant quos illi lingua sua arabanos vocant. Quando igitur nostri aliqua mancipia intercipere conantur, et ex eis discant quid nam hostis machinetur modo, quidve in Turcia Scythiave pratur, tunc ad eam usque viam genus quoddam militum levissimae armaturae militationibus aptum, quos Kozakios vocant, progreditur, ac ita ex praetereuntibus rapiant quos possunt, et ad praefectos suos citato et festinanti cursu redeunt, saepius tam retro cervice inflexa prospectantes ne quis eorum vestigia agnet, et urgendo capiti eorum invehat. Nam non raro alea secus cadit quam optassent, et saepe ex captivante fit captivus. Et interrogati cur ita temere lubio Marti se exponant, responsare solent: Bene est, si inquit nihil inde utilitatis percepero, nisi quod juvenilem aetatem meam ex pacto consolabor contenta veroque satis est, iuvat. At contentatio illa qualis futura sit, si interim ad manus Scythicas levereris, nemo est qui ignorat. Fuit quondam Bialogrodum emporium celebre et obvium nostris hominibus. Nam temporibus Casimiri Cyprum usque domebant saeves onerarias tritico Podolico plenas. Nunc tantum scandulae prono flumine ad barbaros deinceps Bialogrodum solent, idque non sine gravi discrimine vitae“.*

къ намъ, особенно Чернымъ шляхомъ, который называется такъ отъ Чернаго лѣса ¹⁾). Въ послѣднемъ татары привыкли укрываться, пока не переpravятся вѣсь они черезъ Сянюю воду т. е. черезъ очень спокойное озеро, находящееся близъ того мѣста, гдѣ Днѣпръ впадаетъ въ море ²⁾).

Также слѣдовало бы выстроить укрѣпленіе въ Кременчукѣ (впрочемъ король, нашъ нынѣшній государь, поручилъ уже слѣлать это Николаю Язловецкому, старостѣ снатиинскому) ³⁾). Если бы въ такомъ дѣлѣ были заинтересованы нѣмцы или венеціанцы, то они не были бы такими безпечными, какъ мы. Если бы мы только воспользовались помощью козаковъ, то легко успѣли бы въ дѣлѣ постройки укрѣпленій, особенно обративъ на это и посылаемые татарамъ „упоминки“. А если бы кварталы не хватило на наемъ солдатъ, то лучше брать ихъ до поры до времени по набору, но только устроить города и укрѣпленія тамъ, гдѣ слѣдуетъ. А ихъ будетъ изъ чего строить, такъ какъ дерева достаточно на тѣхъ островахъ и въ камнѣ нѣтъ недостатка. Такимъ образомъ мы

---

¹⁾ Descr. vet. et. novae Pol. 1586 г. подъ словомъ *Czarczaklei*: „Flumen est, notius habetur propter viva vestigia munitissimae arcis Balaklei, quem si iusto praesidio munitur, firmissimum p opugnaculum ad impediendos Praescopiensium transitus per Hyppaniam esset. Et praesertim si vicissim ad flumen Russava in loco illo excitandae arcis peidoneo et a multis celebrato propugnaculum novum inaedificaretur. Hae inquam duae arces non plus quam 20 milliaribus a se distantes, alia ad Tiram ex opposito Thehinia, alia ostia versus Hyppanis, si bene munitur, totum tractum illum triangularem ab Oczakovia tanquam duo parastatae, id est columnae ex aequo a se distantes, mirificae tutum redderent, ut consilium lustratorum adscriptum prudentissime suadet. Distat Czarczaklei ab Oczakovia octo milliarib. aut novem ut lustratores idem annotarunt“.

²⁾ Descrip. vet. et novae Polon. 1585 г. подъ словомъ *Nigra sylvae*: „Ubi Scythae latitare solent, inausuri in regiones nostras“. Тамъ-же подъ словомъ *Sina voda*: „Est restagnatio quaedam maris ad ostia Borysthenis. Hac Scythae navigiis subvehere se solent, et tandem in nigra sylvae latitare, donec omnes conveniant. Inde a nigra sylvae dicitur Czarny Szlak. Mare illud est tranquillum et ab iniuriis procellarum tutum, ita ut etiam in eo folia nymphaeae sicuti fit in aliis lacubus parvis exorescant, et supernatent aquae: Et differt Sina voda a mari mortuo, in quo sal veluti glacies tenuis supra aquam innatat, et est admodum subtile. Hoc situm est ad Prekop, ubi illa fossa a mari cernitur ad mare“.

³⁾ Выше было объяснено, что здѣсь рѣчь идетъ о бессарабскомъ Кременчукѣ на берегу р. Днѣстра.

легко забавился бы отъ военныхъ татаръ, если бы только сами захотѣли этого. Я слышалъ, какъ объ этомъ чрезвычайно мудро рассуждалъ мой родственникъ *Янъ Орынковский*, который не малое время былъ у козаковъ гетманомъ и хорошо знаетъ эти мѣста; онъ могъ бы взяться за это дѣло и сдумалъ бы разумно его выполнить.

Есть также казаки Московскіе, которыхъ мы называемъ Донскими и которые живутъ у р. Дона или Танаиса, а съ р. Дона переходятъ иногда на р. Волгу, перетаскивая свои „чайки“ на валикахъ черезъ гору Переволоку. Они также гдѣ могутъ причиняютъ татарамъ вредъ, который татары вымещаютъ на Москвѣ, также точно, какъ и на Каспѣ. Иногда наши низовцы сходятся съ ними, но должны ходить другъ къ другу сухимъ путемъ, потому что между ними нѣтъ воднаго сообщенія. И въ то время, когда король Стефанъ непремѣнно хотѣлъ истребить низовцевъ, они удирали къ московскіе предѣлы къ тѣмъ козакамъ; видя въ этомъ еще большую для себя опасность, король Стефанъ оставилъ ихъ, кажется, въ покоѣ. Вслѣдствіе этого своеволіе среди нихъ еще болѣе разрослось, такъ что до того дошло, что вмѣсто оказанія поддержки они причиняютъ намъ только вредъ.

Необходимо, что они были подчинены власти, чтобы имъ платили жалованье, чтобы они имѣли гетмана по назначенію отъ короля и чтобы, наконецъ, сотники и атаманы ихъ приносили присягу; безъ сомнѣнія услуги ихъ были бы тогда полезными и тѣмъ краямъ было бы съ ними безопасно.

Но я предоставляю обсужденіе этого вопроса кому-либо болѣе мудрому.

Приложение № 1.

Oblata pro parte servitoris Oriszowski.

Actum in castro inferiori Leopoliensi feria quarta post festa solennis Paschae proxima anno Dni millesimo quingentesimo octuagesimo. Ad officium actaque praesentia castr. capitanealia Leopoliensia oblatae sunt litterae papiraeae infrascriptae sac. regiae maiestatis servitoribus sic gnosi Joannis Oriszewski datae et concessae, quarum litterarum tenor de verbo ad verbum sequitur et est talis:

Stephanus, Dei gratia rex Poloniae magnus dux Lithwaniae, Russiae, Prussiae, Mazoviae, Samagitiae, Kijoviae, Wolchiniae, Podlachiae, Liwoniae etc. necnon princeps Transilvaniae.

Significamus tenore praesentium quibus expedit universis et singulis, harum notitiam habituris, quod nos benignam rationem habentes servitorum gnosi Joanis Oriszowski, que nobis summe fide et diligentiae exhibet, cupientesque eum et de nobis et de republica regni nostri ad bene merendum promptiorem et alacriorem imposterum reddere, dedimus, donavimus et concessimus illi, prout per praesentes damus, donamus et concedimus loca certa et possessiones... desertas, possessoribus, habitatoribus culturaque carentes, in confinibus Tartarorum sitas, quas vicini, illis locis propinquiore, eorum usumfructum nullo iure sibi vendicant, jure advitalicio posidendas unam videlicet possessionem desertam Kopisterin vocatam in transitu, vulgo na Kocz-manskim sliaku, inter Barum et Braczlaiam ad flumen Morochwa communiter apelatum sitam, quam nobilis olim Dachno Kopisterinski tenuit, et alteram quoque inultam Aissin et Hohul dictam, ultra fluvium Boch sitam, quam torens Sob perfluit, quoque antea a quodam vita functo Mutiae Mizenizinko posidebatur. Quibus quidem bonis nostris locis et possessionibus utrisque, in pallatinatu capitaneatuque

Bracławiensis jacentibus, idem ipse gnoscus Joannis Oriszewski utetur, fruetur eaque possidebit et tenebit integre cum omnibus et singulis agris, pratis, campis, fluminibus eorumque ripis, stagnis, lacubus, piscaturis, silvis, mericis, saltibus et receptaculis ferrarum, earum venationibus, prout ad nos mensamque nostram pertinent, necnon cum omnibus et singulis proventibus, comodis et proventibus, que nunc in eisdem bonis sunt aut successu temporis humana industria aucta et instituta esse possunt, nullis penitus exceptis nec pro nobis successoribusque sc. nostris aut pro quocunque alio reservatis, idque ad extrema vite tempora, salvis tamen iuribus reipublicae regni nostri ac... nostris ad ea bona et possessiones permanentibus. In quorum indubiam fidem manu nostra subscripsimus et sigillum regni nostri praesentibus appendi iusimus. Datum ex castris nostris ad Laternam die quinta mensis Septembris anno Dni millesimo quingentesimo septuagesimo septimo, regni nostri anno secundo. Stephanus rex. (*Извлечено из Грншевскихъ изъ Бернардинскаго архива во Львовъ и напечатано впервые въ Запискахъ науковаго товариства имени Шиченка т. VIII, 1895, кн. 4, отдѣлъ Miscellanea, стр. 5--8*).

Приложение № 2.

Zygmunt Treti, Bozu milostyiu korol polski etc: Oznaymujemy tym lystom naszym wszystkim wobec y kazdomu z osobna, komu to wedaty nalezyt, iz szto iesmo z laski naszoie krolewskoie za chodnyie sluzby urodzonemu Petrowi Swirskomu, zolniewowi naszomu, daly dobra naszyie krolewskije w woiewodztwi Braclawskim, Haysyn nazwanyie, w uroczyskach y pewnych hranycach czerez nas w prywileiu naszom zeszłomu urodzonemu Janowi Oryszewskomu menowite opisanych, w kotorych dobrach on pracu, dozorum y kosztom swoim twerzu zamoczok zalozywszy, mestoczko osadył y dozyl osazaiet, ludmi wolnemy usyluiet, pomnazaiuczy w tym oboronu panstw y pozytkow naszych reczy pospolitey, czoho my buduczy ponim wdiaznyie y choteczy bulszy znak laski naszoie krolewskoie jemu pokazaty za prosboiu isho a pryczynoiu nekotorych panow rad y uradnikow naszych na tych ze dobrach naszych Haysynie daiemo y daruiemo prawo

dożywotnie małżonce ieho urodz. Jadwidze Rohosinskoy (z domu też swoieho nam y Reczy pospolitoy dobre zasłużonoho), za kotorym to spolnym prawom dożywotnim pręczoneie małżonkowie tyżie dobra miasteczko Haysyn z gruntami, u lyste naszym Oryszewskim danymy, to iest menowyte naprod po dorohu, kotoraja leży z Rachnowa do wercha ryki Bohuszy, toju ryczkoju Bohuszaju do ryki Sobu hranicy y po tuju ryczku Bohuszu; z druhoie strony hranicy ryczka Kuna, od werchu Kuny aż do Sobu ryki, y zas za rykoju Sobom totże grunt po ryczku, ktoruju zowiut Kublicz, kotoraja wpadaiet w Sob protyw Kuny, toja ryczka Kublicz w werch iduczy aż do ryczki Wezowec, od ustia Wezowca, hde w Kublicz wpadaiet, u werch iduczy Wezowcem, aż do lesu Chocholewa, a czeres les dołom Byłykowym Potokom aż do Unicy ryczki, a od Unicy dołom Suchym w werch podle Werbiczowa aż do Semeryczki, a Semeryczkoju sz do Sobu ryki powyszczey Bohuszy ryczki, szto w Sob wpadaiet z druhoiestorony, ze wszelakimy należytosciami y pożytkami, tak wspólnie, iako y rozdzielnie majut y mohty budut tyie dobra miasteczko Haysyn z nas y potomkow naszych derżaty y ich spokojnie używaty do ostatnieho kresu żywota swoieho, pozwalaiuczy im tym listom naszym y pręczoneim miasteczku Haysynie wuyta, burmistra, ławnikow, pisarza wrad meski przysiażny postanowity y zawedaty, także jarmarki y torhy czasow sposobnych ustanowity y obwołaty bez perekazy, odnak innych mest naszych y obywateloy tamesznych prylehlyoh waruiucz toż teje pylne, aby meszczane y poddanyie tamesznije bez woli y wedomosty hotmanow naszych y derżawcy swoieho niczoho swowolnob tak z postronnymi iako y z tutecznymi nie poczynali, ani sia wżyli ale wowsim sia iako wernyie poddanyie ku nam y Reczypospolitoie także derżawcy swoiemu przystoynie sprawowali y zachowali, praw naszymie krolewskije y reczypospolitoje wcale tam zostawuiuczy tym listom naszym, kotory dla lepszyie wery y twerdosty rukoiu naszoj podpysawszy peczat koronnoju k niemu przytysnuty roskażaly iesme Pisan w Warszawie na seymie wałnym koronnym, roku tysiacz sześćset piatoho, mesaca marca wtoroho dnia, panowania krolestwa naszych polskoho osmatciatoho, a szwedzkoho dwenatciatoho roku Sigismundus rex. Zachariasz Jelowicky sekretarz y pisarz. (Ka. Kie. Центр. Арх. № 4633, л. 15).

Експедиція Самуїла Зборовського в Запорозжя літомъ 1581 года.

(Къ стр. 93).

Текстъ Бартоша Папроцького в книжкѣ: „Herby Rycerstwa
Polskiego“ 1584 года, в отдѣлѣ „O klejnocie Jastrzębiec“.

Samuel Zborowski, szósty syn kasztelana krakowskiego, rotmistrz na Podole, u Baliny w wojsku cesarza Maxymiliana Wtórego indziej, w prawach rycerskich ówiczony, *vir animosus*. Na koronacy króla Henryka przez zwadę zabił Andrzeja Wapowskiego kasztelana przemyskiego z domu Nieczuja, o co był *exilio* skaran, wszakoż takiom, które nigdy zacności domowi Zborowskich szkodzić nie miało. Ten jako posłuszny, uczynił był dosyć tej ekzekucyi, wyjechał do Węgier, tamże był przy siedmiogrodzkim wojewodzie Stefanie z domu Batorych, którzy za herb noszą trzy zęby wilczo. Tego wojewodę gdy Polacy króla obrali, po zjechaniu Henryka Francuza, on też przyjechał do Polski, któremu *propter animum ejus* żaden nie kontradykował.

Tenże potem był od niżowych Kozaków, którzy się zaporożkiemi molojcy zowią¹⁾, deklarowan za hetmana²⁾, z którymi był w takiój potrzebie, która się zaczęła tym sposobem:

Kozacy niżowi wiedząc go być mężnym, hojnym, a dobrej sławy chciwym, wskazali do niego, żądając go o to, aby był hetmanem ich. Który niedługo się na to rozmyślając, jako człowiek *magni animi*, posłał im zaraz przez one posły upominki i pieniądze³⁾, chcąc je sobie zjednać na potrzebę, ku otrzymaniu dobrej sławy ojczyźnie i domowi swemu. Umyślił inną stroną do Moskwy z nimi wtargnąć⁴⁾.

Naprzód tedy do Kaniowa przyszedł z pocztem niemałym sług swoich i hajduków⁵⁾, wsiadł na rzekę Dniepr⁶⁾, konie na brzeg puścił etc. Znowu molojcy zaporożcy wiedząc o nim, posłali do niego posły, radując się przyjazdowi jego, a już mu zwierchność nad sobą zlecając. Za co on im podziękował i znowu upominki posłał. Oni zatem wzgardziwszy obietnicami starosty pogranicznego, który je odwodząc od służb Zborowskiego, do siebie namawiał, wielkie łaski z siebie samego i od króla im obiecując⁷⁾. Oni chcąc prędko pokój mieć, przez posły

przysięgli posłuszeństwo Zborowskiemu, a potem i sami ustnie to wszystko, coby czynić chciał, pomagać mu wszystkiego obiecali. Jechał potem do Cyrkas, z Cyrkas do Pskły rzeki, którą chciał iść pod Putywl zamek moskiewski⁹), tak jako się był przedtem zmówił przez listy z starostą jednym ukraińnym, wszakoż ten starosta w słowie mu się nie ziścił. On bacząc nieustawiczość w słowie starosty onego, radzili mu Kozacy, aby jechał do wojska⁹).

A tak się od onej rzeki Pskły obrócił, do drugiej rzeki Samary.

Tam znalazł 200 Kozaków rzecznych, którzy tylko zwierza i ryby łowią drugim na żywność, a ci już tam mieli starszego co im rozkazywał. Jest tam rzek wiele obfitych barzo w ryby i zwierza różnego rodzaju, który się nad nimi na pastwiskach chowa¹⁰), o czem będziecz miał szerzej w historii. A temi tam rzekami może iść do Hordy i do Moskwy, i chodzą dla korzyści.

A tak gdy przyjechał Zborowski do miejsca onego, kędy się Kozacy chowają, wszyscy mu czołem uderzyli, i posłuszeństwo wszelkie obiecali; bo ci tam ustawicznie między rzekami mieszkają, mając pożytek z zwierzu, jako z rysiów i z innych, a co do żywności należy, drugim odsyłają¹¹).

Od onych wodnych, prosto się puścił do progów, kędy ryceracy ludzie mieszkają. Tam jest miejsce na Nieprze trudne do przebycia, bo te progi są z wielkich skał, przez które woda jakoby kędy z wysokich grobli spada, i tam nie może nikt przejechać, oprócz tych Kozaków, bo oni z tych progów w czelniech się spuszczaają po linach¹²). Tamże u Jawolzanego uroczyska¹³) między progami, chcieli mu dać Kozacy bitwę, kiedy go obaczyli, a ujrzeli przy nim hajduki; rozważali to sobie: Pewnie, że ten będąc panem, nie znając nigdy żadnej nędzy, z nami tu nie będzie mógł wycierpieć niedostatków. A tak go rozumieli być przeciwnym, a iżby ich z naprawy królewskiej chciał wygubić¹⁴). Ale on dał sprawę dostateczną o sobie, i to powiedział: „Zem ja tu przyjechał ua żądanie posłów waszych, któreście do mnie ślali, przeto się odemnie nie obawiajcie nic inszego, tylko miłości towarzyskiej, i tego pewni bądźcie, że ja tu zajechawazy z tymi wszystkimi, które przy mnie widzicie, chcę z wami zła i dobra cierpieć równo, i z wami szczęście swoje dzielić“. Oni mu zatem, to od niego usłyszawszy, posłali ośmdziesiąt Kozaków, którzy go przepro-

szli przez one progi, których jest tam dwanaście: bo nie miał ze sobą tylko wszystko ludzkie nowe jako i sam. Było szlachciców samych ślaskich siedmdziesiąt, oprócz hajduków. Wszakże niektórzy szlachcyceknęwszy się onych strasznych przewozów, nazad się wrócili. Tam daleko jest zamek Chortycza, który był Wiśniowiecki postawił; w ten nie mogą iść galery¹⁵⁾. Tamże pod nim sam hetman postrzegł raz tatarską, bo tam często bywają, a zawsze ich Kozacy gromią; wszakoż na ten czas natrzeć na nich nie chcieli, chociaż ich więcej niż Kozaków było.

Za progami skoro potkali się naprzód z szarańszą, która acz szcziom nie barzo szkodzi, wszakoż koni dla niej odeszło przez trzysta, szczie też niektórzy puchnęli¹⁶⁾.

Wyjechawszy z Chortycze zamku, na którym nocleg mieli, tam dopiero dojechał Kozaków i posłów, którzy od nich do niego ślani byli. Tam gdy się zjechali, uczynił do niego rzecz jeden starszy, zdając się z przyjazdu jego, a winszując mu, aby z miejsca tego szcziynie milej był pożyteczny, a iżby fortunnie nieprzyjaciela jój gromił, czego mu sami do gardł swoich, w posłuszeństwie jego będąc, pomagać obiecali¹⁷⁾. Podziękował im za chęć i za winszowanie Zborowski, i zatem jechał z nimi na miejsce to, kędy mieszkania swe mieli. To szcziroczysko zowią Tomakowski Ostrów, który jest tak szeroki, że może na nim wychować 20 tysięcy ludzi, i koni niemało. Przy tymże ostrowie jest jezioro wielkie i barzo rybne, tam skoro wysiedli, był od wszystkich radośnie witan, zaraz go obwołali hetmanem, z rusznic strzelali. Nazajutrz uczyniwszy koło rycerskie, tam mu deforowali jako hetmanowi, i oddali mu buławę hetmańską¹⁸⁾ rzecz do niego uczyniwszy temi słowy:

„My, miłościwy panie, wiedząc cię być panem rycerskim i zacnie urodzonym, co acz to u nas mało waży, tylko sprawa a serce mężne, cośmy o tobie wiele od postronnych narodów slyszeli, także i od braci swej, jakoć zawsze Bóg przeciwko każdemu nieprzyjacielowi twemu wielkiej fortuny pożyczal. My też gdyżesmy się tu ciobie doczekali tak zacnego Polaka, wielkiego urodzenia pana, z szczęścia i z męstwa sławnego, nie mogąc cię tu niczem inszom tak znacnie udarować, podawamyó tę broń pierwszych hetmanów miejsca tego, którzy nam fortunnie z dobrą sławą rozkazowali. A my sami siebie z wierzniemi chęciami naszemi i z posłuszeństwem wszelakiem, zaraz ci przy

tej buławie oddawamy, sycząc ci tego, abyś nam długo rozkasiował, skądbyś sobie, nam i ojczyźnie milej, i potomstwu swemu nieśmiertelną sławę otrzymał⁴.

Wziąwszy buławę od nich, odpowiedział im w te słowa: „Nie baczę ja tego w sobie, moi mili a zacni rycerze, abym się do tego urzędu na który mię teraz przekładacie, (a już mi go zgola mocno w ręce za podaniem tej buławki oddawacie) zejść mógł, bom i nie na to tu przyjechał, abym się tego podjął miał, tak wielu mężnym, sprawnym ludziom rycerskim rozkaszować miał, ale tylko tomu k'woli, abym współek z wami przyjąwszy towarzystwo, w obojgu szczęściu złom i dobrem równo cierpiał, potem ojczyźnie swej milej służył, tak jako młodszy między wami, za radą i nauką was ludzi rycerskich. Wszakóż znając w was tak wielką chęć i miłość przeciwko sobie, śmieło od was ten urząd przyjmuję, w którym jeśliby się przydało zbłądzić, jako mało bywałomu, mam za to, że od was samych łaskawie ostrzeżonym będę⁴.

Potem szli pod zamek Putywł, który jest u Pskły rzeki, chcąc się tam starosty jednego ukraińskiego doczekać¹⁰), uskarżali mu się na nielaskę wielką przeciwko sobie panów polskich i niewdzięczność za swe posługi etc. Co potem w historii być może.

Nie ruszywszy się z miejsca onego, chcieli to po nim wiedzieć, kiedy im Pan Bóg da we zdrowiu przyjeść z Moskwy, gdzieby się też miał wolą obrócić. On ich nie chcąc długo trzymać na słowie, pokazał im pisanie od cara tatarskiego z Przekopu, który mu był w dom do niego jeszcze z niemalemi upominki posłał, obiecując mu chorągiew u cesarza tureckiego na ziemię wołoską zjednać¹¹). Tam oni prosili go zaraz, aby posłał do cara, dając mu już o sobie znać na Nizie, aby przypomniał cesarzowi obietnicę, żeby się w tem uścił, który to dla niego uczyni, bo mu ludzi niemało do Persyi posłał, gdzie mu brata Adylkirya pojmano¹²). A chcąc być pewniejszy tamtej obietnicy, darowali mu więźnia znacznego Tatarzyna, którego zaraz hetman posłał przez posły swe carzowi, przy czem był Bielecki, komornik króla Stefana, którego był carz zatrzymał, wszakoż go za perswazją posłów hetmana niżowego puścił.

Złocił też to był hetman posłom swoim, aby dali zrok¹³), albo miejsce posłom cesarskim, gdzie się zjechać mieli, jeśliby które do niego posłał, aby się z nimi zjechali w dziesiąci koni tylko. Dali

zrok na prochyako Karajtschen, które jest *forum*, albo rynek, gdzie tatarowie z Kozaki wszelakie targi swe miewają²³).

Na to tedy miejsce jechał hetman; tam zastał posły cesarskie i woje, którzy skoro przyjechał, przywitali go z wielką uczciwością, sty oddawszy, zdrowie od carza nawiedzili, potem mu oddawszy pominki, koni dwanaście rumaków pięknie ubranych, i trzy szaty lotogłowowe, którą gdy na hetmana włożyli w onem polu, znowu szecz piękną do niego uczynili, radując się z dobrego zdrowia jego, iż na to miejsce przyszedł, gdzie tak swawolne Kozaki hamowało noże, z tego się cieszyli. A iż carz kochając się z tego, a wdzięczeń żądając przyjazdu twego, za syna cię swego przyjmuje, obiecując ci to wszystkiego pomagać, w czymby go jedno używał, i tój obietnicy koło chorągwie wołoskiej potwierdzili, tylko o to pilnie prosili, żeby pokojnie czekał na Dnieprze chorągwie. On, nie dbając o chorągiew, rosił, aby mu carz w towarzystwo posłał do Moskwy hetmana swego, powiedając że Moskwiczin wiele w litewskim księstwie czyni w granicach szkody królowi panu naszemu²⁴).

Skoro mu to powiedzieli posłowie, zaraz rzekł, żebym tego k'woli królowi nie uczynił nigdy, co dla niego jako dla syna swego uczynię, i dał mu znać o tém, czem go barzo ucieszył. A gdy się zaszł z nim gotować hetmanowi, w tem carz turecki pisał do niego, aby mu się w obietnicy uisoił, iżby z nim jachał do Persyi, tak jako obiecał. Dał o tem znać Zborowskiemu na Niż przez posła swego carz przekopaki. Wtem już swątpił, że ojczyźnie posłużyć nie mógł, utrzymawszy posła na onem miejscu, jachał sam do stanowiska swego, a gdy noc zaszła, począł myśleć, co czynić miał.

Rano do onych posłów jachał, zawołać kazał onego Tatarzyna, którego już był wolno wypuścić, żeby do niego z przedniejszym posłem przyszedł. On strwożony szedł do niego, obawiając się tego, aby go znowu nie kazał związać. On powiedział: „Gdyż tego carz dla mnie uczynić nie chował, niechżeby mi wzdy był Bakaja z ludem posłał; oto ja jemu k'woli to uczynię, że z nim pojedę do Persyi, tylko mi niech przysięże, że mam być wszędzie przepieczon zdrowia swego, abym nie był albo otrut, albo z naprawy jego stracon zdradliwie. Niechże do mnie przysze mustalika²⁵) i radę swą naprzedniejszą z murzami, którzyby mi na to przysięgli²⁶. Posłowie podziękowawszy za tę chęć wielką, u nóg padali podług obyczaju swego hetmanowi, a z radością

do carza swego jechali; dał im zrok Zborowski za tydzień, niedaleko od tegoż miejsca, gdzie się zjechać mieli.

Gdy posłowie z tą nowiną do carza przyjechali, wsięcznie ich przyjął i udarował. Hetman też Zborowski jechał do wojska swego, które było na ostrowie nazwanym Kartamłyk²⁶), powiedział rycerstwu to co z posły postanowił. Wnet się rozerwali, jedni chcieli z nim jechać, drudzy na to nie dali słowa rzecz, powiedając, że to psi zradliwi, słować nie zdzierzą, zginiesz i nasby przy sobie pogubił. A wtem w nocy wielki się rozruch stał, że nie wiedział co z nimi czynić miał hetman, i nie był od nich przespieczen zdrowia swego. Posłał do nich porucznika²⁷), rozkazując im, aby się uciszyli, bo jeśli tego nie uczynią, tedy im bitwę pierwej, niżli nieprzyjacielowi inszemu dam. Oni go za tem wskazaniem karać chcieli podług zwyczaju swego: opasawszy mocno, piasku za nadrę nasypał a w wodę wrzucił²⁸).

Szedł potem sam do nich, łagodnie ich ukrocił, wszakoż cały tydzień miał wielką trudność z nimi. Wezwał potem starszego do siebie, przed którym powiedział, że ja żadnego nie przymuszam, który chce niechaj zostanie, a który chce jedzie, tylko ci co tu zostaną, aby hordzie dali pokój, bo stąd takie niepożytki baczę, że króla i rzeczpospolitą obrażają; druga, że mnie w niebezpieczeństwo przywiódą. Zatem posłał straż, aby strzegli na onem miejscu, kędy mustalik przyjdzie z murzami.

Hetman sam, iż nie mógł na czas naznaczony przyjechać, tam gdzie był dał zrok Tatarom, była ta przyczyna, iż jeszcze nie dobrze był świadom wszystkich miejsc i uroczysk na Dnieprze, którym się przypatrował, jednak posłał zaraz dowiadując się gdy przyjadą, aby się do niego przymknęli. Mustalik obawiając się jakiej zdrady, został sam na miejscu naznaczonem, a posłał kilkaset murzów, prosząc hetmana, aby do niego przyjechał, bo go na miejscu naznaczonem z radością czeka, a przyjechał był z wielkim orszakiem, mając tysiąc koni z dworu carskiego barzo świetno, z dary wielkimi, z wozy, z wielbłądy, pieszo także miał ludu niemało.

Tam murzowie, gdy do nich hetman niżowy przyjechał, przywitali go z uczeiwością, barzo ochotnie, jako mogli nauczciewiej, podług zwyczaju swego, padając całowali nogi etc. Zatem go prosili, aby do mustalika jechał, opowiadając mu wielką chęć i przyjaźń carską. On im obiecał jechać do nich, tylko prosił, aby go do trzeciego dnia mu-

malik na onem miejscu poczekał umówionem, aż wojsko rozprawi, bo mu szło o to, aby ci co zostawali na Dnieprze, szkody jakiej nie czynili, a tak ich chciał przysięgą sobie zobowiązać, aby hordzie okój dali, wymawiając się, że mi się ich ladajako odjechać niegodzi, jako hetmanowi, gdyż nie wszystkich biorę z sobą do Perayi.

Powiedzieli mu, że tego mustalik uczynić nie może, bo carz naż tylko na cię czeka, a niedba o insze, tylko żeby ciebie samego swego miał przy sobie, a też już dawno ze stem tysięcy ludzi r polu leży, nie stawa mu żywności, ani trawy koniom. A tak cię wrosić kazał, abys co narychlej do niego przyjechał.

Mając chęć wielką Zborowski widzieć wojska i sprawę pogańską, wrosił, aby tylko do północy zetrwali, a on zaraz już z nimi miał wsiadać. A Kozacy dla Boga prosili, aby nie jeździł, płacząc a opowiadając mu już zginienie. Nie mogli mu tego odwieść, wszakoż mając rozmaite zabawy z onymi murzami, mało nie do samego wieczora ich znowu zabawił. Wtem folgując prośbie ich i chęci swojej łosyć czyniąc, prosił, aby mu konia dali, chcąc już wsiadać w drogę, już płaczu i prośby rycerstwa swego nie słuchając, ani na to dbając; dali mu zaraz konia murzowie.

Tu prawie Pan Bóg, który jeszcze na świcie go zostawić chciał, a nie dać mu w rękę pogańskich ginąć. Z onych wielkich prac, konia obaczywszy, pytał, jeśli stępią idzie? Rzekli, że bystr. On ich prosił o inszego konia, któryby statecznie szedł, bo był strudzony barzo. Wnet się rzucili starając się o inszego konia, a on chodził, jako na koń wsiadł, sahadak przypasał, szablę etc. Wtem kucharz jego Michał rzekł do niego z płaczem: „Panie mój, już cię podobno nie oglądam; jest szczuka dobra, proszę najedz się na drogę“. A tak on, że cały dzień nie jadł, dał się namówić, szedł jeść, konia mu wtem przywiedziono. A gdy chciał przysięgi od murzów, oni mu rzekli: „Że my tobie za to nie możemy przyrzekać“. Wtem to Kozacy usłyszawszy, z złości porwali go gwałtem między się, zanieśli go do czołnów na sobie, wsiadłszy w czołny, poczęli strzelać, murzowie się ich barzo bojąc, rozskoczyli się; potem odbiwszy od brzegu, z radością jechali do wojska swego z nim. Kozacy oni gdy go ujrzeli, z wielkiej radości niewymowne sztuki pokazowali, śpiewając pieśni, strzelając, na kobzach grając, *et alia*²⁰).

Tam gdy się to działo, straż kozacka przywiodła więźniów kilkanaście, którzy z Hordy uciekali, do ich tego czasu we źniwa wiele uchodzi. A tak ci powiedzieli hetmanowi, na jakiej części miał być u carza, która taka być miała: Sam miał być więźniem jego, a ci wszyscy na palach, którzyby z nim przyjechali, albo przyszli przed Przekopem, na co się prawie wszyscy zgodzili, bo to jeszcze na miejscu będąc od murzów słyszeli.

To usłyszawszy Zborowski, rozgniewawszy się serdecznie na carza, przybrawszy czterdzieści człowieka jechał do koni, które były od stanowiska siedm mil, bo się ich nie spodziewał więcej zastać, bo zdychały od chrobactwa wielkiego, a ludzie puchnęli; chciał tymże tropem jechać za wojskiem carskiem, chcąc go zewsząd szkodzić najężdżając. A gdy przyjechał do koni, nie zastał i dwu zdrowych, chciał przedsię jechać, Kozacy mu odradzili, powiedając mu: „Niżli te konie przepławim, tedy owe zemdlone padną, a my z tobą poginiem“. Jednak on chcąc się onej chytrności mścić, chciał Tatarom zastępować na drodze tym, co się do wojska carskiego ściągali, wszakoż mu Kozacy odradzali mówiąc, że w tym niedostatku nic nie uczynisz.

Wtem przyszła wieść pewna od tatarskiej straży, że ony wszystkie co byli po hetmana przyjechali carz pokarał, iż na te kondycje, których on chciał, nie przyzwalał, a iż go z sobą nie przywiezli. Miał natenczas u siebie posła króla perskiego, który był do niego z tem poselstwem przyjechał, powiedając, iż cię pan mój dawno czeka z cesarzem tureckim, czemu nie wsiadasz, a co się twemu bratu dostało, to i ciebie potka³⁰⁾. Na które jego tak harde poselstwo, hardzie też do niego wskazał carz tatarski; chciał był jeszcze hetmana czekać, ale iż mu przynaglał hetman perski, aby co rychlej jechać, jechać musiał, zostawiwszy dziesięć tysięcy ludzi dla obrony od Kozaków nizowych. Posłał jednak prosząc do hetmana, aby pokój z nim umówiony jako z ojcem trzymał, a on mu postąpił dań na wszystkie Kozaki, i tę chorągiew którą mu obiecał na wołoską ziemię z Persyi zaraz przywieść obiecał, kiedy się wróce, tylko prosił pilnie, aby ziemi jego dał pokój.

Wtem Zborowski odprawiwszy posła, myślił co czynić miał. Droga go już do Moskwy omyliła, także i do Persyi³¹⁾. A tak posłał do Piotra hospodara wołoskiego, aby mu się w obietnicy uścielił, jako obiecał, która była takowa: Miał dać 500 koni Zborowskiemu,

jeśliby był szedł do Moskwy, a jemu żeby dał pokój, bo go już była wieść doszła, że się przeciwko niemu gotował, jeszcze gdy był we Złoczowie imieniem swem³³). A mając w tem nadzieję, że mógł być poratowan w służbę Rzeczypospolitej, dał zroku cztery niedziele, żeby się z posły wołoskiemi widzieć mógł³⁴). Posłał z sług swoich szlachcica jednego, Kozacy też z molojców swoich drugiego, dalej czasu nie mogąc postąpić, bo też już drudzy starostowie ukraiinni wyjeżdżać mieli³⁴).

W tych czterech niedzielach czekając posłów onych, więźniowie którzy z Tatar uciekali Nieprem, iż tam są niedaleko stada wielkie, wsie się też przymykały tatarskie do Dniepru: bo tam wsie takim kształtem budowane, jako one budki albo chatki, które owocarze na kółkach za owcami włóczą. etc. A gdy o trwodze usłyszą, tedy ze wszystkiem zaraz, zaprząwszy onę chałupę, którą ma na kołach, uwozi co nadalej. O czem usłyszawszy Kozacy, wnet się poczęli frasować na hetmana, powiedając, że już dalej czekać niechcą, tylko uderzyć na hordę, bo możemy mieć korzyść wielką³⁵). Hetman ojczyźnie to chcąc pokazać, że mogąc sławy dostać i korzyści wielkiej, nie chciał, aby miał *movere turbas*, a tego nieprzyjaciela na potem poruszyć przeciwko niej, bo natenczas nie mogli jej szkodzić, gdyż wszyscy do Persyi byli wyszli, ale pamiętając na przymierze, które Turcy i Tatarowie z królem i z koroną mają, hamował Kozaki w przedsięwzięciu ich³⁶). Acz go w tem słuchać nie chcieli, aż wszystek rynsztunek swój, który tam z sobą miał natenczas, konie, szaty, pieniądze, między nie rozdał, tych też podlejszych potem, jaką mógł srogością odgraniał. Owa ono przedsięwzięcie ich w nich uspokoił, a to wszystko czynił w ten sposób, że się oglądał na pokój ojczyzny, w której jako rozrodzon, to nietylko swym, ale i postronnym narodom nie tajno, mając żonę z domu także możnego Jordana Spytka kasztelana krakowskiego córkę, z którą potomstwo zostawił synów dwóch: Alexandra i Samuela na ten czas *minorens*, któremu też nie tak wiele skarbów zostawić pomyślając, jako po sobie sławy, a pamięci dobrej życząc.

A tak uciszwszy ono dzikie wojsko swoje, czekał czasu jako był naznaczył posłom do czterech niedziel. Wyszedł czas, drugie i trzecie cztery niedziele, posłów ani jego, ani wołoskich słyhać było. A wtom posłał sto człowieka z czólny na morze po sól, bo tam kiedy

rok suchy, sziada się na wyspach, biała iako lód²⁷⁾. Owa swątpiwy o onych posłach, rozumiał, że je gospodar posadszał, albo Tatarowia. Puścił się na Dniepr, bo tam posłów czekając wielkiego głodu i niewczasów się nacierpiał, k'temu z Kozaki wielkiej trudności, którzy niedbają na króla pana swogo, ani na ojczyznę, w której się porodzili, tylko już wszystkie nadzieje w onem miejscu pokładają, kędy żyją, a tak jakoby rzekli oną pospolitą przypowieścią: Póki żyta, póty byta²⁸⁾.

Nic tedy nie obesza nędza żadna, głód, niewczasy onego nowego hetmana ich, przy onem dzikiem wodnem rycerstwie, acz miał ryb, zwierzu wszelakiego dostatek, wszakoż ono na każdy czas odwodzenie ich, albo hamowanie, od szkodliwych ojczyźnie umysłów ich, tak go barzo fatygowało, że czasem po wiele razy mało o zdrowie nie przyszedł, gdyż to lud bystry, nienhamowany. A tak puściwszy się po Dnieprze rozumiał, że się miał z onej nędze ochłodzić, wszakoż w tem od szczęścia nie mógł być ratowan, bo daleko w większe nieprzespichenstwo, niżli miał pierwej, przyszedł. Bo kiedy mu oni znać dali, którzy jechali po sól, iż są galery na morzu, on zaraz im dla posiłku płynął do nich, z którymi się potkał, gdy nazad płynęli, żadnej na się trwogi nie mając, nabrali soli tyle ile mogli.

Posłał potem straż *ad ostium maris*, to jest tam, kędy rzeka w morze wpada, ta straż zaraz tego postrzegła, że dwie galerze weszy na Dniepr a przy nich dziesięć tysięcy Tatarów lądem, chcąc bitwę dać Kozakom na miejscu kędy ciasnem. Mając tę już wiadomość o nich hetman nie mniej też o tem myślił, jakoby im też bitwę dać mógł, tylko na to czychał, żeby na takim miejscu stanął, aby oni do niego na ostrów z galer wysiedli, żeby ich także mógł wprawić w kąć ciasny, jako tam o to łączno na Dnieprze. Czekając ich długo, spodziewał się, że już tam wszystka moc ich była w onym ludzie, jako ich straż obaczyła, a ono to tylko była straż, którą sędziak wysłał dla języka²⁹⁾. Obrócił się do nich, ale oni zaraz obaczywszy Kozaki tył podali. Żałował tego hetman że z nimi bitwy stoczyć nie mógł, przez tak nierychłe do nich jechanie. Obrócił się nazad, a już sobie umyślił wtargnąć do Wołoch, dla tego zagniewany, że mu posły zatrzymano.

A wtem jadąc na pierwszym noclegu w ziemię, potkali więźnie którzy z Tatar uciekali, a gdy przyszli przed hetmana, powiedzieli,

o teraz czas na Tatary, możecie przepieczenie iść w ziemię ich, bo wielką korzyść mieć będziecie, powiedając im tam dla nich o wielkiej rwordze, że już sama carzowa do lasów uciekała. Kozacy słysząc te słowa ich, brać się tam poczeli chciwie. A gdy ich hetman od tego dowiedział, poczeli narzekać, że je próżno trzymał, a nie życzył im żadnej korzyści. On jako człowiek ten, który rozumiał, co mu na sam i ojczyźnie należało, prosił, aby baczność nań w tej mierze mieli, jak jako to obiecali być mu we wszem posłuszni.

A skoro ich ulagodził, posłał do carzowej upominając ją, żeby się nie bała, może nie uciekać, bo ja jako syn, chcę się o to starać, żeby matka moja w pokoju siedziała, pomniąc na obietnicę carza ojca swego, chyba, żeby on nie chciał trzymać słowa swego. Wszakże i do pomszczenia będę miał czas inny. A tak posły odprawiwszy, ruszył się na przedsięwziętą drogę do Wołoch.

Wtem znowu wieść przysła o Tatarzech, że byli na zamku Iasłonhorodku. Chcąc pokazać to Zborowski, o co się też kusił przed nim książę Rozeński przed kilku laty, starając się o on замок, aby go mógł być zburzyć, jakożby był tego już cokolwiek, tylko przez nieopatrzność, gdy podsadził pod zamek prochy, na złym miejscu stanął, potem mizernie zginął⁴⁰).

A tak ich Zborowski chcąc zastać na onym zamku, nadedniem prawie do niego przyszedł, Tatarowie skoro go postrzegli, zaraz uskoczyli. Posłał do nich tłumacza, któryby ich do niego prosił na rozmowę, i rozkazał się skrać kilku Kozakom z rusznicami, dla tego, żeby go nie porwali, a wtenczas jeden Kozak strzelił do Tatarzyna. Zagniewany hetman porwał się do Kozaka, chcąc to pokazać, że im słowo trzyma, ale drudzy wiedząc go być godnym, zaskoczyli, a nie dościli do niego. Ten Kozak umiał każdą strzelbę zamówić, że mu szkodzić nie mogła, ani temu wojsku w którym był⁴¹). A tak powstałi Kozacy o to przeciwko hetmanowi tak barzo, że ich ledwo ubłagał.

Potem gdy się uspokoili Kozacy, przysłali Tatarowie do niego, dziękując mu za chęć i za pokoju trzymanie, chcąc mu dać stacyą, aby sobie odpoczął z ludem swym na onem miejscu, prosząc go i o to, aby się z carzykami poznał, którzy do niego chcą przyjechać. On rozkazał: Na ten czas nic nie potrzebuję; a druga: do znajomości na tym czasie przyjść z carzykami nie mógł, gdyż miał potrzebę pilną i hospodarem wołoskim na uroczysku Probitym u Bohu⁴²).

Tam stąd idąc z Haslonhorodka, miał nocleg u Witałtowej ławnie, tam się napatrzył wielkich *antiquitates* jego⁴³). Ztądże prosto puścił się *ad ostia maris*, tam gdzie Dniepr w morze wpada, stąd prosto wyprawił dziesięć człowieka do Probitego ku Bohu, aby nie omieszkał na zrok z Wołohy. Ona straż idąc trafiła na Turki, których pojмали trzynaście. Turkom gdy przybywała wielka pomoc, oni z nimi uciekli do rzeki Bohu, i tamże z nimi jechali aż do Probitego. Hetman też na onem miejscu, skąd był wysłał straż, dzień odpoczywał, o to dla tego, iż Kozacy obszywali czółny trzcina, bohy były małe na morzo⁴⁴). Tam wyjechawszy na zwierz na wyspy morakie, usłyszał że kilka razy z dział strzelono. Pytał coby to było: Jedni powiedali, że strzelano na Przekopie, drudzy mówili, że to grom i lyskawica. Owo nie myśląc o Turkach, ruszyli się z onego miejsca na morze, a oni którzy jechali do Bohu nie dali mu znać o nich. Tam mijając Przekop spokojnie, chcąc jechać a dać pokój Tatarom, z którymi sam, i król, i ojczyzna, mieli przymierze⁴⁵).

Wtem postrzegli dziewięć galer wielkich, okrom batek małych, które szły przeciwko nim, zastanowili się, mniemając, żeby jaki zamek. A gdy się lepiej rozedniało, poznali, że galery, które się zdaleka świeciły; nie było na nich tylko lud wybrany do boju.

Począł z Kozaki mówić: „Mamy panowie bracia czas, że sławy dostać możom, a będzieli nam Pan Bóg szczęścił, będzie i korzyść.“ Rzekli Kozacy: „Albo nie wiesz panie hetmanie, że to nam nie równy plac do potkania⁴⁶); lepiejby o tem radzić, jakobyśmy co naprędzej uchodzić mogli.“ Tego Zborowskiemu było żal, ale widząc, że mu prawdziwie radzą, nie wiedząc co czynić, myślił o tem, jakoby się im bronić, gdyż już blisko od niego byli, trudno już było uciekać, a do Bohu jeszcze było siedm mil. Kozacy strwożeni czynili złe serce hetmanowi, chociaż tam tacy ludzie byli, co jedno szablą żyli, wszakoż im to wszystko sprawowało złe miejsce, a k'temu czółny przeciwko galerom, wielka różność; poczęli się mięszać a wołać na hetmana, że chcieli ujeżdżać. Który przedsię stał jako lew, pragnąc z nieprzyjacielem chętnie bitwę zwieść. Wtem ich dojechawszy, uczynił tę rzecz do nich: „Niechże was nic nie obchodzi, moi mili cnotliwi rycerze, wielkość pogańska, ani ta ich ogromna armata, bo to my mamy naprzód przed nimi, żeśmy są ludzie chrześcijańscy, dla czego samego nie wątpimy, że Pan Bóg za nami pomagać będzie, a sam potłumi nieprzyjaciela a

Rużnierz imienia swego, k'temu i niewinność nam pomoże, jedźmy sobie nie lękając się, a nie cieszmy pogan, aby na nas serca nie brali." Dwa tak ujeżdżając z nimi równo, prosił ich, aby mu tej sromoty i sobie nie czynili. Wtem się jedna galera wydała, na której był hetman i dwóch wszystkich ludzi, ten rozkazał pilno przykładać a gonić Kozaki, zbliżając się o nie kusió, niżby im drugie na ratunek przyszły.

A tak za wielkimi prośbami i upominaniem, Kozacy którzy byli do brzegu się przybili a uciekać chcieli, znowy w czołny siedli. Hetman im serce dobre czynił, sam za nimi jechał albo płynął ostrożny a choiwy na stoczenie bitwy. Ta galera, ze wszech napięknieszca, szła za nimi jako strzała, już słyszeli trąby, bębny, okrzyk pogański, ukazywały się chorągwie tureckie; hetman z Kozaki śmieje stanawszy, czekał nieprzyjaciela. Tam wataman który na czołnie hetmańskim był, jął słabo sterować, począł go hetman gromić, a niechoąc aby drugim serca złe czynił, chociaż go zabić. A gdy już oo dalej to bliżej byli, stanęli Turcy, a dziwowali się jego śmiałości, już to mając za pewną korzyść, na to czyhali, jakoby go pojmali z Kozaki, czegooby byli dokazali za oną trwogą Kozaków, ale że się z piasku ruszyć nie mogli. Hetman wołał na swe, aby do niego co naprędzej nadbiegali. Ale sternik mało dbając na wołanie i upominanie jego, do brzegu się co prędzej obracał. Turcy obaczywszy począł z działa strzelać, ugodzili sternika jednego tuż podle samego hetmana, który lecąc aż chłopca za sobą w morze wtrącił, wszakoż tego prędko ratowali, acz z trudnością. Wtem oni o których hetman najwięcej rozumiał, wypadłszy z czołnow, począł się brać do brzegu. Wołał na nie hetman, aby drugim złego serca nie czynili, a nieprzyjaciela nie cieszyli. Turcy z dziełek ucząszczając czołny barzo dziurawili, zatykali czołny Kozacy. Widząc że im trudno co na wodzie począć, do brzegu się przyplawili, tam wypadłszy na brzeg, począł na się z obu stron śmieje strzelać; już byli dostali Turcy języka, wielzieli kędy i który hetman, a tak nań strzelbę wszystkę obracali. Prosił go Kozacy, aby uszedł na górę, albo od siebie kazał drugim odstąpić; zaraz chłopca który go pilnował, od siebie odepchnął, a ledwie rękę od niego odwiódł, jako go zaraz kula z działa ugodziła. Wziąwszy hetman onę rusznicę, którą on chłopiec za nim nosił, rozkazał się wszystkim rozskoczyć, a sam wziąwszy śmigownicę⁴⁷⁾ począł do galery strzelać; obaczywszy ich bałwana srebrnego w zawoju, mniemając aza sędziak, zmierzał do niego, a wtem zapalili

działo w galerze, co on obaczywszy, przypadł, kula tuż przed nim mała nie na piędsi upadła. Zatem się porwał, uderzył też z śmigownice w onego bałwana, aż blachy srebrne leciały, zatem Turcy wołać poczęli głosem: Hała, hała, hała, i więcej. Więźniowie i ci co rozumieli ich język, powiedali, że baczyli rzecz swoją przegraną; Kozacy zatem poczęli sobie dobre serca czynić, k'temu im było łącno sobie szance poczynić, bo tam na tem miejscu świnie dzikie ryjąc, wielkie doły poczyniły⁴⁴). Hetman znowu z śmigownice strzelił w gromadę ludzi na galerze, zaraz kilka człowieka zabił na jednej ławie, na której rzędem siedzieli. A wtem ony galery wyprawily dwie, aby u Bohu rzeki, dwie mile od onego miejsca, przewozili Tatarzy. Poczęli się Kozacy trwożyć, a wybierając z członów żywność, poczęli uciekać. Hetman ich gromił i upominał mówiąc: „Że wam to ludziom takim nie przystoi czynić, o których wszyscy narodowie rozumieją, że wam w męstwie świat równych nie ma. Turcy obaczywszy twogę między Kozaki, wysiadłszy w nawy, poczęli na brzeg wysiadać, narychtowawszy strzelbę na galerach, a też się spodziewali, że im już Tatarowie przybyć mieli. Hetman widząc że na brzeg wychodzą, krzyknął na sługi, których miał kilkadziesiąt, aby zaraz ochotnie do nich skoczyli, którzy to chętnie uczynili, stoczyli bitwę z nimi dosyć męźnie. Kozacy widząc, że sobie dobrze poczynają Polacy i szczęści się im, skoczyli do nich. Wtem dano znać hetmanowi, że Tatarowie biożą na pomce Turkom, skoczył do strzelby, wtem obaczył, że jego straż; znowu się do swych obrócił, ciesząc je świeżym ludem. Dodał tem serca Kozakom, śmieie na Turki nacierali. Obaczywszy Turcy, że ich wiele pobito i hetmana albo sędziaka im zabito, przed którym chorągiew szła, zaraz wplaw do galer się puscili, tylko chłopiec sędziaków siedział płacząc nad panem swoim zabitym, ale go też zaraz Kozacy rozsiekali.

Nie mając w czem onych strwożonych Turków gonić, szedł z onego poboiska hetman z Kozaki, trafił na Tatarzy, obaczywszy je zdaleka, chciał na nie takiej sztuki użyć: ukazał chorągiew turecką, dając im znać, że Turcy wygrali, wtem się kazał Kozakom skradać do nich. Obaczywszy Tatarowie chorągiew, skoczyli do niej z radością: Kozacy ci co turecki język umieli, wołali na nie. A wtem drudzy którzy na nie waśń wielką mieli, nie mogli wytrwać, skoczyli do nich prędko. Tatarowie się obaczywszy, nazad obrócili. Kozacy po nich, ale zaledwie kilku ubili. A gdy obierali trupy, Tatarowie ich potem nabiegali,

ale od Kozaków męźnie wsparci byli. Owi też z galer strzelali, owa tego było mało nie więcej, niż godzinę w noc.

Obrócił się potem hetman do czólnów z Kozaki, których nie zastał, bo było wszystkie popsowano, tylko ośm całych było, w które kazał wsieść kilkiem ich, a gdy wiatr wstał, zaniósł ich na brzeg tatarski, tamże je pojmano. Hetman szedł ziemią, włożywszy kilka rannych na jeden czóln. A gdy go Tatarowie gonili, obaczywszy strwożone Kozaki dla wielkości Tatar, zastanowił się z półtorem stem człowieka, napomniawszy ich słowy pięknymi, i to im przekładając, z jakąby sławą było to ich zginienie, jeśli by się Pan Bóg na nie rozgniewawszy, poganom dał górę nad nimi otrzymać, a jakoby też nieprzyjaciela niepomalu ucieszyli, gdyby mu, aby namniej placu ustąpić mieli, chociaż im dziesięć razy nie równo było, mówiąc: „Lepiejci, moi mili bracia, pocziwie umrzed rycerzowi każdemu, aniżeli źle żyć!“ Tak ich tedy przy sobie zatrzymawszy, obiecując im z sprawiedliwej wroźki serca swego, że mieli fortunnie pogany gromić, stanął z nimi w sprawie; oni ranni nie mogli się przez piasok przekopać w czólnie, prosili, aby ich hetman kazał dobić, to już było drugiego dnia na Bohu rzece. Przyszły potem galery do nich, stanawszy na wodzie, Tatarowie na łądzie, dziwowali się śmiałości ich, jednak się sami o nie kusić nie śmieli, wrócili się potem nazad z galerami, tak, aż i razu nie strzelili. Tam Kozacy już będąc zgłodzeni, hetman także ich, bo półtora dnia nie jedli wszyscy, szli w gromadzie pospołu, aż do Inguly, nad rzeką Bohem⁴⁹). Tam nadeszli Kozaki, co byli od nich uciekli, dostali u nich trochę żywności, kędy siły wszystkiey posilili. Jechał potem do Inguly i tamże zastał kilkadziesiąt koni, które był na prost posłał. Będąc na onem miejscu w polach dzikich, obumierając, nie wiedział co miał czynić z ludźmi, a żywność którą miał, Turcy mu byli strzelbą w onych czólnach, jakoś wyżej czytał, popsowali, chyba co tak który z nich miał przy sobie jaką trochę dla posilenia się; mogliby byli mieć ryb dostatek, ale im z czólny do tego wszystkie potrzeby popsowano, zwierza też żadnego tam dostać nie mogli; zaraz one konie rozdał między Kozaki, ale cóż to było na tak wielki lud, bo było wszystkich o półtrzęcia tysiąca.

Tamże będąc na Ingule radził się Kozaków co miał czynić; przebrawszy kilkanaście człowieka, jechał ku Wołochom do Probitego uroczycka, pojmał kilka rybołowców tureckich, dowiedział się u nich

o straży wołoskiej na Martwej Wodzie.⁵⁰⁾ Szedł tam, nie zastał jedno świeże stanowisko wołoskie, którymby był barzo rad dał bitwę dla wielkiego niedostatku, by jedno był mógł dostać żywności od nich; chociaż nie miał tylko jedenastcie człowieka, a Wołochów było omdziesiąt; on też już kilka dni nie jadł, jedno żołędź, i to jeśli go kędy nadszedł. Już zdychali Kozacy od głodu, namawiali go, aby się do wojska wrócił, ale się spodziewał jeszcze w nocy Wołochów zastać, przeto jechał do Kremenczuta,⁵¹⁾ a gdy nie zastał nikogo, przyjechał do Probitego, znalazł tam pismo, co ona jego straż napisała węglem, którą był posłał na zrok, który miał mieć z hospodarem; tam to było pisano: „Jeśli tu kto będzie z wojska hetmana naszego, powiedz o nas na uroczysku Krzywem!”⁵²⁾ Już się pocieczył, zastał tam straż swoją, o której rozumiał, że ją Turcy wzięli. Nałowili mu ryb, najadł się z onymi, które miał przy sobie, i tam odpoczął. Dano mu znać, że jest straży wołoskiej półtora sta, zaraz z radością począł się do nich gotować, ale Wołochowie postrzegli ich, tył podali. Obaczywszy, że nie mógł mieć bitwy statecznej, wrócił się do wojska, przyjechał znowu na wielki głód, frasowali się na to, że hospodara nie zastali. Ruszył się potem z ludem, a co miał iść do Soroki, to się udał do Sawarny⁵³⁾, a to dla tego, że rozumiał, iż mógł mieć żywności dostatek z Bracławia; tam im dopiero nędza dokuczyła, że rogi jakie nalezli, jelenie kopyta znajdując, co od lat kilku leżały, jedli, także kości jakich dostać mogli,⁵⁴⁾ jednak go Bóg we zdrowiu do ojczyzny wrócił. Tak ci trudno sławy dostawał ten sławny Polak, z wielką nioprzespiecznością zdrowia swego. Wiele potem przypadków na tej tam drodze jego w historii czytać będziesz. Zostawił z Zofią Jordanowną kasztolana krakowskiego córką synów dwóch: Alexandra i Samuela, i córkę.

Примѣчанія.

¹⁾ „Запорожскіе молодцы“ — обычное названіе пленныхъ козаковъ въ эпоху Стефана Баторія. Выше (стр. 15, прим. 1) мы указали, что король Стефанъ свои посланія къ нимъ подписывалъ: „Запорожскимъ молодцамъ.“

²⁾ Мы видѣли (стр. 81, прим.), что въ эпоху Баторія каждый начальникъ вооруженнаго отряда назывался гетманомъ. Также точно называли запорожскіе козаки и своего предводителя до времени Хмельницкаго, когда запорожскій гетманъ сдѣлался обладателемъ военной и гражданской власти въ цѣлой странѣ, а на Запорожьѣ мѣсто его занялъ кошевой атаманъ т. е. буквально: начальникъ лагеря.

³⁾ Запорожскіе козаки торговали своими услугами. Поэтому послать имъ подарки и деньги значило расположить ихъ въ свою пользу, привалочъ ихъ на свою сторону.

⁴⁾ Значеніе этой фразы мы объяснили выше на стр. 90—93.

⁵⁾ Гайдуками (отъ венгерскаго слова *had* = воина, *hadi* = военный) называли въ Венгріи легко вооруженныхъ пѣхотинцевъ, служившихъ при дворахъ венгерскихъ магнатовъ. Набирались они изъ разныхъ бродягъ венгерскаго и юго-славянскаго происхожденія преимущественно для веденія войнъ съ турками. Еще при Сигизмундѣ-Августѣ польское правительство и отдѣльные паны охотно нанимали гайдуковъ на свою службу. Со времени Баторія, когда сношенія съ Венгріей участились, это обыкновеніе еще болѣе распространилось. Гайдуки сражались въ 1579 г. подъ Полоцкомъ и въ 1580 г. подъ Великими Луками въ рядахъ королевскихъ войскъ. По цвѣту одежды ихъ называли: черные гайдуки, голубые гайдуки. Удалые разгульные гайдуки положили начало особому

стремительному танцу, посвященному ихъ имя: гайдукъ. Древнѣйшимъ мелодіа его записана въ 1541 г. О немъ упоминаетъ Клеповичъ въ „Роксоланіа“ (1584 г.): „Vidimus Hoceduos celeres plausissime choreas“ (ст. 621). Подробности см. у Гюгера: *Encyklop. starop. illustr.* Т. II, 1901, стр. 230, в. v.

9) Weiadł na gzekę Dnięrg—сокращенное выраженіе вмѣсто того, чтобы сказать: посадилъ своихъ людей въ лодки и поплылъ по Днѣпру.

1) Пограничнымъ старостой, о которомъ идетъ рѣчь, могъ быть только или князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, въ ту минуту каштелянъ кievскій, староста любецкій, или сынъ его князь Александръ Михайловичъ, только что принявшій отъ отца, съ разрѣшенія короля Стефана отъ 15 сентября 1580 г., староства каневское и черкасское.

2) Путь отъ устья р. Псла къ Путналю—это тотъ обычный путь, которымъ поддерживалось сообщеніе между московскимъ государствомъ и крымскою ордою. См. выше, стр. 11-12.

3) Опять повторяемъ, что пограничнымъ старостой, съ которымъ спсывался (zmówił przez listy) Самуэль Зборовскій, могъ быть только одинъ изъ князей Вишневецкихъ: или отецъ—Михаилъ Александровичъ, или сынъ—Александръ Михайловичъ. Молодой князь Александръ не игралъ еще самостоятельной роли и находился въ полномъ распоряженіи отца.

10) Рѣчь идетъ о крупныхъ и мелкихъ травоядныхъ звѣряхъ, каковы: дикія лошади, туры, зубры, лоси, олени, лани, сугаки, дикія козы и т. д.

11) „Рѣчными“ или „водными“ называли козаковъ, промышлявшихъ на мелкихъ притокахъ Днѣпра въ отличіе отъ днѣпровскихъ и запорожскихъ, промышлявшихъ на самомъ Днѣпрѣ и за его Порогами. Конечно, это названіе несколько не обозначало какого то строго опредѣленнаго, специальнаго разряда козаковъ, и „рѣчной“ или „водный“ козакъ 1581 года могъ стать въ слѣдующемъ 1582 году уже днѣпровскимъ или запорожскимъ. Ср. выше, стр. 15, примѣч. 1.

12) О перетаскиваніи челновъ съ помощью канатовъ черезъ Пороги были приведены выше извѣстія Іоакима Вѣльскаго и Орышовакаго. См. стр. 269.

¹³⁾ Урочище Таволжанское, иначе островъ Таволжанскій, ниже Вудиловскаго или Таволжанскаго порога противъ с. Августиновки Екатеринославскаго уѣзда, получившій названіе отъ обильно прорывавшей его красной лозы — таволги. См. выше, стр. 116, прим. 1.

¹⁴⁾ Козаки знали, какъ стремился Стефанъ Ваторій потребить ихъ (см. выше, стр. 31), и боялись, не является ли Самуилъ Зборовскій исполнителемъ королевскихъ намѣреній.

¹⁵⁾ См. выше, стр. 28, прим. 8, и стр. 269.

¹⁶⁾ Коня Зборовскаго дошли вслѣдствіе того, что, не имѣя юдножнаго корма, истребленнаго саранчей, они вмѣсто него покерали самое саранчу, которая отравляла ихъ и вызывала падежь. Люди пухли, вѣрнѣе, отъ смрада, издаваемого саранчей. Большею подробнымъ свѣдѣніемъ о саранчѣ въ южно-русокихъ степяхъ сообщалъ съ лишкомъ семьдесятъ лѣтъ спустя извѣстный Вольфъ. См. Мемуары, относ. къ ист. южной Русм. Вып. II. К. 1890, стр. 300—303.

¹⁷⁾ Подъ неприятелемъ, котораго намѣревался громить Зборовскій, слѣдуетъ разумѣть московское государство.

¹⁸⁾ Запорожцы не позабыли еще, что палица съ головкой (булава) была первоначально оружіемъ (вгои) и только съ теченіемъ времени, переходя отъ одного гетмана къ другому, утратила значеніе оружія и сдѣлалась исключительно эмблемой гетманской власти.

¹⁹⁾ Г. Путняль лежитъ не „и Раклу гзекі“, а на р. Сеймѣ, но недалеко отъ него р. Псіоль имѣетъ свои истоки въ Корочанскомъ уѣздѣ Курской губерніи. Зборовскій надѣялся дожидаться здѣсь прихода князя Михаила Александровича Вишневецкаго съ его соратниками, но тщетно; недождавшись, онъ возвратился въ Запорожье. Описаніе похода кн. М. А. Вишневецкаго на Сѣверщину въ 1581 году приведено нами выше, стр. 251—254.

²⁰⁾ Крымскій ханъ Мухаммедъ-Герай II Жирный (1577—1584) обѣщаль Самуилу Зборовскому выхлопотать для него у турецкаго султана „хоругвь“ на молдавскую землю т. е. право занять молдавскій престолъ. Высшимъ знакомъ передачи этого права была присылка султаномъ новому господарю знамени.

²¹⁾ Султанъ Мюрадъ III, по мнѣнію козаковъ, долженъ былъ отнестись благосклонно къ ходатайству хана за Зборовскаго, ибо ханъ помагалъ ему въ войнѣ съ Персіей, гдѣ погибъ и ханскій

братъ, калга Адиль-Герай, взятый въ плѣнъ и убитый персїянами за его любовную интригу съ сестрою и женою персидскаго шаха. См. Смирновъ, Крымское Ханство и пр. Спб. 1887, стр. 438. Въ Польшѣ очень интересовались войною между Турціей и Персїей и въ тотъ годъ, когда Самуиль Зборовскій искалъ привлеченій на Запорожьи, издана была брошюра: „Item ex litteris Constantinopoli hoc anno 1581 die 14 Januarij datis, descriptae narrationes de bello Persico, quod a Turcis in Media geritur, et de Armeniis et aliis rebus.“ См. Wierzb. Bibl. pol. V. II, 147, № 1562.

²²⁾ Zrok — франц. rendez-vous, мѣсто свиданія, условленное заранѣе.

²³⁾ *Karajleben* — тоже, что *Torhovistia*, урочище при впадении р. Конской въ Днѣпръ. Въ *Descrip. vet. et novae Polon.* 1585 г. читаемъ: „*Torhovistia* significat nostra lingua nundinationes, eo quod ibi negotiatorum emporium nobile admodum fuit, dum starent res Russorum et Graecorum.“ — „*Tismienica* flu. ad *Torhovistiam* in *Borysthenein* sese infundens.“

²⁴⁾ Самуиль Зборовскій, не надѣясь достигнуть, по ханскому ходатайству, молдавскаго господарскаго стола, хотѣлъ по крайней мѣрѣ добиться отъ хана помощи для похода противъ Москвы.

²⁵⁾ Мусташикъ — названіе татарскаго должностнаго лица.

²⁶⁾ Картамликъ — тоже, что Чертомлыкъ, мелкій притокъ р. Днѣпра съ правой стороны и островъ на р. Днѣпрѣ противъ него.

²⁷⁾ Выше (стр. 72, прим.) мы говорили о значеніи слова *rogisnik*.

²⁸⁾ Казнимаго крѣпко подпоясывали, насыпали за пазуху рубахи песку и топили въ рѣкѣ. Этой казни былъ подвергнутъ королевскій гонецъ Георгій Глембоцкій весной 1585 г. См. выше, стр. 112 — 113.

²⁹⁾ Это тоже картина, которую рисуетъ Самуиль Величко полторасти лѣтъ спустя, когда говоритъ о запорожцахъ, что они „тѣшились непрестанными арматными и мушкетными громами, весело гуляли и подпивали.“

³⁰⁾ Персидскій посоль заочливо подемѣивается надъ ханомъ, что если они вмѣстѣ съ турецкимъ султаномъ появятся въ Персію, то ихъ постигнетъ таже участь, что выпала на долю Адиль-Герая.

³¹⁾ Это значитъ: такимъ образомъ походъ противъ Москвы съ запорожцами не состоялся, равно и противъ Персіи съ татарами.

²²⁾ Имяне Зборовскаго Злочовъ — нынѣ городъ въ Галиціи.

²³⁾ Не желая разотаться съ мыслью о походѣ противъ Москвы, Зборовскій ухватился за послѣднее средство добыть себѣ вооруженную помощь: потребовалъ исполненія даннаго обѣщанія отъ молдавскаго господаря Петра Хромого.

²⁴⁾ Выше (стр. 93, прим.) мы указали, какіе именно пограничные старосты собрались въ набѣгъ на Сѣверщину съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Вишневецкимъ, тогдашнимъ каштеляномъ кievскимъ, старостою любецкимъ, во главѣ. Это были: сынъ его князь Алоксандръ Михайловичъ, староста каневскій и черкасскій, князь Ярошъ Жижемскій, староста рѣчицкій, и Авраамъ Мышка, староста овруцкій

²⁵⁾ Самуилъ Зборовскій ищетъ прежде всего рыцарской славы, сообразуетъ свои дѣйствія съ общими политическими обстоятельствами Рѣчи-Посполитой, не хочетъ нападать на татаръ, когда король по случаю войны съ Москвою заключилъ съ ними перемиріе, а козаки руководятся только матеріальными выгодами, имѣютъ единую цѣлью дѣятельности — добычу.

²⁶⁾ Такимъ образомъ дѣйствій Зборовскій хотѣлъ снискать для себя милость короля Стефана.

²⁷⁾ Дѣло идетъ о такъ называемой осадочной соли.

²⁸⁾ Слово *жито* употреблено здѣсь въ старославянскомъ смыслѣ — пищи, продовольствія; поговорка значитъ: пока есть пища, дотола длится и жизнь.

²⁹⁾ „Языкомъ“ называли плѣннаго, который могъ рассказать, что дѣлается у непріятели.

³⁰⁾ О мѣстоположеніи Хасланъ-городка и князь Богданъ Ружанскомъ см. выше стр. 34, прим. 1, и стр. 85, прим. 1.

³¹⁾ Такого рода вѣрованіе было очень распространено среди запорожцевъ и въ позднѣйшее время; козаковъ, которымъ приписывалась чудодѣйственная сила, называли „характерниками“

³²⁾ Урочище Пробитое, иначе островъ Пробитый на р. Вугъ, — нанесенъ на карту Украины (Turvis generalis Ucrainae) Воплана, изданную В. Г. Ляскоронскимъ при трудѣ: Гильомъ Левассеръ-де-Вопланъ и проч. Кіевъ, 1901.

³³⁾ На одной изъ картъ Воплана „Ваня Витовта“ (Balneum Witoldi) показана на устьѣ Вуга (см. Ляскоронскій, цит. соч., стр.

31). Въ „древностяхъ“ (antiquitates), на которыя насмотрѣлся Зборовскій, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, видѣть развалины храма Димитры или Матери боговъ на Ипполаевомъ (Станиславскомъ) мысу. Въ подтвержденіе этого соображенія можно привести извѣстіе въ *Descrip. veter. et novae Polon.* 1686 г.: „Balneum Vitovdi. Nunc fons tantum amaeus ubi miles stativa habere et corpus reficere solet. Adrat et Oartorium ibi gentile dirutum.“ Не умѣя опредѣлять происхожденія развалинъ, народная фантазія связала ихъ съ дѣятельностью прославленнаго Витовта и въ остаткахъ греческаго храма увидѣла слѣды „бани“ или „купальни“ (лазні), которую яко-бы выстроилъ для себя Витовтъ на берегу днѣпровско-бугскаго лимана. См. В. Латышева, Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвии въ Ж. М. Н. Пр. 1887 г., стр. 25—29, и его же статью „О мѣстонахожденіи Ипполаева мыса,“ стр. 39.

44) О манерѣ запорожцевъ обкладывать челны тростникомъ подробнѣе распространяется Вошланъ и даетъ рисунокъ челна, такимъ образомъ приспособленнаго. См. Мемуары оти. къ ист. Ю. Руси, К. 1896, Вып. II, стр. 344.

45) Сохраненіе мира съ татарами было чрезвычайно важно для польскаго правительства въ виду того, что война съ Іоанномъ Грознымъ не была еще закончена и всѣ военныя силы Польшы были отвлечены къ Пскову.

46) Козаки не хотѣли оразиться съ турками на водѣ, къ чему увлекалъ ихъ Зборовскій, и настаивали на отступленіи.

47) *Smigownica*, смиговница — огнестрѣльное орудіе, заряжавшееся съ казенной части. Смиговницы обыкновенно возили на телегахъ. Для правильнаго прицѣла ихъ можно было поворачивать на станкѣ вверхъ и внизъ, вправо и влево.

48) По этому обстоятельству можно судить, до чего много дикихъ свиной водилось въ той мѣстности.

49) Мѣстность при впаденіи р. Ингула въ р. Бугъ.

50) Мертвая Вода — притокъ р. Буга съ лѣвой стороны.

51) Кромончуть — островъ на р. Бугѣ между устьемъ Мертвой Воды и островомъ Пробитымъ; нанесенъ на карту Украины Вошлана, изданную В. Г. Ляскоронскимъ.

³²⁾ Кривой—также островъ на р. Бугъ выше по теченію о. Жобитаго; нанесенъ на карты Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ плана, наданныя В. Г. Ляскоронскимъ.

³³⁾ Саварна—нынѣшнее мѣстечко Саврань Балтскаго уѣзда Подольской губерніи при впаденіи р. Савранки въ р. Бугъ. Въ VII вѣкѣ имъ владѣли Конецпольскіе и построенную въ немъ плппомъ крѣпость назвали Новымъ Конецполемъ въ память одного Конецполя въ Сѣрадскомъ воеводствѣ. Это названіе скоро было.

³⁴⁾ Среди степей не было недостатка въ костяхъ павшихъ жреѣй. Вспомнимъ слова Мартина Броневскаго: „In campis ingen-
s ossium aservi reperiantur“ (см. выше, стр. 9, прим. 2).

Послѣсловіе.

Выше (на стр. 90—93) мы доказали, что экспедиція Самуила Зборовскаго на Запорожье относится къ 1681 году. Намъ кажется, что въ принятіи этого года для приуроченія экспедиціи не можетъ быть никакихъ колебаній, такъ какъ всѣ подробности разсказа Вартоша Папроцкаго истолковываются удовлетворительно только при предположеніи, что экспедиція происходила лѣтомъ 1681 года. Событія ея выяснятся для насъ еще болѣе полно, если удѣлѣны и будутъ извлечены когда-либо на свѣтъ изъ архивной пыли письма Яна Орышовскаго къ Стефану Ваторію, относящіяся именно къ этому времени (см. выше, стр. 259).

Планъ экспедиціи заключался въ томъ, чтобы съ небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ семидесяти шляхтичей, такъ называемыхъ слугъ, нѣсколькихъ сотенъ гайдуковъ и прислуги, продвинуться на Днѣпръ, соединиться тамъ съ запорожскими козаками и съ ополченіями пограничныхъ старостъ: двухъ князей Вишневецкихъ, отца и сына, князя Яроша Жижемскаго и Авраама Мышки, и затѣмъ общими силами вторгнуться въ предѣлы московскаго государства со стороны Путивля въ то время, когда королевская армія будетъ оперировать противъ Пскова. Была еще надежда, что получится подкрѣпленіе въ количествѣ пятисотъ всадниковъ отъ молдавскаго господара Петра Хромого, который обѣщаль эту помощь Зборовскому подъ условіемъ, что послѣдній не будетъ стремиться свергнуть его и очистить для себя молдавскій престолъ.

И вотъ Зборовскій двинулся въ путь.

Точкой отправленія экспедиціи было его имѣніе Злочовъ, нынѣ городокъ въ Галиціи. На коняхъ дружина Зборовскаго прошла

въ Злочова въ Каневъ на Днѣпрѣ. Въ г. Каневѣ люди сѣли на оджи, а лошадей повели берегомъ. Минули г. Черкасы и устье . Пола, дошли до устья р. Самары и здѣсь нашли дѣсти козаковъ, занимавшихся рыболовствомъ и охотой по р. Самарѣ и снабжавшихъ родовольствіемъ козаковъ, пребывавшихъ за Порогами. Какъ видно, Зборовскій спросилъ Самарскихъ козаковъ, могутъ ли они слѣдовать а нимъ къ Путнялю, и получилъ отвѣтъ, что для рѣшенія этого вопроса ему слѣдуетъ спуститься за Пороги, къ мѣсту пребыванія козацкаго войска. Поплыли далѣе. Остановившись съ лодками у Пороговъ, Зборовскій сдѣлалъ повидимому рекогносцировку вдоль берега, и у Таволжанскаго острова встрѣтилъ отрядъ козаковъ, которые хотѣли вступить съ нимъ въ битву, полагая, что Зборовскій присланъ Баторіемъ истребить ихъ въ собственномъ ихъ нѣздѣ. Послѣ объясненія Зборовскаго, что онъ прибылъ по приглашенію самихъ козаковъ съ цѣлью раздѣлять съ ними военные руды, козаки дали ему восемьдесятъ человекъ изъ своей среды для проведенія черезъ Пороги его лодокъ. Послѣ этого дружина Зборовскаго ночевала на островѣ Хортицѣ въ крѣпостцѣ, оставшейся тамъ со времени князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго. На Хортицѣ Зборовскій засталъ другой отрядъ козаковъ, а также пословъ, которые вызывали его на Запорожье. Отсюда всѣ вмѣстѣ поплыли на островъ Томаковку къ главному мѣстопребыванію козацкаго войска. Между тѣмъ шедшія берегомъ лошади Зборовскаго встрѣтились съ движущейся саранчой и болѣе трехъ сотъ изъ нихъ пали, отравившись саранчею, которую они сѣли вмѣстѣ съ травю.

На Томаковкѣ Зборовскій засталъ большое сборище козаковъ, повидимому, тысячъ до трехъ. Здѣсь собрался войсковою кругъ, на которомъ Зборовскій провозглашенъ былъ запорожскимъ гетманомъ. При этомъ въ знакъ облеченія его гетманскою властью ему передана была булава, которую носили прежніе запорожскіе гетманы, какъ эмблему своего сана. Вслѣдъ затѣмъ послѣ взаимныхъ прѣтотвій козаковъ и вновь избраннаго гетмана рѣшенъ былъ совмѣстный походъ козацкаго войска и дружины Зборовскаго подъ Путняль. Тамъ Зборовскій долго ждалъ прихода князя Михаила Александровича Вишневецкаго, чтобы, соединившись съ нимъ, вторгнуться въ предѣлы московскаго государства, но не

дождался и, не рѣшившись предпринять набѣгъ съ наличными силами, возвратился обратно на Запорожье. Еще во время похода къ Путивлю запорожцы притаивали къ Зборовскому, чтобы онъ имъ объяснилъ, какія еще предпріятія можетъ онъ имъ предложить. Онъ признался, что царь перекопскій Мухаммедъ-Герая II обѣщаетъ ему выхлопотать у турецкаго султана молдавскій престолъ и что вслѣдствіе этого можетъ предстоять набѣгъ въ Молдавію. По возвращеніи на Запорожье козаки настояли, чтобы Зборовскій отправилъ къ перекопскому царю пословъ, которые знали бы на переговоры уполномоченныхъ со стороны царя. Мѣстомъ переговоровъ назначено было урочище Караитебенъ или Торговище. Ханскіе послы доставили Зборовскому въ подарокъ отъ Мухаммедъ-Герая II двѣнадцать скакуновъ въ нарядной сбруѣ и три одежды изъ золотоглава, и просили, чтобы онъ спокойно ждалъ на Днѣпрѣ, пока ханъ выхлопочетъ ему молдавскій престолъ. Зборовскій въ свою очередь просилъ хана прислать ему подкрѣпленію для похода противъ Москвы. Царь перекопскій согласился было на это и приказалъ уже татарскому отряду изготovitъся въ путь, но въ это время получилъ отъ турецкаго султана приказаніе отправиться въ Персію на помощь воювавшимъ тамъ гуркамъ. О такой перемѣнѣ обстоятельствъ ханъ извѣстилъ Зборовскаго.

Послѣ этого, не желая отказаться отъ похода на Москву, Зборовскій началъ хлопотать, чтобы ханъ прислалъ къ нему на помощь Бакаю съ его ордой (см. выше, стр. 196). За это онъ предлагалъ хану сопутствовать ему въ Персію. Когда Зборовскій сообщилъ козакамъ о сдѣланномъ имъ хану предложеніи, то послѣдніе раздѣлились на двѣ партіи: согласныхъ идти въ Персію съ татарами и несогласныхъ, причемъ ночью между ними произошло такое смятеніе, что Зборовскій чуть не заплатилъ жизнью и только съ большимъ трудомъ послѣ долгихъ переговоровъ ихъ успокоилъ. Тѣмъ не менѣе козаки настояли на томъ, что Зборовскій не двинулся въ Персію. При этомъ выяснилось, что ханъ хотѣлъ воспользоваться добровольнымъ прибытіемъ Зборовскаго чтобы сдѣлать его плѣнникомъ, а всѣхъ его спутниковъ посадитъ на пали. Зборовскій порывался отомстить хану за вѣроломныя

намѣренія, но козаки ему отсоветовали. Тѣмъ временемъ ханъ съ ардою ушелъ въ Персію.

Не получивъ помощи отъ татаръ и не желая разстаться съ мыслью о набѣгѣ въ московскіе предѣлы, Зборовскій послалъ одного шляхтича изъ своихъ слугъ и уполномоченнаго отъ козаковъ къ молдавскому господарю Петру Хрому требовать отъ него, чтобы тотъ прислалъ для участія въ московскомъ походѣ пятьсотъ обѣщанныхъ всадниковъ. Въ ожиданіи возвращенія послонъ козаки нѣсколько разъ порывались напасть на татаръ, но Зборовскій не допускалъ ихъ до этого, чтобы не нарушать перемирія, заключеннаго между Польшею и Крымомъ въ виду московскихъ войнъ. Когда возвращеніе послонъ, отправленныхъ къ молдавскому господарю, затянулось на нѣсколько едѣль, Зборовскій, чтобы запячь козаковъ, двинулся съ ними къ днѣпровскому лиману. Въ устьи Днѣпра войско Зборовскаго застало двѣ турецкихъ галеры и десять тысячъ татаръ на берегу. Зборовскій хотѣлъ сразиться съ татарами, но они отъ него убѣжали. Тогда онъ рѣшился не отвлекаться отъ молдавскаго похода, гнѣваясь на господаря за продолжительное задержаніе послонъ. Въ это время получилось свѣдѣніе отъ бѣглыхъ невольниковъ, что въ Крыму осталось очень мало татаръ. Козаки хотѣли ворваться въ полуостровъ, чтобы воспользоваться богатою добычею, на которую можно было рассчитывать; но Зборовскій не позволилъ имъ этого, чтобы нарушеніемъ перемирія не создать затрудненій Рѣчи-Посполитой. Онъ сохранилъ намѣреніе продолжать путь въ Молдавію.

Тутъ опять пришло извѣстіе, что татарское скопище расположилось въ Хасланъ-городкѣ. Зборовскій рѣшилъ подойти къ этой крѣпости, чтобы развѣдать о татарскихъ сплахъ. Козаки по обыкновенію порывались сразиться съ татарами, но Зборовскій и на этотъ разъ не допустилъ ихъ до нарушенія перемирія.

Тѣмъ временемъ козаки обложили челны тростникомъ, чтобы они лучше держались на водѣ, и все войско поплыло далѣе къ морю. Выйдя изъ лимана, козаки Зборовскаго подошли къ островамъ (на *wuzru morskie*), расположеннымъ вдоль берега по пути къ Крыму (о. Теандра и др.), и охотились здѣсь на дикихъ звѣрей. Направляясь обратно къ устью р. Буга, чтобы оттуда слѣдовать въ Молдавію, въ семи миляхъ отъ него, лодочная флотилія Збо-

ровскаго встрѣтила турецкій флотъ изъ девяти большихъ галеръ и нѣсколькихъ ботовъ. Произошло морское сраженіе. Турки палили бомбами по козацкимъ лодкамъ, дѣлали въ нихъ пробоины и навели на козаковъ такой страхъ, что козаки поскорѣе причапли къ близкому по счастью берегу, выскочили изъ лодокъ и съ суши отвѣчали на огонь турокъ. Зборовскій подавалъ примѣръ мѣткой стрѣльбы. Между тѣмъ турки отрядили двѣ галеры къ устью р. Буга, чтобы переправить съ крымскаго берега татаръ, которые должны были напасть на козаковъ съ суши. Нѣкоторые козаки, испугавшись такого оборота дѣла, стали выгружать изъ лодокъ продовольствіе и пустились въ бѣгство. Турки, замѣтивъ смятеніе среди людей Зборовскаго, пересѣли въ шлюпки и бросились на берегъ, чтобы при удобномъ случаѣ разгромить козаковъ. Зборовскій съ помощью своихъ слугъ далъ туркамъ дружный отпоръ и этимъ настолько подбодрилъ козаковъ, что они также кинулись отражать непріятеля. Турки, увидѣвъ, что имъ приходится плохо, и потерявъ своего предводителя, поспѣшили вернуться на галеры. Послѣ этого и войско Зборовскаго стало удаляться отъ моря. Стычка съ спѣшившими на помощь туркамъ татарамъ обошлась для него благополучно. Тутъ на помощь отступавшимъ пришла спустившаяся на землю ночь. На другой день козаки возвратились къ покинутымъ челнамъ, изъ коихъ уцѣлѣло только восемь; остальные были ни къ чему не годны. Нѣкоторые козаки влѣзли въ нихъ, чтобы плыть, но поднявшійся внезапно вѣтеръ занесъ ихъ на татарскій берегъ и они были взяты въ плѣнъ.

Зборовскій съ остатками своего войска двинулся сухимъ путемъ къ устью р. Буга и только раненыхъ козаковъ возли на лодкѣ. Татары преслѣдовали его по пятамъ, а турки, плывя вдоль берега, наблюдали за нимъ съ галеръ. Но какъ татары, такъ и турки не возобновили нападенія. Тѣмъ временемъ Зборовскій быстро двигался впередъ, не смотря на голодъ, отъ котораго всѣ ужасно страдали. Продовольствіе погибло на лодкахъ, затопленныхъ турецкими бомбами, а рыбы нельзя было наловить, такъ какъ въ тѣхъ же лодкахъ остались и рыболовные снасти.

Накопецъ прибыли къ устью р. Ингула.

Тамъ повстрѣчали козаковъ, бѣжавшихъ съ морскаго берега въ началѣ битвы; у нихъ нашлось немного сѣветныхъ припасовъ,

которыми всё и подкрѣпились. Вскорѣ встрѣтили табунъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лошадей, посланныхъ Зборовскимъ къ устью Буга степью, когда самъ онъ съ дружиной и съ козаками отправлялся на лодкахъ. Лошадей зарѣзали и съѣли; но этого было мало для войска, достигавшаго двухъ съ половиною тысячъ. Оставивъ козаконъ на р. Ингуль, Зборовскій въ сопровожденіи одиннадцати воедниковъ поѣхалъ вверхъ по р. Бугу разыскивать молдаванъ, которые должны были пріѣхать отъ господара Петра для переговоровъ съ нимъ. На островѣ Пробитомъ на р. Бугѣ онъ не засталъ ихъ, но отъ пойманныхъ турецкихъ рыболововъ узналъ, что молдаване находятся у устья р. Мертвой Воды. Здѣсь онъ опять такъ не захватилъ ихъ, равно какъ и на островѣ Кременчутъ, куда на всякій случай заглянулъ. Тогда онъ возвратился на о. Пробитый и нашелъ тамъ записку отъ людей своего разѣзда, высланнаго еще до охоты на морскихъ островахъ и до морской битвы съ турками на встрѣчу ожидаемымъ молдавскимъ посламъ; въ ней они извѣщали Зборовскаго, что ихъ слѣдуетъ искать на островѣ Кривомъ на р. Бугѣ. Онъ отправился на о. Кривой и дѣйствительно засталъ тамъ свой разѣздъ. Во время всѣхъ этихъ поисковъ Зборовскій и его спутники питались только желудями; можно себя представить, съ какимъ удовольствіемъ поѣли они рыбы, которою ихъ угостили участники разѣзда. Зборовскій хотѣлъ было ударить на молдавскихъ пословъ, но они своевременно провѣдали о его намѣреніяхъ и обратились въ бѣгство. Послѣ этого Зборовскій возвратился къ своему войску и во главѣ его двинулся вверхъ по теченію р. Буга, держа путь на г. Сороку. Но страшная нужда одолѣла войско въ этомъ походѣ; голодали до того, что ѣли рога и копыты павшихъ оленей и кости разныхъ звѣрей, разбросанныя по степямъ. Пришлось отказаться отъ похода въ Молдавію и свернуть къ Саврани, чтобы обратиться въ мѣстности, гдѣ можно было добыть съѣстные припасы отъ мѣстнаго населенія. Такова схема событій экспедиціи Зборовскаго на Запорожье, переданная кратко, съ опущеніемъ многихъ подробностей.

Обращаясь теперь къ тѣмъ чертамъ козацкаго быта, которые разсѣяны на протяженіи всего разсказа Вартоша Папроцкаго, мы должны признать, что онѣ даютъ возможность возстановить весьма полную картину этого быта. Порядки запорожскаго войска явля-

ются въ 1581 году вполне сложившимся. Одни козаки занимаются болѣе рыболовствомъ и охотой, снабжая продовольствіемъ другихъ, посвятившихъ себя преимущественно военному дѣлу. Козацкія скопища можно найти и по р. Самарѣ, и на Таволжанскомъ островѣ и на о. Хортицѣ, но главнымъ мѣстопробываніемъ козакаго войска служить обширный островъ Томаковка. Выраженіемъ коллективной воли всего войска является войсковой кругъ, который избираетъ гетмана для предводительства въ походахъ и вручаетъ ему въ знакъ облеченія его властью булаву, какъ эмблему носимаго имъ сана. Цѣлью своей дѣятельности козани ставили приобрѣтеніе „добычи,“ какъ средства удовлетворить ежедневнымъ потребностямъ существованія. Вся философія ихъ быта выражалась въ поговоркѣ: „поки жыта, поты быта“ т. е. пока есть пища, дотолѣ длится и жизнь; поэтому крайне дикими представлялись имъ рѣчи Зборовскаго о рыцарской славѣ, о пользѣ отечества, о соблюденіи перемпрія, заключеннаго королемъ съ татарами. Козаки представляли себѣ дѣло такъ, что всѣ вопросы сводятся къ матеріальной выгодѣ: они идутъ воевать за того, кто имъ дѣлаетъ подарки и платитъ деньги, или нападаютъ по собственному побужденію на тѣхъ, отъ кого можно ожидать наиболѣе богатой добычи. Самыми обычными и любимыми предпріятіями козаковъ были набѣги на Крымъ и на Молдавію. У татарокихъ скотоводовъ имъ всегда удавалось отбивать огромныя стада овецъ и лошадей, а въ домахъ молдавскихъ бояръ они зачастую находили много цѣнныхъ предметовъ восточной роскоши. Для крымскихъ набѣговъ у нихъ наготовѣ были челны, которые для приданія имъ большей устойчивости обкладывались тростникомъ, если имѣлось въ виду выйти изъ Днѣпра въ лиманъ или въ открытое море. Въ молдавскіе походы они отправлялись пѣшкомъ, имѣя при себѣ возы для продовольствія и военныхъ запасовъ. Съ провинившимися чѣмъ либо въ глазахъ козаковъ расправа была очень короткая: казнимаго туго опоясывали, насыпали ему за пазуху рубахи нѣсколько пудовъ песку и бросали въ воду. Всѣ вопросы вышаго порядка, религіозные, политическіе и національные, — были совершенно чужды тогдашнимъ козакамъ. Каждый могъ пріютиться среди нихъ, какой бы онъ ни былъ вѣры и народности, изъ какого государства ни происходилъ бы, если только онъ имѣлъ достаточно выносливости

и мужества для преодоленія тѣхъ трудовъ и опасностей, какіе всегда и вездѣ выпадаютъ на долю обитателей такихъ пустынныхъ степныхъ пространствъ на рубежѣ двухъ культуръ, какими были наши южнорусскія степи, прерія сѣверной Америки или пампы Арауканіи. Въ разсказѣ Вартоша Папроцкаго, напечатанномъ три года спустя послѣ того, какъ состоялась экспедиція Зборовскаго, мы имѣемъ въ краткомъ видѣ всѣ тѣ свѣдѣнія о запорожцахъ, которыя такъ любятъ излагать съ излишней растянутостью неумѣренныя поклонники запорожской старины вслѣдъ за Эрикомъ Лассотой и перехваленнымъ Вопланомъ.

Изъ старинной переписки.¹⁾

I.

Письмо киевскаго епископа Иосифа Верещинскаго къ камерлеру Яну Замойскому изъ Фастова (Новаго Верещина) отъ 29 августа нов. ст. 1593 года.

Адресъ: Яśnie Wielmożnemu a memu Miłosciwemu Panu a Panu Janowi Zamoyskiemu z Zamoscia Canclerzowi i Hetmanowi Coronnemu Belskiemu, Malborskiemu, Derpskiemu, Kniszynskiemu, Miedzyrzeckiemu, Grodeckiemu, Jaworowskiemu etc. etc. Stárostcie do rąk Jego M. własnych należy.

Яśnie wielmożny a miłosciwy Pánie Hetmanie a Pánie moy miłosciwy.

Унизоу powolność służb moich zalecam do łaski W. M. mego miłosciwego Pána a dobrodzieia z uprzejmą wszego dobra życliwością etc.

Zascie²⁾ to, ktore się wznieciło było miedzy Kozakami Zaporoskimi a Jego M. Panem Stárostą Czerkáskiem³⁾, z łaski Pańskiej iuż się usmierziło, y przisięга się z obu stron obstringowało, za temi condi-

¹⁾ Издаваемые ниже письма списаны нами съ оригиналовъ, хранящихся въ библиотекѣ гр. Замойскихъ въ Варшавѣ, съ любезнаго разрѣшенія библиотекаря г. Корзона, которому приносимъ за это искреннюю благодарность.

²⁾ *Zajście*—столкновение, споръ, ссора, свалка.

³⁾ Пашъ староста черкасскій—князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій, умершій въ слѣдующемъ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же 1593 года. См. выше, стр. 219.

ciami, że borosna¹⁾), czolny y konie kozackie ma J. M. Pan Starosta Czerkaaski powracać, a co napierwsza pokoy wieczny z obudwu stron niemá być poruszon, A o smierć niebożczyká Kosinskiego, Szalewskiego, Sniatowskiego y inszyoh, na to práwo wolne krewnym y powinnym iest ich zostáwiono. Co się zaś dotocyє majetnosci po zmártych towarziszach kozeckich, urzędniocy J. M. tak Podstároscie iáko też y Horodniocy nie máią loh na J. M. Paná Stárostę Czerkáskiego bráć²⁾), ale według przyrodzonego práwá na żony, dzieoi, y na powinne ich przychodzić y spadać máią. Kozacy kiedyszbykolwiek z Nizu do Starostw Jego M. przychodzili, máią mieć wolny przychod y odchod, wszakże ci ktorzi przychodzić będą, máią między sobá stárszego obráć, który by z nich sprawiedliwosć z występku ich czynió miał³⁾). Ku temu też ci wszyscy Kozacy, ktorzi przez ten wszystek czas, iáko się te burdy toczyły, przy J. M. X. Wisnieweckim etc. iáko też przy Woysku J. M. byli, tym wszystkim przychod y odchod wolny, iáko tu, też za Porohy do woyska Kozúckiego, kto by ieno chciał, zachowáć powinni będą,

---

¹⁾ Вогосна — имен. мн. отъ борошно — мука. Изъ приводимаго ниже свидетельства Бартоша Верещинскаго мы увидимъ, что запорожскіе козакѣ возили къ себѣ муку съ бочками. Это самое слово въ полногласной формѣ: борошно употреблялось еще въ древнерусскихъ памятникахъ съ значеніемъ *мушое гуннаме, sibus e farina confectas*: Ворошна (датя) колько могоугъ язъяти. Р. Прав. Яр. по Ак. сп. См. Срезн. Матер. и пр. т. I. столб. 154—155. Церковнослав. форма брашно — яства, пища, кушанье, мука.

²⁾ Обычай отбирать въ пользу черкаскаго старосты выморочное козацкое имущество шель, какъ мы знаемъ, изъ очень давняго времени. Онъ установленъ уже въ документѣ 1503 года: „того обычай есмь, тыи отумерлые речя, хто ближнего не маєть, приходять на намѣстника Черкаскаго!“ См. выше, стр. 150. Вѣроятно, съ теченіемъ времени чиновники старосты, подстаросты и городничіе, стали злоупотреблять этимъ обычаемъ и отбирали имущество не только послѣ смерти безродныхъ козаковъ, но и такихъ, которые имѣли законныхъ наследниковъ. Козаки хотѣли добиться уничтоженія этой несправедливости.

³⁾ Учрежденіе особаго суда для козаковъ, гостившихъ въ заселенныхъ мѣстностяхъ, коренился въ томъ старинномъ воззрѣніи, по которому каждая группа людей, связанныхъ общностью занятій, могла имѣть свое обычное право и свой органъ суда. Отсюда въ Старой Польнѣ особня права и суды для мельниковъ, судоходцевъ, бортиковъ и пр. Обеспеченіе судомъ гостившихъ козаковъ являлся повтореніемъ мѣры 1572 г. См. выше, стр. 79—80.

bez wszelakiego urągania ani pomst śadnych nąd niemi pokázowania. Jesliby też na potym który towarzysz z Woyská Zaporoskiego co swoiego w kogo poznał w starostwach J. M., takiemu kasdemu wolno práwó ná to záchowano.

Aczoi dobrze było, aby Ukraina była ich prośna, lecz iż ós czas niepotemu, ktemu y sily z nieiakiey niebyło, a co było naniebespieczonszego, że Cár Prekopski znowu pochuohywa swey sławy w Páństwach Krola Páná naszego poprówowác, do czego się podstępnie y Turek barzo przinieszywa, przeto, condonuiąc *tempori*, musiało do takowiego iednánia z nimi przisć. A też złe niuciece, bo iesli Kozacy są wywołáncami¹⁾ y na Stárosty Ukráinne sroga iáka pená²⁾ iest ná Seymie uchwalóná, áby nad nimi excoquicia była exequowana, tedy to y ná potym może byó, a nie teraz, poniewasz teraz iż słow Páwła S. używáó będą: *Dies mali sunt*. Co ia waszystko dobremu baczeniu Páná y dobrodzieia mego, ktoemu to przináleży o tym więcéj discursowác, na wolá podaię. A s tym się milosciwey lásce W. M. mego milosciwego Páná pilnie zalecam, z ktorey proszę, proszę ábych niebył opuszczon y do koncá. Datum z Nowego Wereszczyná 29 Augusti Anno Domini 1593. Jasnie Wielmoznego a mego Milosciwego Pana wszego dobrego zyczliwy przyaciel y nanisky słužka Josephus Wereszczynski Dei Gratia Nominatus Episcopus Kyowiensis Abbasque Sieciechowien-sis manu sua.

Citto, citto, citto.

. . . . .

Исторія съ Косинокимъ, объ исходѣ которой идетъ здѣсь рѣчь, заключалась, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ источникамъ, въ слѣдующемъ: Косинокій еще въ 1586 г. проживалъ на Запорожьѣ и былъ однимъ изъ видныхъ представителей запорожскаго козацкаго войска (см. выше, стр. 115). Судя по имени „Крыштофъ“ и по тому, что онъ подписывался польскими буквами, можно думать, что онъ былъ чистокровнымъ полякомъ.

1) *Wywołaniec*—присужденный къ изгнанію, къ ссылке.

2) *Pená* отъ латин. *pena*—пеня, денежный штрафъ, нѣм. *Goldbusse*, *Geldstrafe*.

Іоакимъ Бѣльскій родиною его называетъ Подлясье.¹⁾ На шляхетское достоинство его, равно какъ и его сотоварищей Шалевскаго и Снятовскаго, указываетъ предоставленіе ихъ родственникамъ и свойственникамъ права мочать съ князя Вишневецкаго вознагражденія за ихъ смерть. Въ 1590 г. по протекціи канцлера Замойскаго Косинскому пожалована была „пустыня“ Ракитно (ниже Бѣлоу Церквѣ по теченію р. Роси), но онъ не захотѣлъ удерживать ее въ своемъ владѣніи, а уступилъ князьямъ Вишневецкимъ (Zg. dz. t. XXII, 1897, str. 120). Мы знаемъ, что казаки постоянно продавали свои услуги польскому правительству, претендентамъ на молдавскій престолъ и даже частнымъ лицамъ, которыя къ нимъ обращались, какъ мы видѣли на примѣрѣ Самуила Зборовскаго. Вѣроятно, Крыштофъ Косинскій съ полкомъ запорожцевъ въ силу универсала Сигизмунда III отъ 25 іюля н. ст. 1590 г. былъ нанятъ на королевскую службу снятынскимъ старостой Николаемъ Яловецкимъ. Въ 1591 г. уплата жалованья казакамъ назначена была на день св. Іоанна Предтечи (24 іюня). Мѣстомъ ихъ стоянки въ это время было мѣстечко Пиковъ нынѣшняго вишицкаго уѣзда. Снятынскій староста почему-то оттягивалъ расчетъ. Пришедшіе въ нетерпѣніе казаки послали своихъ выборныхъ потребовать отъ Яловецкаго скорѣйшей уплаты жалованья. Но и это не подвинуло дѣла. Въ августъ мѣсяцъ казаки, разсердившись, писали уже своимъ уполномоченнымъ, что они не желаютъ ждать долѣе слѣдующихъ денегъ: обѣщали же намъ уплатить жалованье на святого Іоанна, а теперь уже осень; такъ протянуть пожалуй и до зимы. Это денежное недоразумѣніе послужило, вѣроятно, поводомъ къ тому, что осенью того же 1591 года Косинскій собралъ большую шаюку запорожскихъ казаковъ и разнаго сброда, съ которою предпринялъ цѣлый рядъ разбойничьихъ нападеній на города, замки, мѣстечки, шляхетскіе дворы и имѣнія, вездѣ производя грабежи, пожары и убійства. Однимъ изъ первыхъ пострадалъ отъ него (29 декабря н. ст.) проживающій въ Бѣлоу Церквѣ бѣлоцерковскій

---

¹⁾ Подлясье—область, занимавшая части нынѣшнихъ губерній Сувалской, Гродненской и Сѣдлецкой. Здѣсь жила цѣлыми поселками такъ называемая загородная шляхта, изъ которой, вѣроятно, и происходилъ Косинскій. См. Gloger, Geografia historyczna ziem dawnej Polski, 1900, str. 201—211.

подстароста князь Дмитрій Курцевичъ-Булыга; не только заграблена была вся его движимость, но была похищена и шкатулка съ деньгами, драгоценностями и бумагами, среди которыхъ находились порученные ему документы князей Острожскихъ, Константина и Януша. Такъ какъ князья Острожскіе были самыми богатыми на помѣстья владѣльцами всей пограничной со степями области, то они и страдали сильнѣе всего отъ безчинствъ Косинскаго. Но прошло болѣе года, прежде чѣмъ князю Константину Константиновичу Острожскому удалось собрать достаточно сильное ополченіе изъ мѣстной шляхты и изъ наемныхъ войскъ для прекращенія набѣговъ Косинскаго. Въ концѣ января 1593 года ополченіе кн. Острожскаго нагнало шайку Косинскаго въ мѣстечкѣ Пяткѣ (недалекѣ отъ нынѣшней желѣзнодорожной станціи Демчинь). Здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ погибло болѣе двухъ тысячъ козаковъ. Очевидцы утверждали, что даже въ битвѣ подъ Вычной между войсками канцлера Замойскаго и Максимилиана австрійскаго не было навалено столько труповъ, какъ подъ Пяткой. Потери ополченія князя Острожскаго были такъ ничтожны, что не достигали и десятка душъ. Трупы все были козацкіе. Послѣ такого погрома Косинскій три раза падалъ на колѣни передъ княземъ Острожскимъ и его сыновьями, проса прощенія и пощады. Князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій явился заступникомъ козаковъ передъ кн. Острожскими и подъ его вліяніемъ маститый князь Константинъ Константиновичъ согласился простить Косинскаго и его товарищей съ тѣмъ, чтобы козаки никогда не избирали Косинскаго своимъ гетманомъ; чтобы они не шатались по пограничнымъ городамъ и селамъ, а скромно сидѣли на „звыклыхъ“ (обычныхъ) мѣстахъ за Порогами; чтобы они выдали „слугъ“¹⁾ бѣжавшихъ къ нимъ какъ отъ князей Острожскихъ, такъ и отъ пріятелей ихъ княжескаго дома; чтобы они возвратили огнестрѣльное оружіе, захваченное въ замкахъ, а также хоругви, лошадей, рогатый скотъ и всякую движимость, какія были ими заграблены во время набѣдовъ; чтобы они отпустили на волю плѣнную „че-

---

¹⁾ Слугами назывались лица, преимущественно изъ шляхты, которые принимались добровольно на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго могли свободно переимѣнить господина.

жиды¹⁾ обоюго пола, которую при себѣ удерживаютъ; чтобы они подчинялись власти князя Острожскаго и другихъ пограничныхъ князей. Косинскій и козаки присягнули, что они свято исполнить всѣ перечисленные обязательства. Событіе это произошло 1/11 февраля 1593 года, въ канунъ Срѣтенія.

Тѣмъ не менѣе присяга не надолго обуздала Косинскаго. Весною 1593 г. онъ собралъ уже вокругъ себя болѣе двухъ тысячъ козацкаго войска и вновь принялся за свои разбойничьи набѣги. По выраженію князя Александра Михайловича Вишневецкаго, онъ хотѣлъ вверхъ дномъ перевернуть все пограничье („do gruntu wkwisłtko rogtanicze wuwłóció“) и вырѣзать всѣхъ тамошнихъ владѣльцевъ. Онъ стремился еще къ тому, чтобы вмѣстѣ съ турецкими и татарскими войсками опустошить области польскаго королевства и подчинить его басурманамъ. Сносился онъ и съ царемъ московскимъ, принималъ присягу на подданство ему и также обѣщалъ покорить его власти все пограничье на сто миль въ окружности. Московскій царь Феодоръ Ивановичъ въ письмѣ своемъ къ козакамъ называлъ себя государемъ Запорожскимъ, Черкасскимъ и Низовскимъ, и послалъ имъ за Пороги въ подарокъ суконъ и денегъ. Въ маѣ мѣсяцѣ скопище Косинскаго подошло изъ г. Черкаска съ значительной артиллеріей. Козаки стрѣляли изъ пушекъ по замку и по посаду, и убили немало людей. Они намѣревались ночью, по своему обыкновенію, произвести штурмъ замка и посада съ горящими головнями въ рукахъ, предать все огню и вырѣзать гарнизонъ и жителей. Не допуская до этого, черкасскій староста князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій одѣлалъ вылазку и самъ напалъ на войско Косинскаго. Въ происшедшей битвѣ Косинскій, Шалевскій, Снятовскій и другіе козацкіе старшины были убиты, скопище разсѣяно, оставшіеся въ живыхъ козаки убѣжали на Запорожье. Князь Александръ Михайловичъ въ письмѣ отъ 23 мая просилъ у канцлера Яна Замойскаго военной помощи, такъ какъ предполагалъ, что запорожцы будутъ мстить ему за погибшихъ товарищей. Невзвѣстно, что происходило лѣтомъ

---

¹⁾ Челядь—это крѣпостные крестьяне, жившіе въ имѣніяхъ и исполнявшіе въ нихъ полевые работы.

1598 г., но въ августѣ соора между княземъ Вишневецкимъ и запорожцами „усмирилась“ („zawsie się usmierziło“), по выраженію епископа Верещинскаго. Князь Вишневецкій заключилъ съ ними миръ на слѣдующихъ предлагаемыхъ Верещинскимъ условіяхъ.

1) Вѣчный миръ не долженъ быть нарушаемъ ни одной изъ сторонъ; въ виду этого князь Вишневецкій возвращаетъ запорожцамъ то, что у нихъ отнято: муку, челян, и лошадей.

2) Родственники и овойственники убитыхъ Косинскаго, Шалевскаго, Снятовскаго и иныхъ имѣютъ право искать съ кн. Вишневецкаго судомъ вознагражденія за ихъ смерть.

3) Подстаросты и городничіе кн. Вишневецкаго не имѣютъ права отбирать въ пользу его, какъ старосты черкаскаго, имущества, остающагося послѣ смерти козацкихъ „товарищѣй“, но оно по праву законнаго наслѣдованія должно переходить къ ихъ женамъ, дѣтямъ и родственникамъ.

4) Козаки могутъ во всякое время приходить изъ Запорожя въ предѣлы подвѣдомственныхъ князю Вишневецкому старостѣ, но тѣ, которые прійдутъ, должны выбрать изъ своей среды одного старшаго, дабы онъ судилъ ихъ за проступки, учиненные въ границахъ старостѣ.

5) Всѣ тѣ козаки, которые въ теченіе времени, пока происходили смитенія, находились при князѣ Вишневецкомъ или въ рядахъ его войска, могутъ свободно какъ уходить на Запорожье, такъ и возвращаться въ староства, и за это не должны подвергаться никакому преслѣдованію или возмездію.

6) Если который нибудь „товарищъ“ изъ войска запорожскаго признаетъ свои вещи въ чьихъ либо рукахъ въ предѣлахъ старостѣ, таковой „товарищъ“ можетъ доказывать свое на нихъ право.¹⁾

---

¹⁾ См. Арх. юго-зап. Рос. Ч. III т. 1, 1868, стр. 81—82; Listy Stanisława Żółkiewskiego, 1858, str. 21—28; Joachima Bielskiego dalszy ciąg kroniki Polskiej, 1851, str. 188—191 и т. д. Лучшее изложеніе дѣла Косинскаго принадлежитъ покойному Іосифу Полле (Opowiadania historyczne. Serya VI, str. 43—108); въ сожалѣнію онъ безъ достаточныхъ основаній выставляетъ Косинскаго личнымъ врагомъ князя К. К. Острожскаго (стр. 86), а это даетъ дѣлу ложное освѣщеніе. Издаваемое нами письмо не было извѣстно г. Полле.

Надаваемый документъ чрезвычайно важенъ, какъ свидѣтельство компетентнаго лица о тѣхъ вопросахъ, которые волновали гдашнее запорожское козачество и были поставлены на разрѣшеніе при заключеніи имъ мира съ княземъ Александромъ Миловичемъ Вишневецкимъ.

II.

Письмо кіевскаго епископа Іосифа Веретинскаго къ канцлеру Янушайскому изъ Фастова (Новую Веретина) отъ 20 марта нов. ст. 1796 года.

Адресъ: Jasnio Wielmoznemu a mnie Mcziwemu Panu y dobrodzieiowi Jego mczki Panu, Panu Janowi Zamoyskiemu z Zamoscia kanczlerzowi i Hetmanowi korunnemu, Belskiemu, Malborskiemu, бергскому, Kniszynskiemu, Miedzyrzyczkiemu, Grodeczkiemu, Jawowskiemu, etc. etc. etc. Staroscie do rąk Jego mczki naliczy.

Jasnio Wielmożny a Mczciwy Panie Hetmanie Corrunny, Panie i Panie moy Miłosciwy.

Uniżone powolne służby moje w Mcziwą łaszkę wm. mogo Mcziwego Pana y dobrodzieia pilnie zalieczam etc.

Іъзъ шамъ w naszymъ краіу козачства сія околу двудзешту y пултускеца тysiacza namnożyло, ktorzy wielkie dokuki wzgľademъ żywnosci ludziomъ ubogimъ a obywatelomъ owychъ краіовъ do tychъ czasowъ czynią, a tbycъ ychъ żadną miarą niemozemъ.¹⁾ W czymъ moje zdanie іeszъ, aby ychъ J. K. M. Panъ нашъ Mczimy, бачъ за opatrzeniemъ ихъ Zadnieprszemъ,²⁾ бачъ тешъ на obietniczy ихъ słowemъ swymъ kroliewskiemъ napotymъ zach-

1) Интересное статистическое свидѣніе о томъ, сколько запорожцевъ паталось въ окрестностяхъ Флотова весной 1796 года: 20.500! Конечно, мнрныиъ жителямъ приходилось отъ нихъ солоно.

2) Перецкискому представилось удобнымъ поселить козаконъ за Днѣпромъ т. е. въ вышшнихъ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, такъ какъ въ то время мѣстности эти были еще совершенно пустыни.

wawszy, aby ych do ziem cudzych bez odwloki (oddawszy ym swiętą Kroliewską chorągiew przyskładem Swiętey pamieci krolia Stephana¹⁾) za ten chlieb, ktorego przesz ten czas w Panstwie J. K. M. z przyskrością zastywali, iso rozkazac raczył, bąć do Hord Tatarskich, bąć tesz do ziemie Moskiewskiey, gdzie by przysmierza statecznie nietrzymał, a Zadnieprza do koncza, iako poczał posiadać, wrocić niechciał. Owa racz W. M. iako moy Mcziwy Pan obmysliawao o tym, y zgoła włożył sie do J. K. M. iakoby iusz wienczey sie nam obywatelom ukraynnym bytnością swą kozaczy nieprzyskrasyli, alie y owszem aby posługę znaczną J. K. M. y Rzeczypospolitoy z niesmiertelną sławą J. K. M. Pana swego Mcziwego za tę winę w cudzych ziemiach uczynili, gdysz tesz y szami iakom z nich zrozumiał, tylko na roskazanie J. K. M. czoby czynić mieli czekaia. Jesliby sie thethy J. K. M. y wmcziom wszysztkiem Senatorom zdało za rzecz zdruzną, proszę racz wm. moy Mcziwy Pan niemieszkaiacz dniem y nocą dawac znac, bo ych czuie byc gotowych na wszelkie roskazanie J. K. M. Pana swego. W czym ych y szam iako canonikow swoych, na visitowanie Cara Precopskiego a Sufragana swego, iako według Zakonu chrcesciainskiego niezwiązczego (gdzieby nie zakrociło przysmierze) nietelo buntuię, alie tesz y thowarzysztwa ym bytnością swą za pozwolieniem J. K. M. Pana mego Milosciwego y benedictią J. M. X. Legata Oycza S. gotowem ieszt pomagać.²⁾ Unizenie przys tym prosząc wm. mego Mcziwego Pana o przyczynie do Jego M. X. Legata Oycza S. aby mie tesz z rąk swoych z osobna opatrzyć raczył chorągwią krszyzaczką według Reguły S. Mauricii et Lazari, gdysz to wybornie czuie isz mie pan Bog na ten swiat dla thego naywieczey wypuscic racze z zywota matki moiey, aby belo we mnie pochwalione Imie Pan Jezusza Christusza Zbawiciela swego y miedzy narodem Bisurman skiem, iaką pochwałę odnioś Pan a Zbawiciel nasz Jezusz Christu

¹⁾ См. выше, стр. 74.

²⁾ Борьба между католичеством и православием настолько слабо отразилась еще на пограничьи в самый год Врестского собора, что католический епископ считал возможным сопутствовать пованамъ въ ихъ набѣгъ на Крымъ, несмотря на то, что большая часть козаковъ наѣрное официально принадлежала къ православной церкви, хотя, быть можетъ, мало принята была религиозными чувствами.

dzcy ludem Israelskiem praze onego Slioporodzonego na tho zachod-
nego, ktorego ono raczel oswieció moczą Bostwa swego. A moznali
z, prozre, aby ta chorągiew od Jego mczi X. Legata bela
ryniesiona do mnie przesz Jego mczi Pana Prowane, ktory iest
ze Reguly iakysie domagam chorągwi od Jego mczi X. Legata,
zacz sobie abymi chciál pomocz thowarzystwa do Ordy, gdysz
na tho professowál, aby Pogany woiował, a chwałę Panską rozmna-

Ostatek zliczam poslanczowi memu z wm. mem Mcziwym
sem conferowác. Zaliezczaiycz sie przytytm milosciwey łascze wm.
go Mcziwego Pana y dobrodzicia. Data z nowego Wereszczyna
marcij Anno Domini 1596.

Waszoi Jaeny Wielmoznosc' pana i dobrodzicia mogo uprzeimyy
i aciel i gotowy sluga Joseph Wereszczynski z łaszki Bozoy Biskup
iowzki a Opath Sieciechowski ręką własną.

Prozre przty tym Mcziwy Panie o przyczyne do J. K. M. y
Jchmczi Panow Senatorow, zeby mie raczyli z milosciwey łasky
yi na tę przedsiwziętą drogę moie ratowác iakiem tysianczem
tych, gdysz iusz nierasz opieszalem sie stawam sluzacz namilszey
czyznie swey a za tho naygorzey mi sie ze wszystkich dzieie. Widze
prawdziwa iest ona Sententia: Qui omnibus servit, nemini servit.

Slie tesz wm. memu Mcziwemu Panu y Copia Uniwersalu na
hotniki do swoiowania Ord Poganskich, gdzieby tho przedsiwzicie
ie J. K. M. sie zdalo za zdrowe, prozre rasz wm. z milosciwey
ki swey daó powydrukowác do Drukarni J. K. M. y rusiátó to
edzy ludzmi iako Paterfamilias, a Jchmc. Duchowni zeby z milosciwey
ki swey miasto Donativi ustepuiacz na ten czas *ad cum solum actum*
erogatiw y wolnosci swych Duchownych, dignentur mittere opera-
is in mensem suam, poniewasz Czar Praecopski bendacz w mey
ociesicy Suffraganem moim nietylo mnie nie iest poslušny, alie y
zyszkitemu Chrszcianstwu iest z swymi owczami przeciwny, ktorego
trzeba ukroció kulami miasto słowa Bozego ołowianemi, y sablami
miasto sierpow ostremi. Czego Jchmc., zyczacz niesmiertelney sławy
wszysztkiego Chrszcianstwa, y przysługi u J. K. M. Pana swego
łosciwego Jch M. synowczom y siestrzenczom swoym, moga tego
zyszkitego dokazaó snadnie.

III.

*Универсалъ епископа Берестинскаго, признающей атоминское а
находъ противъ татаръ.*

Copia Universalu na ochotniki wabiącъ ie pod Choragiew Krzy-
zacką gdzie mi bendzie przesć ręce J. M. X. Legata Oycza S. a
za pozwoleniem J. K. M. Pana naszego na zbrzenie Ord Tatarskich
do rąk mych oddana.

Joseph Weresczynski z łaski Bozey Biskup Kyiowski a
Opat Sieciechowski.

Uprseyme chęnci swe y zyczliwosci Braterskie pilnie zalicza do
miłosciwych łask wm z winczowaniem wszego dobra od Pana Boga
wsechmogączego na czaszy niezamierzone etc.

Miłosciwi Panowie Bracia a zacnoi obywatele wszysztkiej Cor-
runy Polskiej, gdym u siebie często a gęsto uważał wielki skwir,
wielki płacz, wielkie narzekanie, y nieznośne bezsprawie, ktore odnosi
Corruna Polska, a Oyczyzna nasza miła bez winnosoi y przyszcyn
dania od sprosnych Pogan a naraczey Tatar bez przestanku, tak w
maietnosciach swych, iako tesz y w szamych osobach ludzi Chrsesci-
anskich, ktorych często a gęsto bez miary nietylo tysiącymi, alie y
po kiliadziesiątł tysienczy iednych łapaia, drugich morduia, y do wie-
zienia srogiego biorą, s ktorych potym handlie swoje rozmaite a
niemałą zelzywoscią Chrsescianską według dumy swey odprawia,
skąd znowu niemale uraganie Pan Christus w osobach ych odnosi nie-
ynaczey iedno iako na on czas odnosił czasu srogiey męki swey
od niezboznych Zydow: przetho ia czuiącъ sie byo nie telo prawym
Chrsescianinem albo sługą Bozym, ktemu nie wyrodkiem alie prawym
szynem Corrunnem do thego y Senatorem zacznego Kroliestwa Pol-
skiego, bendącъ zięty zalem wielkiem, ktemu nader bendącъ rozza-
liony przesć Pana Boga zastepow, umyslilem, za daniem mnie tako-
wego od Pana Boga sercza, sczytem byc Oyczyźnie swoiey miley od
tego sprosznego Poganstwa y drogi takowey szukac ze ym Pan Bog
przesć mie zetrze te pyśne rogi ktore nastoperoczyli przeciwo wier-
nym Panskiem. Gdysz tho wybornie czuię, isz mie Pan Bog na ten
Swiath dla thego naywięczey wypuscioć raczeł z zywota Matki moiey,
aby belo we mnie pochwalione imie Pana Jezusza Christusza zbawi-

ala swego y miedzy narodem Bisurmanskim, iaką pochwałę odniósł
an a zbawiciel nasz Jezus Christus miedzy ludem Israelskim prze-
wego alieporodzonego na tho zachowanego, którego ono raczeł oswie-
c moczą Bostwa swego, którą teaz tho moczą Bostwa swego tenze
an przesz mie służę swego takiesz na tho zachowanego te Ordy
starskie iako nieprzyciele wszystkiego Chrsescianstwa prsewieie,
rozmicze, odysz tho y czudowne urodzenie moie¹⁾ przeznaczyło,
zm się urodzić miał na pociechę Chrsescianską, a na hanbę Pogan-
st. Praetho moi Miłosciwi a łaskawi Panowie Bracia, kto sie poczuwa
mo byc Chrsescianinem y prawem szynem Korrunnem, a nie iest wy-
dkiem, alie prawem obywateliem Kroliestwa zacznego Polskiego,
zwolywam wasz pod chorągiew Krszyczaczką mnie przesz ręcze Jego
iczi X. Legata Oycza S. tudzies teaz za pozwoleniem J. K. M. Pana
aszego miłosciwego oddaną, a tho na wykonanie tey woliey Bozey
na zgubę y upadek wszystkich Ord Poganstwa sprosznego: na czo
isz mamy nienagorszy poczatek Woyszka Kozackiego w Xięstwie
tyiowskiem około dwudziestu y poltysocia tysiancza: ile ludzi tako-
tych którzy wiedzą w rzeczach Ryczerskich wszysztkie stuki y ku-
lszy²⁾ Poganские. W czym nicz nie wątpie, ze wm. zycząc sobie
lawy dobrej, która poniesie za sobą, nie telo przyszługę u Pana Boga

---

¹⁾ Въ брошюрі Publka, изданной въ 1894 г. въ Краковѣ, Верещинскій
мнѣ разсказываетъ объ обстоятельстве своемъ рожденія; „Какъ только я
мчался въ утробѣ матери моеѣ, сейчасъ же выступили очень густо кресты
в бѣль мнѣ родителей, не только на рубахахъ, но и на простыняхъ, и на
латкахъ; это могутъ добросовѣстно засвидѣтельствовать нѣкоторые люди въ
снѣгѣ Холмской, пріятеля моего дома, теперь еще находящіеся въ живыхъ.
ѣти кресты держались до самаго рожденія моего и послѣ рожденія до на-
тупленія семилѣтняго возраста. Когда я выходилъ на свѣтъ изъ утробы ма-
тери моеѣ, тогда всѣ домохадцы, находящіеся подъ кровлей того же дома,
слышали голосъ, сопровождаемый сильнымъ гуломъ; онъ произнесъ слѣ-
дующія слова: „Я посылаю его свѣту на утѣху хрстіанамъ и на позоръ
внчешамъ, а чтобы онъ исполнилъ волю Мою, даю ему крестъ, какъ эмблему
шцита.“ А родители мои часто и густо напоминали мнѣ о слышанномъ го-
лосѣ, вшитывая мнѣ въ сердце, чтобы я всегда не только сознавалъ умомъ,
но и чувствовалъ сердцемъ значеніе слышаннаго голоса, и чтобы я считалъ для
себя драгоценнымъ сокровищемъ кресты, густо разсыпанные по бѣлому бѣлью!“
Дж. Пісма polityczne Wereszozynskiego. Wyd. Turowskiego, 1858, str. 15—16.

²⁾ Stuki y kulasy—военныя хитрости и извороты.

wzechmogącego albo łaskę u J. K. M. Pana swego tudzież ten Bohomocztwo niesmierne u Chrześcianaństwa wszystkich, bondziecie sie do nowego Wereszczyna do mnie kupić czo napreczey, a zwłaszcza pro finali na dzień naliczenia S. Kraszya.¹⁾ Czo day Panie Boze abychmy sie czo napreczey skupili, a wasz zdrowi dobrze zdrowych oglądali, a potem za pomoczą Bożą kwyciestwo nad Ordami Poganskimi w tymze roku otrzymawszy, ze wszystkim Chrześcianaństwem Te Deum laudamus zaspiewali. Datha z nowego Wereszczyna 26 Martij Anno Domini 1596.

Wm. mym Mcziwym Panom Braciej waszego dobra zyczliwy y służyó gotowy

Idem qui supra.

IV.

Письмо Бартоша Верещинскаго²⁾ къ канцлеру Яну Замойскому и Фастова (Нового Верещина) отъ 15 апрѣля и. ст. 1601 г.

Адресъ: Jasnie Wielmoznemu panu Janowi Zamojskiemu canclerzowi y Hetmanowi pnu eta. etc. memu Mosiwemu Panu.

Mnie Mcziwy Panie.

Służby moie we wszem zyczliwe y powolne zalecam do Milosciwey łaski wm. mego mcziwego Pana eta. Iz mi iest na pamięci dobroy pisanie Jego Mczi Pana Chrzastowskiego³⁾ imieniem wm. mego mczwego pana do mnie. Abywm wm. wiadomem czynil y oznajnił

---

¹⁾ Inventio s. Crucis—8 мая нов. стѣля.

²⁾ Бартошъ Верещинскій—кажется, племянникъ епископа Верещинскаго; на документъ отъ 1 января 1598 г. (Арх. юго-зап. Рос. Ч. VI, т. 1, стр. 258—263) онъ подписался въ числѣ свидѣтелей: Бартошъ Верещинскій, староста ново-верещинскій.

³⁾ Хржонстовскій—старый слуга дома Замойскихъ, „gubernator i dozorca“ (управитель и надсмотрщикъ) обширнаго Шаргородскаго канцлерскаго мѣни. См. Иосифа Ролле, Zameczki Podolskie na kresach multińskich. Том III, 1880, стр. 290.

рады Козаків Запорозьких. Із ієст розноє мїєдзѣ нїмѣ. Чыніл радѣ Козакѣ¹⁾ тры кроцѣ а в тѣх тѣлох нїє позвалалї силѣ их на потребу Крѣла Јєго Мцї. Нїєспомїнаїя Інфлѣнт ієдно Свєцѣя, кторѣ сїє барзѣ боїя зєбы нїє былї завїєдзїєні на похїбіл. Јєдно сукна взіявшы у пїєніадзє ієд Запорохі. Луб тєз бєдѣ сукна або нїє бєдѣ, ієдно чєкаїя (по) слѣнцѣв свѣч,²⁾ ччѣя собїє нагродзїє змїє. . . . . із Запорохі. Чолнѣ сѣ іуѣ зготѣванѣ. . . . . ок гѣтуїя, тѣк тѣз борѣзно в бєцкї бѣячѣ силѣ их іуѣ понѣбыалї.³⁾ Јєслібы тѣз сукна тѣ прѣзшлї луб на чѣтѣры тѣсїячѣ луб на шєсѣ тѣк тѣз пїєніадзє іацѣ ччѣя мїєдзѣ сїє розєбрѣч, кторѣ былї Волѣзоцѣх на потребу⁴⁾ а на вїєцѣу Воїска нїє ччѣя дѣцѣ мїєніячѣ тѣк: „мы тоїє заслѣуылї, а друдѣзѣ нїєчѣяј собїє заслѣгуїя,⁵⁾ бо то мѣва Кусчѣяна бѣла в радзїє: „обїєчѣно пїєрвѣу хрѣсѣу у сукна на чѣтѣры тѣсїячѣ а тѣпєр на шѣст, тѣм лїпш, дѣлшѣу гї сукнї⁶⁾ бѣдѣм мїєтї.“ В тѣм оєтѣтѣк дѣбромѣ бѣчєнїєу вѣм. порѣчѣам. Гдзїєбы прѣдсїєвзїєчїє свєго нїє мѣглї прѣлѣомїє за пїєсанїм Крѣла Јєго Мцї луб тѣз вѣм. мѣго мїлѣсїєвѣго пѣна у послѣнцѣа кторѣ ма бѣує з сукнѣу у с пїєніадзѣмѣ од Крѣла Јєго мцї. Тѣдѣ умѣслнїє посылѣм слѣгѣу свєго до оєбѣу вѣм. мѣго Мїлѣсїєвѣго пѣна, почѣувѣя сїє бѣує сѣнѣм корѣннѣм у вїєрнѣм пѣдданѣм Крѣла Јєго мцї. Јєслібы то бѣла вѣла вѣм. прѣзшлѣцѣ мнїє чѣрѣгїєвѣ волѣнтѣрїєжскѣ луб тѣз лїєтѣ волѣнтѣрскїє дѣла звїєдзїєнїѣ лѣдзї Рѣцєрскїєх бо мїє ієх силѣ о то прѣсїлї, бѣм іѣ мѣгл мїєє од в. мцї, тѣк слѣхчїєвѣ силѣ.

1) Самуїлѣ Кошкѣ-рѣдомѣ, кажѣтѣя, іуѣ брѣдѣлѣвскїєх мѣлѣ вїєнїцнїєкїєх зємїяѣ Кошчїчѣй (ѣ нїх сѣм. ст. Нѣїманѣа вѣ Кїєвск. Стѣр. 1889 г., т. 25, стр. 582—587); стоїлѣ во глѣвѣ запорожскѣго воїска сѣ лѣта 1600 г. до фѣврѣла 1602 г.; бѣлѣ стрѣнїтѣлѣмѣ цѣркѣнї Нїколѣя Дѣбрѣго вѣ Кїєвѣ на Пѣдолѣ (Петрѣвѣ, Очѣрѣкї дрѣвнѣго Кїєвѣа, К. 1897, стр. 201).

2) Послѣнцѣмѣ єтїє прѣрѣчїєслѣнѣ вѣ пїєсѣмѣ Самуїлѣа Кошкѣа іуѣ Янѣу Замоїєскѣму іуѣ Бїлѣй Цѣркѣнї отѣ 22 янѣварѣ 1601 г.:—Іванѣ Рѣдкѣвїчѣ, Андрѣї Комїшѣнїє іуѣ Іванѣ Макарѣвїчѣ. *Listy Żółk. str. 109.*

3) Інтерѣєснѣє свїєдѣтѣлѣство о томѣ, чѣто мѣку на Запорожѣ дѣєтѣвїлѣ іуѣ бѣчѣлѣхѣ.

4) Похѣдѣ вѣ Молдавїю вѣ 1600 г. бѣлѣ прѣдпрїєвѣтѣ канцїлѣромѣ Янѣмѣ Замоїєскїємѣ дѣлѣ возстѣновлѣнїѣа на молдавскѣмѣ прѣєстѣлѣ Ієрѣмїє Мѣгїлѣмѣ, свѣргнѣутѣго бѣлѣлїєскїємѣ гѣєспѣдѣрѣмѣ Мїхѣлѣмѣ ІІ Хрѣбрѣмѣ. Орѣшѣвскїє іуѣ Кошкѣа сѣ запорожцѣмѣ учѣєстѣвовалї, какѣ мы знѣємѣ (вїшѣ, стр. 204), іуѣ єтѣмѣ похѣдѣ. Сѣм. С. Гѣлубѣна, Пѣтрѣ Мѣгїлѣа, т. 1, К. 1883, стр. 41, прїєм. 85.

5) Сукнѣа—кафтѣнѣ.

iak też ludzi Ukrainnych y kozaków Zaporoskich niemalo. A nasna-
czye dla skupienia ludzi Rycerskich mieisce (w)sakoz niedlugi czas
bo to prętką potrzeba przypada. Do tego też list od osoby wm. wiado-
mem czyniąc mie, sługi swego, iż idę na potrzebę. . . . Jego Krolew-
skiej Męci y Rzeczy pospolitej. . . . . Krolewskich xiężych y slache-
ckich nam żywność była dawana. Przestrzegac tego będę żeby zadnych
zbytkow nie bylo, bo będę miał lud przebrany, nie będę przymował
szuie poputnej.¹⁾ Do tego też proszę do spraw prawnych o dwa Exem-
pti ieden do Polski a drugi na Ukrainę y o list wyznany od w.
męci mego Miłosciwego Pana zem był na potrzebie Jego Krolewskiej
Męci w Wołoszech.²⁾ Lubom Exempti od wm. mego Miłosciwego pana
pokazał przez prokuratora,³⁾ przed się mi sąd roskazał abym pokazał
list od osoby wm. mego Miłosciwego Pana zem był na potrzebie Jego
Krolewskiej Męci y Rzeczy pospolitey w Wołoszech na przyszli roki
Ziemskie Owruckie, a przysli byli w Owruczym na S. Michał a w
niebytności mey położono pozew na mię. Przytem się łasce wm. mego
Miłosciwego pana poruczam. Dan w nowym Wereszczynie die 15 April.
Anno Dni 1601.

W. m. memu miłosciwemu panu wszego dobrego ziczę

Bartosz Wereszczinskj

ręką szwą.

Къ письму приложена печать съ изображеніемъ герба: Трзъ
wтęбу и по сторонамъ его инициаловъ автора письма: В. W.

. . . . .

Издаваемое письмо освѣщаетъ намъ интересный моментъ въ
исторіи Войска Запорозкаго, когда оно, только-что скончивъ уча-
стіе въ молдавскомъ походѣ, предпринятомъ канцлеромъ Замой-
скимъ противъ Михаила Храбраго, расположилось зимовать въ
Вѣлоѣ Церкви, по пути въ излюбленное Запорожье, и колебалось,

¹⁾ Szula poputna—придорожная сволочь.

²⁾ Бартошъ Верещинскій участвовалъ въ молдавскомъ походѣ Замойскаго.

³⁾ Prokurator—повѣренный въ дѣлахъ, уполномоченный, защитникъ

принять ли ему новое предложение канцлера Замойскаго о походе въ „Инфлянты“ (нынешнія губерніи Эстляндская и Лифляндская съ западною частью Витебской) противъ вторгнувшагося въ пределы этой области шведскаго принца Карла Зудерманландскаго, или отъ него отказаться. Повидимому, канцлеръ предполагалъ привлечь на службу противъ шведовъ не менѣе шести тысячъ человекъ запорожцевъ и для возбужденія въ нихъ охоты къ поступленію на королевскую службу послалъ денегъ и суконъ по такому расчету, чтобы тѣхъ и другихъ хватило на шесть тысячъ душъ. Во главѣ запорожцевъ стоялъ въ это время гетманъ Самуилъ Кошка. Мы знаемъ, какъ въ іюлѣ и августѣ 1600 г. Кошка и Орышовскій вели Запорожское Войско изъ Сѣчи на лодкахъ вверхъ по Днѣпру до Канева, а затѣмъ пѣшкомъ изъ Канева въ Каменецъ-Подольскій и дальше въ Сучаву (см. выше, стр. 264). 19 октября и. ст. 1600 г. Михаилъ Храбрый былъ разбитъ соединенными ополченіями Замойскаго и Іероми Могилы на р. Телеайну (см. Хѣпороі, I, р. 891) въ Валахія и козаки получили возможность отправиться на зимовку въ Вѣлую Церковь. Слѣдить за ихъ „радами“ (совѣщаніями) долженъ былъ, по порученію Хржонстовскаго, Бартошъ Верещинскій, самъ—участникъ молдавскаго похода, жившій въ Фастовѣ. Замойскій имѣлъ намѣреніе раздать деньги и сукна только тѣмъ козакамъ, которые сдѣлали уже молдавскій походъ и затѣмъ выразили согласіе двинуться противъ шведовъ, но сами козаки представляли себѣ дѣло иначе: они желали думать, что деньги и сукна розданы будутъ исключительно участникамъ молдавскаго похода, но безъ всякой оговорки относительно согласія ихъ предпринять инфлянтскій походъ. Вотъ почему они, по словамъ Верещинскаго, говорили: „Мы тое заслужили, а други нехай собѣ заслугуютъ!“ Козаки полагали, что, получивши заслуженное, они имѣютъ полное право отказаться отъ похода въ „Инфлянты“ и уйти на Запорожье. Такъ понималъ дѣло и гетманъ Кошка. Приводимыя Верещинскимъ слова его: „Объщано первѣе грошей и сукна на четыре тысячи, а теперъ на шесть, тѣмъ лишшъ, долшны сукни будемъ мѣти“ имѣютъ такой смыслъ: „намъ пришлютъ денегъ и суконъ на шесть тысячъ человекъ, а не на четыре тысячи участниковъ молдавскаго похода; тѣмъ лучше: мы будемъ имѣть болѣе длинные кафтаны!“ Такимъ образомъ и самъ запо-

рожскій гетманъ былъ того мнѣнія, что полученіе денегъ и суконъ нисколько не обязываетъ запорожцевъ непремѣнно идти противъ шведовъ. Въ виду этого между запорожцами не было единомыслія. Нѣкоторые козаки по полученіи денегъ и суконъ соглашались идти въ „Инфлянты,“ но большинство вслѣдъ за Кошкой было противнаго мнѣнія, и намѣревалось, получивши отъ Замойскаго деньги и сукна, съ наступленіемъ весны запастись мукой, сѣсть въ лодки и отплыть внизъ по Дуѣпру на Запорожье. Изъ письма Самуила Кошки къ Яну Замоискому отъ 22 января н. ст. 1601 г. изъ Бѣлой Цѣрки видно, что козаки ставили канцлеру нѣкоторыя условія, при исполненіи которыхъ съ его стороны они соглашались идти въ „Инфлянты“ противъ шведовъ; они просили: 1) чтобы жалованье (sold) уплачивалось имъ болѣе аккуратно; 2) чтобы имущество, остающееся послѣ смерти козака, не считалось выморочнымъ и подлежащимъ поступленію въ казну, а доставалось ближайшему его товарищу или пріятелю; 3) чтобы при козацкомъ войскѣ во время похода постоянно состоялъ королевскій чиновникъ для защиты козаковъ отъ притѣсненій со стороны „уридовъ“ (властоѣ); 4) чтобы козаки судились за свои проступки своимъ „старшимъ“ (старшиною) или королевскимъ комиссаромъ; 5) чтобы городскія власти не притѣсняли козаковъ, когда они будутъ входить въ города; 6) чтобы съ козаковъ снята была банницін, наложенная на нихъ сеймомъ 1593 г. (Vol. leg. II, 344); 7) чтобы козакамъ отданъ былъ вновь Трахтемировъ (королевское имѣніе) для тѣхъ цѣлей, для какихъ предназначилъ его король Стефанъ (см. выше, стр. 74). Возможно, что Замоискій обѣщалъ исполнить желанія козаковъ; они являлись повтореніемъ тѣхъ требованій, какія были предъявлены козаками въ 1593 г. при заключеніи мира съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Вишневецкимъ. Какъ бы то ни было, настроеніе запорожцевъ измѣнилось, они подъ предводительствомъ Кошки отправились въ „Инфлянты“ и сражались тамъ со шведами въ рядахъ польскихъ войскъ. Они терпѣли при этомъ страшные недостатки, въ особенности, когда наступила зима 1601 — 1602 года, какъ это мы знаемъ изъ писемъ Самуила Кошки къ Яну Замоискому отъ 1 и 23 декабря 1601 г. и отъ 2 и 18 января 1602 г.¹⁾ Сначала козаки про-

¹⁾ См. Listy Żółkiewskiego, 1868, №№ 82, 83, 84 и 85.

сли перемѣстятъ ихъ въ болѣе обильный съѣстными припасами край („паш гозказао яебушту w iakim ziapem kraiu stapely“), чѣмъ тѣ окрестности м. Эрмеса (нынѣ Валескаго у.) и м. Рингена (нынѣ Юрьевскаго [Дерптскаго] у.), гдѣ они пропадали отъ холода и голода, а потомъ взбунтовались и рѣшили вернуться домой на Запорожье. Самуилъ Кошка не рѣшался ихъ удерживать и даже выражалъ опасеніе, какъ бы озлобленные козаки не побили его камнями (ukam:epowaly). Не сбылось ли его опасеніе? Письмо отъ 18 января 1602 г.— послѣдній документъ, гдѣ встрѣчается его имя; съ той поры оно исчезло изъ жизни навѣки... Въ Боркулабовской Хроникѣ находимъ извѣстіе, подтверждающее наше предположеніе: „Тамъ же (т. е. въ Инфлянтахъ) *того Самуила убито*, а поховано у Києва“ — вѣроятно, въ построенной Кошкою церкви Николая Добраго (см. Кулишъ, Матер. для ист. возз. Руси, т. I, 1877, стр. 77).

Дополненія и поправки.

1) Стр. 17, строка 4 снизу.—Сказано: „въ русскомъ языкѣ память объ этомъ чиновникѣ осталась въ словѣ *арма*, *армиска*, что значило: низшій полицейскій чинъ.“ Къ этому слѣдуетъ добавить: „въ томъ же смыслѣ употреблено это слово въ думѣ „о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи“:

— Панове-молодци! добре дбайте,
Всѣхъ у Чорное море бросайте,
Тильки Ляха-Бутурлака не рубайте,
Между військомъ *для порядку за ярызу військвою* зоставляйте!—
Тогди козаки добре малы:
Всѣхъ Туркивъ у Чорное море пометалы,
Тильки Ляха-Бутурлака не зрубалы,—
Между військомъ *для порядку за ярызу військвою* зоставлялы.
Ляхъ-Бутурлакъ (потурнакъ?) былъ оставленъ въ живыхъ для наблюденія за порядкомъ въ качествѣ военно-полицейской власти. См. Истор. пѣсни малор. народа, т. I, К. 1874, стр. 215.

2) Стр. 31, строка 2 снизу.—Въ новой книгѣ Людвика Боратынскаго „*Stefan Batory i Plan ligi przeciw Turkom (1576—1584)*“, w Krakowie 1903, одѣлавшейся намъ извѣстною послѣ отпечатанія нашего труда, высказаны положенія, совершенно сходныя съ нашими: „*Przyjaźń tedy turecka w pierwszej linii obok innych względów utorowała drogę do tronu polskiego Batoremu*“... „*Zdecydowały się ubiegać o koronę polską, oddaje się na razie zupełnie pod opiekę Porty i o każdym kroku ją uwiadamia*“ (Стр. 12—13). Въ прим. 1 на стр. 13 приведены многочисленныя доказательства изъ современныхъ документовъ.

3) Стр. 41, строка 2 сверху.—Вмѣсто: „съ конемъ-иноходцемъ“ слѣдуетъ читать: „съ конемъ-аргамакомъ“ (въ подлин. в koniém Hromiakom). О словѣ *hromak*, *hromiak* см. выше, стр. 224.

---

4) Стр. 62, строка 9 сверху.—Любопытно, что въ сосѣдной Чехіи распоряженіе Ваторія о казни Подковы тоже объясняли какъ уступку его давленію турецкаго правительства. Николаѣй Дачицкій въ Геслова говоритъ въ своихъ памятныхъ запискахъ: „Стефанъ Ваторій повелѣлъ казнить Ивана, называемаго Подковою, гетмана козаковъ (*hejtmana Kozákuov*), мужа великой силы; онъ якобы переламывалъ голыми руками жолѣзныя конскія подковы. Причиною казни этого Подковы было то, что онъ со своими козаками очень вредилъ туркамъ, чѣмъ озлобилъ противъ себя турецкаго императора, который потребовалъ отъ польскаго короля или выдачи, или казни Подковы; такъ и сталося по его желанію, ибо въ противномъ случаѣ онъ грозилъ королю нарушеніемъ поремиріа!“ (См. *Paměti Dačického. Svaz. I. K vyd. upr. A. Rezek, V Praze 1878, str. 160—161.*

---

5) Стр. 89, строка 10 снизу.—Въ новой книгѣ Л. Боратынскаго „*Stefan Batory i Plan ligi*“ etc. находимъ свѣдѣніе (стр. 84, прим. 4), что „освобожденіе татарскихъ царевичей изъ козацкихъ рукъ стоило королю много тысячъ дукатовъ“ и что лѣтомъ 1582 года королевскій посолъ Іеронимъ Филиповскій, ѣхавшій въ Константинополь на торжество обрѣзанія первороднаго сына турецкаго султана, отвезъ татарскихъ царевичей въ подарокъ послѣднему.

---

6) Стр. 100, строка 8 снизу.—Съ 1579 по 1604 г. старостою брацлавскимъ и винницкимъ былъ Юрій Струсь. См. Папроцкаго *Herby gus. pol., wyd. Turowskiego, 1868, str. 687; Киев. Стар. 1889, т. 25, стр. 533, прим.*

---

7) Стр. 189, строка 17 сверху.—Въ доказательство того, что фамилія „Ватура“ нами не выдумана, а дѣйствительно существовала въ XVI вѣкѣ, приводимъ слѣдующее мѣсто изъ „Древняго

помянника Кіево-Печерокой лавры^а, наданнаго проф. С. Т. Гобовымъ въ приложеніи къ кн. VI Чтеній въ нот. общ. Неот. Л (1892): „[Жихоря. іо. Феодора. Батура невіддають имъ именъ колися довіддають тогды их уппшут]. іо. Феодора. Батуру.“ Стр.

---

8) Стр. 151, строка 9 сверху.—Въ наданныхъ С.-Петербургса Археографической Комиссіей подъ редакціей П. А. Гильдебранд „Старинныхъ описяхъ Литовской метрики“ (Лѣтопись занят выпускъ 11-ый, 1903) слово „бурсникъ“ употреблено слѣдующимъ образомъ: „Въ понеделокъ, вилею Трохъ Кролевъ, под лет Б Нарож ѿѿ и чотырдесятаго (1540) году, мсца ген 7 (5) донь, пидикть 71 (18). Вырокъ мещанну Витебъокому Гуречъку Наумо сыну Кузапову зъ мещаны Витебъскими Деменьтеемъ Ескови синомъ Чоглосвичомъ и бурсникомъ ого Васкомъ Грядковимъ синомъ о должъ въ пятьдесят копъ грошей шырокое личъбы.“ (Стр. 2) Редакторъ переводить: *бурсникъ*—товарищъ (стр. 176).

---

9) Стр. 264, строка 17 сверху.—Вмѣсто словъ: „противъ 1 рокъ“ должно быть: „противъ Михаила II Храбраго, господа валашскаго, изгнавшаго Іеремію Могилу изъ Молдавіи и объеднившаго на короткое время Валахію, Молдавію и Трансильванію подъ своею властью“; затѣмъ должна быть ссылка: „См. А.—Хѣнопол, Histoire des Roumains de la Dacie Trajane, t. I, Pa 1896, p. 376—379.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
65	17 сверху	1587	1578
94	6 снизу	2 октября	4 октября
101	5 снизу	insurgionis	insurgionis
272	7 снизу	что	чтобы

I 74 AA A 20 P - 1

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 04764 2080

